Резанов
Немецкое
шпионство
Пг., 1915

ИМЛ — Библиотека
ВЕ305
Р482
Зак. 132

А. С. Резановъ,
Помощникъ Военнаго Прокурора.

BE 305
P 482

Нѣмецкое шпіонство.

(Книга составлена по даннымъ судебной практики и другимъ источникамъ).

„Deutschland über alles".

Цѣна 1 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе М. А. Суворина.
1915.

М/41899

40/49

14

А. С. Резановъ,
Помощникъ Военнаго Прокурора.

Нѣмецкое шпіонство.

(Книга составлена по даннымъ судебной практики и другимъ источникамъ).

„Deutschland über alles".

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе М. А. Суворина.
1915.

3 XY

BE 305 P
P 482

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

77-99
38

229960

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., д. № 8.

Оглавленіе.

Стр.

Отъ автора. V

ГЛАВА I.

Развитіе шпіонства отъ начала прошлаго столѣтія до нашихъ дней. (Историко-юридическое изслѣдованіе). 1

Законодательные памятники отъ 1810 года по 1911 г.— Актъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 1911 г.— Англійскій законъ 1911 г.—Русскій законъ 5 Іюля 1912 г.— Германскій законъ 1914 г. (по проекту). — Австрійскій законъ 1914 г. (по проекту).

ГЛАВА II.

Военная тайна въ жизни, въ законѣ и въ судебной практикѣ. 42

ГЛАВА III.

Задачи нѣмецкаго шпіонства 61

Пангерманизмъ. — Ближайшія цѣли нѣмецкаго шпіонства. — Служба связи. — Сюрпризы нѣмецкаго шпіонства.

ГЛАВА IV.

Агенты нѣмецкаго шпіонства 98

Вербовка шпіоновъ. — Личности нѣмецкихъ шпіоновъ. — Женщины-шпіонки.—Какъ работаютъ шпіоны.

ГЛАВА V.

Печать и нѣмецкое шпіонство 149

Печать и военная тайна.—Газетный шпіонажъ нѣмцевъ.

ГЛАВА VI.

Шпіонство и радикализмъ 174

ГЛАВА VII.

Нѣмецкій шпіонажъ и нѣмецкая промышленность 191

ГЛАВА VIII.

Нѣмцы въ Россіи 210
Пангерманизмъ въ Россіи.—Нѣмцы-колонисты.—Балты.

ГЛАВА IX.

Изъ дневника шпіона 265

ГЛАВА X.

Шпіонскіе процессы въ Германіи 279
Арестъ въ Эйдкуненѣ г. Фалька.—Дѣло капитана Костевича.—Дѣло Богатскаго.

ГЛАВА XI.

Шпіонскіе процессы въ Австріи 304
Арестъ г. Алехина.—Дѣло отставного штабсъ-капитана Мурмана.—Дѣло Дырча и Міодрговича.

ГЛАВА XII.

Наша безпечность 324

ОТЪ АВТОРА.

Мы сознаемъ, что книгѣ нашей надлежало появиться значительно раньше, чѣмъ мы это дѣлаемъ, но промедленіе произошло не по нашей винѣ. Изслѣдованіе о нѣмецкомъ шпіонствѣ написано нами около трехъ лѣтъ назадъ и, однако, по нѣкоторымъ причинамъ, до сего дня не имѣло возможности увидѣть свѣтъ. Въ это время разразилась война, вскрывшая тайники нѣмецкаго шпіонства и мы узрѣли «кайзера безъ маски», — этого верховнаго руководителя германскаго шпіонажа. Всѣ отмѣченныя обстоятельства заставили насъ значительно передѣлать нѣкоторыя главы книги, другія главы написать почти вновь, такъ какъ мы рѣшили, съ одной стороны, пополнить изслѣдованіе возмутительными фактами нѣмецкаго предательства, всплывшаго наружу лишь благодаря кровавой трагедіи, поглотившей народы Европы по прихоти германскаго императора, съ другой стороны, послѣдовавшій разрывъ дипломатическихъ сношеній далъ намъ право говорить болѣе откровенно, чѣмъ то могли мы сдѣлать въ отношеніи «дружественной» державы и ея повелителя.

Всѣ сюрпризы нѣмецкаго шпіонства послѣдняго времени не только не опровергли нашихъ воззрѣній на задачи и средства, преслѣдуемыя имъ, но еще болѣе убѣ-

дили насъ въ правотѣ тѣхъ мыслей, которыя мы высказывали уже нѣсколько лѣтъ на страницахъ общей и военной прессы. Мы не ошибались, утверждая, что нити германскаго шпіонства опутали всѣ области жизни этого народа: политику, право, науку, промышленность. Предлагая вниманію русскаго общества наше изслѣдованіе, явившееся плодомъ изученія свыше ста шпіонскихъ дѣлъ,—изъ коихъ болѣе трети мы проводили въ качествѣ лица военно-прокурорскаго надзора, а съ остальными имѣли возможность познакомиться, занимаясь въ комиссіи по выработкѣ закона 5 іюля 1912 года о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства, — мы смѣемъ надѣяться, что для будущихъ русско-нѣмецкихъ отношеній, построенныхъ уже на иныхъ началахъ, нашъ посильный трудъ не пройдетъ безслѣдно, но послужитъ напоминаніемъ русскимъ людямъ о той лжи, лицемѣріи и обманѣ, которые вскормили прусскій милитаризмъ. Русскій народъ великъ и благороденъ. Его умъ часто не могъ допустить возможности тѣхъ козней, которыя, подъ личиною полной доброжелательности, строили слуги германскаго императора. Однако, идущая война оголила душу нѣмца, на днѣ которой таятся злоба, жестокость, обманъ и предательство. Мы, русскіе, никогда не должны забывать, что вся политическая этика нѣмцевъ вылилась въ національную заповѣдь: «Deutschland über alles»!

А. Резановъ.

15 Апрѣля 1915 г.
Петроградъ.

НѢМЕЦКОЕ ШПІОНСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Развитіе шпіонства отъ начала прошлаго столѣтія до нашихъ дней.

(Историко-юридическое изслѣдованіе).

Наше время — время вооруженнаго мира и постоянныхъ стремленій цивилизованныхъ государствъ превзойти другъ друга военнымъ могуществомъ, не обнаруживая преждевременно своихъ собственныхъ приготовленій—вызвало небывалое ранѣе развитіе шпіонства, такъ какъ, при современномъ положеніи военнаго дѣла и военной техники, заблаговременное изученіе военной обороны и вооруженныхъ силъ возможнаго противника пріобрѣло исключительно важное значеніе.

Въ виду сказаннаго нами, шпіонство нынѣ утратило свой прежній, по преимуществу случайный характеръ, а приняло постоянную и сложную организацію, имѣющую цѣлью систематическое добываніе самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о состояніи вооруженныхъ силъ и военной обороны иностранныхъ государствъ.

Измѣненія въ постановкѣ шпіонства шли соотвѣтственно требованіямъ повышавшихся въ своемъ значеніи военныхъ интересовъ.

Дабы изслѣдовать тѣ глубокія измѣненія, которыя произошли со временъ Наполеона I-го въ организаціи шпіонства, мы не имѣетъ фактическаго матеріала, почему восполнимъ этотъ пробѣлъ, обратившись къ законодательнымъ памятникамъ.

Законъ есть отраженіе жизни, и разсматривая его формулы за извѣстный періодъ времени, мы ясно составимъ себѣ понятіе, какъ смотрѣли его современники на данное явленіе. Въ вопросѣ о шпіонствѣ законодательство европейскихъ государствъ также отразило на себѣ отмѣченную выше эволюцію. Вся исторія развитія законодательствъ по борьбѣ съ шпіонствомъ указываетъ на стремленіе законодателя, подъ давленіемъ дѣйствительныхъ фактовъ, ограничивать область свѣдѣній, доступныхъ къ свободному обращенію въ широкой публикѣ, и расширить кругъ лицъ, подлежащихъ отвѣтственности за разглашеніе этихъ свѣдѣній.

Древнѣйшій, изъ дѣйствующихъ нынѣ европейскихъ законодательныхъ сборниковъ, code pénal, предусматривалъ выдачу государственныхъ и военныхъ тайнъ лишь должностными лицами, слишкомъ суживая при этомъ область воспрещенныхъ къ разглашенію свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, за сообщеніе военныхъ тайнъ виновный подлежалъ отвѣтственности въ томъ лишь случаѣ, если передалъ свѣдѣнія, перечисленныя закономъ исчерпывающимъ образомъ.

Короче, code pénal (art. 80 и 81) воспрещалъ передачу государственныхъ и военныхъ тайнъ исключительно лишь агентамъ иностранной державы или непріятеля, что, конечно, значительно затрудняло борьбу со шпіонствомъ, такъ какъ всегда существуетъ значительное количество тайныхъ агентовъ иностраннаго государства, между тѣмъ какъ доказать эту преступную связь не представляется возможнымъ. Государственной тайной code pénal (art. 80) объявлялъ тайну переговоровъ (négociations) и предпріятій (expéditions); понятіе же военной тайны (art. 81) ограничивалось только перечисленными въ законѣ планами, гдѣ упоминались планы укрѣпленій, арсеналовъ, портовъ или рейдовъ.

Отвѣтственности за выдачу *государственной тайны* агентамъ иностранной державы подлежало отнюдь не каждое лицо, совершившее эту выдачу, а лишь всякое должностное лицо, всякій агентъ правительства или всякое иное лицо, которое

ознакомилось съ тайнами, будучи оффиціально, или въ силу своего положенія, поставлено въ извѣстность объ упомянутыхъ выше государственныхъ тайнахъ. Въ случаѣ же передачи *военной тайны*, отвѣтственности подлежало всякое должностное лицо, всякій агентъ правительства и всякое приставленное имъ лицо, которое было обязано своей службой къ охраненію сихъ тайнъ. Всѣ же прочія лица подлежали отвѣтственности за выдачу плановъ непріятелю или агенту иностранной державы только въ томъ случаѣ (art. 82), когда завладѣвали ими путемъ подкупа, обмана или насилія. Наказаніе значительно понижалось, если выдавшій получилъ планы, «не прибѣгая для этого къ предосудительнымъ способамъ» (art. 82, p. 2).

Очевидно, при такихъ условіяхъ нѣмцы могли почти безпрепятственно вести свою развѣдку во Франціи и, дѣйствительно, не задолго до Франко-Прусской войны, они организовали тамъ систематическій шпіонажъ [1]).

Французскія власти не замѣтили эту подпольную работу нѣмецкихъ агентовъ до войны, не обращали на нее должнаго вниманія нѣкоторое время послѣ своего разгрома и только 18-го апрѣля 1886 года былъ изданъ новый болѣе совершенный и дѣйствительный законъ, устанавливающій наказанія за шпіонство.

Законъ 1886 года, нынѣ дѣйствующій, послужилъ образцомъ для законодательствъ другихъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ и для нашего закона 20-го апрѣля 1892 года. Разсмотрѣнъ онъ будетъ ниже.

Нѣмцы, при составленіи германскаго уголовнаго уложенія 1870 года, очевидно, принимали во вниманіе только свою практику, такъ какъ французскіе шпіоны врядъ ли могли имъ дать много поучительнаго матеріала, въ виду того, что «во

---

[1]) Родленъ относитъ начало нѣмецкаго шпіонства во Франціи къ 1868 году (см. „Военно-развѣд. служба въ мирное и военное время“, стр. 24), а Ленуаръ („Нѣмецкое шпіонство во Франціи“, стр. 29 и сл.)— къ 1866 году.

Франціи правильная организація военно-развѣдывательнаго дѣла существуетъ лишь со времени войны 1870 года» [2]).

Постановленія германскаго уголовнаго уложенія для насъ весьма интересны, ибо, сравнивая ихъ съ позднѣйшими германскими законоположеніями по тому же поводу, мы составимъ себѣ ясное понятіе объ измѣненіи германскихъ идей по затронутому вопросу, а также о германской системѣ шпіонства въ ея существенныхъ чертахъ.

Германскій законъ 1870 года, хотя совершеннѣе французскаго code pénal, но все же еще значительно ограничиваетъ понятіе государственной измѣны путемъ выдачи военныхъ и государственныхъ тайнъ.

Согласно п. 1, § 92 этого уложенія, наказуемымъ объявляется сообщеніе другому правительству или опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе государственныхъ тайнъ, плановъ крѣпостей или такихъ документовъ, актовъ или свѣдѣній, относительно которыхъ виновный *зналъ*, что сохраненіе ихъ въ тайнѣ отъ другихъ правительствъ необходимо для блага германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Такимъ образомъ, по точному смыслу этого постановленія, виновнымъ въ сообщеніи или опубликованіи секретныхъ свѣдѣній можетъ быть всякое лицо, а не только должностное, но для этого необходимо, во-первыхъ, чтобы виновный зналъ, что онъ передаетъ иностранному правительству секретныя для него свѣдѣнія, и, во-вторыхъ, чтобы онъ сознавалъ, что сохраненіе въ тайнѣ этихъ свѣдѣній требуется благомъ германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Изъ приведеннаго закона видно, что отъ его уголовной кары, подобно code pénal, ускользала вся шпіонская, въ тѣсномъ смыслѣ слова, дѣятельность, т. е. собираніе, храненіе и размноженіе секретныхъ свѣдѣній, а равно злонамѣренное проникновеніе въ укрѣпленныя мѣста. Это обстоятельство, казалось бы, можно объяснить тѣми соображеніями, что въ то

---

[2]) Ролленъ, ук. соч. стр. 23.

время германскіе шпіоны во Франціи не встрѣчали большихъ затрудненій при выполненіи своихъ преступныхъ замысловъ, въ силу чего германскіе законодатели не обладали надлежащимъ фактическимъ матеріаломъ въ совершенно новомъ вопросѣ; съ другой стороны, германская развѣдка не сложилась еще въ стройную систему, какъ теперь и, наконецъ, сама Германія не ощущала необходимости въ принятіи предупредительныхъ мѣръ отъ нашествія иностранныхъ шпіоновъ.

Послѣ франко-прусской войны, европейскія государства, какъ никогда до того времени, начали лихорадочно вооружаться, стараясь обогнать другъ друга могуществомъ своихъ крѣпостей, совершенствомъ ружья и орудій.

При этихъ условіяхъ приблизительное равенство въ вооруженіи европейскихъ армій значительно поколебалось и на первый планъ выступило значеніе техническихъ средствъ веденія войны. Къ сказанному необходимо еще добавить, что численность и качественный составъ самихъ армій также подверглись большимъ измѣненіямъ. Въ виду приведенныхъ выше соображеній, европейскія правительства, чтобы не потерять значенія въ международномъ концертѣ и обезопасить свое положеніе среди другихъ государствъ, нынѣ должны быть въ курсѣ всѣхъ измѣненій въ области военнаго дѣла возможнаго врага.

Конечно, чтобы обладать преимуществами въ будущей войнѣ, государства заинтересованы были скрывать, до поры до времени, вводимыя у себя измѣненія въ вооруженіи, организаціи, численности войскъ и т. д. При современномъ положеніи военнаго искусства упущенія мирнаго времени, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уже непоправимы во время войны. Вотъ почему, для учета силъ противника, военныя власти должны заблаговременно и постоянно изучать его, что требуетъ огромной массы свѣдѣній, раздобыть которыя не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ.

Всѣ эти явленія европейской жизни вызвали небывалое развитіе шпіонства, измѣнили его организацію, а равно и

цѣли, преслѣдуемыя имъ. Въ старое время шпіоны начинали шевелиться лишь въ предвидѣніи войны, когда грозовыя тучи показывались на политическомъ горизонтѣ, вслѣдствіе чего въ обязанность имъ, главнымъ образомъ, вмѣнялось разузнаваніе дѣйствительныхъ замысловъ даннаго правительства по вопросу о вѣроятіи вооруженнаго столкновенія.

Современное шпіонство не можетъ ограничиться столь тѣсными и опредѣленными заданіями. Теперь шпіонъ во многихъ случаяхъ долженъ самъ разбираться въ относительной цѣнности видѣнныхъ имъ фактовъ, и, въ большинствѣ случаевъ, ему вмѣняется въ обязанность доставлять всѣ свѣдѣнія, касающіяся военнаго дѣла, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, не разсматривая ихъ съ точки зрѣнія военной цѣнности (нѣмецкая система).

Такъ какъ наибольшее обостреніе послѣ войны 1870—71 годовъ существовало между Франціей и Германіей, то, естественно, что именно въ этихъ странахъ наиболѣе работали шпіоны, а въ виду того, что Германія уже имѣла новый законъ, то измѣнившаяся практика ея шпіонства должна была вызвать со стороны французовъ измѣненія предупредительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ народившимся зломъ.

И дѣйствительно, въ 1886 году во Франціи былъ изданъ упомянутый выше законъ, установившій новое понятіе самаго шпіонства.

Починъ Франціи послужилъ сигналомъ для другихъ державъ къ пересмотру своихъ дѣйствующихъ законовъ о шпіонствѣ, а именно: въ 1889 году былъ изданъ англійскій законъ, въ 1890—италіанскій; въ 1892—отечественный, незначительно затѣмъ измѣненный въ 1903 году; въ 1893—германскій; въ 1902—норвежскій; въ 1907—японскій; въ 1910—сербскій; въ 1911—сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ и новый англійскій, въ 1912 году—русскій законъ 5 іюля; въ 1912—шведскій, въ 1914—германскій и австрійскій [1]).

[1]) Въ 1909 году былъ разработанъ австрійскій проектъ закона о шпіонствѣ, а въ 1910—германскій. Оба эти проекта въ виду изданія

При разсмотрѣніи послѣднихъ законовъ и законодательныхъ проектовъ будетъ видно, что вполнѣ опредѣленнаго уголовно-юридическаго понятія шпіонства вообще и тайны въ частности не установлено, хотя замѣтна весьма опредѣленная тенденція расширить объемъ преступленія государственной измѣны путемъ шпіонства.

По вопросу о томъ, кто можетъ быть виновнымъ въ сообщеніи или опубликованіи секретныхъ свѣдѣній, въ настоящее время, всѣ извѣстные намъ законы пришли къ одному, неизбѣжному выводу,—что отвѣтственности подлежитъ *всякое лицо*, тѣмъ или инымъ способомъ, огласившее эти свѣдѣнія.

Въ дѣйствительности, конечно, нельзя закрывать глаза на сообщенія свѣдѣній лицами, не имѣющими оффиціальнаго или служебнаго касательства къ военнымъ секретамъ. Свѣдѣнія, интересующія иностранныя государства, могутъ быть собраны совершенно частнымъ лицомъ, причемъ безъ тѣхъ ухищреній, наличіе которыхъ по code pénal только и дѣлало виновнымъ подобное лицо въ шпіонствѣ, а между тѣмъ ущербъ военной оборонѣ государства будетъ нанесенъ. Если германское и австрійское правительства платятъ весьма значительныя деньги (до 300—400 руб. въ мѣсяцъ) только за регулярное доставленіе циркулирующихъ въ извѣстныхъ кругахъ слуховъ, то, конечно, такой корреспондентъ является типичнымъ шпіономъ и странно было бы считать его дѣйствія безразличными съ точки зрѣнія уголовнаго закона. Къ сожалѣнію, у насъ еще до сихъ поръ по этому поводу не установилось трезваго взгляда. Извѣстный ноябрскій приказъ 1912 года по воен. вѣд. служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ сказанному.

Въ частности, французскій законъ 18 апрѣля 1886 года, говоря въ п. п. 1 и 2 art. 1 о лицахъ, которымъ секретныя

отечественнаго закона 5 іюля 1912 года, были заново переработаны совершенно на иныхъ основаніяхъ. По сообщенію Raoult de Rudeval'я во Франціи также разрабатывался проектъ новаго закона, о которомъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

свѣдѣнія. были ввѣрены по службѣ или которыя узнали о нихъ «оффиціально, или по своему положенію, профессіи, или особому порученію», въ artic1'ѣ 2-мъ упоминаетъ о «всякомъ лицѣ», которое сообщитъ или разгласитъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ секретнаго источника. Первый случай является квалифицированнымъ видомъ шпіонства, обложеннымъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ.

Германскій законъ 3 іюля 1893 года о государственной измѣнѣ путемъ выдачи военныхъ тайнъ, проектъ германскаго уголовнаго уложенія (§ 108), австрійское уложеніе (§ 67) и проектъ новаго уложенія (§ 126), швейцарскій проектъ уложенія (art. 196), сербскій законъ о наказаніяхъ (§ 85 и др.), итальянское уложеніе (art. 107), законъ 1911 года американскихъ соединенныхъ штатовъ и новый англійскій законъ виновнаго опредѣляютъ общими выраженіями: «кто сообщитъ», «кто откроетъ» и т. д. При этомъ нѣкоторые законы увеличиваютъ наказаніе виновному, если онъ обладаетъ военными или государственными тайнами «въ силу своего положенія, или инымъ образомъ достигъ ознакомленія съ ними, или же овладѣлъ ими, или пріобрѣлъ знакомство съ ними путемъ насилія или обмана».

По современнымъ воззрѣніямъ, слѣдовательно, виновнымъ въ нарушеніи государственной или военной тайны можетъ быть и туземный подданный и иностранецъ. Конечно, съ логической точки зрѣнія между этими двумя категоріями лицъ слѣдовало бы дѣлать различіе, такъ какъ, очевидно, что измѣнникомъ можетъ быть только туземный подданный, шпіономъ же, въ противоположность ему, иностранецъ. Однако, изъ чисто практическихъ соображеній въ положительныхъ законоположеніяхъ при конструкціи виновности лицъ въ нарушеніи тайнъ это подраздѣленіе не проводится и карающая власть не считается съ подданствомъ изобличеннаго въ шпіонствѣ лица, наказывая иностранцевъ столь же строго, какъ и своихъ подданныхъ.

Охраняя государственную и военную тайну, французскій законъ 1886 года караетъ за открытіе, сообщеніе, разглашеніе этихъ тайнъ полностью или же частичныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ оттуда, а равно опубликованіе или воспроизведеніе ихъ (art. 1 и 2). Тяжесть наказанія, какъ было сказано выше, увеличивается для служащихъ и другихъ отмѣченныхъ закономъ лицъ. Значительно уменьшается наказаніе тому виновному, который, не имѣя на то полномочія, будетъ добывать тайны (art. 3). Въ данномъ случаѣ, налицо типичный видъ шпіонства, но такъ какъ добываніе военныхъ или государственныхъ тайнъ является, собственно говоря, подготовительной дѣятельностью для ихъ передачи, то, въ виду этого, по французскому закону наказаніе понижается. Въ приведенномъ пунктѣ сказалось малое еще знакомство французскихъ законодателей съ нѣмецкою практикой шпіонажа. Дѣло въ томъ, что «добываніе» свѣдѣній отнюдь не является только приготовительной дѣятельностью къ шпіонству. Шпіонство—продолжающееся преступное дѣяніе, отдѣльныя стадіи котораго, въ большинствѣ случаевъ, трудно разчленимы. Въ виду этого, въ шпіонствѣ совершенно особое значеніе пріобрѣтаетъ преступная дѣятельность виновнаго лица.

Германское уголовное уложенія 1870 года воспрещаетъ сообщать другому правительству или опубликовывать во всеобщее обращеніе свѣдѣнія, носящія характеръ тайны (п. 1, § 92). Но, конечно, столь неопредѣленное постановленіе закона совершенно неудовлетворительно и показываетъ, какъ думается, что къ моменту составленія уложенія германскіе шпіоны не достигли современной намъ виртуозности. Вотъ почему германскіе законодатели и не предвидѣли всѣхъ шпіонскихъ ухищреній, примѣняемыхъ нынѣ нѣмецкими шпіонами, въ цѣляхъ передать добытыя свѣдѣнія самымъ невиннымъ способомъ.

Въ соотвѣтствіе сказанному, составители законопроекта 1910 г., какъ значится въ объяснительной запискѣ, считали п. 1 § 92 уложенія 1870 г. неудовлетворительнымъ, слиш-

комъ узкимъ по объему и несоотвѣтствующимъ требованіямъ, повысившихся въ своемъ значеніи, военныхъ интересовъ.

3 іюля 1893 года въ Германіи былъ изданъ весьма совершенный законъ о государственной измѣнѣ путемъ выдачи военныхъ тайнъ, на который оказала значительное вліяніе блестящая дѣятельность нѣмецкихъ шпіоновъ. Постановленія новаго закона изложены въ общей редакціи, каковое обстоятельство дѣлаетъ его гибкимъ,—качество, необходимое для успѣшной борьбы со шпіонствомъ. §§ 1 и 2 разсматриваемаго закона караютъ за умышленную передачу или сообщеніе свѣдѣній, содержащихся въ тайнѣ. Опубликованіе свѣдѣній по закону 3 іюля равносильно сообщенію ихъ или передачѣ. §§ 3 и 4 этого закона предусматриваютъ «добываніе или узнаваніе» секретныхъ свѣдѣній. Наказаніе за «добываніе или узнаваніе» по германскому закону 1893 г. очень значительное и можетъ достигать до 10 л. каторжной тюрьмы (Zuchthaus), превышая даже по тяжести наказаніе, опредѣленное въ § 2 за передачу или сообщеніе тайнъ.

Въ этомъ пунктѣ сказалась установившаяся практика германскаго шпіонства. Нѣмцы прекрасно понимаютъ, что доказать, какія свѣдѣнія переданы виновнымъ, иногда не представляется физической возможности. Въ значительномъ числѣ случаевъ бываетъ лишь установлено, что обвиняемый передалъ какія-то свѣдѣнія, о чемъ можетъ свидѣтельствовать захваченная переписка. Можно даже догадываться, по тѣмъ выраженіямъ благодарности и похвалы, которыя заключаются въ письмахъ, что передано что-то весьма интересное для иностранныхъ властей, но этого еще мало для отвѣтственности за шпіонство. По смыслу закона, необходимо точно опредѣлить, какія именно свѣдѣнія переданы виновнымъ. Но какъ это исполнить?—Все переданное уже перешло и, быть можетъ, безвозвратно за границу даннаго государства; использованные секреты возвращены въ надлежащія учрежденія; черновики, наброски, замѣтки и т. п. слѣды преступной дѣятель-

ности опытнымъ шпіономъ уничтожены,—а фактъ передачи несомнѣненъ.

Въ виду приведенныхъ соображеній, § 3 закона 3 іюля вполнѣ логично каралъ каторжной тюрьмой до 10 лѣтъ того, кто умышленно добудетъ или узнаетъ о секретныхъ свѣдѣніяхъ съ намѣреніемъ воспользоваться ими въ цѣляхъ сообщенія другимъ лицамъ, угрожая тѣмъ опасности германской имперіи. По юридической конструкціи это постановленіе предусматриваетъ всего только приготовленіе къ государственной измѣнѣ путемъ шпіонства въ мирное время и, казалось бы, столь жестокое наказаніе противорѣчитъ юридическому смыслу. Однако, съ практической стороны, въ собираніи и добываніи военныхъ тайнъ именно и заключается шпіонская дѣятельность. Нельзя же государственной власти, въ угоду теоретическому мышленію, ждать того момента, когда военные секреты будутъ въ рукахъ иностранныхъ властей и когда уже не представится возможнымъ установить, во-первыхъ, что̀ передано, а, во-вторыхъ, задержать виновнаго, успѣвшаго пересѣчь пограничную черту.

Проектъ германскаго уголовнаго уложенія, въ существѣ своемъ, воспринялъ постановленія закона 3-го іюля 1893 года, «въ виду того, какъ видно изъ объяснительной записки, что означенный законъ признанъ вполнѣ состоятельнымъ и оправдывающимъ свое назначеніе».

Интересно замѣтить, что австрійское дѣйствующее уголовное уложеніе и проектъ уголовнаго уложенія 1909 года совершенно не говорятъ о сообщеніи или передачѣ секретныхъ свѣдѣній правительству иностраннаго государства или его агентамъ. Для австрійскаго законодателя достаточно, чтобы виновный «вывѣдывалъ» свѣдѣнія извѣстной категоріи. При этомъ, дѣйствующій законъ [§ 67 (60)] предусматриваетъ только тотъ случай, когда вывѣдываніе совершается въ намѣреніи сообщить полученныя свѣдѣнія какому-либо другому государству. Проектъ австрійскаго уложенія 1909 года пополняетъ пробѣлъ дѣйствующаго закона и облагаетъ наказаніемъ, —

заключеніемъ въ тюрьмѣ или арестомъ на срокъ отъ четырехъ недѣль до трехъ лѣтъ,—вообще вывѣдываніе воспрещенныхъ къ оглашенію свѣдѣній, *повышая* это наказаніе до 10 лѣтъ каторги, если виновный дѣйствуетъ въ намѣреніи доставить свѣдѣнія другому государству (§ 126).

Австрійская судебная практика, сознавая недостатокъ закона, по возможности восполняетъ его недостатки, правда, прибѣгая для этого къ невозможнымъ юридическимъ антикамъ, о чемъ мы поговоримъ ниже, въ главѣ «шпіонскіе процессы въ Австріи».

Италіанское уголовное уложеніе 1890 года (art. 107) воспрещаетъ открытіе государственныхъ или военныхъ тайнъ, сообщеніе или опубликованіе ихъ, либо *облегченіе*, какимъ бы то ни было образомъ, *ознакомленія* съ ними. Наказаніе увеличивается, если тайны будутъ открыты иностранному государству или его агенту. Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія 1908 года (art. 195) предусматриваетъ открытіе иностранному правительству или его агенту тайны.

Сербскій законъ о наказаніяхъ 1910 г. различаетъ добываніе тайнъ (85а), сообщеніе ихъ иностранному правительству или его агенту, или разглашеніе (§ 86). Наказанія по этому закону опредѣлены вообще очень высокія, а именно: только за «стараніе» получить секретныя свѣдѣнія и разглашеніе ихъ—каторга до 10 лѣтъ, если же виновный старается получить свѣдѣнія съ намѣреніемъ сообщить ихъ иностранной державѣ, то каторга до 20 лѣтъ, а непріятелю — смертная казнь, но, къ сожалѣнію, законъ весьма казуистиченъ, а потому, вѣроятно, вызоветъ обширную кассаціонную практику.

До сихъ поръ, говоря о свѣдѣніяхъ, добываніе, оглашеніе или сообщеніе которыхъ воспрещается закономъ, мы не входили въ разсмотрѣніе существа этихъ свѣдѣній. Въ слѣдующей главѣ подробнѣе остановимся на выясненіи понятій военной и государственной тайнъ, теперь же лишь отмѣтимъ, что и въ этомъ вопросѣ замѣтна эволюція въ сторону сокращенія области свѣдѣній, разрѣшенныхъ къ свободному разглашенію.

Code pénal весьма ограничиваетъ область охраняемыхъ имъ тайнъ. По этому закону воспрещены къ передачѣ лишь тѣ свѣдѣнія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ войнѣ.

Ко времени изданія code pénal (1810 г.) военные люди, очевидно, еще не считали необходимымъ сохранять въ секретѣ многія свѣдѣнія, которыя нынѣ ни въ какомъ случаѣ не допустимы къ оглашенію. Старательно сохраняя тайну переговоровъ и предпріятій, code pénal понятію военной тайны придаетъ чисто служебный и притомъ ограничительный характеръ, а именно, военной тайной объявляются такія свѣдѣнія, которыя могутъ обнаружить намѣреніе государства воевать въ ближайшемъ будущемъ. Этимъ характеромъ обладаютъ свѣдѣнія о состояніи укрѣпленій, арсеналовъ, портовъ или рейдовъ. Именно сообщеніе этихъ-то «плановъ» и только этихъ плановъ воспрещалъ code pénal (art. 81).

Приведенное постановленіе закона вполнѣ отвѣчало тогдашнему положенію вещей.

Шпіонство въ то время имѣло весьма скромную задачу, а именно — изслѣдовать вопросъ о вѣроятіи вооруженнаго столкновенія. Всѣ же другія задачи на шпіоновъ возлагались во время самой войны. Наполеонъ посылалъ своихъ агентовъ лишь въ пункты предполагаемаго театра кампаніи. Вотъ почему code pénal интересуется болѣе сохраненіемъ тайны переговоровъ и предпріятій (art. 80), чѣмъ сокрытіемъ отъ государствъ военныхъ тайнъ, въ современномъ значеніи, въ мирное время.

Германское уголовное уложеніе 1870 года въ опредѣленіи объекта государственной измѣны путемъ шпіонства еще не далеко ушло отъ code pénal, что и понятно, такъ какъ тѣ данныя, которыя могли служить матеріаломъ при выработкѣ этого уложенія, представляли лишь пробу нарождавшагося нѣмецкаго шпіонства. Хотя Штиберъ, окрыленный успѣхомъ развѣдки передъ войной 1866 года, и прилагалъ затѣмъ свои усилія насадить новое шпіонство во Франціи; хотя король

Фридрихъ Вильгельмъ IV приказалъ ему «держать прусское правительство въ курсѣ малѣйшихъ фактовъ, жестовъ или намѣреній принца-президента и ближайшаго его антуража» [1]; но у прусскаго короля Штиберъ былъ одинъ а, чтобы наладить въ желаемомъ направленіи дѣятельность всѣхъ другихъ агентовъ, потребовались годы ученья.

Германскіе законодатели 1870 г. знали, что военныя свѣдѣнія, получаемыя отъ шпіоновъ, не могутъ умѣститься въ узкія рамки, очерченныя code pénal; но, очевидно, они не подозрѣвали, что нѣмецкій шпіонажъ приметъ тѣ размѣры, съ которыми должны считаться мы.

Обращаясь къ закону, видно, что п. 1 § 92 германскаго уголовнаго уложенія 1870 года воспрещаетъ сообщать другому правительству или опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе государственныя тайны, планы крѣпостей или такіе документы, акты или свѣдѣнія, сохраненіе въ тайнѣ которыхъ отъ другихъ правительствъ необходимо для блага германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Послѣ войны 1870—71 г.г., какъ извѣстно, Франція жила исключительно идеей реванша, о чемъ открыто кричала вся пресса. Германія считалась съ этимъ настроеніемъ своей сосѣдки и принимала, конечно, соотвѣтствующія мѣры. Нѣмцы знали, что французское правительство было заинтересовано уже не только вопросомъ о томъ, думаетъ ли Германія вновь бросить ему вызовъ, а тѣмъ, чтобы опредѣлить удобный моментъ осуществленія завѣтныхъ мечтаній націи.

Германская судебная практика вскорѣ же показала властямъ, что уложеніе 1870 года отстало отъ уровня жизни. Съ одной стороны, являлась потребность выяснить тѣ условія, при наличіи которыхъ свѣдѣніе (Nachricht) должно считаться такимъ, что сохраненіе его въ тайнѣ признавалось бы необходимымъ для блага германской имперіи, а, съ другой стороны, полнѣе охватить всѣ разновидности шпіонской дѣятельности.

---

[1] Поль Лянуаръ. Нѣмецкое шпіонство во Франціи, стр. 5.

Первый вопросъ разъясненъ Reichsgericht'омъ, второй же разрѣшенъ закономъ 3 іюля 1893 года.

12 мая 1884 года Reichsgericht далъ германскимъ властямъ могучее средство для борьбы съ иностранными агентами. При разсмотрѣніи этого длиннаго и туманнаго рѣшенія имперскаго суда видно, что уже къ означенному году въ Германіи вполнѣ точно были опредѣлены задачи шпіонства—доставлять всѣ свѣдѣнія, касающіяся иностранныхъ армій, безъ оцѣнки ихъ военнаго значенія.

И Reichsgericht пояснилъ, что наряду съ сообщеніемъ государственной тайны (Staatsgeheimniss) въ собственномъ смыслѣ слова, п. 1 § 92 уложенія предусматриваетъ передачу иностранному государству и такихъ свѣдѣній, «таинственность которыхъ является относительною», т. е. требуется лишь признаніе наличности того, что данное свѣдѣніе не было извѣстно иностранному правительству, а потому подлежало сохраненію отъ него въ тайнѣ. При наличіи указанныхъ условій, для состава преступленія совершенно безразлична степень извѣстности и распространенности свѣдѣнія съ «относительною таинственностью» внутри Германіи.

Постановленіемъ рѣшенія 12 мая 1884 Reichsgericht показалъ большую практическую сноровку: введя понятіе «*относительной таинственности свѣдѣній*», онъ далъ судебнымъ властямъ возможность посылать въ каторжную тюрьму (Zuchthaus), не только завѣдомыхъ шпіоновъ, виновность коихъ никакъ не вмѣщалась въ рамки закона, но даже тѣхъ лицъ, которые германскому генеральному штабу кажутся подозрительными.

Такимъ образомъ, ко дню 12 мая 1884 года германскій шпіонажъ сложился уже въ законченную систему, которая, сохраняя въ дальнѣйшемъ основныя свои черты, совершенствовалась лишь въ частностяхъ.

Законъ 3 іюля 1893 года и проектъ германскаго уголовнаго уложенія 1910 года воспрещаютъ передачу другому лицу «документовъ, рисунковъ или иныхъ предметовъ, содержаніе

въ тайнѣ коихъ», по закону 3 іюля, «требуется интересами государства», а по проекту—«требуется благомъ имперіи или какого-либо сюзнаго государства и въ особенности государственной обороны, или же свѣдѣнія подобнаго рода».

Какъ видно, объектъ преступленія по проекту шире, чѣмъ по закону 3 іюля, и это потому, что законъ 3 іюля касается только военныхъ тайнъ (свѣдѣній съ относительною таинственностью, по рѣшенію Reichsgericht'a), «гарантируя, какъ говорится въ объяснительной запискѣ, по болѣе широкому объему своему, дѣйствительную ихъ защиту»; выдача же тайнъ государственныхъ въ собственномъ смыслѣ слова (Staatsgeheimnis) наказывается и нынѣ по уложенію [1]).

Французскій законъ 18 апрѣля 1886 года, установившій наказанія за шпіонство, значительно шире очертилъ объектъ преступленія, чѣмъ германское уголовное уложеніе.

Интересно отмѣтить, что законъ этотъ появился на свѣтъ Божій, когда уже нѣмецкіе шпіоны въ достаточной степени обучились своему ремеслу и когда ихъ шпіонство, о чемъ было сказано выше, успѣло сложиться въ законченную систему.

Столь позднее появленіе закона во Франціи противъ нѣмецкаго шпіонства можно объяснить непониманіемъ властями всей важности тайной развѣдки и малымъ знакомствомъ съ ея сущностью, благодаря чему нѣмецкіе шпіоны около 20 лѣтъ могли беззастѣнчиво извлекать нужныя имъ свѣдѣній изъ нѣдръ французскихъ канцелярій.

Французскій законъ 18-го апрѣля воспрещаетъ открывать, сообщать или разглашать «въ цѣломъ или частяхъ планы, рукописи или секретные документы, имѣющіе значеніе для защиты страны или внѣшней безопасности государства». По точному смыслу закона, секретнымъ характеромъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должны обладать только *документы* (plans écrits ou documents secrets), и для состава преступленія *вовсе*

[1]) Не имѣя еще въ рукахъ новаго закона о шпіонствѣ 1914 года, мы не знаемъ, какъ будетъ разрѣшаться при его дѣйствіи вопросъ объ охранѣ военныхъ и государственныхъ тайнъ Германіи.

не требуется, чтобы всѣ свѣдѣнія обязательно были таинственны [1]).

Своеобразную конструкцію, заслуживающую вниманія, объекту разсматриваемаго преступленія даетъ австрійскій законъ. По дѣйствующему уложенію, это—«относящіеся до военныхъ силъ государства или его военной обороны приготовленія и предметы, кои не почитаются и не разсматриваются государствомъ, какъ публичные» (§ 67); по проекту уложенія 1909 г.—«факты, приготовленія и предметы, кои касаются военныхъ силъ или военной обороны монархіи и не почитаются и не разсматриваются публичными» (§ 126).

Очевидно, что по этому закону область свѣдѣній, воспрещенныхъ къ «вывѣдыванію», весьма обширна, такъ какъ признакъ «секретности» далеко уже «непубличности». Согласно австрійскому закону, всякое лицо, изобличенное въ собираніи самыхъ, казалось бы, неважныхъ свѣдѣній объ арміи, рискуетъ очутиться въ каторгѣ на срокъ до 10 лѣтъ. Въ дѣйствительности, въ послѣдніе годы передъ войной, въ отношеніи русскихъ твердо установилась именно такая практика австрійскихъ властей.

Италіанское уголовное уложеніе (att. 107) перечисляетъ «документы, факты, рисунки, планы и свѣдѣнія, относящіеся до военныхъ матеріаловъ, укрѣпленій или операцій», но при условіи, чтобы всѣ указанныя свѣдѣнія касались безопасности государства и были бы таинственными съ военной точки зрѣнія.

По сербскому закону о наказаніяхъ (§ 85а), сообщенные планы, чертежи и т. п. свѣдѣнія должны «относиться къ войнѣ и военной оборонѣ государства и сохраненіе ихъ въ тайнѣ должно требоваться государственными интересами».

Наконецъ, проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія 1908 г. говоритъ о «тайнахъ, сохраненіе коихъ внушалось интересами со[illegible]

[1]) Contra, с[illegible]вичъ—Барановскій. (Право, 1902 г., №№ 16 и 17).

Субъективная виновность даннаго лица, вообще говоря, можетъ быть лишь при наличіи умышленнаго дѣянія, т. е. въ томъ случаѣ, когда субъектъ понималъ смыслъ совершеннаго, предвидѣлъ его послѣдствія и сознавалъ противозаконность своего поступка.

При оцѣнкѣ совершеннаго шпіономъ, особое значеніе пріобрѣтаетъ элементъ предвидѣнія послѣдствій его поступка и возникаетъ вопросъ—долженъ ли виновный знать съ несомнѣнностью, что онъ передаетъ военныя тайны и, открывая ихъ, безусловно причиняетъ ущербъ внѣшней безопасности государства, или же достаточно, чтобы онъ только сознавалъ возможность такого вреда. Слѣдовательно, дѣло въ томъ, должна ли наказуемость шпіона зависѣть только отъ вины умышленной [1]), или же требуется наличіе прямого умысла, т. е. завѣдомости для него ущерба военной оборонѣ государства, причиненнаго его дѣйствіями.

Въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ наказуемость сообщенія секретныхъ свѣдѣній стоитъ въ зависимости отъ наличія прямого умысла, т. е. условія завѣдомости, область примѣненія закона весьма ограничивается, такъ какъ требуется доказать извѣстное состояніе сознанія виновнаго, т. е. чисто психологическій фактъ, что представляетъ большія затрудненія.

Казалось бы, что при виртуозности современныхъ нѣмецкихъ агентовъ тайной развѣдки пора стать на трезвую точку зрѣнія и обусловить наказуемость шпіоновъ только наличіемъ вины умышленной, тѣмъ болѣе, что, во многихъ случаяхъ, шпіонамъ даже возбраняется входить въ качественную оцѣнку добытаго и предписывается доставлять своему шефу всѣ свѣдѣнія, носящія военный характеръ.

Логика вещей подсказываетъ, что измѣнникъ знаетъ, какую пропасть онъ роетъ своему отечеству. Конспиративный харак-

---

[1]) Преступное дѣяніе почитается умышленнымъ не только когда виновный желалъ его учиненія, но также, когда онъ сознательно допускалъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія (ст. 48 Уголовнаго уложенія).

теръ сношеній, непонятный языкъ при перепискѣ, изученіе шпіонскаго ремесла, вполнѣ опредѣляютъ истинный умыселъ виновника. Конечно, судья, не обладающій юридическимъ смысломъ и не заботящійся о государственной безопасности, сквозь туманъ шпіонской хитрости не разсмотритъ истинной сути дѣла

Французскій законъ 1886 года глубоко заглянулъ въ темную область нѣмецкаго шпіонства и, наказуя за сообщеніе или разглашеніе даже несекретныхъ свѣдѣній (plans, écrits, ст. I, п. I), тѣмъ самымъ исключилъ изъ состава преступленія признакъ завѣдомости для обвиняемаго о значеніи передаваемыхъ имъ данныхъ.

Такой же характеръ умысла принятъ италіанскимъ уголовнымъ уложеніемъ и проектомъ швейцарскаго уголовнаго уложенія.

Австрійскій законъ (дѣйствующій и проектъ), считаясь только со шпіонствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова («кто будетъ вывѣдывать») обошелъ вопросъ о завѣдомости, обративъ вниманіе лишь на намѣреніе лица, собирающаго свѣдѣнія.

Германское уголовное уложеніе, наоборотъ, конструируетъ отвѣтственность за сообщеніе иностранному правительству свѣдѣній, въ зависимости отъ того, *сознавалъ ли* обвиняемый, что сохраненіе свѣдѣній въ тайнѣ отъ другихъ правительствъ необходимо для блага германской имперіи или одного изъ государствъ союза, но приведенное выше рѣшеніе Reichsgericht'а исказило смыслъ закона до неузнаваемости, растолковавъ его примѣнительно къ запросамъ руководителей нѣмецкаго шпіонства.

Германскій законъ 3-го іюля 1893 года и проектъ уголовнаго уложенія различаютъ шпіонство, въ тѣсномъ смыслѣ слова («кто умышленно и противозаконно добудетъ и узнаетъ») [1]), и государственную измѣну путемъ выдачи военныхъ тайнъ [2]).

Тяжесть наказанія за шпіонство зависитъ отъ того обстоятельства, съ намѣреніемъ ли передать иностранному государ-

[1]) § 3 и 4 закона 3 іюля и §§ 110 проекта 1910 г.
[2]) §§ 1 и 2 закона 3 іюля и § 108 проекта 1910 г.

ству или же безъ такого намѣренія собиралъ виновный свѣдѣнія. При наказуемости за сообщеніе свѣдѣнія принимается во вниманіе—имѣется ли въ наличности прямой умыселъ (завѣдомость) или же только вина умышленная.

За умышленную передачу военныхъ тайнъ, «*съ знаніемъ* того, что черезъ сіе онъ угрожаетъ безопасности германской имперіи» (квалифоцированная измѣна путемъ выдачи военныхъ тайнъ), по закону 3-го іюля виновный подвергался каторжной тюрьмѣ на срокъ отъ двухъ до пятнадцати лѣтъ. Простая измѣна путемъ выдачи военныхъ тайнъ («кто умышленно и противозаконно передастъ другому лицу») наказывалась заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости на срокъ до пяти лѣтъ.

Такимъ образомъ, завѣдомость по германскому закону сохранена, какъ отягчающее вину обстоительство.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что личныя наказанія по нѣкоторымъ законодательствамъ сочетаются съ болѣе или менѣе высокимъ денежнымъ штрафомъ, вѣроятно, для того, скажемъ словами депутата сербской скупщины Мишича, «чтобы виновный зналъ, что семья его не воспользуется плодами преступленія, а будетъ раззорена».

Однако, эти соображенія нельзя признать убѣдительными, такъ какъ нѣкоторыя государства, напримѣръ Германія и Австрія, хорошо обезпечиваютъ семьи потерпѣвшихъ агентовъ.

Указанными законоположеніями исчерпываются постановленія о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства въ мирное время.

Но, само собою разумѣется, что государственная власть должна стремиться къ предупрежденію шпіонства и пресѣченію преступной дѣятельности въ начальной ея стадіи. До изданія французскаго закона 1886 года мы не встрѣчаемъ вовсе постановленій, направленныхъ къ обезпеченію военныхъ и государственныхъ тайнъ, каковое обстоятельство должно найти себѣ объясненіе въ характерѣ стараго шпіонства и въ недостаточномъ еще развитіи современной его системы.

Нынѣ многія изъ извѣстныхъ намъ законодательствъ большое вниманіе удѣляютъ мѣрамъ предупредительнаго характера и это понятно, такъ какъ зло, во-первыхъ, нужно пресѣкать въ началѣ, а, во-вторыхъ, назрѣла нужда въ принятіи мѣръ борьбы со шпіонствомъ въ самыхъ широкихъ границахъ.

Прежде всего, конечно, необходимо озаботиться надлежащимъ сокрытіемъ тайнъ, для чего должно строго наказывать лицъ, коимъ онѣ ввѣрены, за небрежное, неосторожное или нерадивое храненіе ихъ.

Согласно высказанному принципу, art. 4 французскаго закона 1886 года караетъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2.000 франковъ того, кто, по небрежности или по невѣдѣнію правилъ, допуститъ передачу, похититъ, захватитъ, или уничтожитъ планы, рукописи или секретные документы, которые ему были ввѣрены по службѣ, положенію, профессіи, или по особому порученію.

Германскій законъ 1893 года, § 7, и проектъ уложенія § 109 также наказываютъ того, кто, по нерадѣнію, допуститъ передачу или сообщеніе другому лицу секретныхъ предметовъ и свѣдѣній, ввѣренныхъ ему по службѣ, или сдѣлавшихся доступными ему въ силу его служебнаго положенія или порученія.

Отечественное уложеніе о наказаніяхъ угол. и исправ. 1885 г. содержитъ соотвѣтствующее положеніе (425 въ редакціи закона 5 іюля 1912 г.), но, къ сожалѣнію, оно часто забывалось, либо вовсе было неизвѣстно лицамъ, отъ власти коихъ зависитъ привлеченіе къ уголовной отвѣтственности виновныхъ лицъ.

Къ подобной же охранительной мѣрѣ необходимо отнести воспрещеніе *собиранія, безъ цѣли сообщенія другимъ лицамъ*, секретныхъ свѣдѣній государственнаго и военнаго значенія. Впервые подобное правило появилось во французскомъ законѣ 1886 года и затѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторяется почти во всѣхъ позднѣйшихъ законодательствахъ. Оче-

видно, ко времени изданія французскаго закона нѣмецкій шпіонажъ въ этой странѣ принялъ уже огромные размѣры, если законодатель былъ вынужденъ къ столь серьезному шагу. Французы убѣдились, что ловкаго шпіона въ большинствѣ случаевъ можно изобличить только путемъ косвенныхъ уликъ, къ числу которыхъ, конечно, слѣдуетъ отнести любознательность заподозрѣннаго лица въ области военныхъ секретовъ.

Французскій законъ 1886 года еще не преслѣдуетъ вербовку агентовъ въ цѣляхъ шпіонства, а, между тѣмъ, несомнѣнно, что подобная вербовка нѣмцами практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ съ первыхъ же шаговъ насажденія шпіонажа во Франціи. Къ этому заключенію необходимо прійти въ виду того, что нѣмцы, слѣдуя завѣтамъ Штибера, именно на эту сторону работы своихъ агентовъ обращаютъ огромное вниманіе, и что законъ 3 іюля 1893 года уже предусматриваетъ сообщество, составившееся въ цѣляхъ государственной измѣны путемъ шпіонства (§ 5).

Исключая проекта германскаго уложенія (§ 111), ни одно изъ названныхъ нами законоположеній не содержитъ карательнаго правила о шпіонскихъ сообществахъ, благодаря чему соотвѣтствующія власти безсильны бороться съ заблаговременною вербовкою агентовъ. Между тѣмъ, насколько опасно подобное явленіе, видно изъ того, что германскій законъ 1893 года наказываетъ тюрьмою (§ 9) получившаго достовѣрныя свѣдѣнія о замышленіи шпіонства или измѣны въ то время, когда еще возможно было предупредить совершеніе преступленія и не донесшаго о семъ своевременно властямъ. Французскій законъ 1886 г., art. 9, недоносителя, знавшаго о предпринимаемомъ шпіонствѣ и укрывателя шпіоновъ, объявляетъ соучастникомъ съ виновными въ шпіонствѣ лицами.

По этимъ мѣропріятіямъ видно, что во Франціи и Германіи давно уже сознана огромная опасность шпіонажа и примѣняются всѣ средства къ раскрытію его. Съ тою же цѣлью, искорененія шпіонства, французскій законъ освобож-

даетъ отъ наказанія виновнаго, способствовавшаго властямъ къ изобличенію своихъ сообщниковъ.

Одною изъ самыхъ насущныхъ заботъ государственной власти представляется забота о сохраненіи въ тайнѣ состоянія крѣпостныхъ укрѣпленій. Уже code pénal, какъ мы видѣли, воспрещалъ оглашеніе «плановъ укрѣпленій, арсеналовъ, портовъ или рейдовъ». Съ теченіемъ времени шпіоны, не ограничиваясь добываніемъ крѣпостныхъ плановъ, занялись самостоятельною развѣдкою крѣпостей, благодаря чему явилась настоятельная необходимость оградить доступъ въ укрѣпленные пункты постороннимъ лицамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что на борьбу съ этимъ зломъ карательная власть выступила сравнительно поздно. Еще въ германскомъ уложеніи 1870 года нѣтъ соотвѣтствующаго постановленія и только французскій законъ 1886 года, art. 5, предусматриваетъ злонамѣренное проникновеніе въ укрѣпленное мѣсто, постъ или военный корабль, или въ военное или морское учрежденіе при помощи уловокъ (déguisement), подъ ложнымъ именемъ, или скрывъ свое званіе, профессію или національность.

Вслѣдъ за нимъ § 8 германскаго закона 1893 года говоритъ о томъ, кто, вопреки изданнымъ военною властью и распубликованнымъ распоряженіямъ, вступитъ въ укрѣпленные районы расположенія сухопутныхъ или морскихъ войскъ, на военные корабли и суда или на поле военныхъ испытаній или упражненій.

§ 112 проекта германскаго уголовнаго уложенія воспрещаетъ пребываніе *съ цѣлью государственной измѣны* въ сухопутныхъ или морскихъ крѣпостяхъ или укрѣпленномъ расположеніи, или въ окрестности на десять километровъ отъ послѣднихъ, или въ иныхъ сухопутныхъ или морскихъ расположеніяхъ, или на военномъ суднѣ, или въ предѣлахъ германскихъ территоріальныхъ водъ. Однако, для наказуемости за перечисленныя дѣйствія необходимо еще, чтобы виновный ложно заявилъ подлежащей власти или подлежащему воен-

ному лицу о своемъ имени, состояніи, профессіи, мѣстѣ жительства или подданствѣ.

Воспрещеніе, безъ надлежащаго разрѣшенія, съемки плановъ, дѣланія кроки, производства фотографій и топографическихъ работъ вблизи укрѣпленныхъ или иныхъ, имѣющихъ военное значеніе мѣстъ (art. 6 фр. зак.; серб. зак. § 344а, итал. улож. ч. I, art. 110), указываетъ на дальнѣйшее расширеніе задачъ шпіонства въ мирное время.

Изъ болѣе частныхъ постановленій предупредительнаго характера заслуживаютъ вниманія австрійскій законъ (§ 128), воспрещающій держать почтовыхъ голубей въ цѣляхъ шпіонства, а сербскій (§ 85 в.) сверхъ того и предпринимать какія-либо мѣры для извѣщенія иностранной державы или ея агента о военной оборонѣ государства. Изъ объяснительной записки къ послѣднему закону видно, что указанный § имѣетъ въ виду содержаніе почтовыхъ голубей съ цѣлью шпіонства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «всякія другія предпріятія путемъ организаціи почтовой, телеграфной и телефонной агентуры и другихъ способовъ сообщенія иностранному государству свѣдѣній объ оборонѣ шифромъ или инымъ способомъ».

Разсмотрѣвъ приведенныя нами законоположенія, нельзя не замѣтить ту эволюцію, которая непрерывно происходитъ въ этой области. Законодатели различныхъ странъ одинаково стремятся, во-первыхъ, расширить область примѣненія уголовной кары, а во-вторыхъ, упростить формулу закона, предусматривающаго государственную измѣну путемъ шпіонства.

Въ этомъ смыслѣ особенно заслуживаютъ вниманія послѣдніе законы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Англіи и отечественный законъ 5 іюля 1912 года.

Актъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 1911 г.

Въ наиболѣе общей формѣ изложенъ актъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для предотвращенія раскрытія секретовъ государственной обороны 3 марта 1911 г.

Согласно отдѣлу 1-му названнаго закона отвѣтственности подлежитъ тотъ, кто, съ цѣлію полученія свѣдѣній, относящихся къ государственной оборонѣ, знаніе коихъ ему по закону не вмѣнено, войдетъ на какое-либо судно или въ адмиралтейство, морскую станцію, фортъ, батарею, минную станцію, арсеналъ, лагерь, заводъ, зданіе, канцелярію или всякое другое мѣсто, имѣющее отношеніе къ государственной оборонѣ;

или кто, находясь законно или незаконно на суднѣ или въ одномъ изъ вышеназванныхъ мѣстъ, или вблизи оныхъ, безъ надлежащаго на то разрѣшенія, получаетъ, беретъ, снимаетъ или дѣлаетъ попытки получить, взять или снять какой-либо документъ, рисунокъ, фотографію, фотографическій негативъ, планъ, модель или свѣдѣніе о чемъ-нибудь, касающемся государственной обороны, что по закону ему не вмѣнено въ обязанность;

или кто, безъ надлежащаго разрѣшенія, получитъ или добудетъ, или беретъ на себя, или соглашается получить или добыть отъ кого-нибудь перечисленныя выше свѣдѣнія (документъ, чертежъ, фотографію и т. д.), зная, что таковые были получены, взяты или сдѣланы таковымъ способомъ.

Отдѣлъ 2-й закона значительно повышаетъ наказанія тому, кто, совершивъ одно изъ указанныхъ выше преступленій, сообщитъ или сдѣлаетъ попытку сообщить какому-либо иностранному правительству или его агенту перечисленныя свѣдѣнія.

Въ разсматриваемомъ законѣ особо оговорена отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Англійскій законъ 1911 г.

Англичанъ къ законодательной дѣятельности въ этомъ направленіи понудила назойливость нѣмецкихъ шпіоновъ. Англійскій законъ 1911 г., съ юридической точки зрѣнія, болѣе разработанъ, чѣмъ американскій и, не смотря на это, по сло-

вамъ одного юриста, «стремится до почти невозможныхъ предѣловъ расширить власть судьи»[1]).

Въ виду обширности названнаго закона, мы отмѣтимъ лишь наиболѣе характерныя его особенности[2]).

Сознавая всю тяжесть борьбы со шпіонскими конспираціями, этотъ законъ, вопреки агнлійскому праву и обычаямъ, даетъ полиціи большія полномочія вторгаться въ частныя помѣщенія, если «есть разумное основаніе предположить», что въ данномъ случаѣ совершается или предположено къ совершенію предусмотрѣнное симъ закономъ преступленіе. (Ст. 9 §§ 1 и 2).

Равносильно и судьѣ законъ совѣтуетъ не стѣсняться со шпіонами.

Въ случаѣ возбужденія преслѣдованія на основаніи новаго закона, говорится въ § 2-мъ, статьи 1, даже «не требуется, чтобы была доказана виновность обвиняемаго въ совершеніи опредѣленнаго дѣйствія, которое указывало бы на намѣреніе причинить ущербъ безопасности или интересамъ государства, но для осужденія обвиняемаго достаточно,—хотя бы таковое дѣйствіе не было установлено,—если изъ обстоятельствъ дѣла или изъ его поведенія или выяснившагося на судѣ его характера очевидно, что намѣреніе было вредно для безопасности или интересовъ государства. Въ случаѣ, если кроки, планы, модели, предметы, замѣтки, документы или свѣдѣнія, касающіяся мѣстъ запретныхъ, по смыслу настоящаго закона, будутъ добыты или сообщены лицомъ, по службѣ на сіе неуполномоченнымъ, то доколѣ не доказано противное, надлежитъ считать, что означенные предметы изготовлены, добыты или сообщены съ цѣлью причинить ущербъ безопасности или интересамъ государства».

---

[1]). См. „Право“, 1912 г. № 35. Статья Новикова“ Новые законы о шпіонствѣ“.

[2]) Желающіе подробно ознакомиться съ нимъ могутъ найти текстъ въ нашей брошюрѣ „законъ 5 іюля 1912 года о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства“.

«Приближеніе» къ запретному мѣсту по смыслу этого закона; производство различнаго рода замѣтокъ, кроки, плановъ и т. п., кои «по свойству своему, прямо или косвенно, могутъ быть полезными или оказаться таковыми, по обстоятельствамъ отдѣльнаго случая» иностранной державѣ; добываніе себѣ или сообщеніе кому-либо подобныхъ же случаевъ, а тѣмъ болѣе оказаніе пользы иностранной державѣ,—почитается преступленіемъ. Если же означенныя дѣянія совершены, имѣя въ виду непріятеля, то они почитаются тяжкимъ преступленіемъ. Достойно вниманія правило, гласящее, что если кто-либо получитъ указанныя нами свѣдѣнія, «зная или имѣя разумное основаніе предполагать при ихъ полученіи», что они переданы ему въ нарушеніе настоящаго закона, почитается виновнымъ въ проступкѣ, если не докажетъ, что передача ему свѣдѣній «послѣдовала вопреки его желанію».

Кто будетъ покушаться на совершеніе государственной измѣны путемъ шпіонства, или подстрекать или совѣтовать или оказывать содѣйствіе другому лицу, подлежитъ отвѣтственности, какъ еслибы онъ совершилъ самое преступленіе. Различнаго рода укрыватели шпіоновъ несутъ также заслуженное наказаніе.

Въ заключеніе скажемъ, что свѣдѣнія, объявленныя «запрещенными», по смыслу разсматриваемаго закона, обнимаютъ довольно обширную область.

Русскій законъ 5-го іюля 1912 г.

Въ заключеніе анализа эволюціи шпіонства въ теченіе послѣдняго столѣтія обратимся къ разсмотрѣнію отечественнаго закона 5 іюля 1912 года и нѣмецкихъ проектовъ (Австріи и Германіи).

Дѣйствовавшее до послѣдняго времени Уголовное Уложеніе предусматривало этотъ видъ государственной измѣны въ ст. 111, по которой наказуемымъ считалось опубликованіе или сообщеніе правительству или агенту иностраннаго госу-

дарства указанныхъ въ ней свѣдѣній, которыя, въ видахъ внѣшней безопасности Россіи, *завѣдомо* для виновнаго, долженствовали храниться въ тайнѣ отъ иностраннаго государства. Постановленія о семъ видѣ государственной измѣны были внесены въ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года закономъ 20 апрѣля 1892 года; этотъ законъ потомъ дословно былъ воспроизведенъ уголовнымъ уложеніемъ 1903 года.

Образцомъ при составленіи основной статьи закона 1892 г. послужилъ п. 1-й § 92 германскаго уголовнаго уложенія; вліяніе же французскаго закона 1886 года сказалось во включеніи въ улож. о нак. двухъ статей, 256^1 и 256^2 (въ редакціи закона 20 апрѣля 1892 г.), предусматривающихъ примыкающія къ шпіонству дѣянія, а именно—съемку плановъ и проникновеніе, посредствомъ уловокъ, въ укрѣпленное мѣсто (art. 5 и 6 франц. зак. 1886 года).

Изъ сказаннаго видно, что уголовное уложеніе, ко времени его изданія, въ вопросѣ о выдачѣ тайнъ значительно уступало и французскому закону 1886 года и германскому закону 1893 года.

Поэтому неудивительно, что судебная практика послѣдняго времени наглядно доказала крайнее несовершенство дѣйствовавшихъ въ Россіи законоположеній о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства, опредѣлявшихъ весьма ограничительно понятіе этого вида государственной измѣны, вслѣдствіе чего цѣлый рядъ дѣяній, по своему существу относящихся къ шпіонству, являлся по закону ненаказуемымъ.

Новый законъ расширилъ понятіе государственной измѣны путемъ шпіонства, измѣнивъ съ одной стороны, изложеніе нѣкоторыхъ статей уголовнаго уложенія, а съ другой—введя въ дѣйствіе рядъ новыхъ карательныхъ правилъ, предусматривающихъ нѣкоторые случаи шпіонства, непочитавшіеся до сего времени уголовно-наказуемыми дѣяніями. Законъ 5 іюля, руководясь указаніями судебной практики, широко охватываетъ шпіонство, облагая наказаніемъ, *какъ за самостоятель-*

ныя преступленія, начальныя стадіи его: вступленіе въ соглашеніе съ иностраннымъ правительствомъ или его агентами и составленіе шаекъ въ цѣляхъ учиненія государственной измѣны.

Понятію шпіонства дано иное и при томъ значительно расширенное опредѣленіе.

Подъ *шпіонствомъ* теперь понимается *способствованіе* иностранному государству по сбору свѣдѣній или предметовъ, касающихся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ, или сооруженій, предназначенныхъ для защиты страны. Такимъ образомъ, наказуемымъ въ настоящее время является сообщеніе иностранной державѣ *всѣхъ свѣдѣній*, касающихся нашей арміи и государственной обороны. Сообщеніе же или опубликованіе въ *интересахъ* иностраннаго государства *секретныхъ* свѣдѣній является лишь тягчайшимъ видомъ государственной измѣны, за который, по новому закону, наказаніе достигаетъ 15 лѣтъ каторжныхъ работъ (вмѣсто 8, по прежнему закону).

Для отвѣтственности даже не надо, чтобы виновный *зналъ*, что переданныя имъ свѣдѣнія представляютъ военную тайну, но достаточно, чтобы онъ, публикуя, передавая или сообщая свѣдѣнія, *допускалъ* эту возможность. Разница между двумя законами та, что по отмѣненному закону требовалось наличіе *прямого умысла* (завѣдомости) нарушить военную тайну, новый же законъ обусловливаетъ отвѣтственность при наличіи вообще вины умышленной.

Опубликованіе военныхъ тайнъ наказывается лишь въ томъ случаѣ, когда виновный дѣйствовалъ въ интересахъ иностраннаго государства. Но при этомъ для отвѣтственности не требуется, чтобы виновный дѣйствовалъ по соглашенію съ иностранными правительствами или его агентомъ; мотивы дѣйствія виновнаго безразличны,—онъ можетъ опубликовать военныя тайны изъ ненависти къ Россіи. Съ другой стороны, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право воспрещать на

опредѣленный срокъ сообщеніе въ печати свѣдѣній, касающихся военной обороны Россіи или ея вооруженныхъ силъ.

Въ соотвѣтствіи установленному принудительному отчужденію привилегій на изобрѣтенія или усовершенствованія, касающихся военной обороны государства или вооруженныхъ силъ, законъ 5 іюля караетъ продажу или заявку въ иностранномъ государствѣ къ привилегированію этой категоріи изобрѣтеній или усовершенствованій, а также опубликованіе, сообщеніе или передачу секрета. Наказаніе въ этомъ случаѣ можетъ доходить до 8 лѣтъ каторги.

Широко охватываетъ новый законъ однородныя со шпіонствомъ преступленія, представляющія по существу начальныя его стадіи.

Прежде всего наказываются, какъ за самостоятельныя преступленія, различные виды содѣйствія шпіонству, какъ-то: подысканіе или предоставленіе конспиративныхъ квартиръ, тайный проносъ черезъ границу шпіонской корреспонденціи и тайный проводъ черезъ границу шпіоновъ. Далѣе, во всѣхъ военныхъ пограничныхъ округахъ воспрещено, безъ разрѣшенія главнаго начальства округа, содержать *почтовыхъ* голубей, а *повсюду*, безъ разрѣшенія главнаго начальника соотвѣтствующаго военнаго округа, устройство приспособленій безпроволочнаго телеграфа такой силы, которая позволяетъ сноситься съ лицами, проживающими за границей Россійской Имперіи. Наказаніе повышается, если эти преступленія совершены въ цѣляхъ шпіонства.

Для препятствій воздушной развѣдкѣ подвергается отвѣтственности тотъ, кто будетъ пролетать надъ крѣпостнымъ райономъ (20 — 25 верстъ въ окружности) или надъ особо объявленными зонами. Для отвѣтственности совершенно безразлично, на какомъ летательномъ снарядѣ будетъ совершенъ полетъ,—на управляемомъ апаратѣ или на воздушномъ шарѣ.

Собираніе, полученіе или разглашеніе военныхъ тайнъ наказывается независимо отъ того, съ какой цѣлью это сдѣ-

лано, лишь бы не съ цѣлью передать иностранному государству, такъ какъ въ этомъ случаѣ наказаніе повышается.

За совершеніе всѣхъ перечисленныхъ преступленій во время войны, *но не въ пользу непріятеля*, а также за совершеніе ихъ должностными лицами, наказанія повышены.

Такова, въ краткихъ словахъ, сущность новаго закона о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства. Текстъ закона объявленъ въ № 157 (отъ 21 іюля) собранія узакон. и расп. прав. и включенъ въ уголовное уложеніе; одна статья въ мировой уставъ.

Идущая война показываетъ сколь своевременно было появленіе новаго закона, и остается только пожалѣть, что правительство ранѣе не выступило съ энергичной борьбой противъ нѣмецкаго соглядатайства.

Законъ 5 іюля, не смотря на краткость своего существованія, оказалъ уже вліяніе на законодательство Австріи и Германіи. Хотя, какъ мы видѣли, въ этихъ государствахъ имѣлись незадолго передъ тѣмъ выработанные проекты новыхъ законовъ о шпіонствѣ, однако, правительства обѣихъ нѣмецкихъ имперій, вслѣдъ за опубликованіемъ отечественнаго закона, нашли нужнымъ внести въ свои парламенты новые проекты законовъ о шпіонствѣ, переработанные, очевидно, подъ давленіемъ нашего закона.

Такимъ образомъ, законъ 5 іюля, воспринявъ въ своихъ постановленіяхъ новый взглядъ на шпіонство, сыграетъ въ исторіи законодательства о государственной измѣнѣ, быть можетъ, такую же роль, какую нѣкогда сыгралъ французскій законъ 1886 года.

Въ нашей юридической литературѣ новый законъ о шпіонствѣ подвергся суровой критикѣ г. Новикова. Однако, взглядъ этого автора, ввиду допущенныхъ имъ грубыхъ юридическихъ ошибокъ, носитъ поверхностный характеръ, отличаясь къ тому же партійнымъ задоромъ [1]). Совершенно иную оцѣнку

---

[1]) См. „Право“, 1912 г., № 35, статья „Новые законы о шпіонствѣ“.

закону даетъ «Журналъ уголовнаго права и процесса». «Законъ этотъ, говорится въ книгѣ 1-ой за 1913 годъ журнала, *является, пожалуй, важнѣйшимъ изъ всѣхъ законовъ, касающихся матеріальнаго уголовнаго права, изданныхъ въ истекшемъ году*». Но въ дальнѣйшемъ авторъ указанной статьи, г. П. Л., ошибается, полагая, что «отдѣльныя его постановленія навѣяны законами Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, принятыми въ 1911 году». Законы Англіи и Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ не оказали никакого вліянія на законъ 5 іюля, хотя бы уже потому, что оба закона сдѣлались извѣстными въ Россіи послѣ выработки основныхъ положеній отечественнаго закона.

Германскій законъ 1914 г. (по проекту).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію новыхъ твореній нѣмецкой юридической мудрости [1]).

Не смотря на то, что Германія имѣла сравнительно недавній законъ «противъ измѣнической выдачи военныхъ тайнъ» (3-го іюля 1893 г.), а также позднѣйшій проектъ уголовнаго уложенія, въ связи съ нашумѣвшимъ въ 1912 году процессомъ англійскихъ шпіоновъ, въ рейхстагѣ раздавались голоса о недостаточности средствъ для защиты военныхъ тайнъ и о необходимости пересмотра всѣхъ законовъ о шпіонствѣ, въ цѣляхъ усилить наказанія и расширить область ихъ примѣненія.

Имперское правительство, готовясь къ настоящей войнѣ, конечно, пошло на встрѣчу пожеланіямъ народныхъ предста-

---

Нашъ разборъ этой статьи см. „Нов. Вр.“ № 13138 — „Кадетская ученость“.

См. также статью С. Н. Трегубова—„Шпіонство и соприкасающіяся съ нимъ преступныя дѣянія по закону 5 іюля 1912 года“. („Журн. Мин. Юстиціи“, февраль 1913 года).

[1]) Новые законы Германіи и Австріи проходили въ послѣдней стадіи движенія черезъ законодательныя палаты въ ближайшіе передъ войною дни, а потому, не имѣя ихъ текста, мы разсматриваемъ проекты въ томъ видѣ, какъ они были внесены въ парламенты.

вителей и въ маѣ 1913 года внесло въ рейхстагъ проектъ закона, отвѣчающій депутатскимъ пожеланіямъ.

Проектъ этотъ встрѣтилъ полное сочувствіе въ рейхстагѣ и, не смотря на газетную кампанію, направленную противъ чрезмѣрныхъ домогательствъ правительства Вильгельма, проектъ, какъ кажется, прошелъ въ предложенной редакціи. Конечно, этому успѣху немало содѣйствовала напряженная политическая атмосфера европейской жизни.

Разсматриваемое положеніе впервые даетъ опредѣленіе понятію *военной тайны*. Во-первыхъ, «подъ военными секретами» подразумѣваются письменные документы, которые, надо полагать, понимаются не въ техническомъ смыслѣ, а въ смыслѣ вообще бумагъ, — чертежи, а также различные предметы и свѣдѣнія, *сохраненіе коихъ въ тайнѣ необходимо въ интересахъ государственной обороны*. Такъ какъ приведенное опредѣленіе вовсе не разъясняетъ вопроса, то *военная тайна*, очевидно, и впредь будетъ опредѣляться согласно понятіямъ, установленнымъ германской судебной практикой, которая военными тайнами называетъ всѣ свѣдѣнія военнаго характера, бывшія неизвѣстными до этого времени иностранному правительству. При этомъ для понятія военнаго секрета вовсе не имѣетъ значенія степень публичности и распространенности этихъ свѣдѣній въ предѣлахъ Германіи. Во-вторыхъ, военными секретами, по проекту, «безъ надобности въ какихъ-либо разъясненіяхъ», являются всѣ предметы и свѣдѣнія, сохраненіе коихъ въ тайнѣ въ интересахъ государственной обороны *предписано распоряженіемъ высшаго военнаго управленія* (§ 1).

За добываніе военнаго секрета, съ цѣлью сообщить о немъ во вредъ безопасности государства (§ 3), а также за умышленную передачу, съ тою же цѣлью, военнаго секрета (§ 2) опредѣляется, въ зависимости отъ обстоятельствъ, простая тюрьма на срокъ до 10 лѣтъ, либо каторжная тюрьма на срокъ до 15 лѣтъ. Если же виновный «могъ предвидѣть», что выдача секрета представляла значительную опасность для

государства, то продолжительность заключенія въ каторжной тюрьмѣ можетъ быть пожизненная. При этомъ вопросъ о томъ, «могъ ли» виновный предвидѣть опасность для Германской имперіи отъ своихъ дѣйствій, конечно, будетъ разрѣшаться на основаніи заключенія военныхъ экспертовъ, играющихъ, какъ извѣстно, особую роль въ лейпцигскихъ процессахъ о шпіонахъ.

Стремленіе германскихъ властей охранить отъ любопытныхъ взоровъ свои военныя мѣропріятія простирается столь далеко, что проектъ считаетъ нужнымъ карать даже такія дѣйствія, которыя по точному смыслу самаго положенія ничего общаго со шпіонствомъ не имѣютъ. А именно: добываніе или сообщеніе *другому* свѣдѣній, сохраненіе которыхъ въ тайнѣ предписано распоряженіемъ высшаго военнаго управленія, хотя бы «*безъ умысла тѣмъ повредить безопасности государства*», наказываются заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости до пяти лѣтъ (§§ 3 и 5); къ тому же, любопытно отмѣтить, что добываніе или сообщеніе другому военныхъ секретовъ *неформальнаго характера* по проекту можетъ быть *только въ шпіонскихъ видахъ*. Очевидно, что изложенныя постановленія были направлены противъ тѣхъ иностранцевъ (офицеровъ, корреспондентовъ и т. п.), которые, пріѣзжая въ Германію, интересовались ея военнымъ дѣломъ, не будучи въ то же время шпіонами.

§§ 6 и 7 предусматриваютъ приготовительныя стадіи къ шпіонской дѣятельности, «если дѣло не дошло до совершенія преступленія или до наказуемаго покушенія».

Совершенно непозволительнымъ, съ политической точки зрѣнія, является положеніе § 17, устанавливающее наказуемость по германскимъ законамъ *иностранца* за преступленія шпіонства, *совершенныя имъ за границей*. До сихъ поръ, согласно пункта 2 части 2 § 4 германскаго уголовнаго уложенія за преступленія шпіонства, учиненныя за границей, подлежали отвѣтственности *только германскіе подданные*.

Въ практическомъ примѣненіи § 17 германскаго проекта привелъ бы къ тому, что всѣ иностранные офицеры, исполняющіе въ своемъ отечествѣ развѣдывательныя функціи, вступивъ, хотя бы проѣздомъ, на германскую территорію, были бы арестованы и водворены въ каторжныя тюрьмы.

Въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ проектъ караетъ лишеніемъ свободы или денежнымъ штрафомъ того, кто вопреки объявленному воспрещенію военной власти войдетъ «въ какое-либо военное учрежденіе» или на военное судно; кто въ крѣпости, въ военномъ портѣ или въ окружающихъ ихъ районахъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны, не соблюдаетъ явочныхъ правилъ о пребываніи въ этихъ мѣстахъ; наконецъ, кто безъ разрѣшенія настоящей военной власти производитъ или распространяетъ фотографическіе снимки съ крѣпостныхъ построекъ, съ построекъ морского вѣдомства, въ которыхъ хранятся боевые припасы или мины, съ военныхъ сараевъ для воздушныхъ аппаратовъ и съ военныхъ станцій безпроволочнаго телеграфа (§ 13).

За невѣрныя свѣдѣнія о своей личности, данныя «присутственному мѣсту, должностному лицу или *военнослужащему*», во время пребыванія «въ какомъ-либо военномъ учрежденіи», «а также въ пунктахъ, гдѣ складываются, исправляются и хранятся предметы, потребные вооруженнымъ силамъ страны», грозитъ заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости до году, «если только обстоятельства совершенно не исключаютъ возможности сопоставить пребываніе въ данномъ мѣстѣ или невѣрныя показанія съ цѣлями выдачи государственныхъ тайнъ». (§ 8). Если же у властей явится какая-либо «возможность» сдѣлать подобное «сопоставленіе», то заподозрѣнное лицо, хотя бы увлеченное однимъ лишь любопытствомъ, причисляется къ агентамъ тайной развѣдки.

Изъ нашего бѣглаго обзора видно, какой китайской стѣной германскія власти пытались обнести всѣ пункты и районы, обслуживающіе тѣмъ или другимъ способомъ нужды арміи. Теперь мы знаемъ, къ чему германскому правительству требо-

валась подобная наглая юридическая стряпня. Готовясь къ войнѣ, Вильгельму нужно было во что бы то ни стало обмануть бдительность Европы, а для этого, по воззрѣніямъ германскаго императора, всѣ средства хороши [1]).

Австрійскій законъ 1914 г. (по проекту).

Подобно Германіи и австрійское правительство, не смотря на имѣвшійся выработанный уже проектъ уголовнаго уложенія, не дожидаясь введенія ею въ дѣйствіе, лѣтомъ 1913 г. внесло въ парламентъ новый проектъ объ «измѣнѣ во время войны, выдачѣ военныхъ тайнъ, шпіонствѣ» и прилегающихъ къ нимъ преступленіяхъ. Австрійская палата господъ одобрила правительственный проектъ 27 іюня, который затѣмъ былъ переданъ на разсмотрѣніе въ палату депутатовъ, гдѣ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе, и въ настоящее время превратился уже въ законъ.

Изъ смысла объяснительной записки ясно, что разсматриваемый проектъ явился отвѣтнымъ актомъ на послѣдніе законы этого рода Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, по преимуществу, конечно, Россіи. То же самое говорилъ намъ, весною 1912 года, въ день процесса лейтенанта Валлоха, генералъмаіоръ Alfred Edler von Schenk, *имѣвшій офиціальное порученіе изложить въ качествѣ эксперта на судѣ мнѣніе австрійскаго генеральнаго штаба по вопросу о военныхъ тайнахъ Россіи.* «Хотя у васъ издали новый, болѣе строгій законъ противъ шпіоновъ, но мы издадимъ еще строже».

Слова генерала сбылись.

Австрійскій проектъ не только строгъ, но даже жестокъ, и жестокъ не тяжестью проектируемыхъ наказаній, а тѣмъ соблазномъ произвола и насилія, который широко предоставляется усмотрѣнію полиціи и суда.

---

[1]) По поводу германскаго проекта, см. также редакціонную статью въ „Нов. Вр.“ (№ 13365)—„Законы о шпіонствѣ“ и „Право“ (хроника) 1913 г. № 28.

Положенія проекта крайне казуистичны и не логичны. Видно, что его составители не поняли или не пожелали понять существа тѣхъ преступныхъ дѣяній, на борьбу съ которыми предназначается новый законъ, почему къ шпіонству сопричислены поступки, не только не имѣющіе ничего общаго съ этого рода дѣятельностью, но даже лишенные вовсе какого-либо преступнаго характера.

Проектъ предусматриваетъ: 1) *измѣну во время войны*; 2) *нарушеніе военныхъ тайнъ*: а) простое, б) квалифицированное, и в) по нерадѣнію; 3) *шпіонство*: а) простое и б) квалифицированное; 4) *приготовительныя дѣйствія* къ выдачѣ тайнъ и къ шпіонству; 5) *опубликованіе военныхъ тайнъ*; 6) *производство военныхъ съемокъ*, и 7) *проникновеніе* въ запретныя мѣста. Тяжесть наказанія за всѣ перечисленныя преступленія опредѣлена въ зависимости отъ того, въ мирное время или во время войны они учинены, за исключеніемъ *военной измѣны*, которая, по приданной конструкціи, возможна только во время войны.

Шпіонство опредѣляется, какъ «вывѣдываніе, съ цѣлью сообщенія иностранному государству, о фактахъ, приготовленіяхъ или предметахъ, кои касаются вооруженныхъ силъ или военной обороны монархіи и *не разсматриваются и не почитаются, какъ публичные*». Наказаніе за шпіонство въ мирное время—каторга или тюрьма на срокъ отъ 1-го до 10-ти лѣтъ; если же отъ дѣйствій виновнаго пострадали военные интересы государства, то сроки лишенія свободы назначаются на время отъ 2 до 15 лѣтъ (§ 126, ч. 2) [1]).

Къ этимъ же наказаніямъ и на тѣхъ же основаніяхъ приговаривается виновный *въ сообщеніи* другому лицу, съ цѣлью передачи иностранному государству о фактахъ, приготовленіяхъ или предметахъ, кои касаются вооруженныхъ силъ или

---

[1]) Нумерація статей разсматриваемаго проекта пріурочена къ нумераціи проекта уголовнаго уложенія, въ виду чего, вѣроятно, новый законъ будетъ внесенъ въ уложеніе.

военной обороны монархіи и *не почитаются и не разсматриваются, какъ публичные* (§ 123, ч. 2).

Проектъ находитъ допустимымъ считать *шпіонствомъ* умышленное вывѣдываніе указанныхъ выше свѣдѣній даже въ томъ случаѣ, когда виновный дѣйствуетъ *вовсе безъ цѣли сообщить эти свѣдѣнія агенту иностраннаго государства*. Въ этомъ случаѣ опредѣляется заключеніе въ тюрьмѣ или арестъ на срокъ отъ 4 недѣль до 3 лѣтъ (§ 126, ч. 1).

Шпіонство есть видъ государственной измѣны, а измѣна, по словамъ профессора Листа [1]),—правда, сказаннымъ еще до войны, а потому теперешнее мнѣніе его, быть можетъ, измѣнилось,—отличается отъ другихъ государственныхъ преступленій *наличностью соглашенія съ правительствомъ или агентомъ иностраннаго государства*. Слѣдовательно, безъ наличія *спеціальнаго соглашенія* нѣтъ измѣны, а потому и виновный въ вывѣдываніи, указанномъ ч. 1 § 126, не *можетъ почитаться шпіономъ*. Мы скажемъ больше: при той конструкціи, которая придана ч. 1 § 126, въ дѣйствіяхъ виновнаго нельзя усмотрѣть вообще никакого преступленія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, наказуемымъ *вывѣдываніемъ* пришлось бы считать разспросы путешественниковъ, обратившихъ вниманіе на какіе-либо предметы, «кои не почитаются и не разсматриваются австрійскими властями, какъ публичные». Въ Австріи къ этому и клонили.

«Шпіонствомъ въ Австріи, по словамъ спеціальнаго слѣдователя Шаупа, извѣстнаго русской публикѣ по дѣлу г. Алехина, считается добываніе всякихъ свѣдѣній, касающихся Австріи». Это опредѣленіе шпіонства, выработанное практикой австрійской полиціи, закрѣпляется разсматриваемымъ законоположеніемъ.

На ряду съ простымъ шпіонствомъ (§ 126, ч. 1), проектъ наказываетъ тюрьмой или арестомъ отъ 4 недѣль до 3 лѣтъ «умышленное сообщеніе неуполномоченному лицу» свѣдѣній,

[1]) См. его „Учебникъ уголовнаго права. Часть особенная". Переводъ г. Ельяшевичъ.

о которыхъ выше шла рѣчь, но при условіи, если этимъ сообщеніемъ *будетъ причиненъ вредъ интересамъ государства* (ч. 1 § 123).

Приведенное положеніе опять-таки никакого отношенія къ шпіонству не имѣетъ, такъ какъ для состава преступленія, предусматриваемаго этой статьей, не требуется наличія спеціальнаго умысла—сообщенія свѣдѣній агенту иностранной державы. Надо полагать, что включено оно съ тою же цѣлью—развязать руки тайной полиціи въ борьбѣ съ преслѣдовавшимъ австрійскихъ военныхъ властей призракомъ русскаго шпіонажа. Введеніе ограничительнаго признака,—наличіе вреда интересамъ государственной обороны,—необходимаго для наказуемаго умышленнаго сообщенія австрійскихъ тайнъ, на практикѣ отнюдь не могло уменьшить область примѣненія этой статьи въ силу того соображенія, что признаніе факта причиненія ущерба государству находится опять-таки въ рукахъ военныхъ экспертовъ, которые, по свидѣтельству судебной практики, въ этомъ вопросѣ были предусмотрительны до болѣзненности.

Въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ проектъ караетъ приготовленія, въ интересахъ иностраннаго государства, къ выдачѣ военныхъ тайнъ или къ шпіонству (§ 128); опубликованіе военныхъ приготовленій, вопреки состоявшемуся запрещенію правительства (§ 129) снятіе, безъ надлежащаго разрѣшенія, плана, изображенія, либо иного рисунка, предназначенныхъ для военныхъ цѣлей; чертежей безпроволочнаго телеграфа; укрѣпленія, а равно строенія или мѣста, служащихъ для государственной обороны (§ 130) и, наконецъ, проникновеніе, не смотря на запрещеніе надлежащихъ властей, на военное судно, въ крѣпость, крѣпостныя сооруженія, военный заводъ или другое военное учрежденіе, а также и попытку проникновенія въ указанныя мѣста путемъ введенія въ заблужденіе относительно своей личности охраняющей стражи (§ 456).

Итакъ, новое твореніе австрійской юридической мудрости пыталось узаконить возмутительныя насилія, творимыя полиціей надъ иностранцами, посѣщавшими эту страну, обративъ всякое лицо, почему-либо имѣвшее честь привлечь на себя вниманіе тайныхъ агентовъ, въ шпіона.

Къ счастью, военная катастрофа Австріи исключила навсегда возможность повторенія въ будущемъ австрійскихъ наглостей. По крайней мѣрѣ, будемъ на это надѣяться [1]).

Разсмотрѣвъ положительныя законодательства по вопросу о шпіонствѣ за сто лѣтъ, можно сдѣлать нѣкоторые выводы. По тѣмъ признакамъ, которые запечатлѣлись въ различныхъ законахъ, видно, какъ измѣнились взгляды на суть шпіонства.

Подготовляя франко-прусскую войну, нѣмцы ставили своимъ агентамъ уже довольно широкія задачи, но сколь широка ни была эта постановка шпіонства, она съ теченіемъ времени оказалась узкой и въ настоящее время тайная развѣдка задается лишь общими цѣлями—слѣдить за военнымъ дѣломъ даннаго государства въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Можно положительно утверждать, что нынѣ нѣтъ такого факта въ жизни иностранныхъ армій, который бы не интересовалъ нѣмецкихъ шпіоновъ. Наказуемость за сообщеніе иностраннымъ правительствамъ или ихъ агентамъ только секретныхъ свѣдѣній уже не можетъ считаться сколько-нибудь соотвѣтствующей положенію вещей. Настало время, когда, оцѣнивая преступленіе шпіонства, нужно болѣе обращать вниманія на свойства умысла даннаго лица, чѣмъ на результатъ его дѣйствій.

Вотъ почему по нѣкоторымъ позднѣйшимъ законодательствамъ наказуемымъ является не только сообщеніе иностран-

---

[1]) Лѣтомъ 1913 года въ Швеціи изданъ законъ о шпіонствѣ. Разборъ его см. въ нашей статьѣ „Шведская шпіономанія“. (Нов. Вр. № 13757).

нымъ правительствамъ всѣхъ свѣдѣній, а не только секретныхъ, но даже одно лишь соглашеніе на шпіонство.

Самое понятіе военной тайны потерпѣло коренное измѣненіе. Будучи строго ограничена по code pénal, военная тайна въ наше время чрезмѣрно расширяетъ рамки, доходя въ новыхъ германскомъ и австрійскомъ проектахъ до абсурдныхъ границъ и уже не можетъ быть охарактеризована формальными признаками, о чемъ подробно поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Военная тайна въ жизни, въ законѣ и въ судебной практикѣ.

Правильное пониманіе военной тайны имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ государственной обороны, а между тѣмъ трудно найти другой вопросъ, который былъ бы болѣе споренъ и менѣе разработанъ, чѣмъ вопросъ о понятіи и объемѣ военной тайны. Поэтому, не претендуя на полноту освѣщенія понятія военной тайны, мы хотѣли бы всего лишь намѣтить критеріумъ для установленія взгляда, наиболѣе отвѣчающаго военнымъ интересамъ государства. Для этого будетъ небезъинтересно разсмотрѣть, какъ понимается «военная тайна» въ жизни, какія опредѣленія даются ей въ положительныхъ законодательствахъ и какая практика выработалась въ судебныхъ установленіяхъ Россіи, Германіи и Австріи.

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что установившіяся въ мирное время понятія по этому вопросу въ военномъ обществѣ не могли служить къ охраненію военныхъ интересовъ государства, такъ какъ у насъ придерживались того простого принципа, что, дескать, пусть начальство обозначаетъ свѣдѣнія, которыя желаетъ сохранить въ тайнѣ, надписью «секретно»,

Приведенная точка зрѣнія, не смотря на свою заманчивую простоту, совершенно не отвѣчаетъ истинному положенію дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что, въ интересахъ военной обороны страны, данныя свѣдѣнія должны сохраняться въ тайнѣ отъ правительства иностраннаго государства не потому, что они

обозначены надписью «секретно», а потому, что, будучи сообщенными иностраннымъ властямъ, онѣ способствуютъ правильной оцѣнкѣ боевой силы арміи и уразумѣнію истинныхъ намѣреній правительства.

Изъ этихъ соображеній ясно, во-первыхъ, что военное значеніе свѣдѣній прежде всего зависитъ отъ момента, когда онѣ сообщены иностраннымъ властямъ и, во-вторыхъ, что характеръ переданныхъ свѣдѣній нельзя опредѣлять по формальному признаку—присутствію или отсутствію надписи «секретно», «довѣрительно» и т. п.

Составители нашего уголовнаго уложенія 1903 года глубоко заблуждались, полагая, что свѣдѣнія, опубликованныя или сдѣлавшіяся «общенародно-извѣстными», уже не имѣютъ значенія для внѣшней безопасности страны, такъ какъ по ихъ мнѣнію, подобныя свѣдѣнія «конечно» не могутъ почитаться секретными.

Съ этимъ взглядомъ согласиться никакъ нельзя. Важность сообщенныхъ свѣдѣній, а слѣдовательно ихъ значеніе, зависятъ главнымъ образомъ *отъ момента*, когда онѣ сообщены. То или иное настроеніе правительства, его истинная внѣшняя политика опытному лицу будетъ видна изъ самыхъ, казалось бы, ничтожныхъ повседневныхъ распоряженій по арміи. Всѣ наиболѣе секретныя изъ этихъ распоряженій имѣютъ своихъ указателей въ общеизвѣстныхъ свѣдѣніяхъ, а при систематическомъ собираніи таковые невинные указатели краснорѣчиво говорятъ опытнымъ людямъ о намѣреніяхъ правительства, въ особенности въ моменты натянутыхъ дипломатическихъ сношеній, являясь предвозвѣстниками войны или мира. Въ предвидѣніи войны самые, казалось бы, ничтожные факты могутъ сыграть весьма важную роль, и, наоборотъ, много свѣдѣній, отмѣченныхъ надписью «секретно», не будутъ уже имѣть никакого или же весьма малое значеніе.

Очевидно, что съ того момента, когда адмиралъ Того получилъ приказъ атаковать нашъ флотъ въ Портъ-Артурѣ, то для японскаго правительства, напримѣръ, переписка Петро-

града съ намѣстникомъ на Дальнемъ Востокѣ о возможности войны уже не имѣла значенія, не смотря на ея исключительно секретный характеръ.

И дѣйствительно, нѣмецкимъ шпіонамъ вмѣняется въ обязанность собирать и доставлять по принадлежности всѣ свѣдѣнія, касающіяся арміи, не входя въ оцѣнку добытого. Опасность шпіонства — въ ремеслѣ, въ томъ, что, занимаясь повседневно собираніемъ свѣдѣній, шпіонъ совершенно неожиданно для себя можетъ найти жемчужное зерно въ мусорной массѣ незначительныхъ извѣстій. Вотъ почему нѣмецкіе шпіоны для полученія нужныхъ имъ свѣдѣній, не пренебрегаютъ никакими источниками, пожиная порою обильную жатву тамъ, гдѣ ее нельзя было ждать. Напримѣръ, германскій генеральный штабъ говоритъ, что послѣ сраженія при Вертѣ, потерявъ соприкосновеніе съ французской арміей, нѣмецкая главная квартира почерпала свѣдѣнія о противникѣ изъ газетъ. Извѣстно также, что движеніе Макъ-Магона изъ Реймса нѣмцы узнали, благодаря англійской печати.

Телеграммы, помѣщавшіяся офицерами въ минувшую кампанію о перевалѣ черезъ Уралъ, о достиженіи Байкала и прибытіи въ армію, конечно, принадлежатъ къ категоріи общеизвѣстныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ при систематическомъ разсмотрѣніи этихъ телеграммъ можно было составить вѣрный графикъ пропускной способности нашей дороги, что уже безусловно касается внѣшней безопасности Россіи и должно было храниться въ тайнѣ отъ японцевъ. Дѣло, значитъ, въ систематическомъ собираніи свѣдѣній и умѣньи разобраться въ фактахъ.

Большой интересъ представляетъ въ этомъ смыслѣ мнѣніе весьма компетентнаго лица, бывшаго австрійскаго военнаго министра, изложенное на процессѣ шпіона Бартмана, въ 1897 г. Бартманъ, по словамъ генерала Бека, сообщалъ лишь тѣ свѣдѣнія, которыя доступны всякому, но, благодаря своей способности, опирающейся на интеллигентность, ловко сопоставлять факты, знанію быта австрійской арміи и умѣнью выпытывать

нужныя ему свѣдѣнія, — для исправленія брешей, кои имъ были причинены, Австрія должна была затратить около 30-ти милліоновъ гульденовъ. Вредъ, нанесенный Бартманомъ, сравнивался съ проигрышемъ большого сраженія.

Мы полагаемъ, что, во-первыхъ, нѣтъ такихъ свѣдѣній государственнаго или военнаго характера, которыя бы, при извѣстныхъ условіяхъ, не имѣли значенія для иностраннаго государства и, во-вторыхъ, что нѣтъ такого секрета, который бы являлся абсолютной тайной. Въ подтвержденіе сказаннаго, приводимъ взглядъ на военную тайну французскаго военнаго министра генерала Фрейсине, высказанный на процессѣ Дрейфуса.

«Врядъ ли можно, пояснилъ генералъ, говорить серьезно о военныхъ секретахъ въ мирное время, да этихъ секретовъ, строго говоря, не существуетъ. Мобилизація? Какъ у насъ, такъ равно и у нашихъ сосѣдей она производится въ кругу собственной территоріи. Когда вы замѣчаете, что въ какой-либо мѣстности, не насчитывающей двухъ или трехъ тысячъ жителей, проведено семь или восемь желѣзнодорожныхъ параллельныхъ путей, находятся провіантскіе магазины и депо, то становится совершенно яснымъ, что это и есть пунктъ сосредоточенія войскъ.

«Однако, бываютъ случаи, продолжаетъ Фрейсине, когда сохраненіе секрета можетъ принести огромную пользу, напримѣръ, въ періодъ переформированія и перевооруженія арміи. Если секретъ новаго орудія или ружья будетъ тщательно сохраненъ только на время изготовленія ихъ на заводахъ, то указанное обстоятельство можетъ на цѣлый годъ или, по крайней мѣрѣ, на полгода обусловить перевѣсъ нашей боевой готовности надъ противной стороной, но по окончаніи перевооруженія скрывать принятые новые образцы является дѣломъ абсолютно невозможнымъ» [1]).

---

[1]) Цитировано по статьѣ кн. Максутова „За кулисами военнаго дѣла“. См. Русск. Инв., 1908 г. № 206.

Мы пойдемъ дальше и скажемъ, что въ каждомъ государствѣ есть масса крайне важныхъ свѣдѣній, сохранить въ тайнѣ *которыя внутри государства* не представляется возможнымъ. Для примѣра, хотя бы, укажемъ на фортификаціонныя укрѣпленія любой крѣпости. Развѣ можно укрыть отъ взоровъ *окружающихъ жителей* состояніе верковъ, мѣсторасположеніе фортовъ, ходъ работъ по возведенію новыхъ сооруженій, расширеніе или сокращеніе крѣпостныхъ районовъ и т. п.? Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что передача иностраннымъ правительствамъ указанныхъ, а равно подобныхъ имъ свѣдѣній, можетъ допускаться безпрепятственно.

Теперь посмотримъ, какъ опредѣляется военная тайна въ положительныхъ законодательствахъ.

Для понятія тайны по французскому закону 18 апрѣля 1886 года прежде всего требуется выяснить—имѣютъ ли данныя свѣдѣнія значеніе для защиты страны, или же нѣтъ? Названный законъ (ст. 1, п. 1) охраняетъ сообщеніе или разглашеніе «въ цѣломъ или частяхъ, плановъ, рукописей или секретныхъ документовъ, *имѣющихъ значеніе для территоріи или внѣшней безопасности государства*».

Изъ приведеннаго текста французскаго закона вытекаетъ съ несомнѣнной ясностью, во-первыхъ, что при нарушеніи военной тайны наличіе формальнаго секрета требуется лишь въ отношеніи документовъ (plans, ecrits ou *documents secrets*), и, во-вторыхъ, что изъ секретныхъ документовъ характеръ военной тайны придается лишь тѣмъ изъ нихъ, которые «имѣютъ значеніе для защиты территоріи или внѣшней безопасности государства».

Австрійскій дѣйствующій законъ (§ 67 (60) и проектъ уголовнаго уложенія 1909 года (§ 126) критеріемъ военной тайны считаютъ признакъ *публичности*, отличаясь между собою лишь въ редакціонномъ смыслѣ. Такъ, по дѣйствующему закону подъ военной тайной въ мирное время нужно разумѣть «относящіеся до военныхъ силъ государства или его военной обороны приготовленія и предметы, *кои не почи-*

таются и не разсматриваются государствомъ какъ публичные» (öffentlich).

Приблизительно того же признака, при опредѣленіи военной тайны, придерживается законъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 3 марта 1911 года, воспрещая собираніе, полученіе и сообщеніе иностранному правительству «свѣдѣній, относящихся къ государственной оборонѣ, *знаніе коихъ виновному по закону не вмѣнено*». Въ частности, законъ этотъ называетъ «документъ, рисунокъ, фотографію, фотографическій негативъ, планъ, модель».

Германское уголовное уложеніе (§ 92) требуетъ сохранять въ секретѣ «государственныя тайны (Staatsgeheimniss), планы крѣпостей или такіе документы, акты или свѣдѣнія (Nachricht), *сохраненіе въ тайнѣ которыхъ отъ иностранныхъ правительствъ* необходимо для блага Германской имперіи или одного изъ государствъ союза».

По германскому закону 3 іюля 1893 года военной тайной считаются «документы, рисунки или иные предметы, содержаніе коихъ въ секретѣ требуется интересами обороны государства».

Со времени изданія закона 1893 года въ Германіи военные интересы охранялись этимъ законоположеніемъ, гарантирующимъ болѣе широкую ихъ защиту, а тайны государственныя охранялись по прежнему п. 1 ст. 92 уголовнаго уложенія 1870 года [1]).

Англійскій законъ 1911 г. военной тайной, воспрещенной къ передачѣ иностранному правительству, объявляетъ: кроки, планы, модели, предметы или замѣтки или иные документы или свѣдѣнія, могущіе, по свойству своему, прямо или косвенно, быть полезными для него или могущіе оказаться таковыми, по обстоятельствамъ отдѣльнаго случая.

---

[1]) Не зная въ точности позднѣйшій германскій законъ о шпіонствѣ, мы не можемъ опредѣлить, какъ стоитъ этотъ вопросъ въ настоящее время.

Сверхъ того, этотъ законъ даетъ перечень «запрещенныхъ мѣстъ», къ которымъ возбраняется «приближаться», находиться «въ сосѣдствѣ съ послѣдними», или проникать въ нихъ, съ какою-либо цѣлью, противною безопасности или интересамъ государства.

Подъ запрещеннымъ мѣстомъ по смыслу разсматриваемаго закона понимается:

«а) оборонительныя сооруженія, военные склады, фабрика, докъ, лагерь, судно, телеграфъ, сигнальная станція, присутственныя мѣста и вообще всякія мѣста, принадлежащія его величеству, предположенныя для постройки, починки и производства, а также храненія судовъ, оружія и другихъ предметовъ или орудій, употребляемыхъ во время войны, или плановъ и документовъ, къ сему относящихся;

б) мѣста, хотя и не принадлежащія его величеству, въ которыхъ по порученію его величества или по договору съ кѣмъ-либо дѣйствовавшимъ по его порученію или по какому-либо иному основанію отъ его имени, производятся, чинятся или хранятся суда, оружія или иные матеріалы или орудія, употребляемые во время войны или планы и документы, къ нимъ относящіеся;

в) мѣста, принадлежащія его величеству и временно объявленныя государственнымъ секретаремъ запрещенными въ виду того, что свѣдѣнія о нихъ или вредъ, имъ причиненный, были бы полезны иностранному государству;

г) желѣзная дорога, шоссе или другая какая-либо дорога, каналъ или иные пути сообщенія—сухопутные или морскіе (включая сооруженія, составляющія часть таковыхъ или находящихся въ связи съ ними), или мѣста, предназначенныя для газовыхъ, водяныхъ, электрическихъ или иныхъ сооруженій общественнаго характера или какія-либо мѣста, въ коихъ производятся, чинятся или хранятся не по порученію его величества суда, оружіе или иные матеріалы или орудія, употребляемые во время войны, или планы и документы къ нимъ относящіеся, если таковые мѣста объявлены государ-

ственнымъ секретаремъ временно запрещенными, на основаніи сей статьи, въ виду того, что свѣдѣнія относительно сихъ мѣстъ, ихъ разрушеніе, поврежденіе или посягательства на нихъ были бы полезны иностранному государству».

Понятіе «запрещенныхъ мѣстъ» знакомо также закону Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, который караетъ того, «кто съ цѣлью полученія свѣдѣній, относящихся къ государственной оборонѣ, знаніе коихъ ему по закону не вмѣнено, войдетъ на какое-либо судно или въ адмиралтейство, морскую станцію, фортъ, батарею, минную станцію, арсеналъ, лагерь, зданіе, канцелярію или всякое другое мѣсто, имѣющее отношеніе къ государственной оборонѣ».

Нашъ законъ 5 іюня 1912 года воспрещаетъ сообщать правительству или агенту иностраннаго государства вообще свѣдѣнія или предметы, касающіеся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ или сооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны.

Наиболѣе важныя свѣдѣнія съ военной точки зрѣнія обозначены, какъ «долженствующія сохраняться въ тайнѣ». Къ этой категоріи отнесены: «планъ, чертежъ, рисунокъ либо иное изображеніе или описаніе россійскаго укрѣпленнаго мѣста, установленнаго района, либо эспланады онаго, военнаго судна, либо иного сооруженія, предназначеннаго для военной обороны страны, документъ, касающійся мобилизаціи и вообще распоряженія на случай войны».

Изъ приведенныхъ справокъ въ положительныхъ законоположеніяхъ видно, во-первыхъ, что понятіе военной тайны опредѣляется ими въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ; во-вторыхъ, что формальный признакъ тайны допустимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтственность за ея нарушеніе обусловливается прямымъ умысломъ, т. е. признакомъ завѣдомости и, въ-третьихъ, что оцѣнка характера свѣдѣній зависитъ отъ того, оглашаются ли свѣдѣнія внутри государства или сообщаются иностранному правительству.

Неопредѣленность законодательныхъ формулъ вызвала, какъ и можно было ожидать, обширную и разнообразную судебную практику по этому вопросу.

Въ австрійской судебной практикѣ, вопреки точному смыслу уголовнаго закона (§ 67), характеру переданныхъ иностранному государству свѣдѣній не придаютъ никакого значенія. Для осужденія въ вѣнскомъ судѣ, какъ свидѣтельствуетъ практика, достаточно одного лишь *предположенія*, что заподозрѣнный занимался шпіонствомъ или что онъ получалъ письма «со шпіонскими задачами».

Въ частности, въ дѣлѣ Дырча и Міодроговича, вѣнскій окружный судъ, соглашаясь съ заключеніемъ военнаго министерства отъ 17 мая 1909 года, призналъ военной тайной «съемку дорогъ, шоссе, желѣзныхъ дорогъ, водяныхъ путей, искусственныхъ сооруженій, мостовъ и т. д. при шоссе и желѣзныхъ дорогахъ, а равно ихъ фотографическіе снимки... Маршрутные съемки, т. е. чертежи путей сообщенія, которые кромѣ полотна дороги, содержатъ еще детали (подъемы и скаты; мѣста для отдыха и бивака, разъѣзды, колодцы, свѣдѣнія о продовольственныхъ запасахъ и т. д.).

«Такіе чертежи, по мнѣнію австрійскихъ стратеговъ, служатъ основаніемъ для разработки оперативныхъ плановъ, въ виду того, что направленіе и продолжительность операцій зависятъ отъ состоянія путей сообщенія. По существующей классификаціи дорогъ на картѣ можно составить только относительно правильное понятіе объ ихъ устройствѣ и состояніи, и лишь на основаніи такихъ детальныхъ съемокъ, какъ сказано выше, можно опредѣлить ихъ провозоспособность для различныхъ обозовъ и войскъ, время пользованія для колоннъ и необходимыя работы, дабы ихъ сдѣлать годными для слѣдованія нѣкоторыхъ армейскихъ транспортовъ (обозовъ)».

Въ процессѣ Мурмана (6—8 ноября 1912 г. н. с.) вѣнскій окружный судъ согласился съ экспертами, маіоромъ Ронге и капитаномъ Ульманскимъ, что «точное знаніе устройства вооруженныхъ силъ предполагаемаго противника... полу-

чается частью изъ текущей иностранной военной литературы, частію по донесеніямъ военныхъ агентовъ». «Развѣдка желѣзныхъ дорогъ, а равно нѣкоторыхъ областей», по ихъ мнѣнію, должна быть признана шпіонствомъ.

Приведенные примѣры показываютъ, какъ широко понимается въ Австріи военная тайна. Въ судебной практикѣ этой нѣмецкой имперіи первоначально рѣшается вопросъ: не предназначались ли подлежащія изслѣдованію свѣдѣнія сообщенію иностранному государству и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, всѣ подобныя свѣдѣнія признаются не подлежащими оглашенію, въ томъ предположеніи, что «выдача ихъ иностранному государству можетъ принести имперіи величайшій вредъ».

Въ германской судебной практикѣ понятію военной тайны также было придано слишкомъ распространительное толкованіе, вовсе не отвѣчающее буквѣ закона. Согласно рѣшенію германскаго Reichsgericht'а 12 мая 1884 года [1]), понятіе военной тайны по германскому праву отнюдь не сводится къ установленію чисто формальнаго требованія неоглашенія этихъ свѣдѣній и предметовъ, т. е. вовсе не требуется, чтобы на нихъ было означено «довѣрительно», «секретно»». Формальное обязательство сохраненія свѣдѣнія въ тайнѣ, говоритъ Reichsgericht, не равносильно требованію матеріальнаго сохраненія его въ тайнѣ отъ иностраннаго правительства. Это явствуетъ уже изъ того соображенія, что формальное сохраненіе свѣдѣній въ секретѣ можетъ имѣть мѣсто лишь по отношенію къ свѣдѣніямъ, воспроизведеннымъ посредствомъ печати, письма или иного способа механическаго размноженія. Между тѣмъ есть много другихъ свѣдѣній, которыя не воспроизведены и не могутъ быть воспроизведены однимъ изъ указанныхъ способовъ размноженія и въ то же время доступны лишь опредѣленному кругу избранныхъ лицъ, сообщаются ими въ

[1]) См. „Объяснительную записку“ къ проекту нашего Уголовнаго Уложенія 1903 года, т. 2-й.

видѣ тайны и не подлежатъ сообщенію лицамъ, къ сему кругу не принадлежащимъ, а тѣмъ болѣе иностранному правительству, такъ какъ, въ видахъ внѣшней безопасности государства, должны быть сохраняемы въ тайнѣ. Поэтому, согласно приведенному рѣшенію Reichsgericht'a, въ случаѣ признанія, что данное свѣдѣніе не было извѣстно иностранному государству, для состава преступленія безразлично, сохранялось ли это свѣдѣніе въ тайнѣ и внутри государства, или же оно было общеизвѣстно или извѣстно опредѣленному кругу лицъ въ предѣлахъ государства. Равнымъ образомъ безразлично и число лицъ, коимъ свѣдѣніе было извѣстно. Однако, эти обстоятельства могутъ имѣть существенное значеніе для разрѣшенія другого чисто фактическаго вопроса о томъ, могло ли сообщеніе такого свѣдѣнія иностранному правительству поставить въ опасность германскую имперію или причинить ей вредъ. Но этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, исходя изъ мнѣнія военныхъ экспертовъ.

Обращаясь къ позднѣйшей германской судебной практикѣ, остановимся на дѣлѣ капитана Костевича, признаннаго, какъ извѣстно, берлинскимъ ландгерихтомъ (окружнымъ судомъ) виновнымъ въ подстрекательствѣ къ шпіонству.

Изъ обвинительнаго акта, составленнаго 12 сентября 1912 г. (н. с.) оберъ-прокуроромъ верховнаго суда, въ Лейпцигѣ, видно, что ходатайство кап. Костевича передъ военнымъ министерствомъ въ Берлинѣ осмотрѣть государственную фабрику оружія и боевыхъ припасовъ въ Шпандау было отклонено. Подобныя же ходатайства не были удовлетворены военными министерствами въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ въ виду того, что «германскія военныя министерства не хотѣли позволить осмотрѣть мастерскія, потому что они опасались, что могутъ быть обнаружены вещи, долженствующія быть сохраненными въ тайнѣ».

Вина капитана Костевича заключалась въ томъ, что, не вѣря рекламѣ Эргардтской фабрики, онъ пожелалъ лично

ознакомиться съ коллекціей образцовъ ея фабрикатовъ. По мнѣнію оберъ-прокурора верховнаго суда, это—преступленіе, это—шпіонство; посягательство на военныя тайны Германіи.

«Въ упомянутой коллекціи образцовъ Эргардтской фабрики, говоритъ обвинительный актъ, находятся образцы трубокъ, которыя, не составляя по существу особой тайны, все-таки являются частью боевого германскаго вооруженія. Ознакомленіе иностранной державы съ этими трубками обнаружило бы современное состояніе германскаго оборудованія трубками и такимъ образомъ принесло бы ущербъ безопасности Германской имперіи. Фабрика Эргардта въ 1911 году доставляла для германской арміи новыя двойныя трубки; эти трубки слѣдуетъ въ силу ихъ конструкціи хранить въ тайнѣ въ видахъ внѣшней безопасности.

«Вслѣдствіе того, что тайные предметы передаются войскамъ, говоритъ германскій прокуроръ, они, конечно, не теряютъ тайныхъ свойствъ, такъ какъ могутъ быть приняты мѣры для дальнѣйшаго держанія ихъ въ тайнѣ. Также вслѣдствіе описанія такого предмета въ книгахъ совершенно не утрачивается характеръ тайны, если умолчено о существенныхъ тайныхъ свойствахъ». Характеръ же тайны, замѣтимъ отъ себя, будутъ опредѣлять военные эксперты на подобіе маіора Ауберта, о которомъ рѣчь будетъ идти ниже.

Какъ видно, германцы очень широко понимаютъ военную тайну. Комментаторы закона 3 іюля 1893 года совершенно опредѣленно говорятъ: «возбраняется передавать другому государству какія-либо извѣстія о своемъ отечествѣ».

Приведенная точка зрѣнія поддерживалась германцами лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло не касалось нѣмецкаго шпіона, изобличеннаго въ какомъ-либо иностранномъ государствѣ. Въ этомъ случаѣ значеніе военной тайны изъяснялось въ другомъ смыслѣ, по которому выходило, что нѣмецкій шпіонъ не посягалъ на внѣшнюю безопасность заинтересованнаго государства, такъ какъ всѣ свѣдѣнія, собранныя агентомъ, относятся къ категоріи общеизвѣстныхъ фактовъ.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ, сошлемся на «экспертизу германскаго военнаго эксперта по дѣлу о лейтенантѣ Дамѣ, маіорѣ большого генеральнаго штаба Аубертѣ».

18 и 19 ноября 1912 года въ Варшавской судебной палатѣ слушалось дѣло лейтенанта прусской службы Дама, по обвиненію его въ томъ, что онъ, пріѣхавъ въ Россію, производилъ рекогносцировки и собиралъ свѣдѣнія о боевой готовности нашихъ войскъ, опрашивая проживающихъ въ Россіи извѣстныхъ ему лицъ.

Къ разбирательству дѣла, по уполномочію прусскаго военнаго министерства, въ качествѣ военнаго эксперта со стороны Дама прибылъ маіоръ большого генеральнаго штаба Аубертъ.

Когда судебная палата отказала допустить Ауберта въ залъ засѣданія, то Дамъ представилъ суду письменное заключеніе (на нѣмецкомъ языкѣ) Ауберта. Однако и это домогательство Дама было отклонено.

Уѣзжая поспѣшно въ Германію, послѣ своего осужденія къ 5-лѣтней каторгѣ, Дамъ оставилъ указанный документъ у своего защитника, благодаря чему мы имѣли возможность ознакомиться съ пресловутой экспертизой маіора Ауберта.

Разбирая обвиненіе Дама въ производствѣ рекогносцировокъ, Аубертъ приходитъ къ заключенію, что все это обвиненіе не что иное, какъ странное заблужденіе.

«Какъ производятся рекогносцировки, устанавливающія соотвѣтствіе карты съ мѣстностью?» спрашиваетъ Аубертъ,— и отвѣчаетъ:

«По преимуществу поѣздками въ экипажахъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Дамъ же проѣхалъ въ экипажѣ только на разстояніи:

а) Казань—Державино и

б) Ялта—Севастополь, посѣщаемыя ежегодно тысячами нѣмцевъ. Для рекогносцировки у него не хватило времени».

«Дама обвиняютъ въ повѣркѣ картъ. Необходимо замѣтить по этому поводу, говоритъ Аубертъ, что я имѣю право повѣрить товаръ, купленный за свои деньги, хорошъ онъ или

нѣтъ»... Къ тому же «точныя данныя о русскихъ дорогахъ Мейеръ опубликовалъ по порученію русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ». Наконецъ, «всѣ замѣтки Дама о Волгѣ и Камѣ имѣются гораздо подробнѣе въ книгахъ... Русское министерство путей сообщенія издало объ этомъ книгу, которая содержитъ все, что необходимо знать образованному офицеру для оцѣнки Волги въ военномъ отношеніи. О каналѣ Донъ-Волга также опубликовано все представляющее интересъ»...

...«Продукты земледѣлія и промышленности приволжскаго раіона видны изъ отчетовъ о торговлѣ и урожаяхъ, опубликованныхъ министерствами путей сообщенія, земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ (см. Мейеръ). Дамъ дѣлалъ объ этомъ такія неточныя замѣтки, что онѣ безполезны, такъ какъ дополнительныя данныя невозможно запомнить».

Изъ словъ маіора Ауберта съ очевидной неизбѣжностью слѣдуетъ заключить, что прусскій генеральный штабъ не считалъ шпіонствомъ военно-статистическую развѣдку Россіи, надъ производствомъ которой передъ войной трудилась масса его агентовъ. Нѣсколько характерныхъ случаевъ «нѣмецкой статистики» изъ позднѣйшей судебной практики было приведено въ «Новомъ Времени» (№ 13117).

Дама обвиняютъ въ собираніи свѣдѣній о боевой готовности русскихъ войскъ.

Но, говоритъ Аубертъ, «боевую подготовку войскъ можно опредѣлить лишь въ томъ случаѣ, если часто видѣть эти войска на ученьяхъ... Дамъ же самъ не видалъ ученій русскихъ войскъ. Данныя о наводкѣ моста саперами и о собранныхъ матеріалахъ, потребныхъ для этого, сообщилъ ему какой-то опустившійся музыкантъ... Не удивительно же, наконецъ, что образованнаго офицера интересуютъ военное и все прочее, что онъ случайно видитъ. Онъ еще не является шпіономъ, если при видѣ солдата не закрываетъ глазъ».

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что «Дамъ не могъ съ пользой для германскаго генеральнаго штаба развѣдать русскую армію, такъ какъ онъ не былъ хорошо знакомъ

съ ея организаціей и съ ея уставами». Мнѣніе Дама—«мнѣніе профана», выражающее «наивное удивленіе».

Не будемъ оспаривать увѣренія маіора Ауберта, что злополучный Дамъ въ знаніи русской арміи является невѣждой,—«профаномъ», что онъ «наивенъ», даже глуповатъ, чтобы не сказать болѣе,—но и самъ Аубертъ, если онъ, сочиняя экспертизу, не ломалъ сознательно простака, въ умственномъ развитіи недалеко ушелъ отъ лейтенанта Дама.

Въ русскомъ военно-уголовномъ процессѣ вопросъ о значеніи сообщенныхъ иностранному государству свѣдѣній, а равно и о наличіи или возможности особо вредныхъ отъ сего послѣдствій для внѣшей безопасности Россіи разрѣшается судомъ, согласно ст. 1202[2] кн. 24-й С. В. П. (уст. воен. суд.), разъясненной Гл. Воен. Судомъ въ рѣшеніи по дѣлу Постникова (27 окт. 1911 г.), *исключительно только* на основаніи истребованнаго по сему предмету заключенія отъ Гл. Упр. Ген. Штаба. При этомъ Гл. Воен. Судъ замѣчаетъ, что въ обвинительный актъ относительно секретности тѣхъ или иныхъ свѣдѣній должно быть помѣщено только заключеніе Гл. Упр. Ген. Штаба, а не мнѣнія по сему предмету тѣхъ или иныхъ лицъ, допрошенныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія [1]).

---

[2]) Мы неоднократно встрѣчали обвинительные акты по дѣламъ о государственной измѣнѣ, въ коихъ приводилась весьма подробно мотивировка военныхъ экспертовъ по вопросу о характерѣ свѣдѣній и объ ихъ значеніи для военной обороны страны. Подобный пріемъ составленія обвинительныхъ актовъ должно признать безусловно недопустимымъ. Обвинительные акты по дѣламъ о нѣмецкихъ шпіонахъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣлались извѣстными германскимъ и австрійскимъ военнымъ властямъ, которыя такимъ способомъ могли иногда черпать важныя свѣдѣнія. Это же обстоятельство маіоръ Аубертъ хотѣлъ использовать въ пользу Дама.

„Еслибы, говоритъ онъ, замѣтки (Дама) представляли опасность, то обвинительный актъ не посмѣлъ бы ихъ сообщить прусскимъ властямъ".

Нельзя отказать въ данномъ случаѣ въ наличности извѣстной доли остроумія у Ауберта.

Нѣсколько ранѣе (въ 1910 г., по дѣлу Хана), по частному поводу, Гл. В. Судъ высказалъ иную точку зрѣнія, пояснивъ, что *передача агентамъ иностраннаго правительства всѣхъ вообще приказовъ по военному вѣдомству ненаказуема*, ибо въ приказахъ по отдѣльной воинской части, какъ видно изъ 871 ст. V кн. С. В. П. 1869 г. изд. 2-е и приложенія къ этой статьѣ, помѣщается между прочимъ все, что служитъ для руководства и для свѣдѣнія всѣхъ чиновъ части, вслѣдствіе чего приказы эти должны объявляться многимъ лицамъ, а иногда даже всему составу части, не исключая и нижнихъ чиновъ. Принимая во вниманіе такое назначеніе приказовъ по части, необходимо придти къ заключенію, что всѣ вообще приказы по отдѣльной воинской части, независимо отъ ихъ содержанія, не могутъ быть отнесены къ числу такихъ секретныхъ документовъ, которые, въ видахъ внѣшней безопасности Россіи, должны храниться въ тайнѣ отъ иностраннаго правительства.

Съ приведеннымъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Обращаясь къ существу шпіонства, нужно замѣтить, что взглядъ Главнаго Военнаго Суда стоитъ далеко отъ дѣйствительной жизни, ибо всѣ приказы по военному вѣдомству, не исключая и приказовъ по воинской части, при тайной развѣдкѣ имѣютъ большое значеніе, такъ какъ отражаютъ жизнь данной части съ будничной ея стороны, почему покупаются охотно иностранными агентами. Сверхъ того, весьма часто приказы содержатъ безусловно секретныя свѣдѣнія и эти свѣдѣнія не теряютъ своего значенія, несмотря на то, что объявляются «даже всему составу части, не исключая и нижнихъ чиновъ». Напримѣръ, свѣдѣнія о ходѣ скрытой мобилизаціи относятся къ категоріи безусловно секретныхъ; между тѣмъ онѣ поддаются точному учету на основаніи приказовъ по воинской части. Во время русско-японской войны изъ войскъ пограничныхъ округовъ Европейской Россіи брались какъ отдѣльные люди, такъ и болѣе или менѣе крупныя воинскія части, каковыя данныя, естественно, вносились въ

воинскіе приказы; но всякому понявно, что объявлять эти свѣдѣнія нашимъ сосѣдямъ было безусловно нежелательно.

Къ сожалѣнію, у насъ воинскимъ приказамъ даютъ совершенно неправильную оцѣнку, почему въ любой маленькой лавочкѣ можно найти этого рода документы, употребляемые на обертки товара. Между тѣмъ, на шпіонской биржѣ, если такъ можно выразиться, воинскіе приказы котируются въ цѣлыхъ рубляхъ и дѣятельность упомянутаго Хана, какъ шпіона, заключалась въ систематической скупкѣ приказовъ по частямъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи одного крупнаго гарнизона.

Въ дѣйствительности нельзя избѣгнуть, чтобы по частямъ войскъ не объявлялись безусловно секретныя свѣдѣнія, которыя, будучи проводимы въ жизнь, дѣлаясь достояніемъ большого числа военнослужащихъ, «даже цѣлой части, не исключая и нижнихъ чиновъ», однако не теряютъ характера тайны.

Напримѣръ, допустимъ, что вводятся какія-либо важныя усовершенствованія въ вооруженіи войскъ, секретъ которыхъ старательно желаютъ узнать представители иностранныхъ армій. Неужели же изобрѣтеніе, предположимъ, приборъ, локализующій искровую волну въ одномъ направленіи, будучи введеннымъ въ обиходъ частей войскъ, уже теряетъ характеръ военной тайны?

Конечно, нѣтъ, и это потому, что армія вообще и каждая воинская часть въ отдѣльности представляетъ правительственный органъ, свободный доступъ въ нѣдра котораго постороннимъ лицамъ не разрѣшается. Въ виду этого и всѣ распоряженія, данныя по службѣ, нося внутренній, а не публичный характеръ, не должны допускаться къ свободному обращенію внѣ рамокъ арміи. Въ этомъ смыслѣ весьма поучителенъ примѣръ сохраненія германцами отъ глазъ всей Европы вновь изобрѣтенной Круппомъ 42-сант. мортиры. Правильное пониманіе военной тайны въ данномъ случаѣ принесло германцамъ существенныя военныя выгоды.

Правительствующій Сенатъ, какъ кажется, склоненъ вопросъ о значеніи документовъ или свѣдѣній, касающихся военной обороны государства, разрѣшать по существу, а не съ формальной точки зрѣнія. Такъ, напр., въ рѣшеніи по дѣлу Брауна, Прав. Сенатъ разъяснилъ, что собираніе свѣдѣній о количествѣ войскъ и наименованіи воинскихъ частей, находящихся въ какомъ либо пунктѣ, съ цѣлью передачи ихъ иностранному правительству, вполнѣ подходитъ подъ 112 ст. угол. улож. (въ редакціи 1903 г.).

Съ изданіемъ закона 5 іюля 1912 года характеръ переданныхъ свѣдѣній имѣетъ значеніе лишь по вопросу о примѣненіи наказанія, такъ какъ согласно ст. 111 угол. улож. (въ редакціи указаннаго закона), всѣ вообще свѣдѣнія, касающіяся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ, или сооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны, воспрещены къ сообщенію правительству иностраннаго государства.

Подводя итоги сказанному, должно прійти къ заключенію, что понятіе военной тайны не поддается опредѣленію такъ какъ объемъ этого понятія зависитъ отъ политической важности момента, когда было совершено посягательство на тѣ или иныя свѣдѣнія, относящіяся къ военной оборонѣ страны. Во всякомъ случаѣ, формальный критеріумъ при опредѣленіи характера свѣдѣній, собираемыхъ шпіонами, долженъ быть оставленъ, какъ не отвѣчающій современнымъ требованіямъ военной скрытности. Для практическаго же руководства чинамъ нашей арміи можно рекомендовать считать военной тайной всѣ свѣдѣнія, полученныя ими при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей или по поводу исполненія таковыхъ.

При установленіи этого принципа будетъ положена вполнѣ опредѣленная грань между свѣдѣніями, которыя военнослужащій можетъ безпрепятственно сообщать внѣ своей среды, и между тѣми, разглашеніе которыхъ должно почитаться нарушеніемъ воинской чести. Въ этомъ вопросѣ, болѣе чѣмъ въ

какомъ либо другомъ, требуется наличность служебнаго такта и военная мораль, казалось бы, должна осуждать разглашеніе свѣдѣній, отнюдь не только тѣхъ, которыя отнесены закономъ къ категоріи секретныхъ.

По опредѣленію Еллинена, законъ есть minimum нравственности.

Исходя изъ приведеннаго тезиса, явствуетъ, что могутъ быть дѣйствія, не воспрещенныя закономъ подъ страхомъ наказанія, совершеніе которыхъ, однако, должно встрѣтить суровое осужденіе съ точки зрѣнія морали опредѣленной корпораціи лицъ.

Если, съ одной стороны, положительныя законодательства не могутъ ограничиться формальнымъ признакомъ въ опредѣленіи военной тайны; если, съ другой—судебная практика путемъ толкованія закона имѣетъ стремленіе расширить область военнаго секрета, такъ какъ при современной постановкѣ нѣмецкаго шпіонства имѣютъ большое значеніе не только строго секретныя свѣдѣнія, но, вообще, всѣ данныя, касающіяся военной обороны страны и ея вооруженныхъ силъ,—то, казалось бы, въ военномъ обществѣ, начиная со школьной скамьи, долженъ быть прививаемъ взглядъ на объемъ военной тайны въ томъ смыслѣ, который установленъ нами выше.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Задачи нѣмецкаго шпіонства.

Пангерманизмъ.

Нѣмецкое шпіонство, развернувшееся передъ нашими глазами во всемъ своемъ объемѣ лишь послѣ начала европейской войны, не поддается обычному пониманію, какъ область военнаго дѣла, предназначенная служить вспомогательнымъ средствомъ при рѣшеніи стратегическихъ и тактическихъ задачъ на войнѣ. Нѣмецкое шпіонство преслѣдовало значительно болѣе широкія цѣли, выполняя задачи, поставленныя не только германскимъ генеральнымъ штабомъ, но также и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вся внѣшняя политика нѣмцевъ была основана на работѣ ихъ шпіоновъ, почему, изслѣдуя эту область нѣмецкой дѣятельности, порою бываетъ невозможно провести рѣзкую черту между работою нѣмецкихъ политиковъ и нѣмецкихъ шпіоновъ. Доставляя требуемыя штабами свѣдѣнія, нѣмецкіе тайные агенты должны были попутно выполнять трудныя и отвѣтственныя задачи, даваемыя имъ дипломатическимъ вѣдомствомъ. Часть нѣмецкихъ шпіоновъ всегда ютилась въ комнатахъ, сосѣднихъ съ кабинетами нѣмецкихъ дипломатовъ. Вотъ почему, какъ мы укажемъ ниже, нѣмецкимъ шпіонажемъ руководили и руководятъ люди, стоящіе на высокихъ степеняхъ служебной іерархіи, избѣгавшіе, благодаря своему положенію, обвиненій со стороны иностранныхъ правительствъ въ международной некорректности.

Къ сожалѣнію, кодексъ нѣмецкой морали для многихъ сталъ понятенъ только послѣ того, какъ разразившаяся война сорвала фиговый листокъ со всѣхъ нѣмецкихъ дѣйствій. Правила международной чести нѣмецкіе политическіе и военные дѣятели считали глупыми предразсудками, удобными лишь для того, чтобы служить маской нѣмецкой официальной подлости. Достаточно сказать, что самъ германскій кайзеръ-Вильгельмъ 2-й, живо интересовался успѣхами нѣмецкаго шпіонажа, принимая на себя въ исключительно важныхъ случаяхъ руководство дѣятельностью тайныхъ агентовъ [1]).

Въ успѣшной работѣ шпіоновъ, наравнѣ съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, былъ заинтересованъ также глава министерства иностранныхъ дѣлъ, общіе деративы котораго и служили основами шпіонской дѣятельности. Въ настоящее время карты нѣмецкой международной политики открыты. Мы уже знаемъ, къ чему стремился безразсудный честолюбецъ Вильгельмъ, поддерживаемый кликою воинствующихъ пангерманистовъ.

Политическіе дѣятели Европы всегда считали Вильгельма 2-го фразеромъ, почему не достаточно серьезно относились къ истинамъ, прорывавшимся порою въ его рѣчахъ. А между тѣмъ, германскій императоръ вѣрилъ самъ и убѣдилъ своихъ сподвижниковъ, что «высшая его задача—разрушить преграды, раздѣляющія великій нѣмецкій народъ». Эти слова,—не фразы въ устахъ Вильгельма; нѣтъ,—эти слова засѣли камнемъ въ больной головѣ германскаго императора и выразили курсъ истинныхъ вожделѣній пангерманизма.

Политики, ученые, публицисты,—однимъ словомъ, весь лагерь обнаглѣвшихъ всенѣмцевъ, т. е. добрыхъ $^3/_4$ современной Германіи, считали, скажемъ недавними словами редактора

---

[1]) О прикосновенности Вильгельма къ шпіонству указанія встрѣчались во французской печати, но особенно подробно объ этомъ говорится въ запискахъ изобличеннаго въ Англіи нѣмецкаго шпіона, доктора Карла Гревса (см. „Тайны германскаго главнаго штаба“).

«Zukunft'a» Гардена, что нѣмцы—сверхнація, призванная господствовать надъ всѣмъ міромъ.

«То, что совершила и совершитъ Германія въ этой войнѣ, пишетъ Гарденъ, дастъ ей большее мѣсто въ мірѣ и большій просторъ для ея дѣятельности. Нынѣ пробилъ тотъ часъ, когда германскій народъ займетъ мѣсто руководящей державы міра».

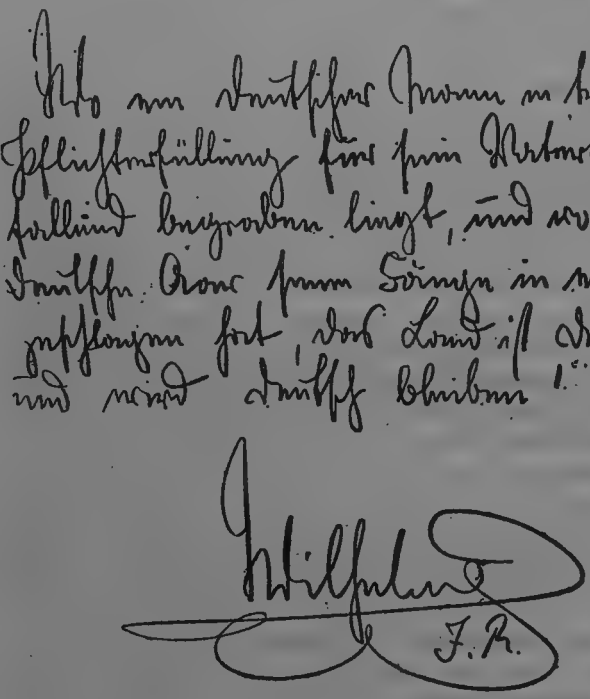
Эти бредовыя идеи величія выражаютъ не только міросозерцаніе Гардена. Въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ онѣ таятся въ разгоряченномъ мозгу всякаго нѣмца.

Развѣ не ту же мысль, по существу, высказалъ бывшій канцлеръ графъ Бюловъ, полагая, что «миссія Пруссіи—охранять нѣмцевъ вездѣ?» Развѣ не служитъ уже началомъ практическаго осуществленія идеи всемірнаго господства нѣмцевъ германскій законъ о двуподданствѣ, законъ, который на каждаго нѣмца налагаетъ особливую обязанность вѣрности Германіи, гдѣ бы ни былъ нѣмецъ, что бы онъ ни дѣлалъ и какую бы должность ни занималъ въ новомъ своемъ отечествѣ? Только пошлымъ цинизмомъ въ отношеніи другихъ націй и полнымъ нравственнымъ отупѣніемъ можно объяснить узаконеніе германскими имперскими властями этой политической проституціи. Кажется, до самыхъ послѣднихъ дней правительства Европы и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки не отдавали себѣ яснаго отчета въ истинномъ значеніи закона о двуподданствѣ. А между тѣмъ, по германскому праву законъ о двуподданствѣ, налагая на каждаго нѣмца указанныя выше обязанности, въ то же время даетъ ему право «притязать на защиту со стороны Германской имперіи по отношеніи къ иностраннымъ государствамъ» (см. ст. 3 абз. 6 конституціи Герм. имп.). По толкованію профессора Листа, согласно указанной статьѣ конституціи, на защиту со стороны германскихъ властей имѣютъ право, такъ называемые, «фактическіе подданные» германской имперіи, къ числу которыхъ, между прочимъ, причисляются «тѣ лица, которыя являются германцами въ *этнографическомъ* смыслѣ слова, т. е. по ихъ

родному языку», т. е., говоря попросту, *всѣ нѣмцы*, въ какомъ бы государствѣ они ни проживали [1]).

Пангерманскія притязанія нѣмцевъ имѣютъ свои традиціи, носителями которыхъ, судя по всплывшей наружу «тайнѣ Гогенцоллерновъ», являются германскіе императоры.

Рядъ дипломатическихъ успѣховъ вскружилъ голову нѣмцамъ и они искренне увѣровали, какъ собственноручно начерталъ Вильгельмъ 2-й, что:



Переводъ: «Тамъ, гдѣ нѣмецъ, вѣрный своему долгу, погребенъ, отдавъ жизнь за свое отечество, и тамъ, гдѣ герман-

[1]) См. Листъ. Международное право, стр. 137, въ русскомъ переводѣ проф. Грабаря.

скій орелъ впустилъ свои когти въ землю,—та земля нѣмецкая и останется ею навсегда»[1]).

Задаваясь несбыточными мечтами «укрѣплять и распространять нѣмецкую мощь во всемъ мірѣ»[2]), Германія понимала, что ея всесвѣтная гегемонія не можетъ утвердиться безъ страшной, кровопролитной борьбы съ великими народами, стоящими на пути къ осуществленію безумныхъ фантазій. И германскіе юнкера готовились къ войнѣ, увлекая за собою австрійскихъ братій, готовились скрытно, упорно, систематически. Французская «желтая книга» приводитъ секретный рапортъ отъ 19 марта 1913 года касательно усиленія германской арміи, направленія національной политики и подготовки германскаго народа къ грядущей войнѣ[3]).

«Нашъ новый военный законъ, говорится въ указанномъ рапортѣ, не что иное, какъ расширеніе работы военнаго воспитанія нѣмецкаго народа. Наши предки принесли величайшія жертвы въ 1813 г. Священный долгъ нашъ — отточить мечъ, вложенный намъ въ руку, и держать его готовымъ, какъ для защиты себя, такъ и для нанесенія ударовъ нашему врагу. Необходимо, чтобы въ народъ проникла идея, что наши вооруженія являются отвѣтомъ на военныя мѣропріятія и политику Франціи. Надо пріучить его къ мысли, что наступательная война съ нашей стороны необходима съ цѣлью сокрушенія провокаціи противника. Слѣдуетъ дѣйствовать осторожно, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія и избѣжать кризиса, могущаго повредить нашей экономической жизни. Слѣдуетъ вести дѣла такимъ образомъ, чтобы подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ усиленныхъ вооруженій, значительныхъ жертвъ и натянутаго политическаго положенія, развязка считалась какъ освобожденіе, потому что послѣ нея настанутъ

---

[1]) Эти слова Вильгельмъ написалъ спеціально для роскошнаго и популярнаго въ Германіи „Національнаго Изданія“, посвященнаго восхваленію нѣмецкаго величія. (См. „Гол. Москвы“, отъ 2 ноября 1914 г.).

[2]) Слова секретнаго нѣмецкаго рапорта, приводимаго нами ниже.

[3]) См. указанную книгу въ русс. переводѣ стр. 11 и сл.

десятки лѣтъ мира и процвѣтанія, какъ послѣ 1870 года. Необходимо готовиться къ войнѣ и съ финансовой точки зрѣнія, на что потребуется много труда. Не надо возбуждать подозрѣнія нашихъ финансистовъ, но многое, разумѣется, не можетъ остаться скрытымъ.

О судьбѣ нашихъ колоній безпокоиться нечего. Окончательный результатъ войны въ Европѣ урегулируетъ этотъ вопросъ. Зато, въ Сѣверной Африкѣ и Россіи нужно порождать смуту. Это хорошее средство для поглощенія силъ противника. Затѣмъ, намъ безусловно необходимо, чрезъ посредство тщательныхъ агентовъ, войти въ сношенія съ вліятельными лицами въ Египтѣ, Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко, чтобы подготовлять необходимыя мѣры на случай европейской войны... Первый опытъ, сдѣланный нѣсколько лѣтъ назадъ, доставилъ намъ желательное сближеніе. Къ прискорбію, завязавшіяся отношенія не были достаточно закрѣплены... Устройство политическими агентами безпорядковъ должно быть тщательно подготовлено и путемъ матеріальныхъ средствъ. Безпорядки должны вспыхивать внезапно съ разрушеніемъ путей сообщенія и должны имѣть руководителя изъ вліятельныхъ круговъ религіознаго и политическаго.

Мы должны во что бы то ни стало быть сильными, чтобы могучимъ порывомъ уничтожить нашихъ враговъ на западѣ и востокѣ. Но въ ближайшей европейской войнѣ необходимо также, чтобы второстепенныя державы служили нашимъ интересамъ или были покорены. При извѣстномъ положеніи ихъ арміи и укрѣпленные пункты могутъ быть быстро побѣждены или нейтрализованы. Это можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ Бельгіи и Голландіи, съ цѣлью не допустить нашего западнаго врага завладѣть территоріей, которая могла бы ему служить базой для операцій на нашемъ флангѣ... Таковы наши задачи, которыя возлагаются на нашу армію и которыя требуютъ усиленнаго наличнаго состава ея. Если врагъ нападетъ на насъ или мы захотимъ побѣдить его... вспомнимъ, что провинціи древней германской имперіи—графство Бургундія

и добрая часть Лотарингіи—находятся еще въ рукахъ французовъ, что тысячи нашихъ братьевъ-нѣмцевъ въ балтійскихъ провинціяхъ стонутъ подъ игомъ славянъ. Вернуть Германіи то, чѣмъ она нѣкогда владѣла,—это національный долгъ».

И такъ, изъ приведеннаго только что оффиціальнаго нѣмецкаго документа, видно, что, задумавъ настоящую войну, военная партія Германіи, во главѣ съ Вильгельмомъ, прилагала огромныя усилія, чтобы обезпечить себѣ будущій успѣхъ путемъ политической, экономической, культурной и дипломатической работы заграницей. Разрѣшить всѣ эти обширныя задачи можно было частью путемъ легальной дѣятельности представителей германской имперіи, но большую часть работы по выполненію намѣченной программы приходилось отнести на счетъ секретныхъ агентовъ, т. е. шпіоновъ. Теперь должно быть понятно, сколь разнообразна была дѣятельность нѣмецкихъ шпіоновъ, какія разностороннія области народной жизни должны были они изучать и какое тлетворное вліяніе обязаны были они вносить въ политическую, экономическую, нравственную, военную и иныя области народной жизни страны, въ предѣлахъ которой протекала ихъ служба.

За послѣдніе годы нѣмецкіе шпіоны доставили много цѣннаго матеріала своимъ правительствамъ и если работа ихъ, какъ мы теперь видимъ, во многихъ случаяхъ не оправдала ожидаемыхъ результатовъ, то причинъ къ тому много, но менѣе всего виноваты въ крушеніи шпіонской кампаніи нѣмцевъ сами шпіоны.

Ближайшія цѣли нѣмецкаго шпіонства.

Поставивъ основной цѣлью своей политики «распространеніе нѣмецкой мощи во всѣмъ мірѣ», германскій генеральный штабъ въ сотрудничествѣ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ нуждался въ освѣщеніи своими агентами самыхъ разнообразныхъ явленій жизни сосѣднихъ народовъ. Наблюдательный глазъ нѣмецкихъ шпіоновъ стремился изучать со-

стояніе арміи, финансовъ, промышленности, внутренней и внѣшней политики какъ Россіи, такъ и нашихъ теперешнихъ союзниковъ, а равно подмѣчать соціальныя вспышки, нарушающія спокойную работу трудовыхъ массъ населенія.

Вполнѣ естественно, что при такой постановкѣ шпіонства нѣмецкіе агенты не могли ограничить свою работу собираніемъ лишь секретныхъ свѣдѣній. Напротивъ, нѣмецкимъ шпіонамъ вмѣняется въ обязанность регулярное доставленіе матеріала, хотя бы и не важнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбраняется оцѣнивать его съ точки зрѣнія таинственности, а стало быть и цѣнности для германскаго, либо австрійскаго правительствъ. Шпіону указывается лишь общій характеръ ожидаемыхъ отъ него сообщеній, предоставляя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разобраться самому лично.

Въ частности, согласно инструкціямъ, обнаруженнымъ при разсмотрѣніи въ судахъ дѣлъ о нѣмецкомъ шпіонствѣ за послѣднія 10—12 лѣтъ, отъ шпіоновъ требовалось присылать «все то, что агентъ лично видѣлъ и слышалъ и что, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія».

«Все то интересно, пояснялъ одному шпіону нѣмецъ изъ Торна, что ново, а еще интереснѣе, если эта новость напечатана въ уставѣ или приказѣ».

Германскія и австрійскія бюро развѣдки строго придерживались только что отмѣченнаго принципа. Факты, получившіе огласку, свидѣтельствуютъ, что не только сравнительно незначительнымъ агентамъ возбраняется лично производить оцѣнку добытаго матеріала, но это воспрещеніе одинаково касается и лицъ, безусловно свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ.

Такъ, напримѣръ, Гримма нѣмцы просили присылать «все, что онъ будетъ въ состояніи достать, не исключая разныхъ инструкцій по обученію войскъ, приказовъ по округу и т. п.». Вотъ почему весьма часто среди отобранной у нѣмецкихъ шпіоновъ переписки обнаруживаются однѣ лишь замѣтки, не имѣющія значенія съ военной точки зрѣнія. Однако, было бы большимъ заблужденіемъ такое лицо считать новичкомъ въ

дѣлѣ, либо вовсе усумниться въ его прикосновенности къ шпіонству. Напротивъ, эти ничтожныя данныя часто свидѣтельствуютъ о томъ несомнѣнномъ фактѣ, что заподозрѣнный субъектъ прошелъ уже извѣстную подготовку, даваемую нѣмецкими офицерами своимъ сотрудникамъ, и служитъ достаточнымъ основаніемъ къ производству тщательнаго изслѣдованія въ данномъ направленіи. Имѣя въ виду такую постановку нѣмецкаго шпіонства, послѣдній англійскій законъ говоритъ: въ томъ случаѣ, когда свѣдѣнія, касающіяся военныхъ или государственныхъ тайнъ, будутъ добыты или сообщены лицомъ, по службѣ на сіе неуполномоченнымъ, то доколѣ не доказано противное, надлежитъ считать, что означенныя свѣдѣнія добыты или сообщены съ цѣлью причинить ущербъ безопасности или интересамъ государства.

Весь планъ нѣмецкаго шпіонства построенъ на собираніи, наравнѣ съ важными, этихъ общеизвѣстныхъ свѣдѣній, такъ какъ, по словамъ фонъ-деръ-Гольца, шпіонамъ «приходится искать крупинки золота въ кучахъ песку». Отказаться отъ сбора подобныхъ, казалось бы, ничтожныхъ свѣдѣній—значитъ не знать ничего.

Единственное ограниченіе для нѣмецкихъ шпіоновъ въ качествѣ поставляемаго ими матеріала,—это требованіе, чтобы въ основаніи всѣхъ донесеній было положено строгое разграниченіе достовѣрнаго отъ предполагаемаго, отъ собственныхъ умозаключеній и отъ слуховъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что на собираніе слуховъ нѣмецкіе руководители тайной развѣдкой обращаютъ серьезное вниманіе, во-первыхъ, потому что собранные слухи затѣмъ повѣряются или другими агентами, или даже спеціально командированными для этого лицами, а, во-вторыхъ, исполненіе шпіонами простыхъ задачъ даетъ возможность руководителямъ развѣдкою удостовѣриться въ ихъ преданности дѣлу, смѣтливости, а, слѣдовательно и годности къ той или иной работѣ. Сверхъ того, время международныхъ осложненій характеризуется именно тѣмъ, что въ обществѣ распространяется масса

слуховъ, порою весьма важныхъ, почему донесенія агентовъ въ это время будутъ передавать факты, узнанные преимущественно изъ случайныхъ разговоровъ.

Такъ, напримѣръ, весною 1909 года, во время аннексіи Босніи и Герцеговины, масса нѣмецкихъ шпіоновъ, въ погонѣ за собираніемъ *слуховъ*, разъѣзжала по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, разгуливало по ресторанамъ и гостинницамъ, имѣя приказаніе «особенное вниманіе обратить на выслушиваніе товарищей (т. е. на разговоры офицеровъ между собою) и на всѣ обстоятельства, которыя могутъ относиться къ войнѣ». Насколько нѣмцы цѣнили эти слухи видно изъ того, что одинъ извѣстный намъ агентъ, всѣ свѣдѣнія, казавшіяся ему важными, долженъ былъ передавать условнымъ языкомъ по телеграфу. За свои труды онъ получалъ, сверхъ возвращенія всѣхъ представленныхъ расходовъ, по 10—15 рублей въ сутки и особую плату за доставленный матеріалъ, что составляло свыше 500 рублей въ мѣсяцъ.

Говоря вообще, факты извѣстные изъ судебной хроники приводятъ къ тому несомнѣнному выводу, что нѣмецкимъ шпіонамъ передъ идущей войной вмѣнялось въ обязанность доставлять самыя подробныя свѣдѣнія о нашей арміи, а именно, отъ нихъ требовались свѣдѣнія: 1) О нравственномъ элементѣ въ арміи съ сообщеніемъ болѣе тяжкихъ случаяхъ нарушенія воинской дисциплины; требовалось отмѣчать успѣхъ революціонной пропаганды въ войскахъ, если таковая замѣчалась и степень довѣрія солдатъ къ своимъ начальникамъ; въ какомъ направленіи повліяли понесенныя неудачи въ японскую войну на офицерскій составъ и чѣмъ онѣ объясняются; взгляды офицеровъ на случай войны съ Германіей и Австріей. 2) Свѣдѣнія о командномъ составѣ арміи, доставляя подробныя характеристики начальствующихъ лицъ съ приложеніемъ ихъ фотографическаго портрета; 3) свѣдѣнія объ обмундированіи, прилагая снимки и офиціальныя описанія формъ одежды; 4) свѣдѣнія о вооруженіи—чертежи, описанія, а при возможности и самые предметы послѣднихъ техническихъ усо-

вершенствованій въ области вооруженія войскъ всѣхъ родовъ оружія; 5) о снаряженіи доставлять результаты бывшихъ опытовъ, а также самые образцы снаряженія; 6) о воинскомъ обученіи—различные опыты, производимые войсками, отчеты о занятіяхъ войскъ стрѣльбой, плаваніемъ, ѣздой; послѣднія изданія уставовъ и инструкцій; 7) о дислокаціи войскъ,—какія части и въ какомъ количествѣ квартируютъ въ данномъ пунктѣ; о казармахъ и лагеряхъ; фотографическіе снимки и схематическіе чертежи этихъ мѣстъ; 8) объ успѣхахъ воздухоплаванія—какія системы машинъ приняты у насъ, какова ихъ численность, гдѣ устроены парки, успѣшность обученія формируемыхъ командъ и результаты испытаній новыхъ системъ летательныхъ аппаратовъ; 9) о путяхъ сообщенія, въ частности, о названіяхъ желѣзнодорожныхъ станцій, на которыхъ предположены посадки войскъ; о прокладкѣ новыхъ линій и степени оборудованія вокзаловъ на узловыхъ станціяхъ; данныя о количествѣ подвижного состава, могущаго быть использованнымъ для перевозки войскъ и воинскихъ грузовъ; свѣдѣнія о максимальной пропускной способности данной линіи и т. д.; шоссе: направленіе, протяженіе и степень его исправности; 10) о средствахъ сношенія—оборудованіе телеграфныхъ и телефонныхъ (воздушныхъ и подземныхъ) линій, станцій искрового телеграфа и размѣры военно-почтоваго голубеводства; 11) о русскихъ крѣпостяхъ—сила укрѣпленій, чертежи, фотографіи и другія замѣтки о составѣ гарнизона и состояніи комплекта боевыхъ снарядовъ и количествѣ продовольственныхъ припасовъ; 12) объ интендантскихъ складахъ и магазинахъ; 13) о запасахъ фуража и продовольствія, въ районѣ, порученномъ наблюденію даннаго шпіона; 14) степень матеріальной обезпеченности мѣстныхъ жителей и принадлежность ихъ къ партіямъ.

Большое вниманіе австро-германскія развѣдочныя бюро удѣляли производству рекогносцировокъ и составленію самыхъ подробныхъ картъ нашихъ губерній, которыя, по ихъ предположеніямъ, должны были служить театромъ военныхъ дѣй-

ствій разразившейся нынѣ войны. Помимо массы фотографовъ, бродившихъ съ портативными аппаратами, помимо «комивояжеровъ», отбивавшихъ свои бока на еврейскихъ клячахъ по проселочнымъ ухабамъ,—нѣмцы посылали къ намъ партіи своихъ чертежниковъ, которые, подъ видомъ погонщиковъ купленнаго скота или гусей, производили самыя точныя маршрутныя съемки и наносили на имѣвшіяся карты ориентировочные предметы, до отдѣльныхъ кустовъ и большихъ камней включительно. Особенно успѣшно произвелъ съемку въ нашемъ юго-западномъ краѣ австрійскій генеральный штабъ, использовавъ для этого практикантовъ лѣсныхъ школъ. Многіе землевладѣльцы—поляки на Волынѣ и въ Подоліи принимали обычно на лѣтнія вакаціи въ свои имѣнія въ качествѣ практикантовъ слушателей австрійскихъ лѣсныхъ школъ. Военное министерство Австро-Венгріи воспользовалось этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и по его указанію, начиная съ 1907 года, командировалось въ названныя русскія губерніи возможно большее количество практикантовъ лѣсныхъ школъ въ Прагѣ, Львовѣ и Писекѣ, на обязанность которыхъ возлагалось копированіе плановъ мѣстныхъ и земельныхъ участковъ пограничной полосы, нанесеніе подробностей на верстовую карту и описаніе частей мѣстности съ находящимися на ней сооруженіями. Случайный арестъ нѣкоторыхъ изъ этихъ «практикантовъ», а затѣмъ разборъ дѣла въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ раскрыли потайное окно австрійскаго генеральнаго штаба, черезъ которое онъ обозрѣвалъ мѣстность намѣчаемаго театра войны.

Большія старанія были затрачены нѣмецкими шпіонами на развѣдку нашихъ крѣпостей. Мы не будемъ отрицать, что свѣдѣнія ихъ въ этой области нашей боевой готовности, вѣроятно, были весьма удовлетворительны, но геройская защита Ивангорода и Осовца должна показать, что нѣмцы слишкомъ переоцѣнили значеніе работъ своихъ шпіоновъ.

Какъ примѣръ нѣмецкаго соглядатайства, мы приведемъ перечень фотографій, отобранныхъ у шпіона, дѣятельность

котораго относится ко времени одного изъ самыхъ интересныхъ моментовъ нашего крѣпостного строительства конца прошлаго столѣтія (189...г.).

1) Снимокъ части укрѣпленія съ лицевой (непріятельской) стороны.

2) Продольный снимокъ наружнаго рва укрѣпленія.

3) Снимокъ форта съ дорогой, идущей къ нему, съ внутренней стороны; снимокъ очень отдаленный.

4) Очень отдаленный снимокъ форта съ наружной (непріятельской) стороны.

5) Снимокъ капонира съ лѣвой стороны и части рва, произведенный съ вершины глассиса.

6) Снимокъ капонира въ упоръ, нѣсколько съ правой его стороны, произведенный съ вершины глассиса.

7) Снимокъ того же капонира и съ того же мѣста, лишь фокусъ аппарата приподнятъ выше, отчего на снимкѣ получилось изображеніе и самаго вала укрѣпленія.

8) Снимокъ части насыпи, видимо глассиса, и вдали какихъ-то строеній.

9) Снимокъ окружающаго поля, въ лѣвой сторонѣ, вдали, видѣнъ край укрѣпленія.

10) Снимокъ форта съ задней стороны съ постройками, видимо, жилыми и дорогой, идущей къ нимъ.

11) Тотъ-же снимокъ, но болѣе удаленный.

12) Тотъ-же снимокъ, но болѣе приближенный.

13) Тусклый снимокъ укрѣпленія, на правой сторонѣ котораго хорошо вырисовывается телеграфный столбъ.

14) Тусклый снимокъ рва—укрѣпленія вдоль его.

15) Тусклый снимокъ съ какихъ-то правильно очерченныхъ линій (вѣроятно, ровъ укрѣпленія).

Въ дополненіе къ сказанному, приводимъ нѣсколько замѣтокъ изъ записной книжки того же шпіона, представляющихъ, надо полагать, поясненія къ фотографіямъ.

«27) При ** нѣтъ никакихъ новыхъ батарей. Слѣдующее укрѣпленіе, которое находится здѣсь, давно извѣстная батарея, снимокъ которой прилагается.

«28) Возлѣ форта ** не предприняты никакія постройки. Никакого промежуточнаго капонира. Все по старому (фотогр. снимокъ).

«29) Виды промежуточнаго капонира у фортовъ ** и ***, здѣсь фотографированы. Они оба лежатъ въ серединѣ горжи внѣ горжевого рва. При фортѣ ** нѣтъ промежуточнаго капонира. Находятся только запасы строительнаго матеріала.

«30) Передъ каждымъ изъ поименованныхъ капонировъ существуютъ маленькіе рвы, затрудняющіе подступы къ амбразурѣ.

«31) Входъ находится въ серединѣ промежуточнаго капонира со стороны горжевого рва. Нѣсколько пороховыхъ магазиновъ изъ кирпича недавно построены возлѣ ** и ***» [1]).

Весьма любопытныя показанія, освѣщающія затронутую нами сторону нѣмецкаго шпіонства, своевременно приводила газета «Matin», со словъ раскаявшагося француза-измѣнника, скрытаго газетою подъ псевдонимомъ Grand P... Тщательно проанализировавъ «исповѣдь шпіона» и сравнивъ ее съ имѣющимися у насъ свѣдѣніями, мы пришли къ глубокому убѣжденію, что на ней безспорно лежитъ печать нѣмецкаго творчества, почему полагаемъ, что знакомство съ этими «инструкціями» не будетъ напрасной тратой времени.

Согласно инструкціи, данной въ руководство Grand P»—: [2]).

«1) Агентъ обязанъ возможно чаще находиться *въ военномъ обществѣ*, оказывая представителямъ послѣдняго изысканную вѣжливость и вниманіе; онъ долженъ стараться попасть въ хорошіе рестораны или cafés, гдѣ чаще всего собираются офицеры, незамѣтно прислушиваться къ ихъ разговорамъ, умѣть

---

[1]) Названія мѣстностей онущены нами.

[2]) Этотъ документъ мы приводимъ въ переводѣ кн. Максутова. (См. его статью: „За кулисами военнаго дѣла“. „Рус. Инв.“ 1908 г. № 252).

произвести имъ оцѣнку. Остерегаться злоупотребленія спиртными напитками и избѣгать ухаживанія за женщинами. Сверхъ того, агенту рекомендуется никоимъ образомъ не показывать ни имѣющихся при немъ денегъ, ни, тѣмъ болѣе, писемъ. При себѣ всегда имѣть отличные бинокль и компасъ.

«2) Обратить особое вниманіе *на изученіе мѣстности*, особенно вблизи укрѣпленныхъ пунктовъ, а равно быть точно освѣдомленнымъ о времени смѣны часовыхъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, избѣгать показываться, что весьма важно. На планахъ и фотографіяхъ не забывать указывать даты и, сверхъ того, озаботиться приготовленіемъ фотографическихъ клише съ разнородными положеніями изображаемыхъ предметовъ, производя фотографированіе дважды въ годъ: лѣтомъ и зимою. При рекогносцировкѣ укрѣпленнаго пункта агентъ долженъ стараться произвести съемку съ близъ лежащей высоты, будь это крыша, башня или дерево, причемъ въ отношеніи послѣдняго съемщику рекомендуется запастись, подобно дровосѣкамъ и телеграфнымъ рабочимъ, особаго рода обувью. Для *производства рекогносцировки* агенту слѣдуетъ предварительно изучить мѣстность, свѣряя ее съ картой, исправляя, если нужно, послѣднюю и записывая необходимыя свѣдѣнія на приложенный листъ бумаги, на поляхъ котораго по порядку номеровъ и датъ наклеиваются фотографическіе снимки мѣстныхъ предметовъ, уже осмотрѣнныхъ.

«3) *Артиллерійскія орудія* слѣдуетъ фотографировать, по возможности, съ близкаго разстоянія и притомъ такимъ образомъ, чтобы каждое клише вмѣщало въ себѣ не болѣе одного орудія съ указаніемъ его размѣровъ и конструкціи и съ фотографическимъ снимкомъ со слѣпка орудійнаго замка. Измѣрить разстояніе между линіей орудія и крѣпостной оградой. Отмѣтить на планѣ и сфотографировать казематы, пороховые погреба, оборонительныя казармы, интендантскіе склады, цейхгаузы, помѣщенія воздухоплавательныхъ парковъ, телеграфныя станціи, запасные пути, резервуары, направленіе обслуживающихъ данный пунктъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ пу-

тей и т. п. Сверхъ того, должно стараться получить точныя свѣдѣнія о числѣ людей пѣхоты и артиллеріи какъ въ самой крѣпости, такъ равно и на фортахъ, отмѣтить и пересчитать число орудій (съ указаніемъ калибра), оконъ, отдушинъ, воротъ и трубъ. Отмѣтки датировать.

«4) Въ случаѣ помѣщенія въ повременныхъ изданіяхъ, журналахъ или газетахъ какихъ-либо свѣдѣній о производствѣ на территоріи государства *военно-инженерныхъ работъ* немедленно отмѣтить это въ записной книжкѣ. Не довольствуясь симъ, слѣдуетъ освѣдомляться о положеніи указаннаго вопроса у разныхъ лицъ и учрежденій, которыя по роду ихъ дѣятельности должны близко соприкасаться съ подобнаго рода фактами, какъ-то: у интендантства, чины котораго призваны вѣдать производствомъ поставокъ, у подрядчиковъ, у распорядителей работъ и у перевозчиковъ, причемъ стараться узнать, кому досталось съ торговъ производство работъ, ихъ смѣту, распредѣленіе и число нанятыхъ рабочихъ. Убѣдиться въ составѣ и качествѣ матеріаловъ и въ соотвѣтствіи ихъ съ требованіями военныхъ инженеровъ.

«5) Указать на родъ и количество потребныхъ для работъ *строительныхъ матеріаловъ*: плитъ, песку, булыжника, извести и цемента. Выяснить, имѣются ли бетонныя сооруженія, плотность слоевъ бетона и производится ли въ соотвѣтственныхъ помѣщеніяхъ его отливка. Указать длину рельсоваго пути, предназначеннаго служить для движенія вагонетокъ, причемъ въ отношеніи послѣднихъ желательно узнать, употребляются ли онѣ для движенія по наклонной плоскости или же призваны играть роль грузоподъемныхъ машинъ.

«6) Приложить всѣ старанія къ тому, чтобы получить возможность отправиться лично на мѣсто производства военно-инженерныхъ работъ, попутно дать описаніе окружающей мѣстности и произвести, если возможно, рядъ фотографическихъ снимковъ: a) передъ началомъ работъ, b) послѣ разстановки вѣхъ, c) по окончаніи трассировки и закладки фундаментовъ, d) послѣ облицовки постройки камнемъ, e) по

окончаніи возведенія постройки, f) когда постройка будетъ совершенно готова.

«7) Установить самымъ точнымъ образомъ нахожденіе тѣхъ мѣстъ, которыя отведены подъ *жилыя помѣщенія* и обозначить на планѣ направленіе сточныхъ водъ.

«8) Агенту въ видахъ безопасности вмѣняется въ обязанность *сжигать всю корреспонденцію*, съ содержаніемъ которой онъ достаточно ознакомился, *не исключая и настоящей инструкціи*, если она усвоена имъ въ надлежащей степени. Онъ долженъ употреблять всѣ усилія для достиженія поставленной ему цѣли, стараясь восторжествовать надъ препятствіями, которыя неизбѣжно могутъ встрѣтиться на его пути».

Въ развитіе приведенной инструкціи, Grand P. были даны совѣты болѣе частнаго характера, рекомендовавшіе придерживаться при шпіонствѣ слѣдующихъ пріемовъ:

«Приближаясь къ форту, слѣдуетъ идти обыкновеннымъ, ровнымъ шагомъ, переводя пройденное пространство на время и выводя среднюю скорость. Для отвлеченія подозрѣній нужно принять беззаботный видъ прогуливающагося, считая мысленно въ то же время шаги и зорко слѣдя за тѣмъ, что кругомъ дѣлается. Обращать вниманіе на профиль вала и рва, грунтъ земли и одежду крутостей, а также и на пункты, удобные для обозрѣнія, т. е. на командованіе мѣстности.

«Независимо сего слѣдуетъ изслѣдовать лѣсныя тропинки и не имѣется ли на лѣсной опушкѣ отдѣльно растущихъ деревьевъ. Указывать мосты и насыпи, ихъ конструкцію и матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы.

«*Особыя препятствія* должны быть изучены съ особой тщательностью, что, главнымъ образомъ, относится до тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ представить значительныя трудности при овладѣніи, или которыя, благодаря искусной маскировкѣ, скрыты отъ глазъ атакующаго».

Относительно *проточныхъ водъ и источниковъ* требовалось выясненіе слѣдующихъ данныхъ:

«Откуда эти воды берутъ начало, ихъ важность, направленіе, скорость теченія, глубина, броды, свойство дна, пересыхаютъ ли лѣтомъ, направленіе фарватера, отмели, пороги, водовороты, разстояніе отъ укрѣпленнаго пункта, могутъ ли быть приспособлены къ снабженію водою крѣпостныхъ рвовъ и каналовъ и нельзя ли постройкой плотинъ достигнуть хотя бы частичнаго наводненія вблизи расположенія фортовъ».

Къ развѣдкамъ *желѣзныхъ дорогъ* предъявлялись слѣдующія требованія.

«Освѣдомиться объ инструкціи, полученной машинистами и механиками дороги. Обозначить на планѣ направленіе магистрали и ея развѣтвленій, отмѣчая въ то же время запасные пути и мѣста перевода стрѣлокъ. Указать родъ грузовъ, перевозимыхъ по данной колеѣ, склады снарядовъ, фашинъ, пороха и т. п., а равно развѣдать о часахъ отхода поѣздовъ, числѣ станцій и продолжительности стоянокъ. Если извѣстно, что по желѣзной дорогѣ перевозятся снаряды, то необходимо узнать, откуда они посланы, предназначены ли для фортовъ, батарей или отдѣльныхъ пороховыхъ погребовъ, указать ихъ число, родъ и калибръ, а также разузнать, гдѣ помѣщаются привезенные снаряды: сложены ли они въ погреба или временно помѣщены на землѣ передъ ними. Тщательно разузнать о времени прихода поѣздовъ въ крѣпость или фортъ, передъ какими магазинами или батареями они останавливаются, число вагоновъ, ихъ конструкція, запасы топлива, водоснабженіе, мѣсторасположенія депо, мастерскихъ, семафоры и т. д.».

Нѣмецкіе шпіоны еще въ мирное время прекрасно изучили въ военно-статистическомъ смыслѣ районы, порученные ихъ наблюденію, благодаря чему, при вступленіи германскихъ отрядовъ въ непріятельскіе населенные пункты, они оказываютъ войскамъ большія услуги, исполненіе которыхъ сопряжено со знаніемъ мѣстныхъ условій жизни.

По словамъ г. Немировича-Данченко, «вся наша армія просачена шпіонажемъ нѣмецкихъ колонистовъ. Они наводятъ Германцевъ на наши отдыхающія части, предательски завле-

кают ихъ въ западни. Служатъ непріятелю укрывателями, проводниками, доставляютъ ему всевозможные съѣстные припасы и фуражъ, отказывая въ этомъ намъ»[1]).

Въ Лодзи генералъ фонъ-Либертъ, облагая населеніе города «реквизиціонными» поборами, руководствовался указаніями «генеральнаго совѣтника побѣдоносной германской арміи» Густава-Юліуса Больмана, изучившаго заблаговременно жителей города не только въ смыслѣ ихъ состоятельности, но также и въ отношеніи ихъ чувствъ, питаемыхъ къ Германіи. Больманъ долгое время до войны проживалъ въ Россіи, разъѣзжалъ по ней въ качествѣ коммерческаго агента, появляясь то въ Крыму, то на Кавказѣ, то на Волгѣ и, наконецъ, обосновался въ Лодзи, гдѣ занялся военной статистикой, подготовляя матеріалъ въ ожиданіи нашествія дикихъ ордъ кроваваго кайзера.

Въ Калишѣ знаменитый Прейскеръ нашелъ достойнаго себѣ помощника въ лицѣ Фремеля,—нѣмца, прожившаго долгое время въ Привислинскомъ краѣ и въ частности, въ Калишѣ. Фремель также былъ освѣдомленъ о степени состоятельности и благонадежности калишанъ и также содѣйствовалъ своими познаніями успѣху нѣмецкихъ грабежей. «Генеральные совѣтники», вродѣ Фремеля и Больмана, оказывались въ каждомъ болѣе или менѣе населенномъ пунктѣ, проживая или среди колонистовъ или подъ видомъ колонистовъ.

«Когда появлялись нѣмецкіе разъѣзды, пишетъ «Нов. Вр.», то они первымъ дѣломъ заходили къ колонистамъ, а потомъ распоряжались какъ у себя дома. Въ богатыхъ домахъ спрашивали денегъ, у бѣдныхъ уводили скотину. Напередъ знали, гдѣ живетъ войтъ и съ кого что можно стянуть... Все колонисты сообщали... То же самое повторялось и въ городахъ, гдѣ являвшіеся нѣмцы, съ планомъ въ рукахъ, шли прежде всего въ офицерскія квартиры, затѣмъ грабили поляковъ, оставаясь въ то же время до щепетильности любезными въ

1) См. „Русское Слово" отъ 23-го ноября 1914 г.

отношеніи Миллеровъ, Круше, Шнейдеровъ, Шульцевъ, Веровъ и всевозможныхъ германскихъ выходцевъ, умѣло устраивавшихся съ двойнымъ подданствомъ»[1]).

Въ видѣ примѣра, иллюстрирующаго нѣмецкую освѣдомленность въ этой области, укажемъ на Варшаву, которая, судя по найденной у нѣмецкихъ плѣнныхъ, убитыхъ и раненыхъ перепискѣ «ими давно изучена. Мало того: даже распредѣлена. Въ штабахъ ихъ войскъ имѣется точное указаніе, въ какихъ частяхъ города расположиться какимъ войскамъ: гдѣ артиллерія, гдѣ пѣхота, гдѣ конные полки. Больше: намѣчены дома и квартиры для штабовъ, для отдѣльныхъ чиновъ высшаго офицерства. Словомъ, нѣмцы предполагали, войдя въ Варшаву, сѣсть на извозчиковъ и ѣхать каждый въ свою облюбованную квартиру»[2]).

Въ Англіи нѣмецкіе шпіоны приготовили, въ руководство германскому десанту, схематическія карты береговой полосы, использовавъ для этого рекламы фирмы «Магги».

По сообщенію лондонскаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», «до войны на стѣнахъ всѣхъ домовъ въ Лондонѣ, въ провинціальныхъ городахъ и въ деревняхъ можно было видѣть рекламы фирмы «Магги», изготовляющей таблетки сгущеннаго супа. Реклама, отпечатанная на жестяныхъ листахъ, изображала добродушную, толстую, румяную кухарку, несущую миску дымящагося супа. И вотъ что оказалось. Агенты этой фирмы платили небольшую сумму владѣльцамъ коттэджей въ деревнѣ за разрѣшеніе прибить жестяной листъ къ стѣнѣ. Черезъ день или черезъ два послѣ объявленія войны хозяйка коттэджа въ деревнѣ на морскомъ берегу получила телеграму отъ агента фирмы съ сообщеніемъ, что онъ пріѣдетъ «перемѣнить нумеръ на рекламѣ». Телеграмму прочелъ сынъ хозяйки и удивился, о какомъ «нумерѣ» идетъ рѣчь; на листѣ никакой цифры не было. Изъ любопытства молодой человѣкъ снялъ жестяной листъ и увидалъ, что на оборотѣ

[1]) См. „Нов. Вр.“ отъ 15-го января 1915 г.
[2]) См. „Русс. Слово“ отъ 15-го октября 1914 г.

его ножемъ нацарапана карта берега съ отмѣткой скалъ, буевъ и т. д. Молодой человѣкъ далъ знать властямъ; тотчасъ же осмотрѣли всѣ другія объявленія «Магги», и на оборотѣ ихъ оказались карты; шпіоны подготовляли такимъ образомъ почву для десанта. Такихъ случаевъ выяснилось множество»[1][2]).

Благодаря статистической работѣ своихъ шпіоновъ, нѣмцы, попадая въ непріятельскіе города, быстро оріентируются: они знаютъ мѣстонахожденіе всѣхъ наиболѣе важныхъ въ военномъ смыслѣ казенныхъ, общественныхъ и даже частныхъ зданій. Обстрѣливая города, нѣмцы сосредоточиваютъ огонь по площадямъ, вокругъ этихъ зданій. Нѣмецкіе бомбометатели съ дирижаблей и аэроплановъ также пользуются донесеніями своихъ шпіоновъ, что выяснилось изъ бывшаго покушенія на штабъ короля Альберта, бывшаго покушенія въ Ромильи на французскаго президента г. Пуанкаре и изъ другихъ извѣстныхъ случаевъ. Дирижабли, подобно сухопутнымъ отрядамъ, имѣютъ свѣдущихъ проводниковъ, знакомыхъ съ планомъ городскихъ сооруженій. Напримѣръ, на дирижаблѣ, сбитомъ въ январѣ 1915 года близъ Либавы, среди его команды оказались нѣмцы, проживавшіе передъ войной въ этомъ городѣ въ качествѣ парикмахеровъ, во главѣ съ лейтенантомъ фонъ-Шенкомъ, русскимъ землевладѣльцемъ и лѣсопромышленникомъ.

Служба связи.

Въ интересахъ правильнаго развитія и успѣшнаго хода шпіонства, нѣмецкіе руководители тайной развѣдкой задолго

---

[1]) См. „Русс. Вѣд.“ отъ 7-го сентября 1914 г.

[2]) У насъ еще до сихъ поръ всюду встрѣчаются рекламы фирмы „Магги“. Подобное удивительное явленіе надо, вѣроятно, объяснить тѣмъ, что дѣйствующая у насъ фирма „Магги“ считается швейцарской. Однако, слѣдовало бы имѣть въ виду, что нѣмецкій шпіонажъ часто прикрывается швейцарскимъ флагомъ, что англійская „Магги“ также считалась „швейцарской“ фирмой и, наконецъ, странное совпаденіе именъ...

до настоящей войны прилагали большой трудъ, чтобы организовать регулярную связь со своими агентами, работающими за границей. Вопросъ этотъ является крайне важнымъ и для созданія непрерывной цѣпи «своихъ людей», какъ говорилось въ одномъ письмѣ, нѣмцами затрачено много времени, труда и денегъ. Изъ числа нѣмецкихъ шпіоновъ былъ созданъ кадръ агентовъ, которые, не принимая непосредственнаго участія въ собираніи нужныхъ свѣдѣній, исполняли всего лишь второстепенныя функціи, какъ-то: служили проводниками пріѣзжавшимъ шпіонамъ, нуждавшимся при своей работѣ въ помощи мѣстныхъ жителей, переносили за границу корреспонденцію, пріискивали шпіонамъ безопасныя квартиры, способствовали тайному ихъ переходу границы и т. д.

Подобная служба шпіоновъ еще въ мирное время подготовляла нѣмцамъ агентовъ, превращенныхъ теперь въ проводниковъ, телефонистовъ, сигналистовъ и т. д. Изъ одного письма германскаго развѣдывательнаго отдѣленія видно, что отъ нѣкоего Г. въ 1909 году требовалось на случай войны съ нами навербовать побольше именно такихъ вспомогательныхъ агентовъ.

Въ другомъ письмѣ, на имя осужденнаго шпіона Б. Г., весной 1909 года какой-то анонимный маіоръ изъ Бреславля писалъ: «заручиться увѣренностью, что работа на этомъ пути будетъ функціонировать безпрепятственно, въ этомъ я вижу вашу главную и заслуженную задачу». Учитывая возможность прерыва дипломатическихъ сношеній съ Россіей (аннексія Босніи и Герцоговины) тотъ-же маіоръ въ другомъ письмѣ даетъ наставленія, какъ отправлять ему свѣдѣнія.

1) «Если граница свободна, то письма адресовать: а) въ Бреславль; б) въ Ченстоховъ; в) въ г. Пиченъ (Pietschen) въ Верхней Силезіи, купцу Рудзскому.

2) «Если-же граница будетъ закрыта, то—нарочнымъ до: а) Сѣрадзя, б) Ново-Радомска, в) Петракова, а далѣе на повозкѣ: въ Грабовъ, или черезъ Верушевъ въ Вильгельмсбрюкъ

или въ Зависну или въ Гербы. Далѣе всѣ донесенія направлять въ Бреславль».

Въ мирное время нѣмцы также избѣгали сноситься со своими агентами, проживавшими заграницею, при посредствѣ почтовыхъ учрежденій. По этому поводу, въ письмѣ, обнаруженномъ у одного изобличеннаго шпіона, австрійскій офицеръ генеральнаго штаба выражалъ недовольство за то, что донесенія идутъ почтою. «Почтою, писалъ онъ, писемъ не посылай, на это есть посыльный, который долженъ ходить регулярно, каждую недѣлю. Старайся письма посылать съ женщинами, онѣ могутъ хорошо исполнять эту работу».

Съ указанной цѣлью, организаціи тайной почты, нѣмцы изъ числа пограничнаго населенія завербовали агентовъ, которые, либо сами переходили границу, пользуясь установленными льготами, либо къ нимъ приходили посредники изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ имперіи, а они полученную корреспонденцію передавали уже извѣстному лицу для дальнѣйшаго направленія, въ чемъ, между прочимъ, былъ изобличенъ крестьянинъ деревни Богуше И. П.

По сообщенію военныхъ корреспондентовъ, война показала, что нѣмцы у насъ «широко раскинули цѣпь шпіонажа», именно въ указанномъ только что смыслѣ [1]). Нѣмецкіе соглядатаи освѣдомляютъ противника о движеніяхъ нашихъ войскъ, корректируютъ стрѣльбу его артиллеріи, передаютъ ему узнанные факты и все это является исполнимымъ только благодаря тому, что мы прозѣвали ихъ работу въ мирное время.

«Сейчасъ шпіонажъ у противника, пишетъ г. Немировичъ-Данченко, поставленъ удивительно. Куда бы они ни пришли, какія бы позиціи ни заняли,—къ ихъ услугамъ тотчасъ же готовыя организаціи сигнализаторовъ, потайныхъ телефоновъ, проводниковъ, хорошо спрятанныхъ складовъ. Говорятъ, что и отступая, нѣмцы оставляютъ у насъ своихъ. Колонисты ихъ

[1]) См. „Нов. Вр.“ 23-го декабря 1914 г. („Изъ дневника войны“) и „Русское Слово“ 12-го декабря 1914 г. („Подъ огнемъ“, статья г. Немировича-Данченко).

держатъ въ недоступныхъ тайникахъ, они шатаются у насъ переодѣтыми. Многіе изъ нихъ не говорятъ по русски; но, вѣдь, и колонисты тоже не всѣ объясняются на языкѣ пріютившаго ихъ государства» [1]).

Въ видѣ конкретнаго факта изъ этой области нѣмецкой изобрѣтательности, приведемъ описаніе раскрытаго въ Жирардовѣ шпіонства.

«Въ то время, какъ въ верхнихъ баракахъ жирардовской фабрики умирали русскіе солдаты, внизу. въ подвалѣ, сидѣли инженеръ Курмахеръ, рижскій нѣмецъ, начальникъ мѣстнаго пожарнаго депо и двое «добровольцевъ» и передавали по радіотелеграфу въ штабъ нѣмецкаго корпуса о передвиженіяхъ русскихъ войскъ. Ихъ всѣхъ поймали съ поличнымъ за аппаратомъ съ радіо-телеграммой въ рукахъ».

Такихъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и магазиновъ въ Царствѣ Польскомъ — не мало. Множество предпріятій принадлежало и принадлежитъ нѣмцамъ. Они открывались съ толкомъ, по нынѣшнему пути прусской арміи, а колонисты, раскинувшіе сѣть по всему краю—соединили ихъ телефономъ и безпроволочнымъ телеграфомъ» [2]).

До какой наглости доходятъ нѣмецкіе освѣдомители, показываетъ слѣдующій случай, описанный въ «Голосѣ Москвы».

Это произошло въ Польшѣ.

Послѣ кровопролитнаго боя, наши войска лихой атакой сбили непріятеля и заняли его окопы.

Цѣлый день прошелъ сравнительно спокойно, зато на утро нѣмецкая артиллерія открыла убійственный огонь.

Штабу полка пришлось особенно круто: нѣмцы точно видѣли всѣ его передвиженія. Очевидно, кто-то невидимый корректировалъ непріятельской стрѣльбой и давалъ необходимыя свѣдѣнія. Начали искать.

---

[1]) „Рус. Сл.“ 13-го декабря 1914 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 21-го декабря 1914 г.

Въ это время кому-то пришла въ голову мысль обыскать окопы.

И вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, нашли очень искусно замаскированную дверь, за которой оказалась небольшая комната, а въ комнатѣ сидѣла женщина и преспокойно телефонировала нѣмцамъ. Шпіонку арестовали.

Попробовали было офицеры спрашивать ее о расположеніи германцевъ, но женщина не сказала больше ни слова [1]).

Еще болѣе тщательно организована нѣмцами служба связи въ пограничныхъ съ нами областяхъ, какъ можно судить объ этомъ по опыту, полученному нашими войсками въ Восточной Пруссіи.

«У жителей германскихъ городовъ и селеній, разсказываетъ та же газета, телефоны устроены въ погребахъ, сараяхъ, птичникахъ, на огородахъ и т. д. Есть телефоны подъ большимъ деревомъ, на полѣ, въ ямахъ, сверху искусно замаскированныхъ. Въ ямѣ сидитъ человѣкъ, и лишь только войска пройдутъ, телефонистъ передаетъ: «Сейчасъ надо мной прошли русскіе». Въ большинствѣ случаевъ телефонисты обучены русскому языку. Среди ихъ есть древнія старушки, дѣти, подростки и молодыя дѣвушки. Сигнализація дается не только телефономъ, но и посредствомъ пожаровъ. Лишь только русскіе занимаютъ селеніе, какъ вдругъ загорается какой-нибудь сарай. Русскіе солдаты пришли къ убѣжденію, что въ Германіи нельзя вѣрить никому—ни сельчанину, занимающемуся мирной работой, ни старушкѣ, вяжущей чулокъ, ни юной, улыбающейся дѣвушкѣ» [2]).

И дѣйствительно, въ Германіи шпіонитъ тотъ, кто можетъ: чиновникъ, пасторъ, учитель... Напримѣръ, «въ мѣстечкѣ Марграбовѣ у школьнаго учителя нами былъ обнаруженъ телефонъ, аппаратъ котораго помѣщался... въ платяномъ шкапу, въ картонкѣ отъ шляпы.

---

[1]) „Голосъ Москвы“ 21 дек. 1914 г.

[2]) „Голосъ Москвы“ 24 сентября 1914 г.

Изъ этой картонки провода шли подъ землей въ сторону расположенія германской арміи и по нимъ учитель прекрасно могъ передавать тѣ свѣдѣнія, данныя для которыхъ онъ или наблюдалъ самъ, пользуясь абсолютной неприкосновенностью, или же получалъ отъ проходившихъ черезъ мѣстечко нашихъ солдатъ.

Вывѣдывалъ нужныя ему свѣдѣнія этотъ учитель очень искусно: зазывалъ къ себѣ нашихъ солдатъ, всячески угощалъ ихъ и въ бесѣдахъ понемногу вывѣдывалъ то, что ему было нужно» [1]).

Австрійцы въ оборудованіи Галиціи телефонной сѣтью сдѣлали также очень много. Офицеръ, побывавшій въ предѣлахъ Австріи, сообщаетъ по этому поводу интересные свѣдѣнія.

«Гдѣ только не находили мы телефонные аппараты? Во многихъ домахъ, сараяхъ, скотныхъ дворахъ, баняхъ, въ стогахъ сѣна, въ подземныхъ кладовыхъ и ледникахъ, а также ко всѣхъ остальныхъ постройкахъ и помѣщеніяхъ, включительно до отхожихъ мѣстъ. Иной разъ прямо удивляешься ихъ изобрѣтательности. Придешь въ церковь, встрѣчаетъ благообразный псаломщикъ, съ виду ничего подозрительнаго, а потомъ оказывается, что гдѣ-нибудь у престола совершенно незамѣтно укрѣпленъ телефончикъ, псаломщикъ не кто иной, какъ австрійскій майоръ или поручикъ. Мало того, австрійцы раскидали аппараты повсюду, въ лѣсахъ, въ дуплахъ и вершинахъ деревьевъ, въ ложбинахъ, ямахъ и канавахъ, а тоненькія проволочки тянутся себѣ на нѣсколько верстъ по верхушкамъ деревьевъ, или въ густой травѣ, большею частью подальше отъ дороги по трудно проходимымъ мѣстамъ. Пользовались австрійцы и дымовыми и свѣтовыми сигналами, флажками, сжиганіемъ опредѣленныхъ построекъ и многимъ другимъ, всего не перечтешь» [2]).

---

[1]) „Рус. Слово“ 17 сентября 1914 г.

[2]) „Нов. Вр.“ 27 сентября 1914 г.

Телефоны и станціи безпроволочнаго телеграфа, оборудованные нѣмецкими шпіонами, открываются въ самыхъ различныхъ странахъ.

Такъ, напримѣръ, газета «Temps» приводитъ любопытныя подробности объ организаціи германскаго шпіонажа въ Бельгіи. Какъ теперь обнаружено, посты для безпроволочнаго телеграфированія были буквально разсыпаны по всей странѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были найдены въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ загородныхъ виллахъ наиболѣе знатныхъ бельгійскихъ аристократовъ. «Многіе изъ этихъ аристократовъ брали себѣ женъ изъ Вестфаліи, изъ Ганновера и изъ Бранденбурга. Съ этими дамами пріѣзжали лакеи и дворецкіе, ухитрявшіеся ставить пріемники безпроволочнаго телеграфа на чердакахъ, куда никогда не заглядывала бельгійская полиція». Рядомъ съ домомъ французской миссіи въ Брюсселѣ, на бульварѣ Регента, воздвигнутъ былъ большой домъ, на мансардѣ котораго обнаружены были аппараты для безпроволочнаго телеграфированія. Въ этомъ же домѣ оперировали съ такъ называемымъ мартинографомъ. Черезъ смежную стѣну проверчены были особыми буровами тончайшія дырки, сквозь которыя были вставлены особыя трубочки. На конецъ трубочки навертывалась особой конструкціи мембрана, настолько увеличивающая передаваемые звуки, что можно было подслушивать разговоры, происходившіе даже вполголоса.

Въ Англіи также обнаружена работа нѣмецкихъ шпіоновъ въ организаціи службы связи

Такъ, близъ Лондона, въ загородномъ домѣ профессора Шустера, полиція обнаружила станцію безпроволочнаго телеграфа для сношеній на дальнія разстоянія. Въ другой разъ, въ одномъ изъ пригородовъ Ливерпуля, въ Анфиладѣ, полиціей была открыта вполнѣ оборудованныя станція безпроволочнаго телеграфа, устроенная въ трубѣ частнаго дома.

Затѣмъ, станціи безпроволочнаго телеграфа нѣмецкихъ шпіоновъ розысканы во Франціи, въ Египтѣ, въ Америкѣ, на различныхъ островахъ и т. д. Между прочимъ, въ Пенангѣ,

жертвой нѣмецкаго шпіонажа сталъ нашъ крейсеръ Жемчугъ, о движеніи котораго своевременно былъ извѣщенъ по безпроволочному телеграфу командиръ «Эмдена».

Въ широкихъ размѣрахъ примѣняется нѣмецкими шпіонами различнаго рода сигнализація. Въ Польшѣ, какъ сообщалось газетами, нѣмецкіе агенты сигнализируютъ свѣтовыми огнями, свѣчами въ окнахъ, флагами, зеркалами, наконецъ, движеніемъ мельничныхъ колесъ. О «свѣтовыхъ явленіяхъ» въ Прибалтійскихъ губерніяхъ много любопытныхъ свѣдѣній приводитъ въ своей книгѣ г. Ренниковъ [1]). На сколько трудно бороться съ этой работой нѣмецкихъ шпіоновъ, видно на примѣрѣ Англіи, гдѣ, не смотря на строгость принятыхъ мѣръ, ночные сигналы на побережьѣ Файфа не прекращаются. «Я лично могъ бы назвать шестъ мѣстъ, которыя недалеко лежатъ отъ моего дома, сказалъ лордъ Крауфордъ въ верхней палатѣ, въ которыхъ несомнѣнно производилось и производится сигнализированіе».

Во Франціи, по словамъ Figaro, была открыта цѣлая шайка нѣмецкихъ шпіоновъ, поступившихъ заблаговременно подъ видомъ прислуги и больныхъ въ домъ умалишенныхъ.

Эти господа сигнализировали нѣмецкимъ батареямъ о расположеніи французскихъ войскъ съ помощью флаговъ Краснаго Креста, которыми въ изобиліи была украшена вся больница. Одинъ изъ этихъ флаговъ, очень большой, былъ даже растянутъ на лужайкѣ, какъ предупрежденіе для аэропланов. Но, именно, онъ-то и служилъ лучшимъ указателемъ для нѣмецкихъ летчиковъ, такъ какъ ежедневно мѣнялъ свое положеніе и форму.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что нѣмецкіе шпіоны для своимъ сношеній широко пользуются голубиною почтой. Какъ во время войны, такъ и въ мирное время были неоднократныя поимки нѣмецкихъ почтарей съ голубеграммами. Нѣмецкое голубеводство у насъ ведетъ свое начало по крайней мѣрѣ

---

[1]) См. А. Ренниковъ, „Въ странѣ чудесъ“.

съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, такъ какъ именно съ этого времени наши власти стали предпринимать мѣры къ искорененію иностраннаго голубеводства въ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1887 года Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ было признано необходимымъ установить бдительный надзоръ въ пограничныхъ пунктахъ за тѣмъ, чтобы «голуби не провозились и не проносились на нашу территорію въ корзинахъ». Въ 1888 году послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о воспрещеніи привоза изъ-за границы всякаго рода голубей. Въ апрѣлѣ 1893 года циркулярнымъ распоряженіемъ Варшавскаго генералъ-губернатора было воспрещено частнымъ лицамъ держать почтовыхъ голубей. Въ іюлѣ 1904 г. постановленіемъ того же генералъ-губернатора вновь было подтверждено воспрещеніе разведенія, храненія и содержанія голубей почтовой породы.

Съ цѣлью повѣрки, насколько выполняются вышеприведенныя распоряженія, штабомъ округа неоднократно были командированы начальники крѣпостныхъ военно-голубиныхъ станцій для осмотра частныхъ голубятенъ, каковыми осмотрами удавалось открывать въ Варшавскомъ военномъ округѣ присутствіе весьма значительнаго числа почтовыхъ голубей, поддерживающихъ несомнѣнную связь нѣкоторыхъ нашихъ пунктовъ съ германскими и австрійскими военными голубятнями. Сверхъ того, во время лѣтнихъ дрессировокъ голубей бывали случаи пропажи старыхъ гонцовъ, ходившихъ неоднократно въ извѣстномъ направленіи. Часть пропадавшихъ голубей прибывала затѣмъ на станцію со снятыми съ ногъ кольцами и съ вырванными перьями, на которыхъ ставятся клейма. Нѣсколько голубей было отобрано у частныхъ лицъ.

При осмотрахъ частныхъ голубятенъ въ періодъ времени съ 1902 по 1907 годъ было найдено значительное количество почтовыхъ голубей въ Варшавѣ, Млавѣ, Лодзи, Ченстоховѣ, Сосновицахъ, Завадахъ (Ломж. губ.), Люблинѣ, Ополе (Ново-Алекс. у.), Красникѣ (Люб. губ.) и во многихъ другихъ городахъ и селеніяхъ.

Принятыми мѣрами за періодъ времени съ 1900 по 1910 г. удалось задержать до 200 австро-германскихъ почтарей, но, конечно, это число является ничтожнымъ по сравненію со всѣмъ количествомъ почтарей, разведенныхъ нѣмецкими шпіонами въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы считаютъ пригодными къ дрессировкѣ и голубей смѣшанныхъ породъ, а не только типичныхъ почтарей.

Необходимость принятія болѣе энергичныхъ мѣръ съ нѣмецкимъ голубеводствомъ вызвала, наконецъ, изданіе закона 5 іюля 1912 года, воспретившаго, подъ страхомъ наказанія, безъ надлежащаго разрѣшенія, содержаніе въ пограничныхъ военныхъ округахъ почтовыхъ голубей [1]). Однако, насколько намъ извѣстно, гражданскія власти, по крайней мѣрѣ, Варшавскаго генералъ-губернаторства, не воспользовались новымъ закономъ къ уничтоженію нѣмецкаго голубеводства, между тѣмъ какъ особый интересъ къ изданію этого закона былъ проявленъ именно штабомъ Варшавскаго военнаго округа.

Сюрпризы нѣмецкаго шпіонства.

Не смотря на то, что нѣмецкіе шпіоны умѣли скрытно вести свою предательскую дѣятельность, не смотря на то, что они добились, конечно, при энергичной поддержкѣ германской дипломатіи во многихъ вопросахъ, своего рода, права внѣземельности, не смотря на это, говоримъ мы, въ послѣдніе годы стали раздаваться голоса, указывающіе, что нѣмецкій шпіонажъ отнюдь не довольствуется тѣми невинными цѣлями, о которыхъ мы говорили выше. Изучая развѣдывательную дѣятельность нѣмецкихъ шпіоновъ, можно было предвидѣть, что въ кругъ ихъ обязанностей, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія, будутъ входить задачи саботажа, т. е. обязанность приводить въ негодность, въ районѣ дѣйствій непріятельскихъ армій, средства сношенія, пути передвиженія и уничтожать запасы фуража и провіанта.

[1]) См. ст. 101[3] уст. нал. мир. судьями.

Хотя въ настоящее время еще нѣтъ достаточнаго матеріала для всесторонняго освѣщенія этой работы нѣмецкихъ шпіоновъ, но уже на основаніи тѣхъ лишь свѣдѣній, которыя стали достояніемъ широкой публики, можно положительно утверждать, что самые мрачные пессимисты не смѣли допускать возможность дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ въ размѣрахъ, открывающихся передъ нашими глазами, по мѣрѣ искорененія предательскихъ гнѣздъ [1]).

Намъ лично, изъ эпохи аннексіи Босніи и Герцоговины, когда мы служили въ Варшавскомъ военномъ округѣ, извѣстны факты обнаруженія приготовленій нѣмецкихъ шпіоновъ къ порчѣ проводовъ телеграфа и телефона и полотна желѣзнодорожнаго пути. Конечно и въ настоящую кампанію имъ были даны тѣ же задачи, но если этотъ планъ нѣмецкихъ штабовъ не удался, то благодаря исключительнымъ мѣрамъ охраны, принятымъ нашими военными властями.

Однако же, порча телефонныхъ проводовъ, судя по свѣдѣніямъ, попавшимъ въ печать, нѣмецкимъ клевретамъ иногда удается. Такъ, напримѣръ, «Голосъ Москвы» передаетъ случай поимки шпіона, кравшаго телефонный проводъ [2]). «Новое Время» также сообщаетъ, что «въ различныхъ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій съ самаго начала войны повторялись случаи порчи полевыхъ телефоновъ. Строгія мѣры охраны далеко не всегда приводили къ желательнымъ результатамъ.

У Пинчагова нами было проведено, наконецъ, въ высшей степени оригинальное мѣропріятіе.

Охрана телефона была поручена мѣстнымъ... евреямъ.

Послѣднихъ предупредили, что за малѣйшую порчу проводовъ самымъ жестокимъ образомъ будетъ наказано все населеніе.

---

[1]) Исключеніемъ является французскій изслѣдователь нѣмецкаго шпіонства „Передъ войной“, Л. Додэ, о книжкѣ котораго въ своемъ мѣстѣ мы поговоримъ подробнѣе.

[2]) См. „Гол. Москвы“ 25 дек. 1914 г.

Съ тѣхъ поръ здѣсь совершенно прекратились задержки въ телефонномъ сообщеніи и простая въ сущности мѣра достигла цѣли»... [1]).

Въ концѣ октября 1914 г. въ Маморницѣ, на венгерско-румынской границѣ, румынскіе пограничные стражники арестовали четырехъ венгерскихъ крестьянъ и одного фермера изъ Буковины, при которыхъ было найдено большое количество динамита. По обстоятельствамъ дѣла, арестованные основательно были заподозрѣны въ намѣреніи произвести покушеніе на цѣлость русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Во Франціи въ одномъ случаѣ нѣмецкіе агенты пытались взорвать желѣзнодорожный мостъ близъ Руана; въ другомъ случаѣ была попытка разрушить водопроводъ въ Версалѣ. Къ сожалѣнію, надо думать, что въ отношеніи нашихъ союзниковъ нѣмецкіе шпіонскіе замыслы приведенными случаями не ограничиваются, такъ какъ Л. Додэ еще въ мирное время называлъ «нѣмецкія крѣпости» и «нѣмецкіе форты», сооруженные во Франціи. Своевременно слова Додэ склонны были считать плодомъ разстроенной фантазіи, конечно, не безъ вліянія продавшейся нѣмцамъ печати.

Наконецъ, яркую картину организаціи нѣмецкаго саботажа рисуетъ открытый въ Нью-Іоркѣ планъ нѣмецкихъ агентовъ уничтожать, при помощи бомбъ съ особымъ механизмомъ, англійскіе и французскіе пароходы, выходящіе изъ американскихъ портовъ.

Германскій генеральный штабъ не ограничивался и этими, сравнительно, широкими замыслами. Какъ теперь выясняется, его агенты въ предѣлахъ иностранныхъ государствъ оборудовали площадки для спуска аэропланов, соорудили оріентировочные пункты для воздушныхъ развѣдчиковъ, установили резервуары для питанія цеппелиновъ и, наконецъ, соорудили цѣлыя крѣпости, съ бетонными основаніями для орудій, проволочными загражденіями и настоящими блиндажами.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 20 ноября 1914 г.

По сообщенію петроградскаго агентства (7—X—14), въ іюлѣ группа иностранныхъ подданныхъ, выдававшихъ себя за рабочихъ бельгійской компаніи, въ дѣйствительности же преимущественно германцевъ, стала производить буровыя работы на уединенномъ полѣ, въ двухъ миляхъ отъ Гретмессингема и въ 30-ти миляхъ отъ Лондона. Работы производились три мѣсяца въ строжайшей тайнѣ. Рабочіе заявляли, что бурятъ землю въ поискахъ нефти, каковая, конечно, не была найдена. Затѣмъ работы были брошены, вырытыя ямы засыпаны, и поле вспахано. Такимъ образомъ, не оставлено было и слѣда работъ по буренію.

Какъ теперь выяснилось, буровыя работы были лишь предлогомъ, настоящей же цѣлью была подготовка мѣста подъ складъ бензина для германскихъ «цеппелиновъ», каковой предполагалось ввозить въ трубахъ, якобы, предназначавшихся для буренія. Одинъ изъ участниковъ названной группы германцевъ во время войны вновь прибылъ въ мѣстность, гдѣ производились работы, подъ предлогомъ повидать свою любовницу. Нынѣ онъ арестованъ.

Нахожденіе въ окрестностяхъ Лондона, Эдинбурга и въ другихъ мѣстахъ Англіи бетонныхъ платформъ для тяжелыхъ орудій, устроенныхъ германцами, бросаетъ новый свѣтъ на задачи нѣмецкихъ «инженеровъ».

По поводу приведеннаго выше сообщенія петр. агентства, сотрудникъ «Веч. Времени», г. Мзура, получилъ письмо отъ англійскаго инженера Ротстона, бывшаго очевидцемъ работъ бурильной компаніи, работъ, въ итогѣ которыхъ, какъ теперь установлено, оказались проложенными желѣзныя трубы, наполненныя бензиномъ, для нѣмецкихъ цеппелиновъ, долженствовавшихъ громить Англію [1]). Во главѣ нѣмецкихъ инженеровъ стоялъ Эдлеръ фонъ-Греве-Гернороде, соорудившій, къ слову сказать, въ Бельгіи ту массу бетонныхъ фундаментовъ

[1]) См. „Веч. Вр.“ 9 октября 1914 г.

для тяжелыхъ нѣмецкихъ орудій, истинное значеніе которыхъ бельгійцами было узнано слишкомъ поздно.

Эдлеръ фонъ-Греве-Гернороде производилъ изысканія также во Франціи и даже въ Америкѣ. Конечно, столь отвѣтственная работа была поручена не одному указанному господину. Дѣйствительно, не смотря на то, что Францію Гернороде пришлось скоро покинуть, тамъ были открыты вполнѣ оборудованныя траншеи, возведенныя нѣмецкими инженерами въ рудникахъ, скупленныхъ у французскихъ обществъ.

Съ большимъ успѣхомъ подобная же работа нѣмецкими инженерами исполнялась и въ Россіи. Напримѣръ, въ Прибалтійскомъ краѣ обнаружены площадки для спуска аэроплановъ, имѣются таинственныя пристанища для цеппелиновъ, провозятся по неизвѣстному направленію и для неизвѣстной цѣли цистерны бензина, сооружены лѣсныя вышки по образцу сторожевыхъ вышекъ Восточной Пруссіи, открыты склады оружія и т. д. и т. д., о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Въ Привислинскихъ губерніяхъ встрѣчаются «бетонныя основанія для нѣмецкихъ тяжелыхъ орудій» и даже «нѣмецкія крѣпости», какъ о томъ сообщалось въ «Русскомъ Инвалидѣ» [1]).

«Нѣмецкія крѣпости въ предѣлахъ Россіи! восклицаетъ названная газета.

Это не сказка, не полумиѳическая «быль», а горькая дѣйствительность... Казалось бы, самая пылкая фантазія не смогла бы претворить предположенія о *нѣмецкой крѣпости* на *русской землѣ* въ фактъ: однако же, нашимъ войскамъ, какъ выразилась газета «Сѣверо-Западная Жизнь» (Минскъ, 29-го ноября, № 279), — «пришлось испытать на своей спинѣ»,—*познать этотъ фактъ*, когда надо было брать подобныя крѣпостцы—господскій дворъ «Шукли» и дворъ «Поражнево» въ 4-хъ и 5-ти верстахъ отъ г. Владиславова, въ

---

[1]) См. „Рус. Инв.“ 12 декабря 1914 г.

нашемъ пограничномъ раіонѣ у Вержболова; брать намъ эти укрѣпленные пункты на русской землѣ было не легко,—на овладѣніе ими потрачено *пять дней*, съ 18-го по 23-е октября.

Крѣпостцы «Шукли» и «Поражнево» построены владѣльцемъ—нѣмцемъ—*русскимъ подданнымъ*, съ разсчетомъ, дабы съ минимальной затратой силъ можно было задержать значительныя по численности русскія войска и, мало того, устроить имъ «мышеловку».

Построены они обстоятельно, долговременно,—по всѣмъ правиламъ современной фортификаціи; но никого они не заинтересовали, въ путяхъ безпечности и преступнаго довѣрія къ нѣмцамъ. Справедливо, за послѣднее время, вошло въ обиходъ русской жизни замѣчаніе, что для Россіи и русскаго народа опаснѣйшій врагъ не внѣшній, а «внутренній» нѣмецъ.

Вотъ въ общемъ описаніе двора «Шукли».

Огромный господскій домъ представлялъ изъ себя по расположенію комнатъ-камеръ и по устройству стѣнъ, съ бойницами вмѣсто оконъ, нѣчто вродѣ нѣмецкой крѣпостной казармы, снабженной даже спеціальною мебелью, въ видѣ походной офицерской.

Передъ домомъ была раскинута громадная, рисчищенная отъ лѣса тысячи на полторы шаговъ, площадь, приспособленная, *какъ на дѣлѣ оказалось*, для обстрѣла, перерѣзанная рядомъ канавъ, наполненныхъ водой и искусственныхъ лощинъ, идущихъ по направленію къ дому и подводящихъ, въ силу обыкновенія пользоваться лощинами, наши войска подъ обстрѣлъ разставленныхъ въ домѣ пулеметовъ.

Шагахъ въ 300 отъ дома-крѣпости поляну пересѣкала довольно глубокая рѣчка, представлявшая, *какъ выяснилось*, искусственный отводъ воды, замаскированный тростникомъ, въ которомъ были устроены проволочныя загражденія.

Рѣчка эта имѣла, разумѣется, назначеніе задержать въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ мѣстѣ наши войска, сдѣлавъ изъ нихъ идеальную мишень.

Съ правой стороны имѣнія, если стать лицомъ къ границѣ, почти около самаго дома, былъ расположенъ паркъ, передъ которымъ была устроена, только съ фронта, огромная, въ аршина 2 толщины желѣзо-бетонная стѣна, съ высокой острой рѣшеткой, за которой скрывались великолѣпные окопы и блиндажи, требующіе, по словамъ видѣвшихъ ихъ нашихъ офицеровъ, заблаговременнаго устройства.

Сзади дома шли подземные ходы по направленію къ высокому густому лѣсу.

По обоимъ бокамъ дома, шли, нѣсколько наискось, длинные каменные, съ необыкновенно толстыми, какъ и домъ, стѣнами, съ бойницами въ нихъ, сараи, несомнѣнно выстроенные въ военныхъ цѣляхъ.

Вправо отъ этого имѣнія-пункта былъ еще одинъ такой же укрѣпленный пунктъ-фольваркъ «Поражнево», соединенный съ «Шуклями» еще въ мирное время глубокой канавой—рвомъ, какъ бы для стока воды, въ военное время легко приспособляемыхъ и въ качествѣ пути сообщенія и въ качествѣ окоповъ.

Къ изложенному необходимо добавить, что «Шукли» и «Поражнево», благодаря своему расположенію въ 5 верстахъ отъ г. Владиславова, держали подъ убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ не только самый городъ, но и площадь впереди и позади него, мостъ и шоссе, не давая этимъ намъ возможности ни занять города, ни продвинуться черезъ него въ Германію».

Нѣсколько позже, о той же крѣпости «Шукли» сообщалось въ «Новомъ Времени» [1]).

«Еще въ началѣ войны въ имѣніи Шукли разыгралась слѣдующая исторія. Въ первый же день объявленія войны нѣмецъ-управляющій куда-то скрылся. Долго его искали, но найти не могли. Прошло немного времени и онъ снова появился. Но уже во главѣ германскихъ разъѣздовъ.

---

[1]) См. „Нов. Вр,“ 23 декабря 1914 г.

Нужно только удивляться, до какой степени скрытно и умѣло они все это продѣлывали. Во многихъ мѣстахъ при появленіи военныхъ силъ на земляхъ нѣмецкихъ колонистовъ были обнаружены какія-то земляныя работы. Стоитъ ли добавлять, что по опредѣленію экспертовъ земляныя работы оказались настоящими блиндажами, построенными согласно современной техникѣ!

А между тѣмъ, какъ бы вы думали—чѣмъ занимались Нѣмцы? Офиціально они были огородниками...» [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ задачи нѣмецкаго шпіонства. Ни мы, ни наши союзники не подозрѣвали до какихъ границъ достигнетъ подпольная дѣятельность нѣмецкихъ агентовъ тайной развѣдки, не подозрѣвали потому, что не были въ курсѣ честолюбивыхъ стремленій пангерманизма, истиннаго вдохновителя нѣмецкаго шпіонажа.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 23 декабря 1914 г. („Изъ дневника войны“).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

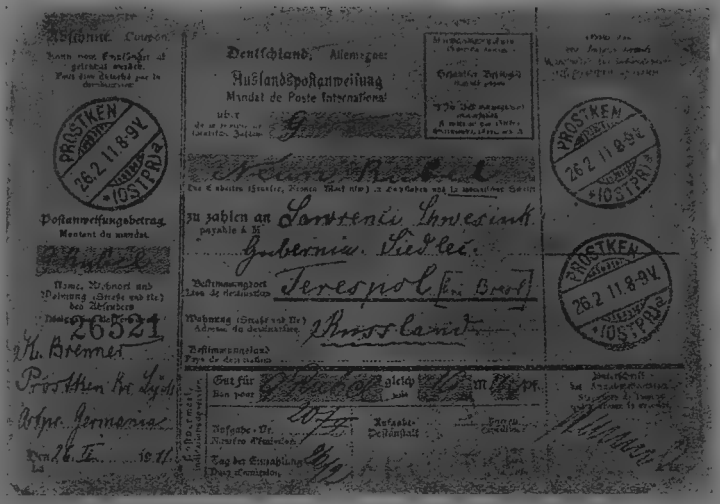
Агенты нѣмецкаго шпіонства.

Вербовка шпіоновъ.

Для выполненія всѣхъ сложныхъ задачъ нѣмецкаго шпіонства австро-германскія правительства нуждаются въ услугахъ громаднаго количества лицъ, занимающихъ различныя соціальныя положенія. И дѣйствительно, нѣмецкіе штабы прилагали большія старанія, чтобы сформировать кадры шпіоновъ и насадить «своихъ людей во всѣхъ значительныхъ гарнизонахъ» иностранныхъ войскъ еще въ мирное время. Непрерывной вербовкѣ шпіоновъ нѣмцы придавали огромное значеніе, что видно изъ повторяющихся въ письмахъ къ нѣкоторымъ изъ агентовъ напоминаній о «необходимости имѣть своихъ людей» въ томъ, либо другомъ пунктѣ. Постоянную организацію своему шпіонажу нѣмцы придали, помимо указанной выше причины, и въ цѣляхъ обезпеченія успѣха развѣдки во время войны, такъ какъ шпіонство не можетъ принести большой пользы въ военное время, если оно не организовано задолго до открытія военныхъ дѣйствій и если въ числѣ его дѣятелей нѣтъ заранѣе подготовленныхъ агентовъ. Эту истину, безспорно, понималъ лучше другихъ иностранныхъ штабовъ большой генеральный штабъ въ Берлинѣ, представляющій, говоря словами нѣмецкаго ветерана-шпіона доктора Гревса, «самую удивительную организацію въ мірѣ» по части шпіонства.

Обращаясь къ Россіи, должно сказать, что наши пограничныя губерніи, прилегающія къ Австріи и Германіи, были покрыты непрерывной цѣпью нѣмецкихъ шпіоновъ, съ по-

стоянным штатомъ служащихъ. Въ губернскихъ городахъ обыкновенно проживало 3—4 мѣстныхъ шпіона, въ городахъ съ меньшимъ населеніемъ число ихъ доходило до одного агента и, наконецъ, сельскіе поселки, въ окружности 10—15 верстнаго раіона, поручались наблюденію одного шпіона. Опираясь на созданный кадръ своихъ агентовъ, австро-германскія бюро могли въ нужную минуту поставить на ноги значительное количество своихъ работниковъ.

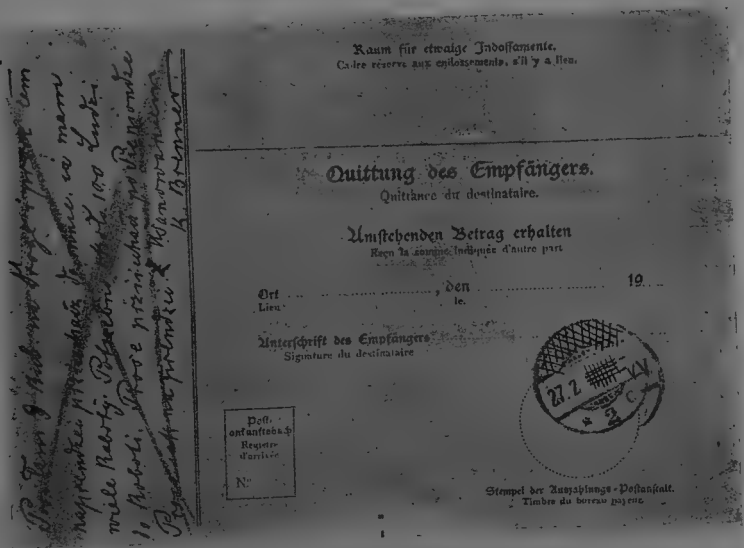


Оборотную сторону бланка см. на стр. 100.

Такъ, напримѣръ, весною 1911 года, когда происходили нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи нашихъ пограничныхъ войскъ, германскіе шпіоны систематически доносили о всемъ замѣченномъ въ штабы Кёнигсберга, Бреславля, Торна и Познани. Интересно отмѣтить, что мобилизація нѣмецкихъ шпіоновъ въ это время происходила еще до начала дѣйствительнаго передвиженія нашихъ войскъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ прилагаемая фотографія денежнаго перевода съ

польскимъ текстомъ письма, адресованнаго на имя изобличеннаго предателя Хвесюка (Хвесинскаго).

Германскій офицеръ изъ Торна, извѣстный Хвесюку подъ псевдонимомъ Бреннера, посылая 9 рублей на дорогу, писалъ: «Прошу какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ. Я имѣю много работы; потребуется около 100 человѣкъ для работы. Пріѣзжай за деньгами какъ можно скорѣе». Не подлежитъ сомнѣнію, что Хвесюкъ не былъ единственнымъ шпіономъ, полу-



чившимъ вызовъ въ Германію за деньгами и надлежащими инструкціями, а потому арестъ Хвесюка, еще во время его пути въ Германію, не отозвался неблагопріятно на ходѣ шпіонской мобилизаціи нѣмцевъ.

Къ глубокому сожалѣнію, мы должны сказать, что у насъ не вѣрили въ возможность столь значительнаго распространенія нѣмецкаго шпіонства не только широкіе слои общества, но даже представители арміи, стоявшіе на высокихъ ступе-

няхъ служебной іерархіи. Не вѣрилъ, или вѣрнѣе сказать, не былъ въ курсѣ закулисной работы нѣмецкихъ шпіоновъ и органъ военнаго министерства — «Русскій Инвалидъ». Своевременно, въ рядѣ статей, печатавшихся въ «Новомъ Времени» [1]), мы старались по мѣрѣ силъ и умѣнья изобличить интриги нѣмецкихъ шпіоновъ и предостеречь русское общество отъ въѣдавшейся въ нашу жизнь нѣмецкой проказы, за что со стороны «Русскаго Инвалида» получили упрекъ въ «опасномъ культивированіи желтыхъ слуховъ» и въ распусканіи «опасныхъ легендъ о шпіонахъ» [2]). Увы, теперь мы видимъ, сколь грѣшилъ военный офиціозъ, успокаивая русское общество въ то время, когда надо было кричать вездѣ и всюду; кричать, чтобы быть услышаннымъ лицами, пребывавшими въ безмятежномъ снѣ [3]).

Англія, Франція, Бельгія также заблаговременно были покрыты непрерывной цѣпью нѣмецкихъ шпіоновъ.

Въ отношеніи Англіи мы имѣемъ свидѣтельство лорда Чер-

---

[1]) См. наши статьи „Шпіонство, его задачи и средства въ мирное время“ („Нов. Вр.“ №№ 12247, 12248, 12250, 12255, 12260 и 12266).

[2]) См. „Русск. Инв.“ 1910 г. № 199 и сл. („Жёлтая опасность“).

[3]) Въ оцѣнкѣ нашихъ статей „Русскій Инвалидъ“ нашелъ единомышленниковъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. „Neue Freie Presse“, защищая нѣмецкихъ колонистовъ, упоминаемыхъ въ нашихъ статьяхъ, пренаивно утверждала, что въ Россіи лучшіе вѣрноподданные царя, именно, нѣмецкіе колонисты. „Еслибы, писала газета, германскій императоръ занялъ западныя русскія губерніи, то осѣвшіе тамъ нѣмецкіе колонисты, конечно, переселились бы вглубь Россіи“. Предсказанный вѣнской газетой „исходъ“ нѣмецкихъ колонистовъ, какъ мы видимъ, осуществляется, но только не по желанію самихъ нѣмцевъ, а по волѣ русскихъ военныхъ властей.

Германскій „Local Anzeiger“ снизошелъ къ нашимъ статьямъ только потому, что онѣ печатались въ „Новомъ Времени“. Однако, добавляетъ газета, „не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ пользовался подложными документами. Этотъ способъ, по мнѣнію берлинской газеты, весьма распространенъ въ Россіи“.

О достовѣрности использованныхъ нами документовъ мы своевременно предлагали редакціи „L. A.“ справиться въ штабахъ Германіи и Австріи...

чилля, высказанное имъ въ сентябрѣ минувшаго года на одномъ митингѣ, въ Ливерпулѣ.

«Съ тѣхъ поръ, сказалъ Черчилль, что я принялъ портфель морского министерства, я все время ежедневно видѣлъ доказательства и проявленія самаго энергичнаго шпіонажа, производимаго Германіей въ нашей странѣ. Громадное число тайныхъ нѣмецкихъ агентовъ изъ года въ годъ непрерывно и настойчиво работало надъ добываніемъ всевозможныхъ свѣдѣній о британскомъ флотѣ и объ его организаціи Но этого мало. Кромѣ профессіональной развѣдки, каждый ничтожный лейтенантикъ Германіи старался заслужить милость своего начальства тѣмъ, что бралъ отпускъ, пріѣзжалъ въ Англію и подробно сообщалъ потомъ о всемъ, что онъ могъ узнать или видѣть въ нашей мирной и миролюбивой странѣ» [1]).

Особое вниманіе въ Англіи нѣмецкіе шпіоны удѣляли развѣдкѣ флота, потому неудивительно, что ко времени объявленія войны на службѣ англійскихъ торговыхъ пароходствъ оказалось свыше 10 тысячъ матросовъ, механиковъ, конторщиковъ и другихъ служащихъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ.

Франція также страдала отъ назойливости нѣмецкихъ шпіоновъ. Со словъ генерала Дюрана, «Le Matin» (1 сент. 1908 г.) предупреждала, что «нѣмецкіе шпіоны вездѣ и всюду, какъ передъ 1870 годомъ. Они шпіонятъ на всѣ лады: черезъ прислугу, уличныхъ мальчишекъ, даже черезъ трубочистовъ». Нѣсколько позже, «Le Matin» вновь обращала вниманіе властей на тотъ фактъ, что «въ парижскихъ гостинницахъ находится на службѣ 40.000 нѣмцевъ въ качествѣ кельнеровъ и служителей. Объяснить подобное явленіе простой случайностью врядъ ли возможно», совершенно основательно замѣчала газета. Свѣдѣнія, идущія съ западнаго фронта, подтверждаютъ изобиліе нѣмецкихъ шпіоновъ. По словамъ, напримѣръ, датской газеты «Aftenpost», за одинъ лишь ноябрь мѣ-

---

[1]) Цитировано по „Нов. Вр.“ 19 сентября 1914 г.

сяцъ французы арестовали въ Калэ 230 шпіоновъ, изъ которыхъ большинство было разстрѣляно. При этомъ датская газета прибавляетъ наивно, что Франція научилась у Англіи не оказывать шпіонамъ пощады.

Въ районѣ Реймса французы открыли цѣлую сѣть нѣмецкаго шпіонажа въ колодцахъ, на внутреннихъ стѣнахъ которыхъ нѣмцы заблаговременно устроили телефоны и площадки для шпіоновъ, обслуживающихъ эти телефоны [1]).

Въ сентябрскомъ докладѣ фельдмаршалъ Френчъ, отмѣчая превосходную организацію нѣмецкаго шпіонажа, говорилъ, что толпы нѣмецкихъ шпіоновъ бродили среди англійскихъ войскъ и передавали нѣмцамъ свѣдѣнія о передвиженіи противника: ночью—посредствомъ цвѣтныхъ огней, днемъ—посредствомъ дыма, выходящаго изъ трубъ мирныхъ домиковъ [2]).

Несмотря на преждевременную подготовку шпіонскихъ резервовъ, нѣмцы все же испытываютъ явный недостатокъ въ тайныхъ агентахъ.

Въ виду того, что во время войны во Франціи и Англіи установленъ чрезвычайно строгій надзоръ за шпіонами, германскимъ властямъ приходится прибѣгать для полученія свѣдѣній о передвиженіи враждебныхъ армій къ посредству гражданъ нейтральныхъ странъ. Съ этой цѣлью германскіе агенты разъѣзжаютъ по Голландіи и Швейцаріи и ведутъ переговоры иногда съ совершенно неподходящими для того лицами. Такъ, въ Голландіи они обратились къ пастору Лійену, который считается однимъ изъ выдающихся богослововъ Голландіи, профессоромъ Гаагскаго университета и членомъ лиги, заботы которой состоятъ въ огражденіи Голландіи отъ германскаго вліянія. Въ Швейцаріи германскіе агенты обратились къ извѣстному въ Лозаннѣ врачу Шермеру, предлагая ему проникнуть на французскую территорію и собрать всѣ данныя о внутреннемъ состояніи страны. Докторъ, французъ родомъ,

---

[1]) Цитировано по „Вечернему Времени“ 14 декабря 1914 г.
[2]) См. „Русское Слово“ 30 сентября 1914 г.

опубликовалъ полученное имъ предложеніе въ мѣстныхъ газетахъ.

Во Франціи, куда германскимъ агентамъ трудно проникнуть, они поступаютъ проще: нѣмецкіе летчики бросаютъ съ аэроплановъ воззванія желающимъ взять на себя агентурную службу, предлагая за каждое донесеніе высокую плату и назначая мѣсто, куда надлежитъ являться съ такимъ донесеніемъ.

Дѣятельность шпіона сопряжена съ огромнымъ рискомъ и для удачнаго выполненія поставленныхъ задачъ, онъ, кромѣ прирожденныхъ способностей, долженъ еще получить извѣстную подготовку. Поэтому-то, каждому вновь завербованному агенту германскіе руководители шпіонажа ставятъ одну — двѣ самостоятельныя задачи, обычно не представляющія большихъ затрудненій для своего исполненія и, въ случаѣ обнаруженія испытуемымъ лицомъ пригодности къ шпіонскому ремеслу, ему затѣмъ преподаютъ свѣдѣнія, въ мѣрѣ необходимой для его будущей дѣятельности, сообразно спеціальности, на которую его предназначаютъ. Занятія эти ведутся за границей, куда изъявившій желаніе вступить въ ряды шпіоновъ выѣзжаетъ за счетъ германскаго либо австрійскаго правительствъ. Длительность подготовки и разнообразіе преподаваемыхъ свѣдѣній всецѣло зависятъ, какъ мы уже сказали, отъ будущей спеціальности даннаго лица. Докторъ Гревсъ разсказываетъ, что онъ «въ теченіе пяти мѣсяцевъ усердно проходилъ курсъ спеціальнаго обученія. День за днемъ, недѣля за недѣлей, зубрилъ всевозможные предметы, необходимые для успѣшной работы въ тайной агентурѣ Главныхъ предметовъ было четыре: типографія, тригонометрія, морское строительство и черченіе».

Извѣстные намъ шпіоны, Ф. и Г., четыре раза выѣзжали на 3—4 дня въ Бреславль, гдѣ знакомились подъ руководствомъ германскаго офицера генеральнаго штаба, скрытаго для нихъ подъ псевдонимомъ Меркмаля-Редлиха, съ вопросами, касающимися вооруженія, обмундированія, снаряженія,

обученія, воздухоплаванія, военнаго телеграфа, желѣзнодорожныхъ войскъ, дислокаціи, техники мобилизаціи и организаціи нашей арміи.

По окончаніи теоретическаго курса агентамъ иногда даютъ практическую подготовку, послѣ чего, обычно, съ ними заключаютъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ. Содержаніе такихъ агентовъ весьма значительное. Такъ, напримѣръ, одинъ шпіонъ, поскольку у него найдено было почтовыхъ переводовъ, въ теченіе января, февраля и марта 1909 года, получилъ изъ Германіи слѣдующія суммы:

4	января	66 р.	89 к.
17	»	55 »	55 »
19	»	55 »	50 »
29	»	125 »	— »
11	февраля	86 »	— »
25	»	102 »	10 »
27	»	126 »	40 »
7	марта	89 »	10 »
9	»	92 »	40 »
17	»	100 »	— »
19		99 »	50 »
20	»	96 »	— »

Однако, нельзя сказать, чтобы этими суммами исчерпывался его заработокъ, такъ какъ и самъ предатель допускалъ возможность утери переводовъ [1]).

При тайныхъ развѣдкахъ услуги туземныхъ подданныхъ дадутъ несравненно болѣе цѣнные результаты, чѣмъ работа шпіоновъ-иностранцевъ. Однако, для того, чтобы склонить въ

---

[1]) Въ своихъ запискахъ Гревсъ приводитъ цифры оплаты его трудовъ. Хотя германцы и платятъ хорошо шпіонамъ, но всѣ цифры, указанныя Гревсомъ, намъ кажутся фантастичными, уже потому соображенію, что, получая подобное вознагражденіе, Гревсъ долженъ былъ скопить очень значительный капиталъ и тогда естественно бросилъ бы опасное занятіе шпіона, на тяжесть котораго самъ же жаловался.

свою пользу туземнаго подданнаго, требуется много труда, ловкости и риска, ибо предатели своей родины, къ счастью, находятся рѣдко. Вотъ почему для вербовки агентовъ существуетъ строго обдуманная система обмановъ, разсчитанныхъ на силу человѣческихъ страстей.

Чтобы нанять требуемое количество агентовъ, нѣмецкіе вербовщики прибѣгаютъ къ различнымъ, порою казалось бы, невиннымъ уловкамъ.

Само собою разумѣется, что намъ нѣтъ надобности разсматривать большое число практикуемыхъ способовъ. Все зависитъ отъ изобрѣтательности лица и даннаго случая. Но сколь бы ни разнообразились пріемы, всѣ они имѣютъ одну цѣль — завязать сношенія или съ лицами, истощенными въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, или же съ лицами невысокихъ нравственныхъ качествъ, или же, наконецъ, съ лицами, склонными къ легкомысленной и разгульной жизни. Прекраснымъ способомъ заставить откликнуться нужнаго человѣка являются газетныя объявленія.

Такъ, напримѣръ, года 2 — 3 назадъ, въ одной столичной газетѣ мы прочли слѣдующее объявленіе:

15.000 р. побочнаго годового дохода

безъ капитала могутъ заработать гг. офицеры, чиновники въ отставкѣ, вообще всѣ, которые вращаются въ высшихъ кругахъ общества, въ качествѣ представителей одной заграничной художественной фирмы съ мѣстнымъ складомъ.

Офферты съ краткой біографіей, референціями на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ концѣ объявленія былъ указанъ адресъ, куда должны были обращаться лица, желающія имѣть «15.000 рублей годового дохода безъ капитала».

Не трудно догадаться на какой сортъ людей разсчитана эта публикація. Можно заранѣе сказать, что ею могли заинтересоваться лишь легкомысленные люди, готовые изъ за денегъ идти на все. Дѣйствительно, при изслѣдованіи приведеннаго случая оказалось, что объявленіе это преслѣдовало чисто

шпіонскія цѣли, а публикаторъ экстренно выѣхалъ по неизвѣстному направленію, очевидно, будучи кѣмъ-то своевременно предупрежденъ. Подобнаго рода пріемы уже должны быть знакомы русскому обществу. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ назадъ появились широковѣщательныя газетныя обращенія какого-то *«бюро»*, предлагавшаго выгодныя занятія по сбору свѣдѣній различнаго характера, въ томъ числѣ и военнаго. Бюро заинтересовало административныя власти, благодаря чему вскорѣ же было выяснено, что истинная цѣль появленія этого предпріятія заключалась въ организаціи нѣмецкаго шпіонства въ Россіи.

Подобныя *«бюро»* нѣмецкими шпіонами открывались также во Франціи и практика ихъ достаточно выяснена.

Предлагающимъ, согласно объявленію, услуги обычно сообщается, что число желающихъ получить работу очень велико, почему среди нихъ приходится дѣлать выборъ. Дабы судить о годности лица, просятъ сообщить въ бюро, приблизительно, слѣдующія свѣдѣнія: полученное образованіе, состояло ли и состоитъ ли данное лицо на военной службѣ и въ положительномъ случаѣ, гдѣ именно. Если претендентъ находится въ отставкѣ, то требуется сообщить причину покинутія службы, продолжаются ли знакомства съ прежними сослуживцами и имѣются ли вообще связи въ военномъ обществѣ; родъ службы въ настоящее время и имущественное обезпеченіе просителя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что среди военныхъ, а также отставныхъ, жаждущихъ найти побочныя занятія, найдется не мало лицъ, владѣющихъ иностранными языками. Этимъ пользуются и на первыхъ порахъ такому лицу поручаютъ сдѣлать какой-либо переводъ военнаго характера, а дальнѣйшій успѣхъ зависитъ отъ ловкости инструктора и совѣсти человѣка, попавшагося въ шпіонскую ловушку.

Незадолго до объявленія войны во Франціи былъ изобличенъ въ шпіонствѣ аббатъ Гертебу, также соблазненный нѣмецкимъ объявленіемъ. Просматривая однажды иллюстриро-

ванный французскій еженедѣльникъ, Гертебу натолкнулся на небольшое объявленіе, сулящее цѣлое состояніе за необычайно легкую работу. Священникъ написалъ по указанному адресу и съ обратной почтой получилъ письмо германскаго шпіонскаго агентства и деньги, которыя были ему одновременно присланы на поѣздку въ Германію, совершенно неизбѣжную, по словамъ корреспондента.

Вернувшись во Францію, Гертебу посѣтилъ начальника станціи Тибервиль, нѣкоего Мерантье и предложилъ ему воспользоваться секретнымъ, запечатаннымъ приказомъ «на случай мобилизаціи», предлагая за копію съ него 500 франковъ.

Предупредивъ полицію, Мерантье сообщилъ священнику о своемъ согласіи и предложилъ зайти къ нему на вокзалъ. Аббатъ явился съ фотографическими аппаратами, гдѣ былъ арестованъ агентами полиціи.

Германскіе шпіоны болѣе часто, чѣмъ у насъ думаютъ, наблюдаютъ за образомъ жизни офицеровъ и чиновниковъ различныхъ штабовъ и управленій, отыскивая тѣхъ, скажемъ словами Ляуара, «дѣла которыхъ запутаны и частная жизнь которыхъ хотя немного сомнительна».

Подобное спеціальное наблюденіе за военно-служащими неоднократно обнаруживалось при судебномъ разслѣдованіи шпіонскихъ дѣлъ.

Такъ напр., «La France Militaire» (8 мая 1908 года), описывая процессъ Река, замѣчаетъ, что нѣмецкимъ шпіонамъ вмѣняется въ обязанность собирать точныя свѣдѣнія о жизни офицеровъ, объ ихъ состояніи и страстяхъ, чтобы имѣть въ виду лицъ, нуждающихся въ денежныхъ средствахъ. Дѣйствуя на ихъ слабости съ помощью женщинъ или иными путями, они искусно сплетаютъ паутину вокругъ попавшей въ ихъ руки жертвы.

Именно на опустившихся нравственно и запутавшихся матеріально разсчитаны многообѣщающія шпіонскія публикаціи.

Мы ни минуты не сомнѣваемся, что тѣ же цѣли преслѣдовали авторы нижеслѣдующихъ объявленій:

800 барышень и вдовъ съ приданымъ до 200,000 руб. желаютъ въ скоромъ времени выйти замужъ. Женихи могутъ быть и безъ средствъ. Л. Шлезингеръ, Берлинъ, 18.

Кто готовъ жениться

на молодой, состоятельной русской, имѣющей 65,000 руб. приданаго наличн. Только лица съ серьезными намѣреніями благоволят. писать по адр.: Шлезингеръ, Берлинъ, 18.

Но мы также ни минуты не сомнѣваемся и въ томъ, что нашлись лица, которыя, прочтя эти абсурдныя публикаціи, рѣшили, что именно имъ то и шлетъ судьба обѣщанный 200.000-й капиталъ, вовсе не считаясь съ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что столь завидная невѣста врядъ ли прибѣгла бы къ странному способу устройства своей жизни.

Лицу, обремененному семействомъ, дается легкая и хорошо оплачиваемая работа. Уже послѣ того, какъ уставшій труженикъ начинаетъ отдыхать отъ тяжестей перенесенной нищеты, ему предъявляются требованія сперва нѣсколько непонятнаго характера, затѣмъ подозрительнаго, а затѣмъ уже явно преступнаго. На очереди становится задача: либо бросить все и лишиться прекраснаго заработка, либо не думать о томъ, на что требуются тѣ или иныя услуги.

Вино, карты и женщины помогаютъ заглушить совѣсть у представителей другого сорта людей, прожигателей жизни.

Легкомысленнаго человѣка вовлекаютъ въ ту среду, гдѣ смыслъ жизни видятъ въ кутежахъ; гдѣ оцѣнка человѣка производится по толщинѣ его бумажника; гдѣ чувства женщины служатъ лучшимъ показателемъ матеріальнаго благосостоянія ея «друга».

Попойки не даютъ времени осмотрѣться вокругъ себя; начинаются близкія отношенія съ очаровательной женщиной, а новые *друзья* съ большой готовностью открываютъ свои

кошельки, разсчитывая получить «когда нибудь, когда будутъ деньги».

Требованія интересной соблазнительницы растутъ все болѣе, а между тѣмъ доставать денегъ становится все труднѣе. Настаетъ критическая минута, сожительница грозитъ уйти къ другому, если не будетъ дана въ ея распоряженіе нѣкоторая сумма денегъ, одолжить которую можно у одного изъ ея «*поклонниковъ*». Указанный поклонникъ обыкновенно готовъ исполнить «этотъ пустякъ», но взамѣнъ проситъ оказать ему тоже «пустячную» услугу, а именно—достать какія-либо свѣдѣнія военнаго характера, не представляющія никакого серьезнаго значенія, но потребныя ему, какъ журналисту. Если имѣется дѣло съ военнымъ, то просится обычно приказъ по части, не считающійся, какъ извѣстно, по нашимъ понятіямъ, секретомъ для широкой публики. Сдѣлка заключается и роковой конецъ дѣлается неизбѣжнымъ.

Когда, въ дальнѣйшемъ, несчастный отказывается достать уже безусловно секретныя свѣдѣнія, то шпіонъ рѣзко мѣняетъ тактику: требуетъ немедленной уплаты денегъ по всѣмъ просроченнымъ векселямъ, грозитъ донести начальству о неблаговидныхъ поступкахъ, наконецъ, даже угрожаетъ жизни.

Именно такой торной дорогой дошли до своего злодѣянія поручикъ Л., французскій лейтенантъ Ульмо и многія другія несчастныя жертвы нѣмецкой подлости.

Поручикъ Л., познакомившись съ ювелиромъ Венцковскимъ, первоначально пользовался у него разсрочкой платежа, затѣмъ отсрочкой, затѣмъ по его уговору сдѣлалъ на векселѣ подчистку числа, а въ итогѣ всего, боясь доноса Венцковскаго, долженъ былъ достать ему воинскій приказъ и, такимъ образомъ, оказался въ тенетахъ нѣмецкаго шпіонажа. По настоянію того же Венцковскаго, была сдѣлана условная публикація, предлагавшая австрійскому генеральному штабу сообщить важныя свѣдѣнія,—къ чему, собственно говоря, такъ осторожно и настойчиво были направлены всѣ усилія Венцковскаго.

Чтобы завязать сношенія съ писарями и нижними чинами нашей арміи, германскіе офицеры пользовались указаніями бѣглыхъ солдатъ, а иногда, если удавалось завербовать болѣе порочныхъ,—и услугами ихъ.

Для освѣщенія этого рода пріемовъ, приведемъ слѣдующіе два извѣстныхъ намъ случая.

Въ концѣ письма, бѣжавшаго въ Германію нижняго чина, была сдѣлана слѣдующая приписка:

«Николай Ивановичъ! я много хорошаго о васъ слышалъ отъ вашего товарища и мнѣ бы хотѣлось съ вами познакомиться и васъ поздравить. Вашему товарищу живется очень хорошо. Съ почтеніемъ Краузе».

Во второмъ письмѣ значилось:

«Вашъ товарищъ мнѣ говорилъ, Николай Ивановичъ, что вы нуждаетесь въ деньгахъ. Если вы разсудительный человѣкъ, то можете зарабатывать тысячи. Присылайте какія-нибудь бумаги и будете имѣть монеты. Для отвѣта присылаю вамъ марки (почтовыя). Вашъ доброжелатель Краузе».

Затѣмъ слѣдуетъ уже самостоятельное письмо такого содержанія:

«Еще прошу васъ, Коля, съ первымъ же письмомъ выслать или сообщить чего-нибудь, чтобы начать дѣло, чтобы я могъ выслать для васъ монеты. Вы еще писали насчетъ свиданія, это все можетъ случиться. Почему не пріѣхать за дѣломъ, которое вы приготовите раньше. Съ почтеніемъ Краузе».

Наконецъ, ухватившись цѣпкими руками за «*Колю*», его анонимный корреспондентъ уже выражаетъ недовольство присланнымъ, обѣщаясь впредь платить «финансы» лишь за свѣдѣнія, имѣющія военное значеніе и проситъ не присылать «*чепухи*», прибавляя при этомъ, что въ случаѣ его упорства «о полученіи денегъ можетъ какъ-нибудь узнать начальство».

Въ другомъ случаѣ, старшій писарь одного штаба неожиданно получилъ изъ Германіи письмо, со вложеніемъ 25 рублей «на расходы» и съ просьбою присылать по указанному адресу «всякую дрянь, бросаемую офицерами въ кор-

зины». Очевидно, весь планъ нѣмца былъ разсчитанъ на то, что писарь скроетъ отъ начальства полученіе письма и денегъ, чѣмъ открывался бы путь къ шантажу. Но въ данномъ случаѣ надежды не оправдались: о полученномъ письмѣ съ деньгами было немедленно же доложено кому слѣдуетъ.

Не довольствуясь вербовкой отдѣльныхъ агентовъ, нѣмцы порою организовывали подъ руководствомъ офицеровъ шпіонскія бюро, на которыя возлагалась дѣятельность въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, весной 1909 года, въ Варшавѣ, было обнаружено шпіонское гнѣздо на Гожей улицѣ (д. № 35), существовавшее подъ видомъ магазина фотографическихъ принадлежностей. Во главѣ бюро стоялъ германскій офицеръ Мюллеръ (конечно, фамилія не настоящая), занимавшійся какъ вербовкой шпіоновъ, такъ и развѣдкой. Дѣятельными помощниками этого Мюллера, скрывшагося своевременно за границу, были: его зять—Германъ, о которомъ мы упоминали выше, жена Германа, сынъ и, какъ кажется, дочь—весьма красивая шансонетная пѣвица.

По словамъ «Ранняго Утра», «въ Парижѣ, недалеко отъ Монмартра, на Бѣлой улицѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ обращало на себя вниманіе зданіе, принадлежащее нѣмецкой колоніи, въ которомъ помѣщались школа и протестантская молельня. Здѣсь же была устроена библіотека и читальный залъ, гдѣ иногда давались концерты, а подчасъ и банкеты, на которыхъ весьма торжественно предсѣдательствовалъ германскій посолъ.

Сосѣди съ удивленіемъ наблюдали, какъ временами въ этотъ домъ входили въ полной парадной формѣ германскіе офицеры.

Какъ только началась война, домъ опустѣлъ, причемъ пасторъ и его слуга—онъ же и швейцаръ — исчезли неизвѣстно куда.

Домъ вскорѣ былъ обысканъ и хотя ни одного документа при этомъ не было найдено, но оставшіеся слѣды сожженныхъ бумагъ и вся обстановка съ несомнѣнностью доказали,

что этотъ домъ былъ центральной конторой нѣмецкихъ шпіоновъ въ Парижѣ, гдѣ собирались и группировались полученныя отъ шпіоновъ свѣдѣнія передъ отправленіемъ ихъ въ Германію» [1]).

Въ самомъ началѣ войны, тайная французская полиція раскрыла нѣмецкую шпіонскую организацію въ Монте-Карло, во главѣ которой стоялъ директоръ казино — нѣкто Курцъ, нѣмецъ по паспорту. По словамъ газеты, Курцъ жилъ вмѣстѣ съ семьей въ Ниццѣ, въ великолѣпной виллѣ. Въ его кабинетѣ, какъ у министра, можно было получать свѣдѣнія о международной политикѣ. Здѣсь же часто навѣщали его и дамы полусвѣта. Держалъ себя Курцъ недоступно.

Изъ случайной телеграммы удалось узнать о существованіи въ Монте-Карло германскаго шпіонскаго бюро, а затѣмъ была доказана принадлежность къ этому предпріятію Курца.

Въ концѣ 1913 года въ Женевѣ была обнаружена тайная нѣмецкая организація шпіонажа, руководителями которой были германскіе офицеры фонъ-Эккъ и Глазеръ. Вся дѣятельность этого бюро была посвящена шпіонажу въ предѣлахъ Франціи и Россіи. Фонъ-Эккъ находился въ то же время въ постоянныхъ сношеніяхъ съ завѣдывающимъ нѣмецкимъ шпіонажемъ въ Брюсселѣ, съ успѣхомъ проживавшемъ въ столицѣ Бельгіи подъ видомъ журналиста [2]).

Лицу, завязавшему сношенія съ нѣмецкими бюро развѣдки, бываетъ весьма трудно высвободиться изъ ихъ цѣпкихъ рукъ. Предупредительное обращеніе и хорошая оплата труда практикуется нѣмецкими руководителями шпіонажа лишь въ отношеніи тѣхъ агентовъ, отъ которыхъ можно ожидать полученія цѣнныхъ свѣдѣній. Но это отношеніе и эта щедрость немед-

[1]) См. „Р. У.“ 28 сентября 1914 г.

[2]) Уже за время войны, нѣмецкія шпіонскія организаціи были обнаружены въ Женевѣ и въ Японіи. Во главѣ первой — стоялъ германскій подполковникъ Ульрихъ, а во главѣ второй — директоръ восточно-азіатскаго германскаго банка въ Іокогамѣ.

ленно замѣняется шантажированіемъ и застращиваніемъ, какъ только ихъ агентъ начинаетъ тяготиться своей дѣятельностью, или же прекращаетъ доставку требуемыхъ отъ него свѣдѣній. Разорвать установившуюся связь съ дѣятелями нѣмецкой тайной развѣдки въ большинствѣ случаевъ бываетъ небезопасно. «Измѣнника» сперва начинаютъ третировать, затѣмъ запугивать, наконецъ, сама его жизнь подвергается опасности. Если взбунтовавшійся шпіонъ завербованъ изъ нѣмецко-подданныхъ, то возможность для него полученія какой-либо службы въ предѣлахъ Германіи или Австріи навсегда потеряна. Угрозы нѣмецкихъ штабовъ не остаются пустыми звуками, но, какъ лично намъ извѣстно, въ томъ либо иномъ видѣ приводятся въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ два-три случая доноса русскимъ властямъ самихъ нѣмцевъ на завербованныхъ въ Россіи шпіоновъ, въ отмѣстку за ихъ нежеланіе продолжать дальнѣйшую работу. Въ одномъ случаѣ лицо, занимавшее видное положеніе въ обществѣ, австрійцы своими угрозами смертью довели до отчаянія въ полномъ смыслѣ слова и когда русскія власти, напавъ на слѣды преступленія, арестовали его, то арестъ этотъ былъ принятъ, какъ избавленіе отъ переживаемыхъ нравственныхъ пытокъ. Наконецъ, можемъ указать еще на примѣръ познанскаго поляка Кочаровскаго, который, не будучи въ силахъ переносить угрозъ агентовъ германскаго генеральнаго штаба, вплоть до бывшаго покушенія на его жизнь, добровольно явился на пограничный нашъ пунктъ и, несмотря на ожидавшее его тяжкое наказаніе, отдался въ руки русскихъ властей.

Между прочимъ, нашъ законъ о шпіонствѣ 5 іюля 1912 года, съ цѣлью облегчить участь шпіона, раскаявшагося въ своемъ злодѣяніи, именно на основаніи случаевъ, бывшихъ въ судебной практикѣ, предоставляетъ суду право смягчить наказаніе или вовсе освободить отъ наказанія участника шпіонскаго сообщества, донесшаго о такомъ сообществѣ прежде обнаруженія онаго. (Ст. 118[1] Угол. Улож.).

Личности нѣмецкихъ шпіоновъ.

Что касается лицъ, доставляющихъ правительствамъ Австріи и Германіи нужныя для нихъ свѣдѣнія, то по этому поводу слѣдуетъ сказать, что врядъ ли найдется какая-либо другая профессія, при которой было бы возможнымъ такое смѣшеніе «лицъ, языковъ, состояній». Карлъ Гревсъ безусловно правъ, утверждая, что въ составѣ нѣмецкихъ агентовъ шпіонажа «находятся мужчины и женщины всѣхъ классовъ общества: принцы и графы, адвокаты и доктора, актеры и актрисы, монденки высшаго свѣта, демимонденки полусвѣта, лакеи и швейцары». Дополнимъ отъ себя этотъ списокъ, исчерпать который, кажется, нѣтъ возможности, указаніемъ на чиновъ дипломатическаго корпуса, во главѣ съ послами и ихъ супругами, профессоровъ и коммерсантовъ, мошенниковъ и воришекъ, торговцевъ живымъ товаромъ и контрабандистовъ, фальшивомонетчиковъ, духовныхъ лицъ и т. д. и т. д.

Мы положительно утверждаемъ, что ни одинъ кругъ общества не гарантированъ отъ шпіона или измѣнника. Дѣйствительно, съ одной стороны, въ числѣ нѣмецкихъ тайныхъ агентовъ мы видимъ французскую принцессу, впослѣдствіи баронессу, родственницу бывшаго тогда президента французской республики Луи-Наполеона, которую, по словамъ Поля Лянуара, королевскій министръ Мантейфель, при содѣйствіи прусскаго посланника фонъ-Буссена и знаменитаго шпіона Штибера, «умудрился заполучить въ тайную нѣмецкую полицію» [1]).

Съ другой стороны, въ числѣ тѣхъ же шпіоновъ Берлина находился еврей Абрамъ Груберманъ. Проживая въ Плоцкѣ, онъ занимался ростовщичествомъ, факторствомъ и мелкою контрабандою; въ то же время онъ находился въ сношеніяхъ съ ворами и торговцами живымъ товаромъ, способствуя имъ по вывозу женщинъ и дѣвушекъ за границу, въ дома терпимости.

---

[1]) См. Поль Лянуаръ: „Нѣмецкое шпіонство во Франціи".

Имѣя въ виду сказанное выше, казалось бы, что намъ надлежитъ съ особой осмотрительностью относиться къ подозрительнымъ субъектамъ, а между прочимъ этого-то мы и не замѣчали. Напримѣръ, въ борьбѣ съ контрабаннымъ водвореніемъ въ наши предѣлы изъ Австріи и Германіи товара, нашъ пограничный надзоръ, преслѣдуя лишь интересы фиска, вовсе не обращалъ вниманія на возможность прикосновенія контрабандистовъ къ шпіонству. Между тѣмъ, какъ австрійскій, такъ и германскій генеральные штабы съ успѣхомъ пользовались услугами контрабандистовъ, привлекая ихъ на свою службу путемъ предоставленія поблажекъ въ области ихъ профессіональныхъ занятій.

Въ самомъ началѣ первой балканской войны намъ встрѣтился весьма любопытный случай нѣмецкаго шпіонства. Съ цѣлью провѣрить расположеніе нашихъ войскъ, германскій генеральный штабъ послалъ своего агента, который, подъ видомъ жертвы турецкаго звѣрства, лишенной языка, обходилъ воинскія части за подаяніемъ, прося жертвователей обязательно заносить свои фамиліи, съ указаніемъ мѣста службы, въ имѣвшуюся у него записную книжку, чтобы знать за кого приносить Богу молитву. На первой страницѣ этой книжки было напечатано типографскимъ способомъ слѣдующее объявленіе:

«Милостивые Государи!

Простите меня за мое къ Вамъ безпокойство. Я, сильно душевно и тѣлесно потрясенъ и въ настоящее время прибѣгаю къ Вамъ за помощью, мнѣ въ средствахъ по возможности. Я изъ деревни Ареса Македонскаго владѣнія и тамъ я сильно пострадалъ. Въ томъ селеніи мой отецъ имѣлъ лавку съ полной обстановкой и осѣдленности и на насъ напали 9 человѣкъ Турецкихъ разбойниковъ, отца и старшаго брата убили, разграбивъ наше имущество. На моемъ попеченіи остались мать парализованная и трое малолѣтнихъ сестеръ, а я работать не могу потому что Турецкіе разбойники отрѣзали мнѣ

языкъ. За Ваше благодѣянія Добродѣлецъ Всевышній Творецъ пошлетъ Вамъ десятерицею счастья и здоровья.

Покорный слуга».

Ставка, основанная на симпатіяхъ Россіи къ славянамъ, была разсчитана вѣрно, но въ данномъ случаѣ любознательность врача-хирурга обнаружила самый наглый обманъ.

Конечно, не въ этихъ жалкихъ людишкахъ лежитъ центръ тяжести нѣмецкаго шпіонства. Чѣмъ выше, на ступеняхъ соціальной градаціи, то общество, въ которомъ вращается шпіонъ, чѣмъ шире кругъ его знакомыхъ, тѣмъ большее количество свѣдѣній онъ будетъ въ состояніи достать и тѣмъ значительнѣе будетъ цѣнность добытыхъ имъ свѣдѣній. Вотъ почему руководители нѣмецкаго шпіонства не преминули использовать исключительно счастливое положеніе, въ смыслѣ безотвѣтственности за свои гнусные поступки, чиновъ дипломатическаго корпуса.

«Въ этомъ направленіи, говоритъ подполковникъ Роллэнъ, стоявшій одно время во главѣ контршпіонской службы во Франціи, особенно полезна дѣятельность германскихъ дипломатовъ и консуловъ. Ихъ обстоятельныя донесенія служатъ цѣннымъ подспорьемъ и дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, добываемымъ тайной развѣдкой. Многіе изъ нихъ, не въ примѣръ нашимъ (французскимъ) дипломатамъ, не особенно стѣснялись въ выборѣ способовъ для достиженія преслѣдуемой цѣли. Нѣкоторые изъ консуловъ и торговыхъ представителей являлись настоящими руководителями тайныхъ организацій» [1]).

Слова французскаго полковника какъ нельзя лучше подтверждаются фактами послѣдняго времени.

Такъ, напримѣръ, съ положительной достовѣрностью установлено, что бывшій германскій посолъ въ Лондонѣ, князь Лихновскій, лично направлялъ дѣятельность германскихъ агентовъ и руководилъ ихъ интригами въ Англіи [2]).

[1]) См. Роллэнъ. „Военно-развѣдывательная служба въ мирное и военное время".

[2]) См. „Нов. Вр." 16 Іюля 1914 г.

Затѣмъ, причастность германскаго посольства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ къ фабрикаціи подложныхъ паспортовъ для нѣмецкихъ шпіоновъ еще у всѣхъ должна быть въ памяти. Но, все же, рекордъ шпіонской наглости стяжалъ и, вѣроятно навсегда, «посланникъ его величества императора Германіи, аккредитованный при дворѣ Китайской республики»,—«мистеръ» Гинце. Фонъ-Гинце, до занятія имъ дипломатическаго поста, стоялъ во главѣ шпіонской организаціи и съ этой стороны его личность была хорошо извѣстна на Дальнемъ Востокѣ. Получивъ высокое назначеніе, онъ не рискнулъ отбыть въ Шанхай подъ своимъ именемъ, а потому ему пришлось назваться «мистеромъ В. Гинце, судовымъ приказчикомъ норвежскаго парохода «Христіанъ Борсъ», изъ Сіетля» [1]).

Участіе въ шпіонской дѣятельности бывшихъ пословъ въ Петроградѣ, германскаго—графа Пурталеса и австро-венгерскаго—графа Берхтольда выяснилось во всемъ своемъ непривлекательномъ видѣ въ дѣлѣ барона Унгернъ-Штернберга. Въ дипломатическихъ салонахъ теперешнихъ нашихъ враговъ «Унгернъ-Штернбергъ былъ желаннымъ гостемъ» [2]). Презрѣнный предатель получалъ приглашенія на торжественные пріемы съ «супругой», т. е., говоря по просту, съ любовницей,—стенографисткой Государственной Думы,—не только отъ имени графовъ Пурталеса и Берхтольда, но также и отъ ихъ женъ. Это обстоятельство, какъ намъ кажется, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что графиня Пурталесъ и графиня Берхтольдъ знали, какую роль играетъ Унгернъ-Штернбергъ въ ихъ салонахъ, иначе трудно объяснить, чѣмъ руководились нѣмецкія аристократки, принимая у себя женщину «безъ роду, безъ племени», рискуя тѣмъ вызвать недоумѣніе у своихъ высокопоставленныхъ гостей.

Наиболѣе тѣсныя связи у барона Унгернъ-Штернберга

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой нѣмецкой спекуляціи см. „Русс. Слово“ 18 января 1915 г. и сл.

[2]) См. „Рѣчь“, 1910 г. № 161.

были съ австрійскимъ посольствомъ, «куда онъ являлся какъ свой человѣкъ, для полученія инструкцій» [1]).

Иногда нѣмецкіе послы вызывали Унгернъ-Штернберга къ себѣ экстренно, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующей записки отъ 26 іюня 1908 года—австро-венгерскаго посольства:

«Г. уважаемый баронъ! Посолъ желаетъ спѣшно съ вами поговорить, прошу Васъ не отказать явиться къ нему сегодня, только до 3 часовъ.

Съ почтеніемъ Фюрстенбергъ».

Видя примѣры шпіонской дѣятельности пословъ, нѣмецкіе консула стремились подражать имъ, тѣмъ болѣе, что шпіонскіе успѣхи являются лучшимъ средствомъ къ преуспѣянію на государственной службѣ Австріи и Германіи. Дѣло Богатскаго, сущность процесса котораго мы излагаемъ ниже, показало, что австрійское консульство въ Варшавѣ давало германскимъ судебнымъ властямъ свѣдѣнія, характеръ которыхъ неоспоримо доказываетъ тѣсную связь консульства съ агентами австрійскаго генеральнаго штаба. Это же сотрудничество, судя по отчетамъ краковскихъ газетъ, выяснилось на дѣлѣ Стецышина, при разработкѣ котораго австрійскій консулъ въ Варшавѣ выполнялъ поставленныя ему австрійскимъ генеральнымъ штабомъ розыскныя задачи.

Благодаря исключительному личному расположенію, которымъ пользовался у покойнаго варшавскаго генералъ-губернатора германскій консулъ баронъ Брюкъ, онъ имѣлъ возможность заслужить особую благодарность Вильгельма 2-го, свидѣтельствомъ чего служитъ его назначеніе на должность губернатора мѣстностей, занятыхъ нѣмцами въ русской Польшѣ. Фамилія Брюка не разъ фигурировала, въ благопріятномъ для прокурора смыслѣ, въ отчетахъ краковскихъ газетъ о шпіонскихъ процессахъ въ Австріи.

[1]) См. „Нов. Вр.“, 1910 г. № 12304.

Нѣсколько ранѣе, въ дѣлѣ Гримма, были изобличены въ сотрудничествѣ съ агентами тайной развѣдки проживавшіе въ Варшавѣ германскій консулъ фонъ-Гакстгаузенъ и вице-консулъ Плэнъ, а равно австрійскій вице-консулъ и генеральный консулъ фонъ-Геннинъ.

Низшіе служащіе нѣмецкихъ посольствъ и консульствъ неизбѣжно вовлекаются въ шпіонскую свистопляску, облегчая своимъ шефамъ выполненіе выпавшихъ на ихъ долю щекотливыхъ задачъ. Напримѣръ, курьеръ германскаго посольства Томасъ Вохау прикрывалъ личиною дружбы свое посредничество при сношеніяхъ предателя Рафаила Поваже съ германскимъ военнымъ агентомъ [1]).

Нѣмецкіе военные агенты являются настоящими руководителями шпіонства заграницей. Однако, со времени процесса Дрейфуса, въ которомъ была раскрыта вся закулисная дѣятельность германскаго военнаго аташе фонъ-Шварцкоппена, они избѣгаютъ входить въ непосредственную связь со шпіонами. По этому поводу, австрійскій военный агентъ, графъ Лелія Спанноки, признавался Унгернъ-Штернбергу, что лично онъ уклоняется отъ непосредственныхъ сношеній со шпіонами, во избѣжаніе разоблаченій, а даетъ имъ условныя адреса на Вѣну, предоставляя уже тамошнимъ тайнымъ агентамъ установить связь.

И все же, несмотря на мѣры предосторожности, истинныя наклонности нѣмецкихъ военныхъ агентовъ всплываютъ наружу, что случилось, напримѣръ, съ самимъ маіоромъ Спанноки, сотрудничество котораго установлено въ трехъ наиболѣе громкихъ шпіонскихъ процессахъ, разсматривавшихся за послѣднее время въ Петроградѣ, а именно: въ дѣлѣ Посникова, Унгернъ-Штернберга и Поваже. Незадолго передъ войной, бельгійскій военный атташе въ Парижѣ, полковникъ Коллонъ, доказалъ несомнѣнную шпіонскую дѣятельность

---

[1]) Отчетъ объ этомъ дѣлѣ см. „Нов. Вр.“ 1911 г. № 12582 и „Рѣчь“ № 80.

своихъ германскихъ коллегъ, занимавшихъ единовременно съ нимъ посты военныхъ агентовъ въ Парижѣ [1]).

Кромѣ чиновъ дипломатическаго корпуса, германскій генеральный штабъ въ дѣлѣ шпіонства получаетъ содѣйствіе и отъ другихъ органовъ административной службы. Такъ, напримѣръ, одинъ шпіонъ указалъ, что въ Германіи первональная военная развѣдка производится черезъ жандармовъ, находящихся возлѣ границы, которые собираютъ свѣдѣнія отъ проѣзжающихъ границу жителей ближайшихъ русскихъ селеній и городовъ и сообщаютъ ихъ ландратамъ, а тѣ передаютъ полученныя свѣдѣнія подлежащимъ властямъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ тайныхъ развѣдокъ [2]). Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, по словамъ того же шпіона, имѣются лица, преимущественно изъ числа воинскихъ начальниковъ, которые получаютъ особыя полномочія по части розыска иностранныхъ шпіоновъ.

Не усердіемъ ли этихъ «ловцовъ» шпіоновъ, нужно объяснить манію преслѣдованія, охватившую въ началѣ войны всю Германію, благодаря чему не одинъ десятокъ русскихъ мирныхъ путешественниковъ поплатились свободой, а многіе изъ нихъ даже смертью?

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще работу нѣмецкихъ офицеровъ, командируемыхъ, подъ предлогомъ изученія туземнаго языка, въ иностранныя государства со спеціальными шпіонскими порученіями. Теперь уже не для кого не тайна, что большинство нѣмецкихъ лейтенантовъ, маіоровъ и т. д., разъѣзжая вдоль и поперекъ Россіи, въ дѣйствительности пристраивали детали къ величественному зданію нѣмецкаго шпіонства.

Изъ огромнаго числа этихъ архитекторовъ за послѣдніе годы удалось изобличить всего лишь 5—6 человѣкъ, какъ-то:

[1]) См. „Русск. Слово“ 19 Сентября 1914 г.

[2]) Какъ видно на примѣрѣ Дресслера, въ кругъ обязанностей германскихъ пограничныхъ комиссаровъ также включена шпіонская дѣятельность. (См. нашу статью „Шпіонство Дресслера передъ лицомъ закона“. „Нов. Вр.“ № 13003,—1912 г.).

капитана германскаго генеральнаго штаба Вернера фонъ-Штюнцнера, германскихъ лейтенантовъ Дама и Туна (послѣдній успѣлъ скрыться) и австрійскаго лейтенанта Валлоха,— «глупаго мальчика», какъ о немъ отозвался въ бесѣдѣ съ нами австрійскій генералъ Эдлеръ фонъ-Шенкъ. Пребывая въ Россіи, эти гастролеры навѣщали заранѣе извѣстныхъ имъ агентовъ нѣмецкаго генеральнаго штаба и, по мѣрѣ своей опытности, собирали матеріалъ для военно-статистическаго шпіонства въ Россіи.

Женщины-шпіонки.

Женщины въ нѣмецкомъ шпіонствѣ принимаютъ дѣятельное участіе. Иногда онѣ выступаютъ въ самостоятельныхъ роляхъ по добыванію военныхъ секретовъ, но, въ большинствѣ случаевъ, женщины служатъ «приманкой», какъ говорятъ французы, для завлеченія намѣченнаго лица въ шпіонскія путы.

И въ отношеніи женщинъ-шпіонокъ нужно сказать то же самое, что мы говорили вообще по поводу агентовъ нѣмецкаго шпіонажа: женщины-шпіонки вербуются нѣмцами въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества, но наибольшее количество ихъ встрѣчается среди учительницъ нѣмецкаго языка, кокотокъ и шансонетныхъ пѣвицъ. Профессія очаровательной демимонденки въ особенности хорошо согласуется съ ролью «приманки».

Разжигая страсть намѣченной жертвы, красивая обладательница женскихъ прелестей можетъ оказать большія услуги своимъ союзникамъ-шпіонамъ. На этомъ поприщѣ громкую извѣстность пріобрѣла Марія де-Кауля, превратившаяся, благодаря капризу судьбы, изъ ловкой нѣмецкой шпіонки, въ супругу полковника генеральнаго штаба французской арміи Юнга, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ контршпіонской службы во Франціи.

Въ началѣ 1875 года Марія Кауля была командирована изъ Берлина въ Парижъ со спеціальной цѣлью завязать

«дружбу» съ тогдашнимъ военнымъ министромъ генераломъ де-Сисэ. Благодаря ловкости, находчивости, а также обаятельной наружности, Кауля превосходно выполнила возложенную на нее задачу и въ то время, когда генералъ де-Сисэ отдыхалъ, пріѣхавъ изъ военнаго министерства въ ея уютномъ будуарѣ, нѣмецкіе шпіоны, не торопясь, основательно знакомились съ содержимымъ въ его портфелѣ. Характерный примѣръ шпіонки-приманки описываетъ въ своей книгѣ упоминаемый нами выше докторъ Гревсъ.

«Высокая и гибкая, съ роскошной фигурой, громадными синими глазами, съ массой волнистыхъ черныхъ волосъ и полными, красными губами, напоминающими лукъ Купидона»— такова была наружность венгерской аристократки, графини Чечени, родственницы одной изъ правящихъ фамилій Венгріи, состоявшей въ числѣ тайныхъ агентовъ германскаго правительства.

Особенно цѣнится въ женщинѣ умѣнье привлекать въ свой домъ тотъ кругъ мужчинъ, который доступенъ ей по ея соціальному положенію. Подобные «салоны»,—начиная съ гостиной титулованной аристократки, обладающей притягательной силой для высшихъ круговъ общества, благодаря частымъ посѣщеніямъ салона нѣмецкими дипломатами и кончая грязнѣйшимъ тайнымъ притономъ, разсчитаннымъ на вкусы солдатъ,—служатъ весьма надежнымъ способомъ полученія важныхъ свѣдѣній. Если въ «домъ» сводни, вродѣ омерзительнаго притона ломжинской еврейки Х.-Г.-Б., при извѣстномъ умѣніи, полиція можетъ проникнуть, то салоны великосвѣтскихъ шпіонокъ, остаются «внѣ предѣловъ досягаемости» надлежащихъ властей, не смотря на то, что тайна салона является секретомъ полишинеля. Пусть голосъ народа называетъ во всеуслышанье фамилію шпіонки—она можетъ не тревожиться за свою участь, такъ какъ вещественныхъ доказательствъ ея близости къ нѣмецкому шпіонажу добыть, конечно, не представится возможнымъ. А между тѣмъ, какое огромное значеніе, въ смыслѣ освѣдомленія германскаго правительства, можетъ имѣть салонъ кра-

сивой, увлекательной женщины, видно изъ воспоминаній покойнаго генералъ-адъютанта германскаго императора, князя Крафтъ Гогенлое-Генгельфингенъ [1]).

«Отправляясь въ Вѣну на постъ военнаго агента, князь Гогенлое представился королю. Взамѣнъ какой-либо инструкціи, король благодушно сказалъ ему: «постарайтесь веселиться въ Вѣнѣ». Военный министръ пояснилъ эти слова короля такъ: «въ Австріи люди, умѣющіе ухаживать за дамами, знаютъ рѣшительно все».

Гогенлое выполнилъ эту программу блестяще. Онъ не могъ дѣлать пріемовъ и самъ пользовался, большею частью, даровымъ столомъ у посланника. Вначалѣ онъ затруднялся, какъ завязать знакомство съ австрійскими военными кругами, но его выручила берлинская балерина Марія Тагліони, ангажированная въ одинъ изъ вѣнскихъ театровъ. Гогенлое, сообразивъ сразу же, какія выгоды онъ можетъ извлечь изъ пребыванія соотечественницы, имѣющей бурный успѣхъ, представился ей, испросилъ разрѣшеніе принять позу ея стариннаго пріятеля и право представлять ей офицеровъ, принадлежащихъ къ австрійской знати. Оборонительно-наступательный союзъ былъ заключенъ. Гогенлое каждый вечеръ встрѣчалъ въ ея гостиной нѣсколько офицеровъ и пока одинъ или двое бесѣдовали съ хозяйкой, остальныхъ занималъ Гогенлое и съ видомъ простака вывѣдывалъ интересовавшіе его вопросы...

Иногда Гогенлое отправлялся въ театръ, куда устремлялись наиболѣе завзятые балетоманы. Это сборище такъ и называлось въ Вѣнѣ «Тагліони-клубъ». Гогенлое въ немъ былъ окруженъ поклонниками Тагліони и такъ какъ онъ никому не стоялъ поперекъ дороги, то всѣ бесѣдовали съ нимъ и при немъ особенно охотно. Онъ зналъ не только текущія распоряженія, но и предположенія. Часто Гогенлое могъ сообщать своему правительству, какія мѣропріятія будутъ осуществлены въ ближайшемъ будущемъ. При немъ распоясывались. Полиція же

[1]) Цитируемъ по „Русск. Инв.“. См. № 199, 1910 года.

зачислила его въ ряды безнадежныхъ, ограниченныхъ малыхъ, помѣшавшихся на балеринѣ, и перестала наблюдать за нимъ. Разговоръ съ офицерами послѣ обильнаго возліянія шампанскаго, Тагліони—«эта личность большого политическаго значенія», какъ докладывалъ Гогенлое своему посланнику, представляли важнѣйшую сторону ремесла. Была и другая сторона, менѣе важная—переговоры съ агентомъ, прокрадывавшимся къ нему рано утромъ, когда полиція не наблюдаетъ посольствъ, «такъ какъ дипломаты долго спятъ». Эта менѣе пріятная сторона, но безъ нея въ дипломатіи не обойтись, не рискуя быть разбитымъ, философски замѣчаетъ Гогенлое».

Съ «клубомъ» болѣе мелкаго масштаба мы имѣли случай познакомиться въ Варшавѣ. Притягательной силой въ данномъ случаѣ являлась хорошенькая пѣвичка, каковымъ обстоятельствомъ не преминули воспользоваться ея почтенные родители. Семейство Г., одно время, среди военной молодежи, считалось «милымъ семействомъ», въ которомъ можно было поиграть въ винтъ и весело поужинать въ кругу красивыхъ, молоденькихъ женщинъ. Только послѣ ареста главныхъ иниціаторовъ этого сообщества оказалось, что домъ «милаго семейства», кромѣ сборища шпіоновъ, исполнялъ роль «шулерніи», въ которой обыгрывали довѣрчивыхъ людей, подготовляя тѣмъ почву для дальнѣйшей работы агентамъ-шпіонкамъ.

Сверхъ указанныхъ выше назначеній, домъ женщины, доступной мужчинамъ извѣстнаго круга, съ успѣхомъ выполняетъ роль конспиративной квартиры, ускользающей отъ внѣшняго наблюденія. Подъ видомъ поклонниковъ хозяйки, шпіоны пользуются случаемъ встрѣтиться, поговорить и обмѣняться добытымъ матеріаломъ. На эти-же квартиры часто адресуются письма, которыя идутъ затѣмъ по прямому ихъ назначенію. Намъ вспоминаются конспиративныя квартиры шпіонокъ, существовавшія подъ видомъ пивной, мелочной лавки, тайнаго притона, меблированныхъ комнатъ и конторы коммерческаго агента.

Нѣмцы широко пользуются женскимъ трудомъ въ дѣлѣ

шпіонства, съ большимъ искусствомъ вовлекая представительницъ прекраснаго пола въ этотъ міръ разврата, подлости и преступленій. Если вѣрить Лянуару, то оказывается, что даже жена графа Бисмарка была типичная шпіонка, такъ какъ она «получала жалованье отъ секретаря своего собственнаго мужа (бывшаго канцлера Бюлова) за то, что посылала ему ежедневно копіи съ докладовъ Бисмарка, составляемыхъ имъ для «врученія непосредственно е. в. императору Вильгельму I о выдающихся событіяхъ, происшедшихъ за послѣдніе двадцать четыре часа» [1]).

Въ 1911 году, въ Брюсселѣ, было обнаружено германское шпіонское бюро, организованное преимущественно для вербовки женщинъ. Бельгійскія газеты настойчиво предупреждали объ этомъ открытіи населеніе, называя даже лицо, стоявшее во главѣ дѣла и одинъ изъ брюссельскихъ ночныхъ кабачковъ, въ которомъ производилась вербовка агентовъ и совершались всѣ сдѣлки. Для совращенія женщинъ, нѣмецкіе агенты прибѣгаютъ рѣшительно ко всѣмъ средствамъ, пуская въ ходъ подкупъ, шантажъ, а тамъ, гдѣ эти пріемы не достигаютъ цѣли, завязывается любовная интрига. Намъ извѣстенъ даже случай, когда разрабатывался планъ женитьбы одного агента на русской полькѣ, конечно, безъ всякаго участія въ этихъ переговорахъ самаго будущаго обладателя красавицы жены. Для вѣрности задуманнаго дѣла, шпіону предполагалось предоставить хорошо оплачиваемое мѣсто въ торговомъ предпріятіи и, подъ благовиднымъ предлогомъ, устроить знакомство съ интересовавшей германское бюро женщиной. Арестованный годъ—два тому назадъ близъ крѣпости Туль германскій шпіонъ Тюдоръ Бургардъ, какъ предполагаютъ офицеръ генеральнаго штаба, поселясь въ деревушкѣ Элькуръ, чтобы отвлечь подозрѣнія властей, женился на мѣстной крестьянской дѣвушкѣ, съ которой, къ слову сказать, обращался грубо, даже жестоко. Жена Бургарда, какъ оказа-

---

1) См. Поль Лянуаръ: „Нѣмецкое шпіонство во Франціи".

лось, была совершенно непричастна къ шпіонству мужа. но, въ большинствѣ случаевъ, жены и любовницы шпіоновъ принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ профессіи—такова сила неумолимой судьбы любящей женщины.

При вербовкѣ женщинъ, нѣмецкія бюро широко пользуются услугами модныхъ магазиновъ, получающихъ значительныя субсидіи изъ спеціальныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на шпіонство. Кричащая реклама привлекаетъ молодыхъ, довольно легкомысленныхъ женщинъ, мечтающихъ хорошо, но дешево одѣться. Наиболѣе подходящимъ для этого представляется магазинъ, владѣлица котораго, «получивъ воспитаніе въ Берлинской академіи портнихъ и имѣя долголѣтнюю практику въ первоклассныхъ торговыхъ заведеніяхъ, имѣетъ способность выполнить самые сложные заказы по ничтожной цѣнѣ, предоставляя при томъ широкую разсрочку платежа» [1]). Молодыя, красивыя женщины! Бойтесь предупредительной любезности нѣмецкихъ мастерицъ. Рано или поздно, въ томъ или иномъ видѣ, но вамъ придется дорого заплатить за пользованіе широкимъ кредитомъ берлинской или вѣнской нѣмки. Обманывая своихъ кліентокъ дешевымъ кредитомъ, хозяйка моднаго магазина выжидаетъ лишь день, когда можно будетъ предъявить счета къ оплатѣ, зная навѣрняка, что погасить ихъ не представляется возможнымъ...

Для иллюстраціи ко всему сказанному, мы приведемъ объявленіе одного шпіона, характеризующее тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ нѣмецкіе агенты при вербовнѣ женщинъ. Вотъ оно:

«Нужна барышня или вдова, но не разведенная, уроженка Познани, для самостоятельнаго управленія домомъ на выѣздъ въ деревню, въ имѣніе на Литву; особа интеллигентная, молодая, не старше 30 лѣтъ, симпатичная, красивая, блондинка или шатенка, полная, хорошей семьи, знающая французскій, русскій и польскій языки, музыку и пѣніе, полька или нѣмка,

[1]) Объявленіе, найденное въ бумагахъ шпіона.

католичка или лютеранка къ одинокому помѣщику. Расходы по проѣзду туда и обратно на счетъ желающаго, во 2-мъ классѣ. Мѣсячное жалованье 30 рублей. Въ случаѣ обнаруженія искомой особы, прошу, чтобы эта особа сама обратилась по указанному адресу и прислала свою фотографію. Ищущій есть лютеранинъ, разведенный, 40 лѣтъ». Къ сожалѣнію, слѣдствіемъ не удалось установить личность литовскаго помѣщика, очевидно, нѣмца, любителя «полныхъ, красивыхъ блондинокъ или шатенокъ».

Роль женщины въ нѣмецкомъ шпіонствѣ, въ большинствѣ случаевъ, вспомогательная, хотя въ то же время оказывающая огромное вліяніе на успѣшный ходъ тайной развѣдки, обычно, даетъ ей возможность остаться въ сторонѣ при ликвидаціи шпіонскихъ сообществъ. Именно, этими соображеніями нужно объяснить довольно малое количество женскихъ именъ, внесенныхъ у насъ въ судебныя лѣтописи шпіонства. За послѣднія 10—12 лѣтъ мы можемъ назвать Теляковскую, Радзиминскую, Елену Германъ, Анну Поликста, Хаю-Гольду-Бенгельсдорфъ съ двумя дочерьми, Сарой и Басей. Но во сколько разъ долженъ быть увеличенъ приведенный перечень женскихъ именъ, скомпрометировавшихъ себя подозрительной близостью къ изобличеннымъ шпіонамъ!

Какъ работаютъ шпіоны.

Дать руководящія указанія пріемовъ, употребляемыхъ нѣмецкими шпіонами въ своей практикѣ, не представляется возможнымъ, — все зависитъ отъ условій даннаго случая. Конечно, самый дѣйствительный способъ тайной развѣдки,—это подкупъ. Даже больше того, есть свѣдѣнія, которыя можно достать исключительно благодаря подкупу лицъ, причастныхъ къ храненію секретныхъ документовъ. Но, какъ мы уже говорили, подкупъ, при всей своей заманчивости, является неудовлетворительнымъ пріемомъ, во-первыхъ, потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ нему нельзя прибѣгнуть и, во-

вторыхъ, потому что онъ очень рискованъ. Сколько шпіоновъ было изобличено, только потому, что они пытались искусить честность лицъ, которымъ была ввѣрена охрана государственныхъ тайнъ!

Въ тѣхъ случаяхъ, когда охрана документовъ не исключаетъ возможности кражи, шпіоны прибѣгаютъ и къ этому пріему, симмулируя обстановку, указывающую, якобы, на корыстный характеръ совершеннаго похищенія. Установить истинную цѣль кражи требуетъ извѣстной степени навыка въ дѣлѣ раскрытія преступленій шпіонства. Намъ вспоминается случай похищенія секретной инструкціи начальнику узловой желѣзнодорожной станціи, при чемъ обстановка кражи, казалось, не оставляла сомнѣнія, что воры искали исключительно цѣнныхъ предметовъ. При помощи отмычекъ были вскрыты всѣ ящики, изъ которыхъ оказались похищенными какъ деньги, не исключая мѣдныхъ монетъ, такъ и предметы, представлявшіе какую-либо цѣнность. Самый же пакетъ, въ которомъ заключалась инструкція, остался въ надлежащемъ мѣстѣ, такъ какъ ловкій шпіонъ вскрылъ его и запечаталъ печатью начальника станціи, каковое обстоятельство и навело на истинный слѣдъ слѣдователя, обнаружившаго, что печати на пакетѣ надлежало быть иной.

Подобный же случай въ началѣ 1912 года имѣлъ мѣсто во Франціи. По сообщенію французскихъ газетъ, 18 января 1912 г., въ городкѣ Туль, была произведена кража чрезвычайно цѣнныхъ для французской обороны плановъ, снятыхъ съ военнаго дирижабля во время его полета надъ линіей фортовъ на французской границѣ.

Командиръ дирижабля секретнѣйшіе фотографическіе снимки держалъ у себя въ письменномъ столѣ, потому что еще не успѣлъ приготовить подробнаго рапорта о своемъ воздушномъ путешествіи; этимъ воспользовался давно слѣдившій за работами воздухоплавательнаго парка нѣмецкій тайный агентъ, поселившійся рядомъ съ домомъ, гдѣ квартировалъ командиръ дирижабля. Во время случайнаго отсут-

ствія офицера, онъ пробрался въ его кабинетъ, взломалъ ящикъ письменнаго стола, изъ котораго похитилъ виды фортовъ и черновикъ самаго доклада.

Снимки военныхъ сооруженій и окружающей ихъ мѣстности производятся шпіонами потайными фотографическими аппаратами, съ постояннымъ фокусомъ. Аппараты эти имѣются нѣсколькихъ системъ, но у нѣмецкихъ шпіоновъ наиболѣе распространены карманный аппаратъ «Ticka» и круглый, плоскій аппаратъ значительныхъ размѣровъ, прикрѣпляемый на груди, подъ верхней одеждой. Объективъ такого аппарата, ввидѣ какого-либо брелока, виднѣется снаружи. Одинъ нѣмецкій шпіонъ, изобличенный во Франціи, носилъ въ петлицѣ своего сюртука искусственный цвѣтокъ, въ которомъ, какъ оказалось, укрѣплялся объективъ потайного аппарата. Въ особенности успѣшно пользуются потайными аппаратами женщины, зашивая ихъ въ муфты, саки и т. п. ручные дамскіе предметы.

Нѣкоторые системы аппаратовъ могутъ ввести въ заблужденіе неопытныхъ лицъ относительно своего назначенія. Напримѣръ, намъ извѣстенъ случай, когда контрабандистъ-шпіонъ дважды задерживался чинами пограничной стражи, имѣя при себѣ аппаратъ системы Ticka и оба раза онъ былъ освобождаемъ, такъ какъ увѣрялъ нижнихъ чиновъ, что бывшій при немъ аппаратъ—часы новой системы [1]).

Однимъ изъ распространенныхъ и, при извѣстномъ навыкѣ, весьма удовлетворительнымъ способомъ нѣмецкаго шпіо-

---

[1]) Карманный фотографическій аппаратъ „Ticka“ представляетъ собою круглую никкелированную коробку въ формѣ карманныхъ часовъ, толщиною въ 2 сантиметра и діаметромъ въ 5,25 см. Объективъ аппарата помѣщается въ томъ мѣстѣ, гдѣ у карманныхъ часовъ имѣется кольцо для прикрѣпленія цѣпочки. По открытіи аппарата, внутри его видны двѣ деревянныя, скрѣпленныя между собою, катушки, которыя приводятся въ движеніе посредствомъ особаго приспособленія, находящагося на наружной сторонѣ аппарата. Катушки предназначаются для наматыванія на нихъ съемочной (желатиновой) ленты. На наружной стѣнкѣ аппарата выгравировано клеймо англійской фирмы „Ticka“.

нажа, является въ сущности простой способъ выпытыванія нужныхъ свѣдѣній во время незначительныхъ разговоровъ, искусно наводя своего собесѣдника на интересующую тему. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, этимъ путемъ нѣмецкимъ шпіонамъ удавалось достигать хорошихъ результатовъ. Ввидѣ иллюстраціи, мы приведемъ счетъ, найденный въ бумагахъ одного шпіона, изъ временъ, ближайшихъ къ моменту аннексіи Босніи и Герцеговины, счетъ, наглядно свидѣтельствующій какъ работалъ данный шпіонъ; бумаги же, найденныя въ его квартирѣ, показали, что шпіонъ работалъ весьма удачно, о чемъ, напримѣръ, можно судить по слѣдующему письму германскаго офицера генеральнаго штаба:

«Свѣдѣнія, сообщенныя вами очень интересны. Ахъ! если бы эти свѣдѣнія вы могли, наконецъ, подтвердить документальными данными. Во всякомъ случаѣ, вы работали съ успѣхомъ».

«Счетъ. Февраль 1909 г.

Городъ И... сани.	1 р. 50 к.
Визитъ доктору Р.	3 » — »
Городъ Л. сани.	1 » 50 »
Счетъ въ гостинницѣ.	7 » — »
Ужинъ съ военнымъ подрядчикомъ (евреемъ). .	1 » 75 »
Билетъ на жел. дор.	— » 85 »
Счетъ въ гостинницѣ.	1 » 10 »
Ужинъ съ Б. (желѣзнодорожный служащій) . .	3 » 50 »
Городъ Д... сани	2 » — »
Угощеніе двухъ фейерверкеровъ	2 » — »
Городъ К... сани	1 » — »
Завтракъ съ двумя офицерами.	3 » 50 »
Обѣдъ съ поручикомъ	6 » — »
Тройка.	15 » — »
Билетъ	1 » 3 »
Угощеніе желѣзнодорожнаго жандарма	3 » — »
Станція Ж. сани	1 » 50 »

Завтракъ съ офицеромъ	5 р.	— к.
Городъ II., визитъ доктору	3 »	— »
Выпивка съ унтеръ-офицеромъ	3 »	— »
Угощеніе писаря	4 »	50 »
Завтракъ съ офицеромъ	3 »	25 »
Ужинъ съ поручикомъ	10 »	30 »
Угощеніе писаря [1])	2 »	80 »

и т. д.

Разъѣзжая по присланному маршруту, шпіонъ этотъ, какъ признался впослѣдствіи самъ, всюду прислушивался, вступалъ въ разговоръ, выдавая себя старымъ «рубакой», ветераномъ русско-турецкой войны, выпытывалъ нужныя ему свѣдѣнія и наспѣхъ заносилъ въ свою записную книжку, оставляя обработку ихъ до возвращенія на квартиру. Работой его «были довольны», а въ одномъ письмѣ прямо говорилось: «Благодаря вашему обширному кругу знакомыхъ, мы ждемъ отъ васъ цѣнныхъ сообщеній, почему и работа ваша оплачивается лучше, чѣмъ всѣхъ другихъ агентовъ, работающихъ вмѣстѣ съ вами».

Въ приведенномъ случаѣ, благодаря спѣшности и срочности работы шпіона, при арестѣ его былъ обнаруженъ обширный изобличающій матеріалъ, ввидѣ черновиковъ донесеній, замѣтокъ и писемъ, полученныхъ имъ отъ своего руководителя. Но, какъ общее правило, нѣмецкимъ шпіонамъ рекомендуется не сохранять черновиковъ своихъ донесеній, уничтожая использованныя замѣтки, а всю переписку заграничныхъ инструкторовъ возвращать обратно. Съ цѣлью неуклоннаго исполненія послѣдняго обязательства, иногда нѣмецкіе офицеры задерживаютъ уплату слѣдуемаго гонорара до полученія обратно своихъ писемъ. Такимъ образомъ, чѣмъ осторожнѣе заподозрѣнное лицо, тѣмъ труднѣе изобличить его въ преступномъ дѣяніи, ибо весь собранный матеріалъ, могущій

[1]) Упоминаемый шпіономъ писарь, вовлеченный въ измѣну, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

служить въ качествѣ изобличающихъ его вещественныхъ доказательствъ, при первой же возможности направляется по назначенію, а ненужный уничтожается. Изъ сказаннаго видно, что успѣхъ борьбы съ заподозрѣннымъ шпіономъ зависитъ въ значительной степени отъ удачнаго момента, выбраннаго для производства обыска въ его жилищѣ, установленіе котораго, конечно, сопряжено съ большими затрудненіями. Далѣе, принимая во вниманіе организацію шпіонства, производство дѣлъ о нихъ, въ особенности въ первоначальныхъ стадіяхъ, требуетъ быстроты и находчивости. Часто упущенное на первыхъ порахъ уже не возвратимо, такъ какъ извѣщенные соучастники арестованнаго успѣютъ либо скрыться, либо принять надлежащія мѣры къ уничтоженію слѣдовъ своей преступной дѣятельности.

Какъ быстро происходитъ освѣдомленіе среди нѣмецкихъ шпіоновъ, видно по слѣдующимъ, извѣстнымъ намъ фактамъ. Въ одномъ случаѣ свѣдѣнія объ обыскѣ у заподозрѣнныхъ лицъ, произведенномъ въ Варшавѣ около 11 часовъ вечера, появились въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ уже на слѣдующее утро, будучи переданными, очевидно, телеграммами условнаго содержанія. Въ другомъ случаѣ, телеграфное распоряженіе объ арестѣ двухъ лицъ, проживавшихъ въ Одессѣ и Ригѣ, оказалось запоздалымъ на нѣсколько часовъ, хотя причастность ихъ къ шпіонажу была установлена лишь наканунѣ изъ документовъ, отобранныхъ по обыску у шпіона, дѣйствовавшаго, если память намъ не измѣняетъ, въ Сосновицахъ. Въ самый день обыска разобрать всю переписку шпіона не удалось, а этимъ временемъ его соучастники были оповѣщены и успѣли скрыться неизвѣстно куда, по всей вѣроятности, заграницу. Наконецъ, намъ припоминается случай, когда данное нами въ надлежащемъ порядкѣ заключеніе о привлеченіи къ дѣлу и арестѣ группы евреевъ, стало имъ извѣстно ранѣе, чѣмъ мы получили согласіе на наше заключеніе, и распоряженіе объ арестѣ оказалось запоздалымъ, по крайней мѣрѣ, на 2—3 дня.

Принимая во вниманіе сказанное выше, намъ кажется, что производство дѣлъ о шпіонствѣ слѣдуетъ начинать всегда съ обыска заподозрѣннаго лица и немедленнаго знакомства съ вещественными доказательствами, отлагая на нѣкоторое время допросъ свидѣтелей, такъ какъ эти слѣдственныя дѣйствія, безъ существеннаго ущерба для дѣла, могутъ быть выполнены позже. Ознакомленіе съ вещественными доказательствами мы бы совѣтовали слѣдователю производить при содѣйствіи экспертовъ и, въ томъ числѣ, офицера генеральнаго штаба, но обязательно изъ числа тѣхъ, которые *практически знакомы съ техникой нѣмецкаго шпіонажа*. На основаніи личной практики, мы утверждаемъ, что глубокое заблужденіе считать каждаго офицера генеральнаго штаба подготовленнымъ къ роли эксперта по дѣламъ нѣмецкихъ шпіоновъ, что у насъ встрѣчается, къ сожалѣнію, очень часто. Намъ приходилось слышать въ концѣ процесса полные недоумѣнія вопросы, въ чемъ, собственно говоря, мы обвиняемъ привлеченнаго шпіона, когда виновность его не представляла никакого сомнѣнія.

Участіе экспертовъ, при ознакомленіи съ вещественными доказательствами, мы считаемъ необходимымъ потому, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ переписка шпіоновъ ведется условнымъ языкомъ и неопытный слѣдователь можетъ впасть въ недоразумѣніе, исключивъ изъ дѣла документы, скрывающіе подъ наивнымъ содержаніемъ весьма важныя свѣдѣнія. Сколько разъ, читая постановленія слѣдователя или офицера корпуса жандармовъ о непріобщеніи къ дѣлу переписки «частнаго характера, не заключающей въ себѣ ничего существеннаго, относящагося къ настоящему дѣлу», намъ приходилось жалѣть, что мы лишены возможности лично обозрѣть эту, «не относящуюся къ дѣлу переписку частнаго характера!»

Приведемъ для наглядности нѣсколько образцовъ изъ переписки шпіоновъ условнаго характера.

Въ одномъ письмѣ, изъ Австріи, шпіону говорилось:

«Дорогой другъ! Твой старый дядя очень доволенъ твоими

успѣхами въ музыкѣ и твоему рѣшенію остаться въ Россіи еще на годъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. Присланная тобою послѣдняя партитура не представляетъ особаго интереса, такъ какъ содержитъ все избитые, давно извѣстные мотивы. Для успѣшнаго пріобрѣтенія новѣйшихъ нотъ, дядя совѣтуетъ тебѣ заводить болѣе обширныя знакомства среди капельмейстеровъ, для облегченія чего онъ согласился увеличить тебѣ ежемѣсячную высылку денегъ» и т. д.

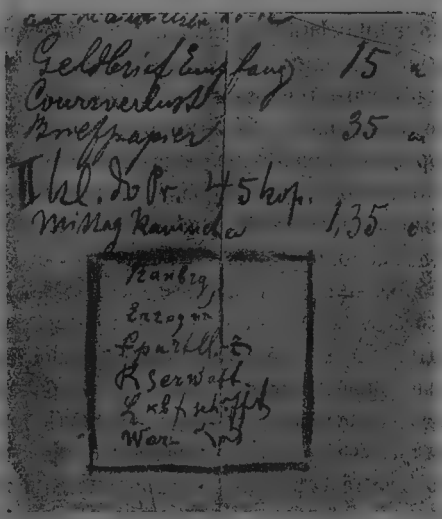
Только благодаря случайно найденному ключу въ 42 слова, въ которомъ, напримѣръ, капельмейстеръ обозначалъ писаря; ноты, партитура—военные документы; старый дядя—старшаго офицера австрійскаго генеральнаго штаба; дядя—его помощника; занятіе музыкой—производство шпіонажа и т. д.,—удалось расшифровать приведенное нами письмо и тогда было установлено о какой «музыкѣ» шла въ немъ рѣчь.

Вотъ отрывокъ письма въ другомъ стилѣ:

«Я старался исполнить ваше желаніе: отыскать продаваемыя имѣнія, расположенныя въ плодородныхъ мѣстностяхъ. Одно находится возлѣ Л...., но оно будетъ продаваться только въ будущемъ году. Есть еще одно подобное, недалеко отсюда. По дорогѣ, ведущей направо, я видѣлъ стадо скота. Полагая, что это всѣмъ доступная дорога, я прошелъ по ней» и т. д. И въ данномъ случаѣ, смыслъ письма станетъ ясенъ, если замѣнить въ его текстѣ слово «имѣніе», словомъ «фортъ»; «стадо скота», — «группой рабочихъ»; «продавать, продающіеся»,—«строить, строющійся» и т. д. Австрійскій лейтенантъ Валлохъ, чехъ по національности, объѣзжая, во время начала первой балканской войны, Варшавскій и Кіевскій военные округа, съ цѣлью узнать производится ли у насъ мобилизація, писалъ *на открытыхъ бланкахъ*, посылаемыхъ имъ изъ разныхъ пунктовъ:

«Идетъ много молодого скота, для насъ непригоднаго», обозначая тѣмъ, что по желѣзнымъ дорогамъ хотя и перевозятся солдаты, но это *новобранцы*, поступающіе своевременно на укомплектованіе воинскихъ частей.

Во многихъ случаяхъ, шпіонами являются люди безусловно свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ, прошедшіе, какъ мы говорили, даже спеціальную школу; шпіонитъ также много нѣмецкихъ офицеровъ, почему весь собранный ими матеріалъ представляетъ рядъ отрывочныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ на различныхъ страницахъ записныхъ книгъ или просто на клочкѣ бумаги, какъ напримѣръ, приводимая ниже страничка изъ записной книги съ шестью обведенными нами словами,



Фотографія эта увеличена.

обнаруженная въ часовомъ карманѣ у капитана германскаго генеральнаго штаба фонъ Штюнцнера. Какъ видно изъ фотографіи, разобрать эти іероглифы не представляется возможнымъ и недостаточно вдумчивый слѣдователь могъ бы оставить найденный клочекъ бумаги безъ вниманія, а, между тѣмъ, рядъ изображенныхъ на немъ буквъ напоминалъ Штюнцнеру цѣлую программу развѣдки, которую онъ долженъ былъ выполнить въ Россіи. Этотъ клочекъ бумаги, явившійся *един-*

ственнымъ предметомъ, послужившимъ къ разгадкѣ миссіи Штюнцнера и указалъ талантливому слѣдователю пути къ изобличенію изолгавшагося шпіона.

Возстановить полностью смыслъ цѣлаго ряда отрывочныхъ записей представляетъ огромныя затрудненія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ, по поводу отобраннаго у шпіона различнаго матеріала, опытный экспертъ, офицеръ генеральнаго штаба, пришелъ къ заключенію, что «набросанная въ записной книжкѣ профиль представляетъ нѣсколько видоизмѣненный размѣръ укрѣпленія; данныхъ, указывающихъ на принадлежность означенной профили одному изъ *** укрѣпленій, не имѣется и опредѣлить нельзя. Есть основаніе допустить, что зашифрованныя записи являются вопросами по поводу нѣкоторыхъ данныхъ о нашихъ укрѣпленіяхъ, на **. Отобранныя у Ф. П. предметы, въ ихъ совокупности, могутъ служить доказательствомъ преступной дѣятельности его, выражающейся въ тайныхъ военныхъ развѣдкахъ въ предѣлахъ Россіи, но опредѣлить по нимъ мѣсто дѣятельности и степень произведенной развѣдки нельзя».

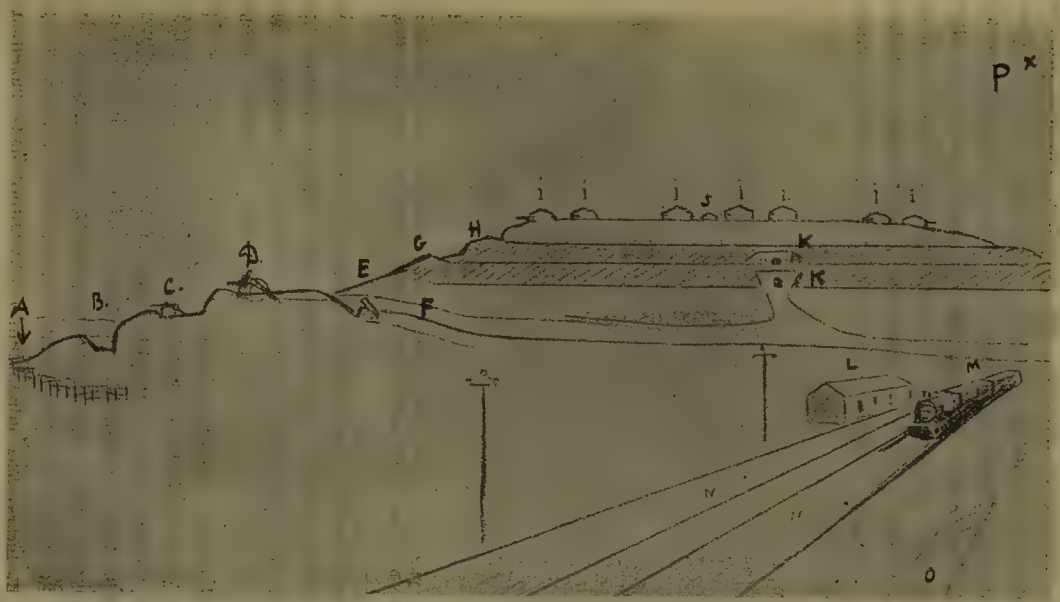
Точно также, въ другомъ случаѣ, военный экспертъ, ознакомясь съ наброскомъ плана, отобраннаго въ числѣ другого матеріала у нѣмецкаго шпіона, былъ убѣжденъ, что «хотя планъ и не можетъ быть разобранъ съ такою точностью, чтобы можно было утвердительно сказать, какая именно мѣстность изображена наброскомъ, тѣмъ не менѣе, судя по имѣющимся на немъ нѣкоторымъ надписямъ, можно съ полною увѣренностью признать, что набросокъ сдѣланъ съ военною цѣлью и онъ имѣетъ значеніе, какъ поясняющій произведенную въ нашихъ предѣлахъ тайную военную развѣдку».

Чтобы судить о томъ искусствѣ, съ которымъ нѣмецкіе шпіоны маскируютъ произведенную ими съемку, приводимъ два рисунка изъ практики настоящей войны, заимствуя ихъ изъ «Развѣдчика» [1]).

---

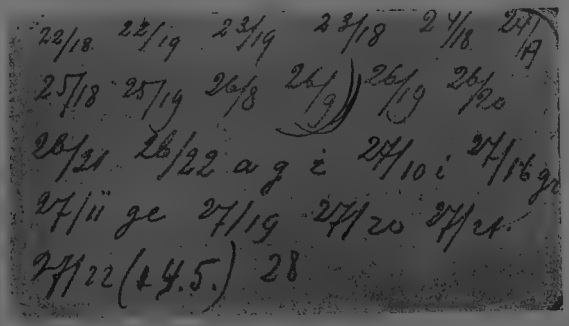
[1]) См. „Развѣдчикъ„ № 1255, 1914 г.

Рисунокъ изъ записной книжки шпіона.



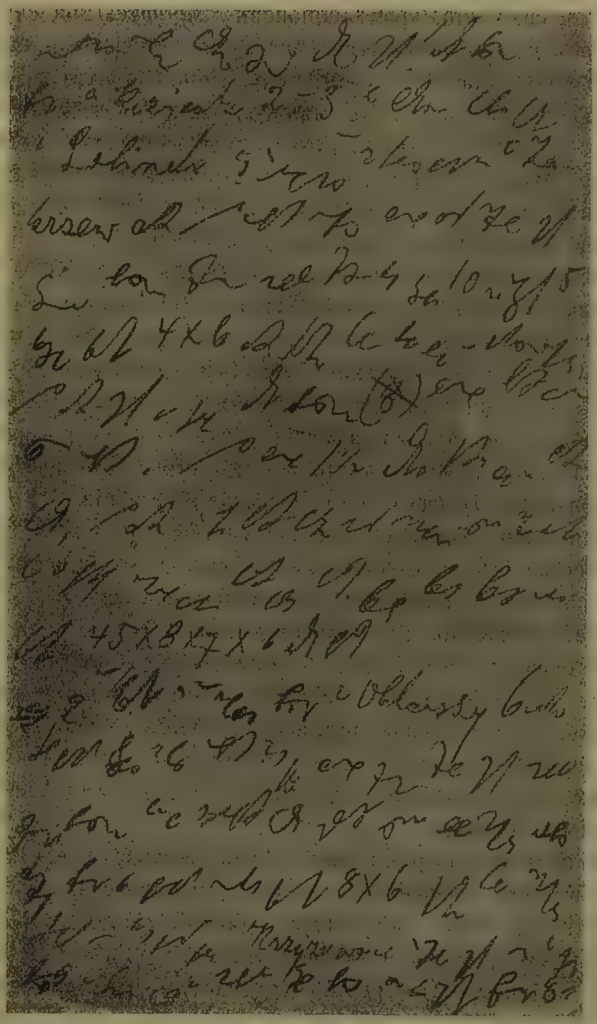
Тотъ-же рисунокъ, но расшифрованный: Буквы, поставленныя на рисункѣ, обозначаютъ: *A*—проволочное заграждеиіе; *B*—пѣх. окопъ; *C*—позиція полевой артиллеріи; *D*—тяжелыя орудія; *E*—гаубицы; *F*—дорога; *G* и *H*—рвы; *I*—башни; *J*—наблюд. башня; *KK*—входъ въ фортъ; *P*—оріентирный пунктъ.

Въ качествѣ образцовъ тайнописи, употребляемыхъ въ шпіонажѣ, приведемъ листокъ изъ записной книжки шпіона, выполненный цифровымъ ключемъ и строчку изъ полевой книги агента, представляющую по виду стенографическое начертаніе, прочесть которое, однако же, оказалось не подъ силу русскимъ экспертамъ — стенографамъ. Неровность записи объясняется тѣмъ, что замѣтки свои шпіонъ заносилъ на ходу, производя маршрутную съемку нашихъ приграничныхъ дорогъ.



Числитель указываетъ строчку сверху въ книгѣ, извѣстной заинтересованнымъ лицамъ, а знаменатель—букву слѣва въ этой строчкѣ.

Организованная стараніями нѣмецкихъ правительствъ систематическая служба тайной развѣдки и выработанные продолжительной практикой искусные пріемы шпіонской дѣятельности даютъ возможность нѣмецкимъ агентамъ весьма продолжительное время заниматься своимъ преступнымъ ремесломъ, ускользая отъ взоровъ туземныхъ властей. Намъ извѣстны случаи семи, восьми, даже десятилѣтней непрерываемой практики нѣмецкихъ шпіоновъ (Бабицкій, Поваже, еврей Цуккерманъ). Изобличенный французами шпіонъ Бургардъ, о которомъ мы упоминали выше, шпіонилъ въ теченіи 15 лѣтъ и, наконецъ, совершенно случайно былъ задержанъ солдатомъ въ то время, когда онъ, переодѣвшись священни-



Расшифрована эта запись самимъ шпіономъ.

комъ, фотографировалъ форты Туля. Сверхъ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, кромѣ шпіоновъ дѣйствительной службы, если такъ можно выразиться, германскій генеральный штабъ имѣетъ еще запасныхъ агентовъ, агентовъ на случай войны, дѣятельность которыхъ въ мирное время ничѣмъ не проявляется, исключая, развѣ, рѣдкихъ посѣщеній ихъ пріѣзжающими нѣмецкими офицерами или спеціальными агентами.

Считаясь съ исключительными по своей сложности техническими затрудненіями, встрѣчаемыми при разслѣдованіи дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ, нѣкоторыя позднѣйшія законодательства на этотъ случай издали рядъ ограничительныхъ нормъ, среди которыхъ по своей категоричности особенно выдѣляется англійскій законъ 1911 г., изложенный нами выше, гласящій, что для осужденія шпіона не требуется, чтобы была доказана виновность обвиняемаго въ совершеніи опредѣленнаго дѣйствія, которое указывало бы на намѣреніе причинить ущербъ безопасности государства, но для осужденія заподозрѣннаго шпіона достаточно, — хотя бы такое дѣйствіе не было установлено,—если изъ обстоятельствъ дѣла или изъ его поведенія или выяснившагося на судѣ его характера очевидно, что онъ намѣревался посягнуть на военные интересы Англіи. Затѣмъ, если собраны свѣдѣнія, касающіяся военной тайны, лицомъ на сіе неуполномоченнымъ, то доколѣ не доказано противное, по смыслу закона, надлежитъ считать, что свѣдѣнія эти изготовлены, добыты или сообщены съ цѣлью причинить ущербъ безопасности или интересамъ государства.

Если съ точки зрѣнія науки права англійскій законъ можетъ вызвать большія нападки, то практическая цѣлесообразность его стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что сказалось при первомъ же примѣненіи закона,—въ дѣлѣ Гревса [1]). Этотъ ловкій шпіонъ чистосердечно признается, что осужденіе его

[1]) При оцѣнкѣ практическаго значенія новаго англійскаго закона нельзя упускать изъ виду, что судъ, примѣняющій его, выноситъ мотивированный приговоръ.

оказалось возможнымъ исключительно благодаря дѣйствію новаго закона.

Изъ объяснительной записки къ сербскому закону 1910 года видно, что конспирація и примѣненіе тайнописи въ практикѣ австрійскихъ шпіоновъ сильно озабочивали судебныхъ властей Сербіи, для борьбы съ чѣмъ былъ созданъ § 85 закона, предусматривающій, по толкованію министра юстиціи, организацію почтовой, телеграфной и телефонной *агентуры*, а также сообщеніе иностранному государству свѣдѣній объ оборонѣ государства *шифромъ*, либо инымъ способомъ.

Послѣ сдѣланныхъ нами бѣглыхъ замѣчаній, казалось бы, не должно существовать двухъ мнѣній о томъ, что изслѣдованіе шпіонской дѣятельности должно поручаться особымъ судебнымъ слѣдователямъ, изучившимъ техническіе пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ агенты нѣмецкаго шпіонажа. У насъ же наблюдается обратное явленіе. Мало того, что слѣдствія о шпіонахъ ведутъ участковые слѣдователи, но даже большинство дѣлъ этой категоріи получаютъ направленіе въ порядкѣ 1035 ст. уст. угол. суд., т. е. дознанія производятся офицерами корпуса жандармовъ, далеко не обладающими полнотой юридическихъ свѣдѣній. Неудивительно поэтому, что дознанія ихъ весьма часто оказываются неудовлетворительными съ технической стороны и безграмотными въ смыслѣ констатированія юридической природы преступленія. А это обстоятельство, въ свою очередь, влечетъ неправильную квалификацію и вызываетъ напрасную проволочку времени, потребнаго на производство дополнительныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, что особенно чувствительно въ военно-уголовномъ процессѣ, благодаря излишнимъ формальностямъ, которыми страдаетъ этотъ процессъ.

Намъ вспоминаются промахи производившихъ дознанія, доходящіе до смѣшного.

Напримѣръ, въ одномъ случаѣ, замѣтки шпіона, зашифрованныя подъ видомъ стенографіи, не поддавались пониманію приглашенныхъ экспертовъ.

Тогда, по совѣту эксперта-нѣмца, производившій дознаніе направилъ тетрадь шпіона для прочтенія въ Лейпцигъ, въ редакцію издающагося тамъ стенографическаго журнала. Конечно, по заключенію лейпцигскихъ экспертовъ, записки эти— представляли всего лишь «баловство» малограмотнаго человѣка. Къ счастью, раскаявшійся преступникъ лично расшифровалъ свой дневникъ.

Въ другомъ аналогичномъ же случаѣ, производившій дознаніе удовлетворился тѣмъ, что предоставилъ расшифровать стенографическую запись самому заподозрѣваему шпіону и его папашѣ...

Уже во время войны намъ встрѣчались дознанія, въ которыхъ виновность *непріятельскаго* шпіона и собираніе секретныхъ свѣдѣній въ пользу *непріятеля* квалифицировались по 111 ст. угол. улож., при чемъ, по ходу дознанія, можно было предполагать, что въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду 111 статья въ преждей ея редакціи, а не въ редакціи закона 5 іюля 1912 года.

Неудовлетворительность дознаній, произведенныхъ офицерами корпуса жандармовъ, вызывала жалобы со стороны военныхъ властей и привлекла вниманіе министерства юстиціи, благодаря чему, въ маѣ 1911 года, былъ изданъ циркуляръ, предлагавшій прокурорамъ судебныхъ палатъ разслѣдованіе преступленій шпіоновъ поручать обязательно судебнымъ слѣдователямъ по особо важнымъ дѣламъ. Но на практикѣ циркуляръ этотъ не исполняется, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть, тѣмъ болѣе, что въ Австріи и Германіи имѣются спеціалисты-слѣдователи, упоминаемые нами ниже.

Нормальное теченіе шпіонскихъ дѣлъ встрѣчало иногда,— говоримъ *встрѣчало*, такъ какъ надѣемся, что въ будущемъ явленіе, которое мы имѣемъ въ виду, не должно имѣть мѣсто,—и такъ, нормальное теченіе шпіонскихъ дѣлъ встрѣчало порою подводные камни, ввидѣ различнаго рода ходатайствъ за участь шпіона какъ со стороны нѣмецкихъ властей, такъ и со стороны русско-подданныхъ ихъ покровителей.

Нѣмецкія власти, не считаясь съ истиной, домогались обычно всѣми возможными средствами реабилитировать своего агента. Такъ, напримѣръ, арестъ въ 1903 году нѣмецкаго шпіона Берціо, весьма вѣроятно германскаго офицера, вызвалъ немедленный запросъ ломжинскаго полицеймейстера германскимъ консуломъ барономъ Брюкомъ о причинахъ этого ареста, съ присоединеніемъ ходатайства объ освобожденіи Берціо подъ залогъ, ввиду, якобы, опасной болѣзни его жены. Между тѣмъ, самъ Берціо при своемъ задержаніи показалъ, что онъ холостъ и прибылъ въ русскую Польшу именно съ цѣлью подыскать себѣ подругу сердца. Вскорѣ же послѣ ареста Берціо въ мѣсто его заключенія явился нѣкто Пашке и просилъ передать Берціо 300 руб. Послѣ ареста названнаго Пашке, германскія власти потребовали его выдачи на томъ основаніи, что будто бы этотъ шпіонъ обвиняется на родинѣ въ уголовномъ преступленіи, въ подтвержденіе чего, черезъ того же Брюка, было доставлено удостовѣреніе королевскаго ландрата г. Кемпенъ. Однакоже, самъ Пашке пытался тайнымъ путемъ извѣстить пограничнаго германскаго жандарма о своемъ арестѣ, съ просьбой довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, дабы были предприняты шаги къ его освобожденію.

По сообщенію краковской газеты «Slowo Polskie», во время процесса практикантовъ львовскихъ лѣсныхъ школъ въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ, австрійское военное министерство ходатайствовало передъ нашимъ военнымъ министерствомъ объ участи обвиняемыхъ, увѣряя въ невиновности ихъ. Быть можетъ, въ то время у насъ, въ Россіи, не допускали возможности подобной оффиціальной лжи, но факты, очевидцами которыхъ мы являемся, нынѣ раскрыли истинную цѣнность нѣмецкой оффиціальной добропорядочности.

Желаніе оказать извѣстное давленіе на русскихъ судей преслѣдовала и знаменитая экспертиза маіора Ауберта по дѣлу Дама, о которомъ говорилось выше.

Судебная экспертиза, какъ извѣстно, является умозаклю-

ченіемъ свѣдущаго лица по данному вопросу, на основаніи знаній, коими оно обладаетъ. Выходить изъ этихъ рамокъ и подтверждать, либо отрицать наличіе какого-либо факта, относящагося къ существу предъявленнаго обвиненія, свѣдущее лицо, конечно, не можетъ.

Между тѣмъ, экспертъ Аубертъ съ первыхъ же словъ заявляетъ:

«Прежде всего нижеподписавшійся экспертъ отрицаетъ, что лейтенантъ Дамъ былъ командированъ въ Россію и получилъ какую-либо развѣдывательную задачу. Экспертъ уполномоченъ королевскимъ прусскимъ военнымъ министерствомъ и королевскимъ прусскимъ большимъ генеральнымъ штабомъ заявить... что Дамъ не получалъ никакихъ задачъ для поѣздки въ Россію и что онъ для этой поѣздки не получилъ никакого пособія... Экспертъ уполномоченъ дать показанія въ пользу Дама».

«Еслибы, заканчиваетъ свои разсужденія экспертиза Ауберта, Дамъ дѣйствительно шпіонилъ по порученію германскаго правительства или по *собственной* иниціативѣ, то онъ былъ бы предоставленъ своей участи».

Оставляя формальную сторону вопроса, необходимо замѣтить, что завѣренія «уполномоченнаго» прусскаго маіора не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Аубертъ разсчитывалъ увѣрить русскихъ судей, что Дамъ не получалъ шпіонскихъ задачъ и пособія отъ германскаго правительства, но *экспертиза* вовсе умалчиваетъ о томъ, извѣстно ли прусскимъ властямъ, *что Дамъ не былъ командированъ шпіонить также и турецкимъ военнымъ министерствомъ*, каковая возможность не исключалась, въ виду того, что этотъ лейтенантъ, совмѣстно со своимъ товарищемъ лейтенантомъ Тумомъ, по словамъ самой экспертизы, «*до середины августа состоялъ на турецкой службѣ*» (арестованъ Дамъ въ началѣ іюня).

Говорить о возможности шпіонской одиссеи Дама «по собственной иниціативѣ» — прусское военное министерство также не имѣло права, по той простой причинѣ, что оно не располагало какими-либо данными на этотъ случай.

Въ дополненіе къ сказанному о бывшихъ германскихъ домогательствахъ вспомнимъ одинъ «ужасный дипломатическій скандалъ», чуть было не погубившій «Новое Время».

«Это было въ 1886 году», повѣствуетъ г. Яковлевъ [1]). «Въ то время, какъ и теперь, впрочемъ,—Германія усердно занималась выслѣживаніемъ у себя и преслѣдованіемъ военнаго шпіонства. Но тогда русскихъ не трогали. Все вниманіе было сосредоточено на Франціи...

Военнымъ министромъ въ то время былъ генералъ Буланже, съ которымъ я былъ знакомъ. Къ нему я и обратился съ предложеніемъ дать мнѣ нужныя свѣдѣнія. Моя мысль генералу очень понравилась, но дѣло было серьезное—онъ хотѣлъ подумать. И думалъ очень долго. Недѣли двѣ прошло послѣ моего визита, когда, наконецъ, я получилъ приглашеніе явиться въ министерство. Тамъ меня принялъ адъютантъ Буланже и, показывая кучу документовъ въ синей папкѣ, сказалъ, что министръ предоставляетъ въ мое распоряженіе всѣ эти документы, подъ извѣстными условіями. Я, не раздумывая, согласился на все.

Документы представляли собою захватывающій интересъ. Передо мной развернулась полная картина организаціи нѣмецкаго шпіонства не только во Франціи, но и въ Россіи. Оказывалось, что Россія въ соглядатайскомъ смыслѣ раздѣлена нѣмцами на восемь округовъ, что шпіонскія отдѣленія въ провинціи находятся въ вѣдѣніи консуловъ, которые по этимъ дѣламъ имѣли прямыя сношенія съ канцеляріей канцлера. Въ спискѣ тайныхъ агентовъ я нашелъ имя одного знакомаго нѣмецкаго журналиста, который сотрудничалъ въ одной берлинской либеральной газетѣ, съ указаніемъ «вознагражденія», которое онъ получаетъ, и адресомъ банкира, который ему выплачиваетъ его ежемѣсячно. Наконецъ, я нашелъ много интересныхъ подробностей о роли бывшаго военнаго аташе въ Парижѣ, полковника Вильона, который долженъ былъ оста-

[1]) См. „Нов. Вр.“ № 13119—„Памяти А. С. Суворина“.

вить свой парижскій постъ послѣ шумнаго скандала и былъ переведенъ въ Петербургъ, въ томъ же званіи.

Между тѣмъ статья моя («Организація нѣмецкаго шпіонства въ Европѣ»,—безъ подписи, и датированная изъ Брюсселя, — таково было желаніе генерала Буланже) была напечатана, и она вызвала бурю. Содержаніе ея было сообщено Бисмарку по телеграфу, и въ тотъ же день германскій посолъ, графъ Швейницъ, получилъ приказаніе потребовать запрещенія «Нов. Вр.» «за оскорбленіе представителя дружественной державы» ни больше, ни меньше.

Требованіе это исполнено не было, но «Нов. Вр.» было отдано подъ судъ».

Редакторъ «Нов. Вр.» написалъ «огненную отповѣдь», а вслѣдъ затѣмъ «были представлены и доказательства полной достовѣрности фактовъ, на которые указывалось въ инкриминированной статьѣ, и они тоже произвели надлежащее впечатлѣніе. Говорятъ, что когда Императоръ Александръ III ознакомился съ ними, онъ написалъ на представленномъ дѣлѣ: «Ахъ, какіе же они (нѣмцы).....!»

«Нов. Вр.» было спасено».

Подобными выступленіями нѣмецкія власти стремились привлечь на свою службу возможно большее количество агентовъ тайной развѣдки, давая имъ надежду на заступничество, въ случаѣ постигшей бѣды.

Конечно, въ большинствѣ случаевъ разсчеты шпіоновъ на облегченіе своей участи не оправдывались, какъ не оправдывались и многія другія ожиданія, по той простой причинѣ, что, заполучивъ кого-либо на свою службу, руководители нѣмецкаго шпіонства уже не стѣснялись продѣлывать надъ нимъ цѣлый рядъ обмановъ, понуждая къ несенію дальнѣйшей службы болѣе или менѣе осязательными угрозами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Печать и нѣмецкое шпіонство.

Печать и военная тайна.

Не подлежитъ сомнѣнію, что современная намъ пресса, въ стремленіи показать свою освѣдомленность по всѣмъ вопросамъ, весьма часто разглашаетъ самыя секретныя свѣдѣнія объ арміи. Вотъ почему нѣмецкія бюро развѣдки тщательно просматриваютъ значительное количество своихъ и иностранныхъ газетъ, черпая изъ нихъ интересныя свѣдѣнія большой цѣнности съ военной точки зрѣнія.

Недаромъ же, по сообщенію «Развѣдчика» (№ 1053), одно изъ иностранныхъ посольствъ въ Петроградѣ состояло подписчикомъ въ «Бюро газетныхъ вырѣзокъ Общества трудовой помощи образованнымъ лицамъ» [1]). Намъ кажется, всякій читающій газеты долженъ согласиться, что не разъ встрѣчалъ въ нихъ свѣдѣнія, которыя считаются въ военномъ вѣдомствѣ секретными.

Приведемъ два-три примѣра.

Весною въ 1904 году наше правительство рѣшило отправить на театръ военныхъ дѣйствій 5 и 6 сибирскіе корпуса. Естественно, что распоряженіе объ этомъ не было опубликовано, но въ «Русскомъ Инвалидѣ» были напечатаны назначенія начальствующихъ лицъ. Только на основаніи этихъ свѣдѣній «La France Militaire» заключила о предстоящемъ

---

[1]) См. замѣтку г. Скифа „Печать и военное вѣдомство“.

передвиженіи названныхъ корпусовъ, приведя довольно точное исчисленіе ихъ личнаго состава.

Въ № отъ 20 мая 1910 года англійскій журналъ «Энджинирингъ» помѣстилъ подробные чертежи вновь сооружаемыхъ русскихъ броненосцевъ «Гангутъ», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловскъ», между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы было открыто то лицо, которое сообщило журналу эти чертежи, то оно, думается намъ, было бы присуждено къ наказанію какъ за государственную измѣну.

Скрыть отъ иностранцевъ самый фактъ сооруженія новой крѣпости, конечно, нельзя, но силу профиля возводимыхъ укрѣпленій, качество употребляемаго матеріала, силу и количество артиллеріи и мѣста расположенія крѣпостныхъ верковъ содержать въ секретѣ не только можно, но и должно [1]). По этимъ самымъ соображеніямъ ни одна газета, считающаяся съ интересами военной обороны Россіи, не рискнетъ напечатать свѣдѣнія указанной нами категоріи о возводимыхъ крѣпостяхъ. Между тѣмъ, въ бреславской «Schlesiche Zeitung» (1912 г. № 111) относительно работъ въ Ревельской военной гавани, «которая, по словамъ газеты, преобразуется въ главную военную гавань русскаго флота», сообщалось слѣдующее:

«Окончаніе работъ, опредѣленное сначала на конецъ 1915 года, откладывается на конецъ 1916 года, такъ какъ вслѣдствіе крайне неблагопріятнаго состоянія морского дна, портовыя работы оказались значительно болѣе трудными, нежели предполагалось. Западная искусственная дамба, защищающая проходъ изъ Балтійскаго моря (Ostsee), удлинняется на 500 метровъ (вмѣсто 350 метровъ); молъ, приспособленный для вмѣщенія громадныхъ судовъ, будетъ открытъ съ

---

[1]) Образцомъ наивныхъ разсужденій по затронутому вопросу можетъ служить статья г. Далинскаго „Военные секреты“ (см. „Развѣдчикъ“ № 1083). Нельзя также не усмотрѣть нѣсколько странныхъ разсужденій въ статьѣ г. Португалова „Печать и тайна“ („Развѣдчикъ“ № 1058).

восточной стороны и снабженъ тремя рельсовыми путями, дабы нагрузка военныхъ и жизненныхъ припасовъ и угля производилась съ наименьшею затратою времени. Весь ковшъ гавани будетъ вычерпанъ соотвѣтственно глубинѣ посадки русскихъ дредноутовъ (7,5 метровъ при низкой водѣ на 9,5 метровъ). На всѣ эти работы ассигновано 60 милліоновъ рублей, распредѣленныхъ на 6 лѣтъ.

Вооруженіе будетъ состоять изъ двухъ башенныхъ фортовъ, каждый съ тремя пушками Обуховскаго завода 30,5 центр. калибра и нѣсколькихъ брустверовъ съ 24 центем. гаубицами».

Надо полагать, что столь подробныя свѣдѣнія корреспондентъ газеты получилъ отъ находившихся на постройкѣ лицъ, если въ числѣ рабочихъ не было нѣмецкихъ шпіоновъ. Подобные случаи извѣстны въ жизни.

Наконецъ, въ русской и заграничной печати въ началѣ 1912 года обсуждалось рѣшеніе нашего правительства перевести на Кавказъ одну дивизію изъ Казанскаго военнаго округа, при чемъ газеты склонны были усматривать въ этомъ мѣропріятіи тревожный симптомъ.

Между тѣмъ, таковое рѣшеніе правительства, конечно, должно было до извѣстнаго момента храниться въ тайнѣ отъ заинтересованныхъ государствъ, тѣмъ болѣе, что, по сообщенію «Освѣд. Бюро», вопросъ о переводѣ означенной дивизіи былъ рѣшенъ принципіально уже давно, и эта мѣра отнюдь не имѣла какого-либо агрессивнаго значенія. Соображенія, побудившія правительство къ этому шагу сводились къ тому, что частыя посылки съ Кавказа отрядовъ въ персидскіе предѣлы вносили разстройство въ воинскія части, входящія въ составъ Кавказскаго округа, вредно отзываясь на ихъ подготовительныхъ занятіяхъ, затрудняя военно-административныя распоряженія мѣстнаго начальства. Прибытіе новой дивизіи должно было лишь устранить эти неудобства и дать возможность съ большей легкостью выдѣлять изъ состава войскъ округа летучіе отряды, если бы въ томъ встрѣтилась надобность.

Нечего и говорить, что опасность измѣннической или просто болтливой печати особенно возрастаетъ въ періоды дипломатическихъ затрудненій и во время войны. Оставляя въ сторонѣ литературную клоаку, должно сказать, что русская печать заслуживаетъ самыхъ серьезныхъ нареканій за вольныя и невольныя нарушенія военнаго секрета.

Наша болтливость получила осужденіе даже со стороны китайскаго офиціоза «Peking Daily News'a», выходящаго одновременно на англійскомъ и китайскомъ языкахъ.

Въ № отъ 4 іюня 1910 года названной газеты «въ пространной статьѣ, подробно описывающей расположеніе и количество нашихъ боевыхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, указывалось между прочимъ на существенное различіе между русскими и японскими періодическими изданіями: тогда какъ японцы соблюдаютъ строгую тайну во всѣхъ такъ называемыхъ военныхъ вопросахъ, этого нельзя сказать про русскія газеты: онѣ съ легкимъ сердцемъ печатаютъ во всеобщее свѣдѣніе такія вещи, за которыя японскій издатель нажилъ бы себѣ серьезную бѣду. Дѣйствительно, — продолжаетъ газета,—для иностранца, владѣющаго русскимъ языкомъ, нѣтъ ничего удивительнѣе той откровенности, съ какой русскій публицистъ анализируетъ отрицательныя стороны родной дѣйствительности, того легкомыслія, съ которымъ онъ открываетъ карты своему противнику наканунѣ рѣшительнаго дѣла. «Какъ только за послѣднее время, стали циркулировать слухи о возможной войнѣ съ Китаемъ, русская восточная пресса, вѣрная своимъ традиціямъ, не замедлила опубликовать во всеобщее свѣдѣніе данныя о расположеніи войскъ; и если изъ числа другихъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ, сумѣли извлечь пользу воспользовавшіеся этими свѣдѣніями и китайскіе военные агенты, то развѣ можно ихъ въ этомъ упрекнуть?»

Такъ полу-наивно, полу-зло спрашиваетъ насъ китайская газета [1]).

[1]) См. „Россію“, № 1707: „Письма изъ Китая“, корреспонденція г. А. К—ръ.

Обратившись ко времени послѣдней нашей войны, мы увидимъ, что въ русской печати шла поразительная вакханалія. Ни представители прессы, ни цѣлая армія цензоровъ, ни даже высшіе военноначальники не отдавали себѣ отчета о характерѣ военнаго секрета и значеніи скрытности. Благодаря этому, оглашались свѣдѣнія, необходимость сохраненія коихъ въ тайнѣ, казалось бы, подсказывалась самимъ здравымъ смысломъ.

«Цензурныя упущенія, читаемъ мы въ офиціальномъ описаніи русско-японской войны, обусловливались главнымъ образомъ тѣмъ, что не было установлено опредѣленнаго взгляда на важность сохраненія военной тайны, а вслѣдствіе этого не было послѣдовательности въ принимаемыхъ для этого мѣрахъ» [1]).

Опредѣленный же взглядъ на важность сохраненія военной тайны не могъ установиться потому, что *у насъ не было истиннаго понятія самой сущности военнаго секрета даже среди высшихъ представителей арміи.*

Въ подтвержденіе нашихъ словъ можно привести нѣсколько прискорбныхъ фактовъ.

Такъ, напримѣръ, генералъ Гриппенбергъ въ бесѣдѣ съ московскимъ корреспондентомъ «Нов. Вр.» [2]) сообщилъ, что генералъ Куропаткинъ далъ ему для операцій подъ Сандепу всего лишь 63 баталіона, задержавъ въ общемъ резервѣ 60 баталіоновъ. Эти свѣдѣнія въ то время, когда онѣ были сообщены, носили особо секретный характеръ, такъ какъ раскрывали численность русскихъ войскъ.

Далѣе, одинъ изъ командировъ корпусовъ прислалъ въ редакцію газеты копію рапорта о положеніи дѣлъ въ корпусѣ за два мѣсяца войны, не считаясь съ тѣмъ, что въ рапортѣ приводились весьма секретныя свѣдѣнія. Наконецъ, приведемъ еще слѣдующій случай, почерпнутый нами изъ оффиціальнаго описанія войны:

---

[1]) См. „Русско-японская война 1904—1905“, т. VII, ч. 2-я, стр. 361.
[2]) См. ук. газ. № 10387, отъ 4 февр. 1905 года.

«13 января (1905 года) однимъ изъ военныхъ корреспондентовъ съ разрѣшенія цензора Штаба 2-й арміи были отправлены петроградскому телеграфному агентству двѣ телеграммы о переходѣ нашихъ войскъ въ рѣшительное наступленіе и о ходѣ первоначальныхъ боевыхъ столкновеній. Содержаніе этихъ телеграммъ обратило на себя вниманіе почтово-телеграфнаго вѣдомства центральнаго телеграфнаго отдѣленія въ Мукденѣ, и обѣ телеграммы, до передачи ихъ по назначенію, были доставлены на просмотръ въ цензурное отдѣленіе Штаба Главнокомандующаго. Такъ какъ въ разсчеты Полевого Штаба не входило обнаруживать въ то время размѣры начатаго наступленія, то телеграммы отправлены не были. При разслѣдованіи этого случая, съ цѣлью согласованія дѣятельности цензуры Штаба 2-й арміи со взглядами цензурнаго отдѣленія Штаба Главнокомандующаго, оказалось, что означенныя телеграммы были на предварительномъ просмотрѣ у Командующаго арміей, для котораго указанія цензурнаго отдѣленія, конечно, не могли служить авторитетомъ»[1]).

И такъ, въ приведенномъ случаѣ, чины почтово-телеграфнаго вѣдомства болѣе сознательно отнеслись къ значенію военнаго секрета, чѣмъ самъ командующій 2 арміей, съ прикосновенными къ цензурѣ 2 арміи воинскими чинами.

Но развѣ это единичный случай поразительной слѣпоты и непониманія интересовъ боевой обстановки?

Развѣ не извѣстны факты, когда начальники отдѣльныхъ частей, *въ погонѣ за дешевой популярностью*, прикармливали къ своимъ отрядамъ ничтожныхъ въ нравственномъ отношеніи репортеровъ, чѣмъ понуждали ихъ воспѣвать себѣ лживыя панегирики?

Тоже, быть можетъ, исканіе популярности и тоже отсутствіе пониманія огромнаго значенія печати въ дѣлѣ освѣдомительной службы противника вызвали покровительственное отношеніе къ военнымъ корреспондентамъ на театрѣ военныхъ

---

[1]) См. т. VII, ч. 2-я, стр. 355.

дѣйствій. Корреспонденты осаждали нашу армію: за время войны было утверждено въ этомъ званіи 140 лицъ, изъ нихъ 102 русскихъ и 38 иностранцевъ, не принимая въ счетъ значительный штатъ ихъ прислуги.

Опасность такого наплыва лишнихъ для арміи лицъ тѣмъ болѣе говоритъ за себя, что «нарушенія корреспондентами установленныхъ правилъ было довольно частымъ явленіемъ, но борьба съ наиболѣе серьезнымъ нарушеніемъ — посылкой свѣдѣній помимо цензуры — затруднялась особенностями нашего положенія въ Манчжуріи на территоріи, ни принадлежащей намъ, ни занятой нами по праву войны. На основаніи неоспоримыхъ документовъ были лишены права состоять корреспондентами два лица. Относительно нѣкоторыхъ другихъ имѣлись сильныя подозрѣнія, но по недостатку уликъ нельзя было принять рѣшительныхъ мѣръ, и дѣло ограничивалось лишь предостереженіями, которыя были сдѣланы *шести русскимъ* и *тремъ иностраннымъ* корреспондентамъ» [1]).

Приведенная нами цитата заслуживаетъ вниманія, чтобы подивиться русской наивности.

Замѣтимъ, во-первыхъ, что въ одинаковомъ положеніи съ нами находились японцы «на территоріи, ни принадлежащей имъ, ни занятой ими по праву войны», и однакоже это обстоятельство ничуть не стѣсняло ихъ дѣйствій по принятію необходимыхъ мѣръ предосторожности, вызываемыхъ военнымъ временемъ.

Удивительными кажется намъ также соображенія начальствующихъ лицъ о недостаточности уликъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ, хотя бы высылки изъ района дѣйствующей арміи, противъ корреспондентовъ, *навлекшихъ на себя подозрѣнія въ тяжкомъ преступленіи* при томъ условіи, что дѣйствовавшій въ то время законъ (ст. 244 воинск. уст. о нак.) *карадъ смертною казнью* виновнаго въ сообщеніи, *даже безъ всякаго злого умысла*, свѣдѣній, касающихся военныхъ дѣй-

[1]) Описаніе русск.-яп. войны, т. VII, ч. 2, стр. 366.

ствій, если непріятель воспользовался сими свѣдѣніями съ выгодою въ предпріятіяхъ своихъ противъ нашихъ войскъ.

Если ко всему сказанному еще прибавить, что среди иностранныхъ корреспондентовъ были лица, не скрывавшія *явной враждебности къ Россіи*; что одинъ корреспондентъ, сильно заподозрѣнный въ шпіонствѣ, застрѣлился, другой, при тѣхъ же условіяхъ, сбѣжалъ изъ арміи; что были случаи перехода корреспондентовъ на сторону японцевъ и затѣмъ возвращенія тѣхъ же лицъ опять въ нашу армію; что допускались къ передачѣ телеграммы, написанныя *условнымъ языкомъ*,—то картина растерянности власти и преступнаго попустительства будетъ видна безъ лишнихъ словъ.

Не смотря на то, что у насъ были изданы цензурныя правила, опредѣлявшія, какіе вопросы воспрещается затрагивать въ печати, на газетныхъ столбцахъ появлялись извѣстія именно подходящія подъ категоріи воспрещенныхъ къ оглашенію свѣдѣній [1]). Такъ, напримѣръ, выработаннымъ Главнымъ Штабомъ перечнемъ воспрещалось помѣщеніе въ печати свѣдѣній о подготовкѣ и отправкѣ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій, между тѣмъ въ оффиціальной военной газетѣ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 137), былъ напечатанъ приказъ по военному вѣдомству (19 іюня 1905 г., № 427) о выступленіи на Дальній Востокъ 19-го арм. корпуса, съ точнымъ перечисленіемъ его состава. Въ той же газетѣ (1905 г., № 107) былъ помѣщенъ приказъ по войскамъ 17 корпуса отъ 18 іюля 1905 г., изъ котораго нашъ противникъ могъ довольно точно опредѣлить группировку нашихъ армій на позиціяхъ и т. п.

Нечего уже послѣ этого говорить, замѣчаетъ военно-историческая комиссія по описанію русско-японской войны, объ описаніи Высочайшихъ смотровъ, дѣлаемыхъ войсковымъ частямъ передъ отправленіемъ ихъ въ дѣйствующую армію, съ подробнымъ переименованіемъ частей.

Между тѣмъ, печатавшіеся въ «Русскомъ Инвалидѣ» Вы-

[1]) См. оффиціальное описаніе русск.-япон. войны, т. VII, ч. 2, прил. 10—15, стр. 105—118.

сочайшіе приказы, приказы по военному вѣдомству, циркуляры Главнаго Штаба и т. д., касавшіеся назначеній лицъ командnаго состава, формированія новыхъ и реорганизаціи существующихъ воинскихъ частей, времени и пунктовъ формированія различныхъ управленій и учрежденій, Высочайшихъ объѣздовъ частей войскъ, передъ выступленіемъ ихъ на театръ военныхъ дѣйствій и т. п.,—давали столь полное понятіе о силѣ, составѣ, численности и расположеніи войскъ и учрежденій на Дальнемъ Востокѣ, что берлинскій журналъ «Militär Wochenblatt» напечаталъ составленное только на основаніи этихъ свѣдѣній довольно вѣрное боевое росписаніе манчжурскихъ армій. Это росписаніе было перепечатано многими русскими изданіями.

Надлежитъ замѣтить, что и въ мирное время слѣдовало бы болѣе осмотрительно относиться къ оглашенію въ «Русскомъ Инвалидѣ» приказовъ по военному вѣдомству. Эти приказы иногда содержатъ безусловно секретныя свѣдѣнія, а тѣмъ не менѣе они открыто печатались въ оффиціальной газетѣ, откуда затѣмъ попадали на страницы общей прессы и дѣлались извѣстными за границей. Въ подтвержденіе нашихъ словъ можно было бы привести много фактовъ, но ограничимся лишь указаніемъ на два случая.

Напримѣръ, назначеніе пограничной стражи во время войны считалось военнымъ секретомъ, но секретъ этотъ раскрывается приказомъ по в. в. 1913 г. за № 138 о довольствіи частей отдѣльнаго корпуса пограничной стражи при приведеніи ихъ на военное положеніе. Возведеніе оборонительныхъ сооруженій въ одной мѣстности содержалось въ строгой тайнѣ, съ воспрещеніемъ вовсе касаться этого вопроса въ печати, тѣмъ не менѣе въ «Русскомъ Инв.» былъ опубликованъ Высочайшій приказъ о «назначеніи строителемъ крѣпости» генералъ-маіора N.

Возвращаемся ко времени русско-японской войны.

Кромѣ «Русск. Инв.», пренебреженіемъ къ скрытности отличалась другая оффиціальная газетка, «Вѣстникъ Маньчжур-

скихъ армій», не смотря на то, что издавалась она въ непосредственной близости къ главнокомандующему.

«Вѣстникъ» помѣщалъ такія свѣдѣнія, которыя давали противнику возможность судить не только о составѣ нашихъ армій, но и подходѣ укрѣпленій.

Такъ напримѣръ, въ № 212 за 1905 годъ была помѣщена Всеподданнѣйшая телеграмма главнокомандующаго о производствѣ смотра вновь прибывшей 4 стрѣлковой бригадѣ.

Въ № 245—приказъ главнокомандующаго за № 614 о производствѣ смотра прибывшимъ на театръ военныхъ дѣйствій пластунской бригадѣ и кавказской казачьей дивизіи.

Въ № 225—приказъ главнокомандующаго за № 444 о производствѣ смотра 5, 17 и 9 армейскимъ корпусамъ 3 арміи, и 10 и 6 сибирскимъ—2 арміи.

Въ одномъ изъ №№ былъ помѣщенъ приказъ генерала Каульбарса, въ которомъ онъ прощался съ уходившимъ въ 1-ю армію 1 сибирскимъ корпусомъ и привѣтствовалъ 6 сибирскій корпусъ, перешедшій изъ состава 3-ей во вторую армію [1]).

Своеобразныя понятія цензоровъ по вопросу о значеніи военнаго секрета и скрытности служатъ объясненіемъ, почему никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на *газетныя объявленія*, тогда какъ *именно изъ этихъ объявленій японцы могли почерпать наиважнѣйшія свѣдѣнія о нашей боевой арміи.*

Въ книжкѣ г. Изместьева приведены исчисленія нашихъ армій, произведенныя на основаніи объявленій изъ «Вѣстника Маньчжурскихъ армій», которыми обыкновенно нижніе чины разыскивали своихъ родныхъ и «задушевныхъ товарищей».

Вотъ нѣкоторыя къ тому данныя:

«№ 232—8 корпусъ 2 арміи.

«№ 247—4 стрѣлковый полкъ сводно-стрѣлковаго корпуса 2 арміи; 2 Читинскій полкъ 3 сибирскаго корпуса 1 арміи.

«№ 251—1 Срѣтенскій полкъ 2 сибирскаго корпуса 1 арміи.

---

[1]) См. весьма интересно и живо написанную брошюру П. И. Изместьева „Значеніе военнаго секрета и скрытности“. Изд. 2-е, стр. 8. Прочесть эту брошюру полезно многимъ.

«№ 255—3 стрѣлковая бригада 3 арміи.

«№ 261—7 стрѣлковый полкъ 2 стрѣлковой дивизіи 1 сводно-стрѣлковаго корпуса 2 арміи.

«№ 263—9 стрѣлковый полкъ 3 стрѣлковой дивизіи 2 сводно-стрѣлковаго корпуса 3 арміи.

«№ 266—1 стрѣлковый полкъ 1 стрѣлковой дивизіи 1 сводно-стрѣлковаго корпуса 2 арміи.

«№ 271—14 стрѣлковый полкъ 4 стрѣлковой дивизіи 2 сводно-стрѣлковаго корпуса 3 арміи.

«№ 272—16 армейскій корпусъ 2 арміи.

«Ограничившись ссылкой на эти №№ «Вѣстника Маньч. арм.», можно вывести слѣдующее заключеніе о составѣ армій.

«*1 армія*—2, 3, 4 и 1 сибирскій корпуса и 1 армейскій.

«*2 армія*—16, 10, 6 сибирскій, 8 армейскій корпуса и 1 сводно-стрѣлковый, который состоялъ до 19 мая изъ бригадъ, развернувшихся затѣмъ въ дивизіи.

«*3 армія*—5, 17, 4 армейскій и 2 сводно-стрѣлковый изъ 2-хъ стрѣлковыхъ бригадъ, а затѣмъ изъ 2-хъ дивизій» [1]).

Другой авторъ, г. Беашъ, приводитъ «сводку свѣдѣній о противникѣ», которая могла быть составлена нашимъ противникомъ на основаніи объявленій, печатавшихся въ одномъ лишь № «Вѣстника» (№ 276) [2]).

I.

«Изъ полученныхъ за день донесеній точно устанавливается:

1) «Нахожденіе въ резервѣ, уступомъ за правымъ флангомъ русскаго расположенія, частей XVII армейскаго корпуса; въ частности—третьей пѣхотной дивизіи.

2) «Прибытіе къ манчжурскимъ арміямъ 53-й пѣхотной дивизіи, при чемъ она вошла въ составъ 1-й арміи и сосредоточена у с. Хайлунченъ.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 9 и 10.

[2]) См. Беашъ. „Шпіоны и печать". („Развѣдчикъ", 1910 г. № 1017).

«Сопоставляя это послѣднее свѣдѣніе съ другимъ, сообщающимъ, что 71-я пѣх. *дивизія* нынѣ входитъ въ составъ неизвѣстнаго до сихъ поръ *7-го Сибирскаго корпуса*, можно съ увѣренностью предположить:

а) Что 53-я дивизія, съ прибытіемъ въ Хайлунченъ, включена въ составъ войскъ ген. Ренненкампфа и

б) что она сведена съ бывшей ранѣе въ этомъ отрядѣ 71-й дивизіей въ *7-й Сибирскій корпусъ*, весьма вѣроятно, подъ начальствомъ того же генерала Ренненкампфа.

II.

«Изъ объявленій «Вѣстникъ Манчжурскихъ Армій» усматривается:

а) Что въ 16-мъ стрѣлковомъ полку имѣется 15-я рота.

б) Въ 18-мъ стрѣлковомъ полку *9-я рота*.

Между тѣмъ было извѣстно до сихъ поръ, что стрѣлковыя части, прибывшія изъ европейской Россіи, были 2-хъ баталіоннаго состава.

Сопоставляя эти важныя новыя свѣдѣнія съ указаніемъ газеты, что 18-й стрѣлковый полкъ входитъ въ составъ 2-й стрѣлковой *дивизіи* (а не бригады), а также съ извѣстіями лазутчиковъ о прибытіи многочисленныхъ подкрѣпленій, видимо укомплектованій, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Русскіе развернули свои европейскія стрѣлковыя бригады въ *дивизіи*.

2) Соотвѣтственные стрѣлковые полки доведены поэтому до *4-хъ баталіоннаго состава* (15-я рота, 9-я рота).

3) На это развертываніе употреблены, частью, пришедшія послѣ Мукденскаго боя укомплектованія».

Фактъ существованія названной газетки въ прошлую кампанію весьма поучителенъ. На этомъ печальномъ явленіи несчастной войны ясно сказалось непониманіе нами значенія печатнаго слова, благодаря чему судьба газеты была отдана въ руки людей, не отдававшихъ себѣ отчета въ значеніи военнаго секрета и скрытности на войнѣ.

Мы, напримѣръ, съ удивленіемъ узнали объ одной «остроумно задуманной и отчасти даже выполненной организаціи» въ періодъ Мукденскихъ боевъ бывшаго редактора газеты, сотника Пиленка, организаціи, которая должна была бы весьма плачевно кончиться для ея автора, если бы у насъ знали законы и понимали, какія роковыя послѣдствія для хода всей предпринятой операціи могли имѣть необдуманныя дѣйствія руководителя «Вѣстника Манчжурскихъ Армій».

По словамъ бывшаго секретаря, а затѣмъ и редактора газетки г. Савченко [1]), «въ первые дни (Мукденскихъ) боевъ штабъ Главнокомандующаго (управленіе генералъ-квартирмейстера) аккуратно посылалъ имѣющіяся у него свѣдѣнія о боевыхъ дѣйствіяхъ армій въ редакцію «Вѣстника», такъ что свѣдѣнія, распространяемыя «Вѣстникомъ» по арміи, были оффиціально достовѣрны, но потомъ произошло со штабомъ то, что уже давно стало всѣмъ извѣстно—штабъ растерялся, и свѣдѣнія его были такія же растерянныя и несвоевременныя, такъ что уже 23 и 24 февраля никакого толку отъ штаба добиться было нельзя и редакція, какъ и многіе тогда въ отступающей безпорядочно арміи, махнула, какъ говорится, рукой на это «пишущее учрежденіе» и занялась своимъ дѣломъ самостоятельно. Подъесаулъ Пиленко оказался прекраснымъ организаторомъ дѣла въ нужную минуту и рѣшилъ, такъ сказать, примѣниться къ обстановкѣ и организовать дѣло самостоятельно: каждый конный вѣстовой, развозившій «Вѣстникъ» по передовымъ позиціямъ, былъ снабженъ книжкой и, являясь на боевые участки, при возможности просилъ офицеровъ отмѣтить въ этой книжкѣ немногими словами положеніе дѣла, а потомъ усиленнымъ аллюромъ доставлялъ книжку редактору. Изъ этихъ свѣдѣній составлялось краткое сообщеніе о положеніи дѣла въ данномъ раіонѣ, которое немедленно печаталось и разсылалось въ видѣ новаго приложенія».

Мы полагаемъ, что, еслибы г. Пиленко зналъ надъ какой

[1]) См. его наивную брошюрку „Вѣстникъ Манчжурскихъ Армій“, стр. 25.

уголовной пропастью онъ балансировалъ, то, вѣроятно, призадумался бы прежде, чѣмъ приводить въ исполненіе свою «остроумную организацію».

Послѣ приведенныхъ фактовъ изъ дѣятельности официальной военной печати нельзя удивляться тому, что общая печать также оглашала свѣдѣнія, за которыя нашъ противникъ долженъ былъ быть ей очень благодаренъ. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1904 года «Русскія Вѣдомости» помѣстили статью «Наша Маньчжурская армія», содержащую нѣкоторыя свѣдѣнія, не подлежащія оглашенію. Въ №№ 123 и 126 газеты «Наша Жизнь» (1905 года) была напечатана статья «На войнѣ», въ которой приводились свѣдѣнія, раскрывающія группировку нашихъ силъ, мѣста расположенія, задачи корпусовъ, составы отрядовъ и пр. Въ № 160 той-же газеты (1905 года) одна статья сообщала характеристики генераловъ, не смотря на то, что оглашеніе этихъ свѣдѣній цензурными правилами было воспрещено, такъ какъ онѣ имѣютъ огромное значеніе для непріятеля и т. д.

На нашу газетную болтливость безусловно разсчитывали нѣмцы. Отъ нѣкоторыхъ своихъ агентовъ нѣмецкія бюро развѣдки настоятельно требовали внимательно слѣдить за русской военной печатью, «отмѣчая въ своей записной книжкѣ», какъ говорилось въ одномъ письмѣ, каждую интересную статью. Однако, съ искреннимъ удовольствіемъ, мы должны сказать, что и въ этой области нѣмецкія вожделенія не оправдались. Установленными цензурными мѣропріятіями для нѣмцевъ значительно сократилась возможность черпать свою освѣдомленность изъ русскихъ газетъ, хотя порою еще проскакиваютъ свѣдѣнія, которыя не должны были бы оглашаться.

Такъ, напримѣръ, наши войска, встрѣтясь съ различными ухищреніями нѣмецкихъ шпіоновъ, приспособились къ нимъ и даже путемъ употребленія невинныхъ хитростей имъ удавалось обратить въ свою пользу нѣмецкую работу.

Газеты неосторожно разглашали подобные факты, благодаря чему, какъ намъ приходилось слышать отъ участниковъ

войны, нѣмцы приняли со своей стороны особыя мѣры предосторожности и ввести ихъ въ обманъ въ послѣднее время становится весьма затруднительно.

Не слѣдовало бы также допускать въ печати подробнаго описанія разрушительнаго дѣйствія снарядовъ нѣмецкой артиллеріи, такъ какъ изъ этихъ данныхъ нашъ врагъ безусловно почерпалъ много поучительнаго для себя матеріала. Отмѣченный только что недосмотръ военной цензуры тѣмъ болѣе непонятенъ, что этотъ вопросъ достаточно былъ освѣщенъ въ военной литературѣ, по опыту русско-японской войны.

Указанные нами недочеты наглядно показываютъ всю трудность работы военной цензуры и, казалось бы, говорятъ за то, что еще въ мирное время долженъ быть кадръ подготовленныхъ цензоровъ.

Газетный шпіонажъ нѣмцевъ.

Послѣ всего изложеннаго нами будетъ понятно, почему нѣмецкіе организаторы тайной развѣдки употребляли большія усилія, чтобы использовать болтливость иностранной печати въ цѣляхъ шпіонства и увеличить цѣнность получаемыхъ свѣдѣній путемъ подкупа продажныхъ писакъ.

И, дѣйствительно, въ числѣ обвинявшихся въ шпіонствѣ, газетные работники не составляютъ рѣдкаго исключенія, такъ какъ профессія представителей иностранныхъ газетъ, по словамъ «Berl. Tagebl.», вообще охотно выбирается шпіонами. «Это должно быть, замѣчаетъ газета, особенно пріятно посѣщающимъ заграницу журналистамъ» [1]).

Къ тому же, ремесло газетнаго репортера съ достаточной долей правдивости можетъ объяснить излишнее любопытство подозрительнаго субъекта. Неудивительно поэтому, что нѣмецкіе шпіоны прибѣгаютъ къ подобной уловкѣ. Напримѣръ, весьма опытный шпіонъ Б. Германъ, изъ прибалтійскихъ

[1]) См. статью „Организація шпіонства“, 1907 г. № 596.

нѣмцевъ, сообщалъ германскому «псевдониму» въ Бреславль, что онъ заручился регулярнымъ полученіемъ свѣдѣній отъ одного желѣзнодорожнаго чиновника, «увѣривъ его, что состоитъ сотрудникомъ одной вліятельной русской газеты».

Австрійскимъ шпіономъ былъ извѣстный польскій писатель Зигмундъ Качковскій, который, какъ говоритъ «Галичанинъ», во время польскаго мятежа 1863—64 года доносилъ австрійскимъ властямъ на своихъ выдающихся земляковъ. Между тѣмъ, дальше замѣчаетъ газета, «его пребываніе въ Варшавѣ въ 1860 году было путешествіемъ тріумфатора въ полномъ словѣ значенія, все клонилось передъ нимъ, передъ его силою духа и мѣста, гдѣ онъ проживалъ, осыпали цвѣтами».

Изобличенный сравнительно недавно прибалтійскій баронъ Унгернъ-Штернбергъ нѣсколько лѣтъ состоялъ корреспондентомъ офиціальнаго австро-венгерскаго агентства (Correspondenz-Bureau), а также и газеты «Fremdenn-Blatt», офиціальнаго органа покойнаго австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Эренталя. Одновременно онъ числился на службѣ въ австро-венгерскомъ посольствѣ, въ Петроградѣ, въ качествѣ «референта» и на обязанности его лежало представленіе докладовъ о свѣдѣніяхъ и статьяхъ русскихъ газетъ, касавшихся Австро-Венгріи.

Кромѣ того, онъ состоялъ корреспондентомъ лондонской газеты «Daily Maill», парижской «Le Journal», а также нѣкоторыхъ нѣмецкихъ второстепенныхъ газетъ [1]).

По словамъ «Нов. Вр.» (№ 12305), одна изъ записныхъ книжекъ барона дала возможность установить, что издававшаяся въ Петроградѣ газета «Вечерній Голосъ» получала ежемѣсячную субсидію отъ австро-венгерскаго посольства въ размѣрѣ тысячи рублей въ мѣсяцъ, каковая субсидія вручалась одному изъ сотрудниковъ, писавшему, главнымъ образомъ, по вопросамъ международной политики.

---

[1]) См. „Нов. Вр.“ № 12306; „Рѣчь“, 1910 г. № 161 и др.

Газета эта, замѣчаетъ «Русское Слово» (1910 г. № 137), была въ рукахъ подозрительныхъ въ моральномъ отношеніи журналистовъ, извѣстныхъ въ петербургскомъ журнальномъ мірѣ своею неразборчивостью.

Подкупая иностранную печать, нѣмцы, при ея содѣйствіи, проводили закулисную часть своей «міровой» политики, оставаясь незамѣтными для глазъ туземцевъ. Съ особымъ успѣхомъ для себя использовали они турецкія газеты.

«Стремясь всѣми средствами достичь преобладающаго значенія въ Турціи, сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ бывшій посолъ г. Гирсъ, Германія и Австро-Венгрія обратили свое вниманіе на Константинопольскіе органы печати. По свѣдѣніямъ посольства, въ Константинополѣ, главнѣйшіе изъ нихъ получаютъ отъ этихъ двухъ государствъ довольно значительныя субсидіи...»[1]).

Особенно широкій размѣръ принялъ подкупъ нѣмцами иностранныхъ газетъ во время настоящей войны. По словамъ извѣстнаго датскаго критика Георга Брандеса,—«вѣроятно, не найдется ни одного болѣе или менѣе извѣстнаго писателя въ нейтральныхъ странахъ, къ которому не обращались бы съ предложеніемъ высказаться въ пользу Германіи. Обыкновенно въ такихъ предложеніяхъ содержатся явные намеки на выгоды, которыя можно извлечь, похваливъ Германію, и не скрывается угроза непослушнымъ. Мною, — пишетъ Брандесъ,—также получено такое письмо, въ которомъ текстуально сказано слѣдующее: «Кто въ эти дни выкажетъ дружбу къ Германіи, того она никогда не забудетъ, хотя бы эта дружба не выходила за предѣлы корректнаго безразличія».

И дѣйствительно, изъ всѣхъ нейтральныхъ странъ идутъ свѣдѣнія о подкупахъ нѣмцами печати, объ учрежденіи различныхъ бюро, распространяющихъ по всему міру нѣмецкую ложь.

Литературная богема изъ своей среды, очевидно, доста-

[1]) См. „Оранжевую книгу", излагающую переговоры съ Турціей, стр. 34.

вляетъ нѣмцамъ значительное количество шпіоновъ, такъ какъ въ Германіи уже съ 1891 года существуетъ секретный фондъ, предназначенный на подкупъ иностранныхъ журналистовъ, полезныхъ для имперской политики.

Фондъ этотъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ и до 1911 года ассигновался въ размѣрѣ 1.000.000 марокъ. Въ 1910 году статсъ-секретарь фонъ-Шэнъ потребовалъ у рейхстага увеличенія секретнаго фонда дипломатическаго вѣдомства на 300.000 марокъ. Требованіе министерства поддерживалъ членъ имперской партіи фонъ-Дирксенъ, изъ объясненій котораго выяснилось, что деньги требуются не на прямой шпіонажъ, а на подкупъ иностранныхъ журналистовъ, находящихся въ секретныхъ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ. Разумно распредѣленныя между представителями печати марки, по словамъ депутата, въ концѣ концовъ обратятся въ золото.

Однако, въ 1910 году рейхстагъ не внялъ такимъ увѣреніямъ и требованіе увеличенія средствъ на подкупъ иностранной печати было отклонено, но въ 1911 году германскому иностранному вѣдомству посчастливилось больше. Бюджетная комиссія рейхстага согласилась на увеличеніе секретнаго фонда до 1.300.00 марокъ. Одинъ изъ членовъ комиссіи, представитель партіи центра, нашелъ при этомъ очень удачное названіе для бюджетной статьи, предназначенной для поощренія иностранной продажной печати: «на нужды германскаго освѣдомленія за границей». Тотъ же депутатъ предложилъ освободить эту статью расхода отъ общепарламентскаго контроля. Распоряжаться секретными суммами долженъ министръ иностранныхъ дѣлъ по своему усмотрѣнію. Счета министра будутъ предъявляться довѣрительно комисіи имперскаго государственнаго долга и больше никому.

Изъ словъ министра иностранныхъ дѣлъ Кидерленъ-Вехтера выяснилось, что бюро печати при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ раздѣлено на два отдѣла, одинъ изъ которыхъ имѣетъ дѣло исключительно съ иностранной печатью и

собственно въ его-то распоряженіе предназначается испрашиваемый 1.300.000 марокъ, для уплаты за добрыя услуги иностранныхъ журналистовъ.

Въ бюджетѣ 1911 года секретные фонды, о которыхъ мы говоримъ, стояли подъ титуломъ «расходы на нужды германской военно-освѣдомительной службы за границей». (Förderung des deutschen Nachrichtenwesens im Ausland»).

Въ какой близости подкупленныя нѣмцами иностранныя газеты стоятъ къ германскимъ посольствамъ, видно на примѣрѣ, сообщенномъ изъ Рима «Русскому Слову» г. Амфитеатровымъ. По словамъ названнаго писателя, «одинъ русскій журналистъ, получавшій германофильскую газету «Vita», желая сыграть шутку, послалъ въ посольство нѣсколько номеровъ этой газеты съ извѣщеніемъ, что онъ не хочетъ больше получать «Vita».

Каково же было его удивленіе, когда газету эту дѣйствительно перестали ему доставлять, разоблачивъ, такимъ образомъ, настоящій адресъ ея конторы и редакціи»[1]).

Насколько нѣмцамъ важно было быть въ курсѣ истиннаго направленія русской жизни, русской политики и намѣреній русскаго правительства, настолько же имѣла значеніе возможность руководить общественнымъ мнѣніемъ въ желательномъ для нихъ направленіи. Подобную задачу нѣмецкая печать исполнить не могла въ виду понятнаго недовѣрія къ ней русскаго общества.

Слѣдовательно, являлась прямая необходимость издавать *свой* органъ въ Россіи, подъ видомъ *русской* газеты или *русскаго* журнала. Мы уже знаемъ случай подкупа редакціи одной газеты, но незначительная распространенность изданія лишала «Вечерній Голосъ» какого-либо вліянія въ русскомъ обществѣ.

Однако, мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что взамѣнъ кончившаго свои дни «Вечерняго Голоса» не дѣй-

[1]) „Русс. Слово", 7 дек. 1914 г.

ствуетъ, какая-либо другая газета, тѣмъ болѣе, что объ изданіи въ Россіи большой политической газеты на австрійскія деньги шли усиленные переговоры изобличеннаго предателя барона Унгернъ-Штернберга съ графомъ Берхтольдомъ.

Въ письмѣ на имя совѣтника австро-венгерскаго посольства отъ 20/7 октября 1909 года, Унгернъ-Штернбергъ по этому поводу писалъ:

«Моя идея заключалась бы въ слѣдующемъ: я бы обязалъ русскихъ писателей и публицистовъ съ именемъ къ постоянному сотрудничеству имѣющей быть издаваемой мною (дальше нѣсколько словъ вычеркнуто). Конечно, принимались бы только такія статьи, которыя отвѣчаютъ австро-венгерскимъ интересамъ; одновременно опубликовывались бы, конечно, всѣ статьи, пересылаемыя изъ Вѣны. Корреспонденція доставлялась бы всѣмъ большимъ русскимъ газетамъ и нѣкоторымъ заинтересованнымъ властямъ, за умѣренную подписную плату. Кромѣ статей, корреспонденція содержала бы въ себѣ обзоры и замѣтки для освѣщенія текущей иностранной политики. Дабы извѣстныхъ русскихъ авторовъ, думскихъ и политическихъ дѣятелей заставить писать въ соотвѣтствующихъ рамкахъ, надлежало бы имъ платить за каждую статью очень высокій гонораръ»...

Подкупая отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя изданія, не говоря уже о газетахъ, всецѣло основанныхъ на средства германскаго и австро-венгерскаго правительствъ, нѣмецкій «черный кабинетъ» во главѣ съ Вильгельмомъ, имѣлъ возможность проводить свои политическія вожделѣнія и пользоваться печатью въ спеціально шпіонскихъ цѣляхъ. Агенты нѣмецкихъ развѣдочныхъ бюро, получая условный шрифтъ, имѣютъ возможность, подъ видомъ статьи невиннаго содержанія, освѣдомлять своихъ «шефовъ» о самыхъ секретныхъ мѣропріятіяхъ государства, въ предѣлахъ котораго они обосновались. Разгадать смыслъ такой статьи лицу, не владѣющему ключемъ, конечно, нельзя, въ самомъ же благопріятномъ случаѣ можно усмотрѣть, быть можетъ, нѣсколько искусственную постройку фразъ. Но,

развѣ въ Россіи мало найдется газетъ, слогъ которыхъ отличается своеобразнымъ жаргономъ?

Мы уже говорили, сколь широкіе размѣры принялъ нѣмецкій шпіонажъ въ послѣднее время, поэтому неудивительно, что германское правительство, не довольствуясь достигнутыми успѣхами организаціи политическаго и военнаго соглядатайства въ иностранной прессѣ, незадолго до войны задумало въ своихъ видахъ создать болѣе могущественный тайный союзъ германской печати, заинтересовавъ въ этомъ дѣлѣ, съ цѣлью полученія денежныхъ средствъ, главнѣйшихъ представителей промышленности, торговли и финансовъ.

Въ концѣ февраля 1914 г. великобританскій посолъ въ Берлинѣ сэръ Эдуардъ Гошенъ представилъ сэру Эдуарду Грею докладъ о созданной въ Германіи при участіи правительства тайной организаціи съ цѣлью распространенія за границей благопріятныхъ о Германіи свѣдѣній. Докладъ этотъ былъ прочитанъ въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента, и сообщалъ слѣдующіе факты.

Въ нѣмецкой печати въ послѣднее время неоднократно поднимались голоса о необходимости освѣдомлять въ благопріятномъ для Германіи смыслѣ иностранную печать, особенно въ отдаленныхъ заокеанскихъ странахъ, такъ такъ иначе торговля и промышленность Германіи не имѣютъ въ нихъ благопріятной почвы и встрѣчаютъ затрудненія со стороны неблагожелателей. Возникъ проектъ созданія «общества всемірной торговли» и на совѣщаніе объ учрежденіи такового были приглашены представители уже существующихъ торговыхъ союзовъ германо-аргентинскаго, германо-канадскаго, германо-русскаго и др. подъ предсѣдательствомъ директора пароходной компаніи «Гамбургско-американской линіи» М. Балина и съ привлеченіемъ цѣлаго ряда торговыхъ обществъ и фирмъ, заинтересованныхъ въ экспортныхъ предпріятіяхъ. Однако, дѣло это не наладилось и вылилось, по требованію весьма высокопоставленныхъ лицъ, въ образованіе спеціальнаго германо-американскаго торговаго общества.

Въ февралѣ, по тому же вопросу о распространеніи за границей благопріятныхъ Германіи свѣдѣній, состоялось, содержавшееся въ тайнѣ, засѣданіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ руководствомъ доктора Хамана, начальника бюро печати этого министерства, и въ присутствіи самаго министра. Въ засѣданіе это были приглашены члены выдающихся промышленныхъ предпріятій въ странѣ—сѣверо-германскаго Ллойда, гамбурго-американской компаніи, главнаго общества электричества, нѣмецкаго банка, дисконтнаго общества, заводовъ Шукерта, Круппа, Грузона, Сименсъ и Гальске и др. Было составлено «частное общество» съ цѣлью «поднятія германскаго престижа за границею», финансированіе котораго предполагалось на сборы по подпискѣ и на субсидію отъ правительства. Объемъ ежегодной подписки сначала былъ установленъ въ 125.000 руб., но идея настолько понравилась собранію, что тутъ же размѣръ подписныхъ годовыхъ взносовъ достигъ 250.000 рублей; правительство со своей стороны обязалось ежегодно вносить 125.000 рублей.

Новое общество вошло въ соглашеніе съ агентствомъ Гаваса о томъ, что оно будетъ сообщать о Германіи только свѣдѣнія, исходящія отъ телеграфнаго агентства Вольфа (позднѣйшія полученныя въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, что такое предложеніе было сдѣлано агентству Гаваса, но имъ не принято), а послѣднее будетъ освѣдомляться исключительно новымъ обществомъ. Такое же соглашеніе предполагалось заключить и съ телеграфнымъ агентствомъ Рейтера для тѣхъ странъ, на которыя распространяется его дѣятельность.

Если Рейтеръ уклонится, то имѣлось въ виду поручить это дѣло незначительному освѣдомительному бюро «Нѣмецкое кабельное общество», доставляющему свѣдѣнія изъ нѣкоторыхъ странъ (какъ, напримѣръ, изъ Мексики), причемъ новое общество должно было снабдить его средствами, для конкурированія съ бюро Рейтера, однимъ словомъ, замышлялся подкупъ въ пользу Германіи главнѣйшихъ міровыхъ освѣдомительныхъ бюро.

Затѣмъ, всѣ присутствующіе представители фирмъ обязались вносить въ фондъ общества тѣ значительныя суммы, которыя они до сего времени тратили на объявленія въ иностранныхъ газетахъ, что составляетъ около 250.000 рублей.

Такимъ образомъ, ежегодный доходъ общества былъ бы отъ 500—750.000 рублей.

Общество рѣшило впредь помѣщать объявленія своихъ членовъ только въ органахъ иностранной прессы, печатающихъ у себя свѣдѣнія о Германіи, исходящія исключительно отъ новаго общества, которое вообще должно служить единственнымъ источникомъ извѣстій о Германіи и обо всемъ происходящемъ въ ней. Эти свѣдѣнія иностранныя газеты получали бы безплатно или по «номинальной» цѣнѣ и такимъ образомъ покорные органы печати пріобрѣтали значительныя матеріальныя выгоды — хорошо оплачиваемыя объявленія и даровыя статьи на «мѣстномъ» языкѣ. За иностранною печатью должны были слѣдить агенты общества въ различныхъ заграничныхъ центрахъ.

О всякомъ некорректномъ сообщеніи въ газетахъ агенты немедленно телеграфируютъ въ Берлинъ, откуда тотчасъ по телеграфу сообщается опроверженіе. Для начала система была примѣнена къ государствамъ Южной Америки и Дальняго Востока, но затѣмъ предполагалось распространить ее на всѣ внѣевропейскія страны. Тарифы германскихъ кабельныхъ сообщеній для упомянутой цѣли были значительно понижены [1]).

Интересно отмѣтить, что обязательства помѣщать дорогія публикаціи только въ тѣхъ иностранныхъ газетахъ, которыя будутъ пользоваться свѣдѣніями «Агентства Вольфа», дали, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», общества Сименсъ и Гальске, Шуккертъ, т. е. тѣ нѣмецкія торговыя фирмы, которыя имѣютъ свои отдѣленія и въ Россіи. Равнымъ образомъ, эти фирмы Сименсъ и Гальске, Шуккертъ приняли на себя обязательство уплачивать на подкупъ иностранныхъ га-

[1]). См. „Русс. Инв.“ 10 сент. 1914 г. и „Нов. Вр.“ 12 того же сентября.

зетъ причитающуюся на ихъ долю часть изъ полуторамилліонной ассигновки.

Нетрудно понять, что замышлявшаяся организація печатной информаціи открывала успѣхамъ нѣмецкаго шпіонства широчайшіе горизонты. Разбросанныя по всѣмъ странамъ подъ видомъ агентовъ печати нѣмецкіе шпіоны генеральнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ немедленно оповѣщали бы Берлинъ на иносказательномъ языкѣ о всѣхъ заслуживающихъ вниманія фактахъ, замѣченныхъ ими въ сферѣ, порученной ихъ изученію.

Можно себѣ представить, какія неоцѣнимыя свѣдѣнія могла бы получать въ настоящее время этимъ путемъ германская главная квартира, еслибы указанная выше организація успѣла передъ войной упрочить свое положеніе въ нейтральныхъ странахъ.

Газетный шпіонажъ нѣмцевъ, какъ видно изъ сказаннаго, носитъ совершенно неуловимый характеръ. Вотъ почему закрытіе газетъ, издающихся въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ, учитывая при этомъ выяснившееся отношеніе русскихъ нѣмцевъ къ настоящей войнѣ,—является мѣрою положительно необходимою, для избѣжанія могущихъ быть печальныхъ неожиданностей; вотъ почему съ «русскими» газетами, обслуживающими во время войны нѣмецкіе интересы, вплоть до пропаганды заключенія мира, должно бороться не штрафами,—съ этой стороны онѣ не чувствительны,—а пресѣченіемъ ихъ смраднаго существованія и привлеченіемъ къ суду безчестныхъ пенсіонеровъ «германскаго фонда военно-освѣдомительной службы за границей», благо, что для этого рода преступнаго посягательства создана спеціальная статья закона, гласящая: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ подвергается виновный въ возбужденіи къ прекращенію войны въ публичной рѣчи или докладѣ, или въ произведеніяхъ печати, произнесенныхъ, или выпущенныхъ въ свѣтъ по объявленіи мобилизаціи, или во время войны [1]),

[1]) См. ст. 275² улож. о нак. угол. и испр. (по редакціи закона 20 іюля 1914 г. Собр. узак. и распор. прав. 1914 г. № 192 ст. 2057).

если, конечно, въ дѣйствіяхъ этихъ подозрительныхъ субъектовъ нельзя усмотрѣть признаковъ болѣе тяжкихъ преступленій, какъ, напримѣръ, преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. 108, п. 1 ст. 129 угол. улож. и т. п.

Въ заключеніе сказаннаго замѣтимъ, что цѣнныя данныя предупредительнаго характера можно извлекать изъ печатающихся повседневныхъ объявленій, при систематическомъ и вдумчивомъ разсмотрѣніи ихъ въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Шпіонство и радикализмъ.

Радикализмъ соціализма различныхъ толковъ, подобно всѣмъ вообще крайнимъ доктринамъ, отличается узостью кругозора, откуда проистекаютъ ограниченность, нетерпимость и неспособность къ здравой критикѣ его приверженцевъ. Уже одни эти качества, независимо отъ привходящихъ обстоятельствъ, являются весьма благопріятной почвой для шпіонской дѣятельности. «Кромѣ людей, продающихъ свою родину ради наживы, пишетъ цитированный нами подполковникъ Ролленъ, весьма удобными лицами, среди которыхъ легче всего завязать сношенія на иностранной территоріи, являются всякаго рода недовольные правительствомъ, какъ-то: международные соціалисты, анархисты, различные инородцы, космополиты, антимилитаристы, однимъ словомъ, всѣ тѣ, которымъ ихъ политическіе и общественные взгляды, а иногда честолюбіе и аппетиты, дороже отечества [1])». Въ подтвержденіе своихъ словъ, Ролленъ ссылается на историческіе примѣры изъ области шпіонства. Такъ, напримѣръ, «въ 1805 году Мармонъ, расположившійся въ Гратцѣ, организовалъ тамъ сыскную службу для наблюденія за австрійцами. Въ своихъ запискахъ онъ говоритъ: «Генералъ Груши, взятый въ плѣнъ при Нови, жилъ тогда довольно долго въ Гратцѣ, гдѣ познакомился съ нѣкіимъ Хаасомъ, стоявшимъ во главѣ одного благотворительнаго

[1]) См. его книгу: „Военно-развѣд. служба въ мирное и военное время".

учрежденія и одного госпиталя. Этотъ человѣкъ, врагъ австрійскаго царствующаго дома и убѣжденный революціонеръ, усиленно занимался политикой и желалъ перемѣнъ». Дѣятельность Хааса ставила его въ близкое соприкосновеніе со многими жителями деревень мѣстнаго округа, каковое обстоятельство дѣлало его человѣкомъ освѣдомленнымъ и облегчало сношенія съ нимъ. Мармонъ, зная это, обратился къ его посредничеству и былъ ежедневно освѣдомляемъ о мѣстѣ главной квартиры эрцгерцога и численности его войскъ».

Подобный же «образчикъ француза, у котораго, по словамъ Роллена, страсть къ политикѣ заглушила патріотизмъ до того, что онъ унизился до роли предателя, служа доносчикомъ у непріятеля, заполонившаго его родину»,—приведенъ въ матеріалахъ, изданныхъ германскимъ большимъ генеральнымъ штабомъ, въ дополненіи къ описанію войны 1870 года. Въ этихъ матеріалахъ имѣется слѣдующій рапортъ начальника развѣдчиковъ 12 кавалерійской дивизіи:

«Житель изъ Нуара, крайній республиканецъ, разсказывалъ на аванпостахъ, расположенныхъ при въѣздѣ въ городъ, что послѣ полудня 27-го августа въ Сомотѣ было 10.000 французовъ и что Макъ-Магонъ пойдетъ съ главными силами изъ Вузье на Бюзанси».

Примѣры изъ франко-прусской войны указали германскому генеральному штабу новые пути къ развитію своего шпіонства, а именно, путемъ подкупа и эксплоатаціи иностранныхъ парламентаріевъ, исповѣдующихъ радикальные доктрины. По крайней мѣрѣ, другой французскій изслѣдователь нѣмецкаго шпіонства, Поль Лянуаръ, вполнѣ опредѣленно бросаетъ тяжкое обвиненіе въ отношеніи нѣкоторыхъ французскихъ депутатовъ изъ числа соціалистовъ.

Отъ одной «даже очень крупной личности нѣмецкой администраціи» этотъ авторъ слыхалъ «буквально» слѣдующее:

«Если бы вы только знали, сколько между вашими политическими дѣятелями, вопящими во Франціи о необходимости прекращенія ассигновокъ на вашу тайную полицію,—лицъ,

получающихъ изъ фондовъ нашей полиціи хорошее, кругленькое жалованье! Если бы вы знали, во что обходится намъ каждые четыре года ихъ избирательная кампанія!»

Собесѣдникъ Ляпуара назвалъ ему нѣсколько депутатскихъ фамилій и послѣдній узналъ среди нихъ такихъ, которые при началѣ своей политической карьеры были всѣ въ долгахъ, спали «по угламъ» и не имѣли даже приличнаго платья.

«Не изъ девяти же тысячъ франковъ депутатскаго жалованья, восклицаетъ авторъ,—эти господа соціалъ-демократы вознеслись такъ быстро и благородно, такъ совершенно и скоро освободились отъ грязи!» [1]).

Наша Государственная Дума также не ускользнула отъ бдительнаго вниманія нѣмецкихъ шпіоновъ.

Вербовка шпіоновъ въ средѣ крайнихъ политическихъ партій доказана цѣлымъ рядомъ шпіонскихъ процессовъ какъ у насъ, такъ и заграницей. Въ этомъ смыслѣ особую извѣстность стяжалъ нѣкій Пелка, который, проживая въ Швейцаріи, примкнулъ къ международной анархической организаціи и заявилъ себя убѣжденнымъ проповѣдникомъ бомбометанія и посягательства на жизнь монарховъ [2]). Вспомнимъ также скандальныя разоблаченія въ Австріи, въ концѣ 1913 года и началѣ 1914 года. Въ итогѣ этихъ разоблаченій оказалось, что тайная австрійская полиція пользовалась услугами двухъ видныхъ политическихъ дѣятелей,—вождя партіи «людовцевъ» (польскаго народнаго союза) Стапинскаго [3]) и чешскаго депутата въ вѣнскомъ парламентѣ, члена національно-соціальной партіи, Швига [4]). Какъ Швигъ, такъ и Стапинскій за

---

[1]) См. его книгу: „Нѣмецкое шпіонство во Франціи".

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Пелкѣ см. въ „Прикарпатской Руси", 26 января 1912 года.

[3]) Продажность Стапинскаго была удостовѣрена министромъ Залѣсскимъ на страницахъ „Slowo Polskie".

[4]) На запросъ въ палатѣ депутатовъ по дѣлу Швига, министръ внутреннихъ дѣлъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „Правительство не можетъ раскрывать источниковъ свѣдѣній, получаемыхъ тайной полиціей, хотя бы дѣло касалось и депутата".

свои услуги австрійскому правительству получали извѣстное вознагражденіе изъ суммъ «диспозиціоннаго рептильнаго фонда».

Подкупая иностранныхъ радикаловъ, германское правительство, до самаго послѣдняго времени, относилось съ большимъ недовѣріемъ къ лояльности своей соціалъ-демократіи. По крайней мѣрѣ, еще въ 1895 году военный министръ генералъ Шеллендорфъ распорядился уволить со службы членовъ партіи соціалистовъ, состоявшихъ въ военномъ министерствѣ въ качествѣ чиновниковъ и даже рабочихъ. Отвѣчая по этому поводу въ рейхстагѣ на запросъ Бебеля, Шеллендорфъ сказалъ: «разглашеніе постановленій, упомянутыхъ Бебелемъ, доказываетъ, что въ личномъ составѣ нашихъ учрежденій имѣются безнравственные люди, ворующіе документы. Нельзя сомнѣваться, что они продадутъ свое отечество при первомъ же удобномъ случаѣ» [1]). Однако, идущая война воочію намъ показала, что дружескія отношенія правительства Вильгельма съ германскими соціалистами наладились и въ настоящее время вліяніе германскаго правительства на дѣла и мнѣнія нѣмецкихъ соціалистовъ неоспоримо.

Скажемъ больше, германскіе соціалисты открыто состоятъ на службѣ у прусскаго милитаризма, пытаясь использовать свое вліяніе въ нейтральныхъ странахъ путемъ склоненія общественнаго мнѣнія въ пользу Германіи. Такъ, напримѣръ,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что, нападая на соціалистовъ, германскій военный министръ былъ нѣсколько неправъ въ томъ смыслѣ, что продажность германскихъ должностныхъ лицъ стоитъ внѣ зависимости отъ ихъ политическихъ убѣжденій. За послѣдніе годы въ Германіи изобличены въ измѣнѣ: морской-капитанъ Кайзеръ, инженеръ Вольфъ, лейтенантъ Вессель, капитанъ Кіріачи, лейтенантъ Нейсмаркъ, сверхъ того, скомпрометированы въ процессѣ Круппа поручики: Тиліанъ, Хоче, Шлейдеръ, Хинстъ, Дрезе, Шмитъ и лейтенантъ Пфейнеръ. Вообще говоря, измѣна среди германскихъ должностныхъ лицъ приняла столь значительные размѣры, что 1-го февраля 1913 года, въ засѣданіи прусскаго ландтага, націоналисты выразили свою скорбь по поводу обнаруженія въ нѣмецкой бюрократической средѣ шпіоновъ. Ораторы требовали, чтобы были приняты самыя энергичныя мѣры для искорененія этого зла.

депутатъ Зюдекумъ ѣздилъ въ Италію для того, чтобы убѣдить итальянскихъ соціалъ-демократовъ въ необходимости военнаго выступленія Италіи на помощь Германіи и Австріи. Другой депутатъ, Носке, былъ отправленъ правительствомъ въ Бельгію, гдѣ онъ долженъ былъ войти въ сношенія съ мѣстными рабочими организаціями и склонить ихъ къ возобновленію работъ на бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Далѣе, соціалисты-депутаты Мюллеръ и Шейдеманъ, вмѣстѣ съ голландскимъ соціалистомъ Трельстра, агитировали въ Голландіи въ пользу установленія таможеннаго союза. Наконецъ, названный докторъ Зюдекумъ, сдѣлавшись тайнымъ агентомъ германскаго правительства, ведетъ пропаганду среди французскихъ военноплѣнныхъ, изъ числа соціалистовъ, дабы они, возвратясь досрочно на родину, уговаривали своихъ единомышленниковъ начать кампанію въ пользу немедленнаго заключенія мира [1]).

Отмѣченное нами взаимодѣйствіе германскаго правительства съ германскими соціалистами, всплывшее наружу лишь во время войны, существовало и въ мирное время. Германское правительство при посредствѣ своихъ агентовъ, надѣвшихъ маску соціализма, проникало въ среду соціалистическаго интернаціонала, заставляя и этихъ *противниковъ милитаризма* способствовать выполненію начертанной программы нѣмецкаго шпіонства. Въ серединѣ декабря 1914 года газета «Daily Express» напечатала разоблаченія шпіонской дѣятельности германскихъ соціалъ-демократовъ, основанныя на данныхъ, доставленныхъ газетѣ секретаремъ одного изъ англійскихъ тредъюніоновъ [2]). Сущность этихъ разоблаченій заключается въ томъ, «что германская соціалъ-демократія, подъ покровомъ такъ называемой международной солидарности рабочихъ, собирала свѣдѣнія, необходимыя для берлинскихъ властей, *т.-е. по просту занималась шпіонажемъ.* На конгресъ тредъюніоновъ, имѣвшій мѣсто въ сентябрѣ 1913 года въ Манчестерѣ, приглашено было

---

[1]) О дѣятельности Зюдекума см. „Русск. Слово“ 16 января 1915 г.

[2]) Свѣдѣнія, приводимыя англійской газетой, мы цитируемъ по „Новому Времени“, отъ 24 декабря 1914 года.

нѣсколько иностранныхъ делегатовъ въ качествѣ «заграничныхъ товарищей»: двое изъ Канады, двое изъ Соединенныхъ Штатовъ и двое изъ Германіи. Когда открыли засѣданіе конгресса, то оказалось, что изъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ, дѣйствительно, пріѣхало по два депутата, а изъ Германіи — цѣлыхъ пятнадцать. Тринадцать непрошенныхъ гостей были представителями германскаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, того самаго союза, который нынѣ оказываетъ столь дѣятельную помощь при перевозкѣ войскъ. Особенное вниманіе германскіе делегаты обратили на слѣдующіе доклады, прочитанные на конгрессѣ: о постройкѣ рыбачьихъ судовъ (этотъ докладъ содержалъ весьма точныя свѣдѣнія относительно тоннажа всѣхъ англійскихъ траулеровъ, сыгравшихъ такую важную роль при постановкѣ и при вылавливаніи минъ въ Сѣверномъ морѣ); о способахъ изготовленія подковъ (въ этомъ докладѣ излагались переговоры съ военнымъ министерствомъ о количествѣ подлежащихъ изготовленію подковъ, въ случаѣ военной опасности); о безпорядкахъ въ Вульвичскомъ арсеналѣ; о требованіяхъ рабочихъ, занятыхъ въ королевскихъ докахъ, и т. д. Авторъ статьи отмѣчаетъ, что перечисленные доклады, вмѣстѣ съ тѣми ежемѣсячными справками о состояніи рабочаго рынка, которыя — въ силу международнаго соглашенія — добродушно посылались англійскими тредъюніонами въ Берлинъ, въ центральную комиссію рабочихъ организацій, давали возможность германскому правительству имѣть почти столь же ясное представленіе о положеніи англійскаго рабочаго вопроса, какъ и то, которое имѣлось у англійскаго министерства торговли.

Но и это еще не все. Авторъ статьи указываетъ, что, по его мнѣнію, цѣлый рядъ безпорядковъ, смущавшихъ рабочую жизнь Англіи за послѣдніе два года, несомнѣннымъ образомъ протекалъ подъ вліяніемъ и по инспираціи, исходившей изъ Берлина. Когда въ Южной Африкѣ рѣшено было выслать нѣкоторое количество рабочихъ лидеровъ, то большинство англійскихъ тредъюніоновъ отозвалось на «нарушеніе правъ трудового пролетаріата» протестомъ, который былъ формули-

рованъ всѣми тредъюніонами одинаково, во имя общерабочей солидарности. «Между тѣмъ, нѣсколько позднѣе», говоритъ авторъ рзоблаченій, «мнѣ случайно удалось получить протестъ по тому же поводу, составленный въ Босніи: и оказалось, что редакція его вполнѣ совпадаетъ—съ англійской». «Я удивляюсь, какимъ образомъ лидеры британскихъ тредъюніоновъ—въ большинствѣ случаевъ опытные и зрѣлые люди—могли допустить, чтобы ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ дурачилъ германскій секретаріатъ, являвшійся въ конечномъ результатѣ правительственнымъ учрежденіемъ?»

Германскій генеральный штабъ, учитывая то вліяніе, которымъ пользовались германскіе соціалисты среди рабочихъ всѣхъ европейскихъ странъ, намѣревался при содѣйствіи своихъ агентовъ-провокаторовъ вызвать измѣнническія вспышки въ воюющихъ съ Германіей странахъ.

Наличіе подобнаго разсчета, какъ со стороны германскаго генеральнаго штаба, такъ и австрійскаго, подтверждается документальными данными. Мы уже приводили въ началѣ третьей главы документъ изъ «желтой книги», разсѣивающій всякія сомнѣнія на счетъ германской международной добропорядочности. Напомнимъ кратко суть этого документа.

«Слѣдуетъ позаботиться во время войны вызвать волненія на сѣверѣ Африки [1]) и въ Россіи», говорилъ германскій генеральный штабъ въ секретномъ докладѣ отъ 19 марта 1913 года «объ усиленіи германской арміи». «Возстанія, организуемыя въ военное время политическими агентами, должны быть тщательно подготовлены *матеріальными средствами*. Они должны вспыхивать одновременно съ разрушеніемъ средствъ сообщенія; во главѣ ихъ должны быть поставлены руководители, которыхъ можно найти въ лицѣ вліятельныхъ вождей среди духовенства или политическихъ дѣятелей»... и т. д.

[1]) О германской подготовкѣ въ этомъ смыслѣ въ Египтѣ см. „Вторую бѣлую книгу“ (война съ Турціей), допросъ германскаго шпіона, лейтенанта Морса. (Сообщенія Г. Читэма сэру Эдуарду Грею отъ 12 и 20 октября 1914 года).

Австрійскій генеральный штабъ военное счастье въ борьбѣ съ Россій также основывалъ на возможности внутренней измѣны, что вполнѣ опредѣленно высказано въ приказѣ по войскамъ австрійскаго главнокомандующаго отъ 30 сентября 1914 года.

«Сообща съ германскими войсками, увѣрялъ своихъ солдатъ эрцгерцогъ Фридрихъ, мы опять побѣдимъ и уничтожимъ врага... *Внутреннее неудовольствіе, мятежи*, нужда и голодъ угрожаютъ нашимъ врагамъ *въ тылу*».

Германское правительство и союзная ему Австрія имѣли основанія надѣяться на сочувствіе русскихъ «товарищей», если считать въ данномъ случаѣ за разумное основаніе сочувствія подкупъ германскими правительственными соціалистами нѣкоторыхъ руководителей русской соціалъ-демократіи. Въ настоящее время уже достовѣрно извѣстно, что германскіе соціалисты получали значительныя суммы изъ секретныхъ фондовъ кайзера Вильгельма, спеціально предназначенныя для веденія агитаціи среди русскихъ рабочихъ въ духѣ, отвѣчающемъ планамъ германскаго генеральнаго штаба. Въ частности, по слухамъ, были захвачены документы, изъ которыхъ видно, что организація іюльскихъ рабочихъ забастовокъ въ Петроградѣ обошлась германскому посольству около 8 милліоновъ рублей [1]).

Объявляя намъ войну, Вильгельмъ безусловно былъ увѣренъ, что Россія немедленно будетъ охвачена революціоннымъ движеніемъ: слишкомъ много было затрачено германскихъ марокъ, слишкомъ розовыя перспективы рисовали въ своихъ донесеніяхъ соціалисты его величества императора германскаго. Процессъ депутатовъ соціалъ-демократической фракціи показалъ, до какой умственной тупости, до какого нравственнаго одичанія могутъ дойти люди, служащіе слѣпымъ орудіемъ дьявольской интриги германскаго шпіонажа [2]). Лучшимъ осужденіемъ политики «ословъ слѣва», какъ, съ легкой

[1]) См. „Нов. Вр.“ 1 января 1915 года; обзоръ: „истекшій годъ“.

[2]) Подробный отчетъ о „дѣлѣ депутатовъ соціалъ-демократической фракціи“, см. „Право“, №№ 8—10.

руки кадетовъ, въ Государственной Думѣ называются соціаль-демократы, служитъ честное и благородное поведеніе во время войны рабочихъ массъ.

Масса прокламацій, призывающихъ «товарищей» къ оружію за «нашихъ германскихъ братьевъ, объявленныхъ почему-то нашими врагами», пожеланіе «пораженія царскихъ войскъ», призывъ къ «войнѣ противъ войны», такъ какъ у русскаго пролетаріата «нѣтъ враговъ по ту сторону границы», и т. п. лозунги, распространяемые кучкой продавшихся соціалистовъ, слишкомъ отвѣчаютъ интересамъ политической программы германскаго шпіонства, чтобы могло зародиться какое-либо сомнѣніе на счетъ истиннаго вдохновителя этой подпольной дѣятельности революціоннаго застѣнка.

Подъ флагомъ соціалъ-демократическихъ работниковъ, германскіе шпіоны-провокаторы и сами выступаютъ съ агитаціей противъ войны.

Такъ, напримѣръ, въ началѣ войны, гувернантка харьковскихъ помѣщиковъ, нѣмка Авдѣева (?), вела пропаганду среди крестьянъ, за что присуждена къ заключенію въ крѣпости на 3 мѣсяца [1]), а въ началѣ 1915 года были осуждены за распространеніе прокламацій, направленныхъ, между прочимъ, также противъ войны, митавскій мельникъ Озолинъ и баронъ Гозвинъ Менгденъ [2]).

Если германское правительство, при посредствѣ своихъ соціалистовъ, стремилось закрѣпить политическое вліяніе среди русскихъ рабочихъ массъ, то австрійскій генеральный штабъ,

---

[1]) См. „Русск. Слово“ 11 декабря 1914 года.

[2]) Въ средѣ финляндскихъ революціонеровъ германскіе шпіоны свили прочное гнѣздо. Напримѣръ, на собраніи „Deutscher Verein'a“ въ Гельсингфорсѣ 13 ноября (н. ст.) 1912 года, руководимомъ нѣмецкимъ лейтенантомъ Генрикомъ Фрюке, финляндское сообщество „Война“ („освѣдомительный союзъ“) согласилось доставлять въ нѣмецкій ферейнъ свѣдѣнія о военной оборонѣ Финляндіи. Хотя Финляндія классическая страна шпіоновъ, но, къ сожалѣнію, мы лично мало знакомы съ работою въ ней германскихъ агентовъ; однако, существованіе тамъ бетонныхъ основаній для тяжелой артиллеріи намъ извѣстно изъ безусловно достовѣрныхъ источниковъ.

не ограничиваясь узко шпіонскими цѣлями, работалъ надъ созданіемъ уже польскаго войска, использовавъ для этого польскія политическія партіи Галиціи. Поощряя формированіе польскихъ вооруженныхъ дружинъ, австрійскій генеральный штабъ возлагалъ на эти отряды, въ случаѣ войны съ Россіей, вполнѣ опредѣленныя вожделѣнія, въ смыслѣ возбужденія польскаго населенія въ Привислинскихъ губерніяхъ. Однако, по увѣренію «польскаго національнаго комитета», судя по его воззванію 13 ноября 1914 года, нашему «врагу пришлось разочароваться и въ созданныхъ въ Австріи польскихъ вооруженныхъ отрядахъ, набранныхъ изъ неосвѣдомленной молодежи, увлеченной національными лозунгами [1]).

Отряды эти формировались съ цѣлью привлеченія на сторону Австріи и Германіи населенія Царства Польскаго. Однако, всѣ слои населенія нашего края проявили ясное пониманіе задачъ великой исторической минуты и, на попытки этихъ отрядовъ, отвѣчали самымъ рѣшительнымъ отпоромъ.

Ни къ чему не привела и интрига австрійскаго правительства, стремящагося поставить эти отряды подъ протекторатъ всѣхъ политическихъ партій Галиціи. Нынѣ окончательно выяснилось, что возставали противъ организаціи «стрѣлецкихъ отрядовъ» не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ польскихъ областяхъ Пруссіи и среди большинства нашихъ австрійскихъ соотечественниковъ».

Польско-австрійскіе легіоны, вторгшіеся въ предѣлы русской Польши, успѣха не имѣли, но, однакоже, кое-гдѣ ихъ ряды пополнились русскими поляками, «увлеченными націо-

---

[1]) „Польскій національный комитетъ“ нѣсколько неточенъ, говоря, что созданные Австріей польскіе вооруженные отряды набраны „изъ неосвѣдомленной молодежи“. Напротивъ, въ эти отряды охотно поступали лица далеко не первой молодости, что, напримѣръ, видно изъ фотографіи „курса для инструкторовъ стрѣлецкихъ дружинъ во Львовѣ“, помѣщенной въ № 8, 1913 года, краковскаго журнала „Nowosci Illustrowane“. Изъ статьи, объясняющей фотографію, видно, что въ различныхъ стрѣлецкихъ организаціяхъ Галиціи не было недостатка въ мужчинахъ среднихъ лѣтъ, а одному инструктору было даже 54 года.

нальными лозунгами». Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что, хотя австрійскія надежны на всевозможныя стрѣлецкія организаціи Галиціи во время войны не оправдались, но все же извѣстное содѣйствіе австрійскому генеральному штабу онѣ оказали, такъ какъ въ мирное время усиленно шпіонили въ предѣлахъ Россіи, доставляя свѣдѣнія австрійскимъ военнымъ властямъ.

Подготовка боевыхъ кадровъ для будущихъ легіоновъ въ Галиціи началась со временъ аннексіи Босніи и Герцеговины, когда опредѣлилась неизбѣжность вооруженнаго столкновенія Россіи съ Австріей, причемъ, на первыхъ порахъ, польскіе крайніе націоналисты и соціалисты работали независимо другъ отъ друга. Австрійское правительство учло могущую быть выгоду отъ польской затѣи, почему скрытно содѣйствовало подготовкѣ польскихъ стрѣлецкихъ кадровъ. Благодаря поощренію австрійскаго правительства, уже въ 1913 году «разныя стрѣлецкія организаціи въ Галиціи развивались все больше и больше и охватили не только городское населеніе, но даже получили широкое распространеніе въ польской деревнѣ. Рядомъ со стрѣлецкими союзами, дружинами Бартоша и деревенскими соколами, появились организаціи «народной лиги», съ курсами для инструкторовъ... Результаты курсовъ были весьма успѣшны» [1]).

Первоначальнымъ зародышемъ вторгнувшихся къ намъ польскихъ легіонеровъ были спортивныя общества «соколовъ», съ перваго же дня своего существованія носившихъ военный характеръ. Нѣсколько позже, когда «національный рабочій союзъ»,—этотъ боевой авангардъ «польскихъ народовцевъ»,—завелъ дружины «боевиковъ», галиційскіе «сокола» сблизились съ «союзомъ» и въ большинствѣ случаетъ слились съ боевиками. Успѣшная дѣятельность народовцевъ побудила, такъ называемую, революціонную фракцію польской соціалистической партіи также заняться приготовленіемъ инструкторовъ и

---

[1]) См. указанную статью въ журналѣ „Nowosci Illustrowane“.

руководителей для будущихъ польскихъ легіонеровъ. Съ указанной цѣлью въ концѣ 1908 года, въ Краковѣ, былъ основанъ «союзъ активной борьбы», открывшій во многихъ пунктахъ «школы инструкторовъ», въ которыхъ, между прочимъ, преподавались различныя свѣдѣнія, чисто военнаго характера, какъ-то: свѣдѣнія объ оружіи, взрывчатыхъ веществахъ, устройствѣ мостовъ и полевыхъ телефоновъ, а равно пріемы разрушенія желѣзнодорожныхъ и иныхъ сооруженій, имѣющихъ военное значеніе. Боясь, на первыхъ порахъ, за существованіе «союза», руководители «революціонной фракціи» вошли въ соглашеніе съ австрійскимъ генеральнымъ штабомъ и обязались въ его пользу производить самое широкое шпіонство въ пограничныхъ областяхъ Россіи, для чего въ школахъ инструкторовъ стали преподаваться соотвѣтствующія свѣдѣнія, необходимыя для успѣшнаго выполненія тайной развѣдки. Связь польскихъ соціалистовъ съ военнымъ министерствомъ Австріи еще болѣе упрочилась съ 1911 года, т. е. со времени открытія «союзомъ» легализированныхъ спортивныхъ стрѣлковыхъ обществъ. Занятія этихъ обществъ происходили подъ руководствомъ австрійскихъ офицеровъ, на стрѣльбищахъ австрійскаго ландвера.

Какъ мы уже упоминали, крайнія польскія партіи въ Галиціи враждовали между собою, но въ декабрѣ 1912 года эта вражда прекратилась, результатомъ чего явилась, такъ называемая, «временная комиссія конфедераціонныхъ партій независимости». Въ цѣломъ рядѣ статей «временная комиссія» требовала пропаганды въ рядахъ рекрутовъ польской національности и веденія систематическаго шпіонства въ Россіи.

Задачи и цѣли дѣятельности «временной комиссіи» обстоятельно изложены въ меморандумѣ, представленномъ въ іюлѣ 1913 года ея депутатами лондонской конференціи пословъ.

По свѣдѣніямъ газеты «Zeit», въ которой впервые появился текстъ меморандума [1]), «временная комиссія», въ качествѣ

[1]) См. статью „Революціонное броженіе въ русской Польшѣ“, въ вечернемъ выпускѣ „Zeit“, отъ 9 іюля 1913 г. (№ 3874). Изъ столичной пе-

«верховнаго управителя дѣлъ», объединяетъ «всѣ партіи въ Польшѣ, въ Галиціи—польскую прогрессивную партію польскихъ соціалъ-демократовъ и польскую народную партію» (людовцевъ). «Временная комиссія» открыла отдѣленія въ Варшавѣ, во Львовѣ, Краковѣ, Парижѣ и въ Лондонѣ. «Подготовительныя работы временной комиссіи, замѣчаетъ «Zeit», окончены и настаетъ время къ активнымъ дѣйствіямъ, первый шагъ къ которымъ только что сдѣланъ».

Въ меморандумѣ временной комиссіи, между прочимъ, говорится:

«Начиная съ 1908 года, польское населеніе Россіи, принадлежащее даже къ умѣреннымъ партіямъ, пришло къ заключенію, что только вооруженная борьба можетъ освободить страну отъ порабощенія. Подъ вліяніемъ этой мысли образовываются тайныя военныя корпораціи, которыя ставятъ своей цѣлью военное воспитаніе и организацію населенія для общаго возстанія. Эти организаціи ожидали только случая, чтобы начать свою дѣятельность въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Этотъ случай и представился въ концѣ прошлаго года. Когда вырисовалась возможность австро-русской войны, то тотчасъ началось подготовленіе вооруженнаго возстанія противъ Россіи, которое должно было вспыхнуть одновременно съ началомъ военныхъ дѣйствій. Съ этой цѣлью произошло соглашеніе всѣхъ пяти политическихъ партій въ русской Польшѣ и трехъ политическихъ партій въ Галиціи, которыя всѣ поставили себѣ цѣлью оторвать русскую Польшу отъ Россіи. Всѣ эти партіи создали временную комиссію, которая и взяла на себя подготовительныя дѣйствія къ возстанію, а въ моментъ возстанія должна будетъ замѣнять собою національное правительство. Десятки тысячъ польскихъ студентовъ, рабочихъ и крестьянъ подготовлены къ войнѣ и готовы по первому призыву идти въ бой за національное дѣло. И сегодня еще, когда уже миновали ближайшіе виды на войну, въ этихъ людяхъ

чати меморандумъ былъ приведенъ въ „Нов. Вр.“, и, въ сокращенномъ видѣ, въ „Рѣчи“.

съ одинаковой силой и воодушевленіемъ живетъ энтузіазмъ, образующій все болѣе и болѣе возрастающую армію и никакія преслѣдованія не будутъ въ состояніи уничтожить ее».

Строго говоря, временная комиссія въ своемъ меморандумѣ не сказала ничего новаго—она лишь систематизировала «націоналистическіе лозунги», процвѣтавшіе среди польской ирредепты. Вспомнимъ хотя бы статью вождя народно-демократической партіи Студницкаго, напечатанную лѣтомъ 1912 года въ чешской газетѣ «Samostatnost», въ объясненіе причинъ, почему польскіе сокола не могли принять участіе въ слётѣ славянскихъ соколовъ въ Прагѣ.

«Польская ирредента», говорилъ онъ, «эта душа души польскаго народа, не направлена противъ Германіи, а противъ Россіи, и только противъ одной Россіи. Поляки не могли ѣхать въ Прагу на торжества, на которыхъ присутствовали представители двойственнаго союза, русскаго и французскаго правительствъ. Европа живетъ подъ угрозой русско-австрійской войны. Если бы поляки въ этомъ конфликтѣ приняли сторону Россіи, они оказались бы подлѣйшими изъ всѣхъ, оподленныхъ рабствомъ, народовъ. Для польской ирредепты мысль объ русско-австрійской войнѣ соединяется съ мечтами о великихъ польскихъ дѣлахъ, которыя своими размѣрами приведутъ въ изумленіе весь міръ. Мы будемъ уничтожать военные русскіе склады и транспорты, перерѣзывать сообщенія и вызывать всевозможныя бѣдствія».

Дѣйствительно, начиная съ января 1913 года, послѣдовалъ цѣлый рядъ выступленій зарубежныхъ поляковъ, относительно необходимости присоединенія Царства Польскаго къ Австріи, какъ то: резолюція станиславовскихъ народныхъ учителей, парижскаго съѣзда польской молодежи и т. д. Около того же времени «вшехполякъ» депутатъ Заморскій на страницахъ народнаго журнала «Wieniec-Pszczółka» открыто заявилъ о необходимости вооруженнаго возстанія противъ Россіи, въ случаѣ войны ея съ Австріей, чтобы добиться отторженія Царства Польскаго. Въ Февралѣ 1913 года журналъ «Krytyka»

уже подѣлилъ русскую Польшу между Австріей и Германіей. Въ апрѣлѣ 1913 года, въ рейхстагѣ, польскій депутатъ графъ Мѣльжинскій напомнилъ, что польское коло всегда стояло за интересы Австріи и польская фракція поддержала австрійское правительство во время аннексіи Босніи и Герцеговины. Въ маѣ, предсѣдатель польскаго кола въ австрійскомъ парламентѣ Лео заявилъ о готовности всѣхъ поляковъ принести всѣ жертвы для поддержанія Австріи въ возможной войнѣ съ Россіей...

Къ чести русскихъ поляковъ должно замѣтить, что «интриги австрійскаго правительства не подняли населенія Царства Польскаго», что выкрики господъ Лео не были слышны по сю сторону границы, что нынѣ русскіе поляки,—скажемъ словами «польскаго національнаго комитета»,—«даже въ мало освѣдомленныхъ политическихъ кругахъ понимаютъ, что немногія лица, возлагавшія надежды на Австрію, руководились ошибочнымъ разсчетомъ на австрійскую самостоятельность. Они упустили изъ виду, что Австрія превратилась въ послушное орудіе прусской политики.

Нынѣ всѣ усилія русскихъ поляковъ направлены на посильную помощь дѣлу разгрома Германіи. Молодежь польская воодушевленно вливается въ русскую армію, въ рядахъ коей доблестно сражаются среди тысячъ сыновъ польской земли; польское населеніе всѣми доступными способами содѣйствуетъ русской арміи въ борьбѣ съ могучимъ врагомъ; бѣдствія войны, столь тяжело обрушившіяся на нашу землю, опустошеніе, разореніе и нищету мы спокойно выносимъ, окрыляемые свѣтлымъ будущимъ отчизны. Насъ,—увѣряетъ воззваніе,—могущество врага не устрашило даже тогда, когда онъ придвинулся къ стѣнамъ нашей столицы. Онъ не прельстилъ насъ своими обѣщаніями. На его силу мы отвѣтили непоколебимымъ спокойствіемъ, на обѣщаніе—презрѣніемъ» [1]).

Изложенныя нами обстоятельства значительно облегчали нѣмецкимъ штабамъ вербовать своихъ агентовъ изъ числа цо-

---

[1]) Полный текстъ воззванія см. напр. „Нов. Вр.“ 15 ноября 1914 г.

ляковъ, во всѣхъ трехъ имперіяхъ. За послѣдній десятокъ лѣтъ среди изобличенныхъ шпіоновъ мы можемъ назвать слѣдующія фамиліи: Радзиминскіе, Цегельскій, Рычковскій, Попликовскій, Кравчикъ, Вильтосинскій, Кочаровскій, Поликста, Цишевскій, Венцковскій, Смерчинскій, Сметекъ, Гржищинскій, Хованецъ, Гельвегеръ, Селецкій и др. [1]).

Цитированный нами подполковникъ Ролленъ указываетъ, что среди инородцевъ легко найти людей, продающихъ свою родину ради наживы. Если эти слова не могутъ относиться вообще ко всѣмъ инородцамъ, то въ отношеніи евреевъ онѣ болѣе чѣмъ справедливы. Евреи, по своимъ національнымъ качествамъ, являются прекрасными шпіонами, охотно избирающими этого рода спеціальность, благодаря относительной легкости наживы. Во французской арміи въ роли шпіоновъ стяжали себѣ печальную извѣстность Дрейфусъ и лейтенантъ Ульмо. У насъ, хотя столь громкихъ еврейскихъ именъ въ лѣтопись шпіонскихъ дѣлъ не внесено, зато мы можемъ на-

---

[1]) О зарубежной подготовкѣ польскихъ стрѣлецкихъ легіоновъ—см. рядъ корреспонденцій изъ Кракова въ „Русскомъ Словѣ“ (1913 г. №№ 8, 19, 29, 33, 49 и др.); корреспонденцію „Нов. Вр.“ изъ Житоміра (1912 г. № 13206) и отчеты о польскомъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ, печатавшіеся въ газетѣ „Згода“, въ Чикаго, 1910 г. №№ 112—115. При посредствѣ бюро газетныхъ вырѣзокъ мы дважды просили редакцію „Згоды“ выслать намъ эти нумера газеты, но оба раза не получили даже отвѣта. Затѣмъ, по нашей просьбѣ, одна петроградская редакція затребовала комплектъ газеты за весь годъ, на что было получено предложеніе командировать кого-либо въ Чикаго для ознакомленія съ интересующимъ вопросомъ, по тѣмъ, якобы, соображеніямъ, что въ редакціи „Згоды“ за 1910 г. остался одинъ лишь комплектъ газеты. Мы имѣли возможность выполнить и это условіе, но тогда редакція польской газеты уже безъ всякихъ объясненій отказала явившемуся лицу выдать для просмотра газету. Отчеты „Згоды“ вошли въ „очеркъ перваго національнаго конгресса въ Вашингтонѣ въ маѣ 1910 года“ съ историческимъ очеркомъ польской эмиграціи въ Америкѣ, составленный Ромуальдомъ Піонтковскимъ и изданный въ Чикаго. Этотъ „очеркъ“ представляетъ весьма объемистый томъ, украшенный иллюстраціями. Судя по отмѣткамъ, на имѣвшемся у насъ экземплярѣ, очеркъ Піонтковскаго въ свободную продажу не поступалъ, а, будучи распространенъ исключительно въ польскихъ кругахъ, представляетъ своего рода тайну.

звать значительно большее число лицъ, какъ напримѣръ: Мордку Рынду, Абрама Грубмана, Цукермана, Бейля Бергерфрайда, Соломона Лунда, Шлему Розенкранца, братьевъ Альтеръ, Лейвика Альтшуля, Шимсе Липшица, Гольдберга, Сегаловича, Рабиновича, Кауфмана, Штейна, Хана, Хаю Голду Бенгельсдорфъ съ дочерьми и т. д.

Въ настоящей войнѣ, судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя попадаютъ въ печать, нѣмецкія войска пользуются большими симпатіями евреевъ, высматривающихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, расположеніе русскихъ войскъ. Чтобы судить о размѣрахъ еврейскаго шпіонства, достаточно припомнить репрессивныя мѣры, принятыя въ отношеніи ихъ генералъ-губернаторомъ Галиціи, открыто назвавшимъ евреевъ шпіонами.

Наши офицеры съ самаго начала войны жаловались на евреевъ. Одинъ ротный командиръ говоритъ: «когда мы шли черезъ Львовъ, въ Вѣнѣ былъ извѣстенъ каждый нашъ шагъ: жиды все передаютъ,—у нихъ правильное сообщеніе и за очень небольшую плату» [1]).

Галиція отнюдь не является исключительнымъ очагомъ еврейскаго шпіонства. Нѣтъ, это явленіе замѣчается по всему западному фронту нашихъ армій, что видно хотя бы по тѣмъ знакамъ вниманія, которые оказываютъ евреи войскамъ непріятеля. Такъ, напримѣръ, «при вступленіи нѣмцевъ въ Сувалки мѣстные евреи поднесли имъ хлѣбъ-соль съ выраженіемъ своей радости по поводу занятія города германскими войсками» [2]); установлено также, что и маріампольскіе евреи встрѣчали нѣмцевъ съ хлѣбомъ-солью [3]). Близъ одной нашей крѣпости былъ задержанъ приземнившійся нѣмецкій аэропланъ, на которомъ оказался германскій офицеръ и мѣстный еврей-провизоръ, въ качествѣ проводника, дававшій поясненія авіатору о расположеніи нашихъ крѣпостныхъ сооруженій.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 6 января 1915 г.
[2]) Ibid. 9 сентября 1914 г.
[3]) Ibid. 26 сентября 1914 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Нѣмецкій шпіонажъ и нѣмецкая промышленность.

Связь нѣмецкой заграничной промышленности съ нѣмецкими военными властями уже давно была отмѣчена печатью, но подробныхъ изслѣдованій поднятаго вопроса не производилось. Этотъ важный пробѣлъ восполняетъ французскій авторъ Леонъ Додэ, интересная книжка котораго «Передъ войной», имѣется въ русскомъ переводѣ г. Лагова.

Французскій авторъ знакомитъ насъ съ значительнымъ числомъ нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій во Франціи и приходитъ къ грозному выводу, что не только важные стратегическіе пункты нашихъ союзниковъ систематически окружались нѣмецкими форпостами, но что дѣло мирнаго завоеванія Франціи дошло до того, *что цѣлые отдѣлы національной ея обороны всецѣло находятся въ рукахъ германской промышленности.*

Нѣмецкое нашествіе, говорилъ Леонъ Додэ, ведется не на авось, а руководствуясь научно разработаннымъ планомъ. Нѣмецкіе выходцы, по словамъ автора, устраиваются съ полнымъ знаніемъ дѣла; они предварительно обезпечиваютъ себѣ всѣ рессурсы, которые можетъ дать имъ захватываемая территорія, а затѣмъ уже расширяютъ область дѣйствія. Конечно, было бы преувеличеніемъ утверждать, что каждое нѣмецкое промышленное предпріятіе преслѣдуетъ стратегическія цѣли, но въ то же время, замѣчаетъ не безъ основанія Додэ, было бы наивно думать, чтобы Германія не использовала своего

промышленнаго развитія въ интересахъ военныхъ операцій и чтобы къ ея плану экономическаго завоеванія не присоединялось разсчетовъ на послѣдующій вооруженный захватъ.

Подобный выводъ тѣмъ болѣе основателенъ, что въ распорядкахъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ предпріятій на первый планъ выдвигаются чисто военные интересы.

Додэ припоминаетъ 1870 годъ. Передъ войной въ Миленѣ существовалъ нѣмецкій пивоваренный заводъ Бартеля, пользовавшійся исключительно руками нѣмецкихъ рабочихъ. И что же вышло? Какъ только къ городу приблизились нѣмецкіе солдаты, рабочіе завода тотчасъ же присоединились къ нимъ, исполняя различныя второстепенныя функціи, по преимуществу служа проводниками войскъ, такъ какъ длительное пребываніе на заводѣ позволило имъ изучить окружающія окрестности. При настоящихъ условіяхъ, предупреждалъ Додэ, едва ли допустимо игнорировать подобную же возможность въ будущей войнѣ, тѣмъ болѣе, что во главѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ предпріятій, подъ видомъ комерсантовъ, стоятъ нѣмецкіе офицеры даже дѣйствительной службы; что подъ видомъ рабочихъ водворяются нѣмецкіе резервисты; что среди этихъ рабочихъ были обнаружены завѣдомые шпіоны; что, наконецъ, столь солидное предпріятіе, какъ «Орэнштейнъ и Коппель», откровенно проявило свои шпіонскія наклонности, благодаря чему, во избѣжаніе скандала, министерства военное и морское принуждены были исключить эту фирму изъ числа своихъ поставщиковъ.

Въ организаціи и развитіи нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій замѣчается нѣкоторый шаблонъ. Укрѣпившись за границей, въ данномъ случаѣ во Франціи, предпріятія все болѣе и болѣе принимали нѣмецкій оттѣнокъ: французскіе рабочіе понемногу замѣнялись нѣмецкими; акціи, если это акціонерное предпріятіе, сосредоточивались въ нѣмецкихъ рукахъ; правленіе общества все болѣе и болѣе онѣмечивалось, и въ скоромъ времени всплывали истинные руководители предпріятія—нѣмецкіе патріоты, проживавшіе гдѣ-нибудь въ

Германіи. Вмѣстѣ съ указанной метаморфозой начинала закрываться для глазъ постороннихъ наблюдателей внутренняя жизнь предпріятія. Дѣло доходило до того, что нѣкоторые нѣмецкіе заводы и фабрики «стереглись», по словамъ Додэ, какъ крѣпости, и проникнуть въ нихъ безусловно невозможно. Хотя нѣмецкіе рабочіе охотно братались съ французскими солдатами, но имъ строго воспрещалось что-либо сообщать постороннимъ лицамъ насчетъ организаціи предпріятія и протекающей въ немъ дѣятельности. Рабочимъ не разрѣшалось дѣлать чертежей, а равно какихъ-нибудь замѣтокъ. Несоблюденіе этихъ условій влекло потерю должности.

Въ связи съ указанными странностями, которыя, казалось бы, болѣе свойственны военной администраціи, чѣмъ коммерческому предпріятію, Додэ отмѣчаетъ исключительное тяготѣніе нѣмецкихъ промышленниковъ къ ближайшему сосѣдству съ пунктами, имѣющими какое-либо военное значеніе.

Такъ, напримѣръ, военный арсеналъ въ Пюто, въ которомъ секретно изготовляются различныя части къ 75 миллиметровой пушкѣ, отдѣляется только «маленькимъ переулкомъ» отъ нѣмецкаго общества подъ названіемъ «Лампа Осрамъ». Руководители общества умудрились совершенно окружить отдѣленіе главнаго арсенала, хотя для этого имъ пришлось скупать негодныя земли за очень высокую плату.

«Дѣло становится еще загадочнѣе, говоритъ разбираемый авторъ, если принять въ соображеніе, что въ Пюто совсѣмъ не изготовляются лампы Осрамъ; даже для исправленія ихъ отсюда отправляютъ въ Берлинъ. Поэтому становится весьма затруднительно объяснить все мѣстное оборудованіе этой фирмы лишь нуждами склада». Не менѣе удачное для нѣмцевъ положеніе занимаетъ фабрика химическихъ продуктовъ въ Ля-Мотъ-Брей, въ мѣстности, гдѣ «строятся и испытываются большинство французскихъ дирижаблей». Эта счастливая случайность пріобрѣтаетъ еще большее значеніе въ виду того, что французскіе дирижабли въ Ля-Мотъ-Брей и Мобёжѣ питаются газомъ, вырабатываемымъ на той же фабрикѣ.

Всякому понятно, какое огромное значеніе во время войны играетъ правильное функціонированіе желѣзныхъ дорогъ. Болѣе или менѣе значительное поврежденіе пути можетъ вызвать тяжелыя послѣдствія, даже катастрофу. Вотъ почему французскаго автора безпокоитъ насажденіе нѣмецкихъ форпостовъ по линіямъ наиболѣе важныхъ стратегическихъ путей. Какъ видно изъ словъ автора, въ этомъ направленіи работа нѣмцевъ идетъ весьма успѣшно.

Такъ, напримѣръ, нѣмецкій постъ въ Корбеѣ, подъ названіемъ «Большія Корбейскія мельницы», «въ одну ночь можетъ парализовать весь узелъ окрестныхъ желѣзныхъ дорогъ».

По сосѣдству съ важнымъ въ стратегическомъ смыслѣ Московскимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣку Йонну, на участкѣ Монтро-Труа, отдѣляясь лишь деревяннымъ заборомъ, расположенъ нѣмецкій заводъ химическихъ продуктовъ братьевъ Меркъ. Другой «довольно подозрительный нѣмецкій заводъ» находится по сосѣдству съ мостомъ Эпинэ; Бэзонскій мостъ сторожитъ нѣмецкая бумажная фабрика, а въ центрѣ развѣтвленія Аврикурской и Страсбургской стратегическихъ линій и въ трехъ километрахъ отъ фортовъ Рони-су-Буа и Роменвиля появился нѣмецкій заводъ «Геліосъ», зарекомендовавшій себя тѣмъ, что въ самый критическій моментъ Агадира весь высшій его персоналъ куда-то исчезалъ...

Долина Уазы положительно «наводнена» различными нѣмецкими предпріятіями. Объясненіе этому явленію Додэ нашелъ у нѣмецкихъ авторовъ, по словамъ которыхъ, вполнѣ оправдавшимся нынѣ, указанная долина должна была служить главнымъ путемъ наступленія нѣмецкой арміи къ Парижу.

Нѣмецкіе фабриканты во Франціи проявляли замѣтное стремленіе вытѣснить мѣстныхъ промышленниковъ, ведущихъ торговыя сношенія съ военнымъ и морскимъ министерствами. Конкурировать съ нѣмцами французы не могли, такъ какъ первыя назначали столь низкія цѣны, что онѣ врядъ ли даже могли оправдать всѣ расходы. «Слѣдовало бы, замѣчаетъ по

этому поводу нашъ авторъ, обсудить, не являются ли эти низкія, почти убыточныя цѣны нѣмецкихъ поставщиковъ—подозрительными; не назначены ли онѣ просто по совѣту или даже по приказу нѣмецкаго правительства, которому желательно имѣть свою руку въ нашей пограничной оборонѣ и мобилизаціи, чтобы ихъ можно было неожиданно парализовать».

Огромную услугу нѣмецкому шпіонству во Франціи оказывала обширная освѣдомительная организація Шиммельпфенга, которая вела дѣло подъ видомъ конторъ для торговыхъ и промышленныхъ справокъ. Агентство Шиммельпфенга около 20 лѣтъ работало безпрепятственно во Франціи и эта безпечность нашихъ союзниковъ дала возможность *берлинскому главному правленію* агентства открыть во Франціи цѣлый рядъ своихъ отдѣленій. Агентство Шиммельпфенга давало нужныя справки за весьма низкую плату и его доходы «завѣдомо не могутъ оправдать его расходовъ». Зато собранный этой организаціей матеріалъ имѣетъ огромную цѣнность для нѣмецкихъ военныхъ властей, такъ какъ даетъ полную возможность оріентироваться по части потребныхъ войскамъ свѣдѣній, какъ-то по части: скота, лошадей, зерна, фуража и пр. Сверхъ того, у Шиммельпфенга собраны «точнѣйшія данныя о наличности французскихъ сбереженій», что поможетъ Нѣмцамъ, въ случаѣ новой побѣды, «дочиста опорожнить въ свои фургоны всѣ сбереженія трудолюбиваго и экономнаго французскаго народа». Наконецъ, въ агентствѣ имѣлся спеціальный секретный отдѣлъ, вѣдавшій свѣдѣніями касательно офицеровъ французской арміи, военнаго дѣла вообще и настроенія войскъ.

Альфредъ Додэ сообщаетъ пикантную подробность по поводу этой пресловутой организаціи: главные доносчики генерала Андрэ по политическому сыску среди офицеровъ въ то же время, какъ оказалось, были самыми прилежными агентами Шиммельпфенга [1]).

[1]) У насъ, въ Петроградѣ, до войны дѣйствовалъ аналогичный же „институтъ Шиммельпфенга“, занимавшійся шпіонствомъ подъ видомъ

Среди нѣмецкихъ шпіоновъ, говоритъ нашъ авторъ, числится значительное количество евреевъ, въ частности, евреевъ изъ русской Польши.

Насъ заинтересовала личность «еврея изъ Варшавы» Цуккермана. Этотъ Цуккерманъ, по словамъ автора, всегда отличался дѣловитостью, но, замѣчаетъ Додэ, «если пристально присмотрѣться къ дѣятельности Цуккермана, то можно придти въ изумленіе отъ его развязности и попустительства французскихъ судовъ и военныхъ властей».

Читая эти строки, мы припомнили, что лѣтъ 10—12 назадъ варшавскимъ военнымъ судомъ былъ приговоренъ къ сравнительно непродолжительному заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ (кажется, на $1^1/_2$—2 года) *варшавскій еврей Цуккерманъ*. Отбывъ срокъ заключенія, этотъ Цуккерманъ куда-то скрылся. Не былъ ли онъ переведенъ прусскимъ генеральнымъ штабомъ на новое мѣсто служенія—во Францію?

Между прочимъ, намъ вспоминается, что Цуккерманъ имѣлъ непреодолимое влеченіе укрѣпиться возлѣ большого моста черезъ Вислу, въ Варшавѣ. Съ этою цѣлью онъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи устроить ему грузоподъемный кранъ и когда его ходатайство было отклонено, то онъ все же построилъ этотъ кранъ у самаго моста, вверхъ по рѣкѣ.

Додэ въ своей книжкѣ дѣлалъ грозныя предостереженія. О томъ, въ какой степени эти предостереженія автора были основательны, мы, конечно, узнаемъ позже, но, судя по тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя французское правительство примѣнило въ отношеніи всѣхъ нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій, можно думать, что Леонъ Додэ своимъ изслѣдованіемъ попалъ въ Ахиллесову пяту нѣмецкаго шпіонажа во Франціи.

Отмѣченныя французскимъ авторомъ шпіонскія наклонности нѣкоторыхъ нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій

справочной и коммерческой кредитной конторы. Подобныя коммерческія конторы являлись однимъ изъ излюбленныхъ способовъ нѣмецкаго шпіонства.

обнаружены и въ другихъ странахъ. Напримѣръ, въ началѣ 1914 года въ Японіи была раскрыта обширная организація нѣмецкаго шпіонства, въ которой оказались замѣшанными служащія отдѣленія нѣмецкой фирмы Сименсъ и Шуккертъ, обслуживавшей нужды японскаго флота и корреспондентъ телеграфнаго агентства Рейтера, Пулей.

Говоря въ общихъ словахъ, дѣятельность Пулея и его соучастниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Служащій названной выше нѣмецкой фирмы въ Токіо Рихтеръ, похитивъ изъ конторы нѣкоторые секретные документы, касающіеся поставокъ японскому флоту, передалъ Пулею, а фотографическія копіи ихъ увезъ въ Германію, съ цѣлью сообщить генеральному штабу.

Пулей вошелъ въ соглашеніе съ дирекціей фирмы Сименсъ и Шуккертъ и за 50.000 іенъ уничтожилъ, въ присутствіи представителя фирмы, компромитирующіе ее документы. Получивъ «отступное», Пулей отказался выдать Рихтеру слѣдуемую часть, въ виду чего послѣдній, будучи уже въ Германіи, потребовалъ отъ фирмы «Сименсъ и Шуккертъ» за имѣвшіяся у него копіи чертежей извѣстную сумму денегъ. Возникъ споръ, благодаря которому дѣло получило огласку [1]).

Въ Англіи съ возникновеніемъ войны была раскрыта шпіонская организація, созданная и субсидированная германскими генеральнымъ штабомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Главную дѣйствующую роль въ этой организаціи, подъ главенствомъ фирмы Круппа, играли нѣмецкія торговыя фирмы, какъ-то: Сименсы, Шуккерты, Гальске и другія.

Идущая война показала до какихъ колоссальныхъ размѣровъ успѣлъ развиться въ несчастной Бельгіи нѣмецкій шпіонажъ и это исключительно благодаря тому, что бельгійцы предпочитали нѣмецкихъ промышленниковъ, какъ болѣе дешевыхъ,

[1]) Во время уже войны, въ декабрѣ 1912 года, въ Японіи же, была раскрыта вновь широко раскинутая сѣть нѣмецкаго шпіонства, во главѣ которой стоялъ директоръ восточно-азіатскаго германскаго банка въ Іокогамѣ.

своимъ и прочимъ иностранцамъ. Нѣмецкіе техники по всей странѣ были заняты различными работами. «Напримѣръ, въ Льежѣ всѣ частныя водопроводныя и канализаціонныя работы производились фирмою «Бр. Вольфъ и Гольдбахъ» въ Мейнингенѣ; въ Намюрѣ, по заказу городского совѣта, фирма Круппа ставила резервуары для нефти, а Артуръ Мейзель огнестойкія сооруженія для храненія бензина; въ горнопромышленныхъ районахъ нѣмецкія техническія конторы по дешевымъ цѣнамъ принимали заказы на бетонированіе шахтъ, на асфальтированіе улицъ, канализаціонныхъ колодцевъ, мощеніе и шоссированіе дорогъ и устройство теплыхъ бетонныхъ подваловъ подъ частными домами.

Теперь во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такъ дешево и хорошо работали нѣмцы, оказались цементныя площадки для тяжелыхъ орудій, тайные склады динамита, пороха, бензина, телеграфныя станціи, тайные телефоны и прочія приспособленія, нужныя для военныхъ цѣлей.

Въ Брюсселѣ, въ одномъ изъ бетонныхъ подваловъ, бельгійцы нашли цѣлый складъ медицинскихъ и пищевыхъ припасовъ, запасенныхъ на тотъ случай, если бельгійцы, покидая столицу, увезутъ или уничтожатъ всѣ запасы.

Во время одной вылазки изъ Антверпена бельгійцами былъ взятъ въ плѣнъ нѣмецкій техникъ Шольцъ, исполнявшій въ разныхъ городахъ Бельгіи излюбленныя нѣмцами канализаціонныя работы. Плѣнникъ чистосердечно сознался, что въ работахъ нѣмецкихъ фирмъ болѣе всего было заинтересовано германское военное министерство, которое и уплачивало фирмамъ суммы, теряемыя ими при полученіи по дешевымъ цѣнамъ подрядовъ»[1]).

Союзническія начала, связующія германскую промышленность съ германскими министерствами, военнымъ и иностранныхъ дѣлъ, всплыли наружу съ возникновеніемъ войны, когда тяжелое положеніе Германіи принудило сорвать фиговыя листки

---

[1]) См. „Веч. Вр.“ 10 октября 1914 г.

со многихъ отраслей дѣятельности ея сыновъ. Изъ различныхъ нейтральныхъ странъ сообщаютъ, что въ распространеніи ложныхъ извѣстій, фабрикуемыхъ въ Берлинѣ, принимаютъ участіе почти всѣ крупныя германскія фирмы, какъ напримѣръ, Вертгеймъ, автомобильныя фирмы, Deutsche Linoleum und Wachstuch Compagnie, Кенигъ и Фрейндъ, фабриканты мясныхъ и овощныхъ консервовъ, Грюнъ и Списъ — фабриканты кухонной и металлической посуды, Круппъ въ Грузонверкѣ, которыя посылаютъ своимъ заказчикамъ пространныя письма съ описаніемъ австрійскихъ и германскихъ побѣдъ во всѣхъ частяхъ свѣта и кипы печатный лжи, носящей штемпеля или главнаго штаба въ Берлинѣ, или Handelstaga, союза германскихъ промышленниковъ и коммерсантовъ.

Въ началѣ марта 1915 года агентская телеграмма сообщила о томъ, что англійскимъ дипломатамъ удалось установить тѣсную связь между чинами германскаго консульства и агентами нѣмецкой фирмы Венкгаузъ съ цѣлью облегчить туркамъ вторженіе въ Персію и поднять нѣкоторыя персидскія племена противъ англичанъ.

Въ исключительно тѣсныхъ сношеніяхъ съ германскимъ военнымъ министерствомъ стояла фирма Круппъ, главѣ которой императоръ Вильгельмъ оказывалъ особое вниманіе. Заслуги Круппа передъ германскимъ генеральнымъ штабомъ весьма разнообразны, начиная отъ сооруженія военныхъ построекъ въ иностранныхъ государствахъ и кончая шпіонствомъ ея служащихъ. Въ этомъ смыслѣ надлежитъ отмѣтить поѣздку въ іюнѣ прошлаго года (съ 14 по 24) представителя фирмы фонъ-Роллена по Англіи и Шотландіи, съ цѣлью сравненія дѣятельности верфей и военныхъ заводовъ Англіи съ соотвѣтствующими заводами Германіи. Фонъ-Ролленъ посѣтилъ Биркенхедъ, Бароу, Глазго, Ньюкестль, Шеффильдъ и едва закончивъ свой объѣздъ, поспѣшилъ въ Киль къ императору Вильгельму, который какъ-разъ готовился встрѣтить съ возможной пышностью и почетомъ англійскаго адмирала сэра Джорджа Уорендера. Германскій морской министръ фонъ-Тирпицъ также

находился въ Килѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая результатовъ поучительной поѣздки императорскаго шпіона.

Пользуясь услугами отечественной промышленности, германское правительство со своей стороны оказывало содѣйствіе побѣдоносному шествію нѣмецкаго капитала заграницей. Нѣмецкіе промышленники, по словамъ г. Бѣлова, твердо знали, что «черезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ они всегда могутъ найти сильную поддержку» своимъ, порою «дерзкимъ», домогательствамъ [1]). И эта увѣренность ихъ не обманывала. Самъ глава германской имперіи, Вильгельмъ 2-й, былъ лучшихъ другомъ нѣмецкихъ предпринимателей, что засвидѣтельствовалъ онъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей, произнесенной въ Любекѣ, вскорѣ послѣ бухарестскаго мира:

«Я,—со свойственной ему развязностью провозгласилъ германскій императоръ,—защищаю нѣмецкаго купца, гдѣ бы онъ ни былъ: его врагъ—и мой врагъ»!

Возможность отмѣченнаго нами единодушія между германской промышленностью и германскимъ правительствомъ будетъ вполнѣ понятна, если имѣть ввиду общую характеристику германскихъ капиталовъ заграницей. Въ книжкѣ бывшаго коммерческаго агента нашего правительства въ Германіи, г. Левина, этому вопросу посвящено нѣсколько талантливо написанныхъ страницъ.

«Нѣмцы, говоритъ названный авторъ, смотря на помѣщеніе капиталовъ за-границей, какъ на способъ распространенія сферы своего экономическаго и политическаго вліянія, доходятъ до крайностей въ этомъ своемъ увлеченіи. Созданіе имперіи ихъ ободрило, вселило въ нихъ сознаніе мощи и единства. Нынѣ уже нѣмецкіе идеалы выходятъ за предѣлы Германіи не только какъ государства, но и географически народной единицы («das geschlossene deutsche Sprach- und Siedelungsdebiet Mitteleuropas»): имъ представляется «das grössere Deutschland», въ которое входятъ свыше 30 милліоновъ нѣмцевъ, живущихъ

[1]) См. Б. Д. Бѣловъ „Лодзь“, Петр., 1892, стр. 9.

внѣ Германіи и, съ государственно-правовой точки зрѣнія отъ имперіи совершенно отдѣленныхъ. Они говорятъ уже теперь о «Deutsche Menschenkolonien unter fremder Herrschaft».

Дѣятельность нѣмецкихъ банковъ, по словамъ г. Левина, также отличается «ярко выраженнымъ патріотическимъ характеромъ: они исполнены сознаніемъ своего долга передъ родиной, они являются носителями, активными проводниками въ жизнь національныхъ задачъ.

Однимъ изъ главныхъ орудій расширенія сферы германскаго торговаго вліянія являются банки, которые организуютъ своего рода завоевательные походы. Германскіе банки изучаютъ и развиваютъ рынокъ, содѣйствуютъ всячески отечественному экспорту, захватываютъ концессіи съ энергичной помощью дипломатіи (недаромъ въ Германіи обычно подчеркивается «Fühlung» между банками и иностраннымъ вѣдомствомъ), служатъ каналами, по которымъ протекаютъ заказы нѣмецкой промышленности. Германскій капиталъ банки направляютъ, заставляютъ работать въ согласіи съ политическими интересами родины, организуютъ его на чужбинѣ» [1]).

Задумывая разгромъ Европы, германское правительство «подготовляло войну и съ финансовой точки зрѣнія», какъ-то значится въ программѣ военной партіи. Прежде всего, германскіе банки къ началу іюля 1914 года должны были стянуть въ страну елико возможно большее количество золота, что имъ удалось исполнить блестяще: «Ровно за два мѣсяца до войны, т. е. въ концѣ мая, нѣмецкій Reichsbank разослалъ всѣмъ банкамъ циркулярное предложеніе увеличить ихъ наличность до такого размѣра, чтобы она равнялась 10% банковскихъ вкладовъ.

Мѣра эта, объявленная заботой о курсѣ нѣмецкихъ бумагъ, вызвала колоссальный притокъ золота въ Германію. Не только всѣ нѣмецкіе банки потребовали изъ-за границы свои вклады, но и многіе изъ нихъ сами обратились къ своимъ заграничн-

[1]) См. И. И. Левинъ, „Германскіе капиталы Россіи". Петр., 1914 г., стр. 47 и сл.

нымъ коллегамъ за временной, якобы, помощью». Среди русскихъ «коллегъ» наиболѣе горячо отозвался на призывъ нѣмцевъ петроградскій Азовско-Донской банкъ, но, конечно, «утечка» золота въ Германію этимъ лишь банкомъ не ограничилась, такъ какъ въ Россіи имѣется 9 банковъ, находящихся частью «въ сферѣ» нѣмецкаго вліянія, а частью состоящихъ въ прямой зависимости отъ германскихъ капиталовъ [1]).

«Откачка золота изъ Франціи, Россіи и Англіи производилась и другими способами: съ весны еще Германія начала выбрасывать на рынокъ русскія и французскія цѣнности. Ощущавшійся до войны упорный сползень биржевыхъ цѣнъ, въ причины котораго тщетно старались проникнуть финансисты, крахъ на биржѣ при процвѣтаніи въ дѣлахъ—дѣло нѣмецкой предусмотрительности. Кайзеръ приказалъ къ концу іюля стянуть максимумъ золотой наличности. Ее и стянули. Но нѣмцамъ при этой оказіи захотѣлось нажить, и они запродали массу товара въ бланкъ» [2]).

Обращаясь къ русской дѣйствительности, должно прійти къ тому же выводу, что и въ нашихъ предѣлахъ германскій генеральный штабъ использовалъ нѣмецкую промышленность въ цѣляхъ шпіонства. Сопоставляя перечисленныя выше нѣмецкія фирмы, изобличенныя въ шпіонствѣ во Франціи, Англіи и Бельгіи съ одноименными «Шуккертами», «Артурами Коппель», «Сименсами и Гальске», «Всеобщей компаніей электричества», и т. д., и т. д. дѣйствующими у насъ, было бы непростительнымъ оптимизмомъ предполагать, что всѣ эти «нѣмецкіе патріоты», безъ всякой видимой причины, будутъ въ Россіи отступать отъ линіи національной политики, освященной ихъ кайзеромъ. Россія, конечно, не представляетъ какого-либо исключенія и нѣмецкая промышленность преслѣдовала

---

[1]) Объ отношеніяхъ русскихъ банковъ къ германскимъ см. Левинъ, указ. сочиненіе и А. Н. Закъ, Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. Петр., 1914 г. стр. 48 и сл.

[2]) См. „Русс. Слово“ 22 октября 1914 г.

тѣ же самыя цѣли, что и въ союзныхъ намъ странахъ. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность нѣмецкихъ капиталистовъ у насъ была самая разнообразная. Отмѣтимъ сперва узко шпіонныя цѣли. Только война показала, какое количество нѣмецкихъ офицеровъ было водворено въ Россію подъ видомъ различнаго рода служащихъ на заводахъ, фабрикахъ, въ конторахъ и т. п. промышленныхъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, во главѣ «русскаго общества электрическихъ акумуляторовъ Тюдоръ», являющагося по существу всего лишь филіальнымъ отдѣленіемъ нѣмецкой фирмы «Берлинъ-Гагенъ», стоялъ германскій кавалерійскій офицеръ Вейследеръ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Пурталесомъ; директоръ акціонернаго общества варшавской фабрики ковровъ нѣкій Корфъ превратился съ началомъ войны въ офицера германской службы, затѣмъ, нѣмецкими офицерами оказались: Шаркъ—директоръ писчебумажной фабрики Варгунина; Гервагеръ—техническій директоръ «общества соединенныхъ кабельныхъ заводовъ»; Дикъ—собственникъ «русскаго книжнаго товарищества Дѣятель»; Бонмюллеръ и Шаурингъ—завѣдывали торговыми агентами «Т-ва Культура», принадлежащаго лейпцигскимъ нѣмцамъ Гансу, Артуру и Герману Мейерамъ; либавскій бомбометатель лейтенантъ фонъ Шенкъ — русскій землевладѣлецъ и лѣсопромышленникъ; Глевеке—инспекторъ страхового общества; лейтенантъ Тильмансъ — совладѣлецъ торговаго дома «Е. И. Тильмансъ и К°»; майоръ Эмиль Шпанъ, родной братъ г. Шпана, владѣльца «русскаго общества для изготовленія снарядовъ и военныхъ припасовъ», Клейнъ, управляющій фабрикой «Беккера и К°», въ Бѣлостокѣ; и т. д. и т. д., всѣхъ этихъ «ничтожныхъ лейтенантовъ» не перечесть.

Проживая въ Россіи въ качествѣ служащихъ торговыхъ предпріятій, нѣмецкіе офицеры заводили знакомства въ интересующихъ кругахъ общества и шпіонили безпрепятственно, сообщая добытыя свѣдѣнія подъ видомъ торговой переписки, каковой способъ сношенія весьма распространенъ среди нѣмецкихъ агентовъ.

Для примѣра этого рода корреспонденціи, приводимъ слѣдующее письмо шпіона:

«Любезный пріятель! Прошу вѣрить, что имѣю большія непріятности, не зная, что отвѣтить покупателямъ и какъ объяснить задержку въ исполненіи заказа. Очень и очень прошу васъ съѣздить на фабрику и обратиться къ рекомендованному вамъ приказчику съ просьбой приготовить товаръ какъ можно скорѣе. О цѣнѣ все равно не постою, о чемъ я писалъ вамъ неоднократно; однако, желательно было бы посмотрѣть пробу».

Бывали случаи, когда нѣмецкіе шпіоны, при ихъ задержаніи, обращались за «заступничествомъ» къ торговымъ фирмамъ, директора которыхъ,—быть можетъ, тѣ же германскіе офицеры, — пользуясь своими связями, ходатайствовали у надлежащихъ властей за ихъ участь. Слѣдующія телеграммы въ этомъ смыслѣ являются весьма характерными показателями цѣнности нѣмецкихъ свидѣтельствъ.

Телеграмма:

«6 іюня 189... года.

Іоганну Х. Варшава. Маршалковская №.

Господинъ Іоганнъ идите сейчасъ къ подполковнику жандармеріи Z. Скажите, что правда, что я бралъ для вашей фирмы гидравлическія работы и имѣлъ намѣреніе взять таковыя въ казармахъ. Отвѣтъ послать начальнику жандармеріи въ **».

Изъ слѣдующей телеграммы видно, что увертка удалась не совсѣмъ, такъ какъ «господину Іоганну» поручено вновь «просить подполковника Z офиціально телеграфировать начальнику жандармеріи въ **. Частный отвѣтъ недостаточенъ».

При первоначальномъ арестѣ заподозрѣннаго, въ особенности, въ томъ случаѣ, когда налицо не имѣется еще достаточныхъ уликъ, подобное удостовѣреніе администраціи «солидной» фирмы можетъ благопріятно повліять на судьбу шпіона, прикрывавшаго истинныя свои намѣренія подъ ли-

чиною коммерческаго агента, за каковыхъ выдавали себя, напримѣръ, изобличенные шпіоны Гельвегеръ, Цикерманъ, Пашке, Берціо, Энгель, Штейнертъ, капитанъ фонъ-Штюцнеръ и т. п. сотрудники нѣмецкихъ штабовъ.

Благодаря тому, что нѣмцы захватили въ свои руки области промышленности, обслуживающей нужды арміи и флота, германскій генеральный штабъ при посредствѣ своихъ офицеровъ, командированныхъ на фабрики и заводы, могъ черпать важныя военныя тайны. Являясь претендентомъ на какой-либо подрядъ или поставку, данное предпріятіе, естественно, должно было знакомиться съ соображеніями и разсчетами нашихъ военныхъ властей, носящими характеръ тайны. Одинъ опытный техникъ увѣрялъ насъ, что указаннымъ только что путемъ онъ берется собрать свѣдѣнія о состояніи обороны нашихъ крѣпостей, являющіяся военной тайной огромной важности. Такимъ образомъ, наша техническая отсталость вызывала въ жизни непримиримое противорѣчіе: съ одной стороны, принимая энергичныя мѣры къ усиленію своей военной мощи, мы озабочивались сохраненіемъ этихъ мѣръ въ тайнѣ внутри государства, чтобы онѣ не стали достояніемъ правительствъ Австріи или Германіи, а, съ другой стороны, осуществленіе предначертанныхъ военныхъ мѣропріятій отдавалось въ руки нѣмцевъ, т. е. какъ было сказано выше, въ руки офицеровъ германской арміи, положиться на скромность которыхъ было бы, въ лучшемъ случаѣ, только наивно. Съ особой яркостью отмѣченное нами противорѣчіе сказалось при осуществленіи малой судостроительной программы, такъ какъ Путиловская верфь, предназначенная исключительно для постройки судовъ русскаго флота, находилась въ полномъ вѣдѣніи нѣмцевъ, а именно, въ рукахъ габсбургской фирмы «Бломъ и Фоссъ». Директора верфи (Орбановскій, Бауеръ и Поль), начальники отдѣловъ, какъ, напримѣръ, военнаго судостроенія (Шиллингъ), большой и малой судостроительной верфи (Реймеръ и Фентъ), эллинговъ (Летчеръ), ихъ помощники, почти всѣ чертежники (свыше

100 человѣкъ), большая часть коммерческаго отдѣла, монтеры и даже многіе рабочіе,—исключительно были нѣмецкоподданные, прибывшіе изъ Германіи на верфь въ качествѣ помощниковъ морского министерства по возсозданію русскаго флота. При такомъ положеніи дѣла нечему было удивляться, что одинъ нѣмецкій журналъ напечаталъ полностію весь секретный законопроектъ о малой судостроительной программѣ *за два дня до разсмотрѣнія этого проекта въ закрытомъ засѣданіи Госуд. Думы.* Между тѣмъ, морской министръ считалъ означенную судостроительную программу особо секретной, въ виду чего проектъ съ соотвѣтствующими матеріалами былъ розданъ далеко не всѣмъ членамъ нашей законодательной палаты.

Счастливое положеніе, занятое германской промышленностью въ Россіи, внушило германскому генеральному штабу мысль использовать это обстоятельство въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ скромная роль шпіонства, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣмецкіе заводы предназначались у насъ сыграть роль очаговъ, откуда волна рабочихъ забастовокъ, въ нужный германскому военному министерству моментъ, должна была разлиться по всей Россіи. Попытки къ возбужденію трудовыхъ слоевъ народа въ дѣйствительности были сдѣланы, если припомнить, имѣвшія мѣсто, около половины марта 1914 года, массовыя отравленія работницъ, сперва на резиновыхъ петроградскихъ мануфактурахъ, а затѣмъ и на другихъ фабрикахъ. Непонятныя на первыхъ порахъ явленія получили совершенно новое освѣщеніе, когда было установлено, что на заводахъ, подверженныхъ указаннымъ обструкціямъ, въ химическихъ отдѣленіяхъ служили или завѣдывали ими германскіе подданные [1]).

---

[1]) Въ октябрѣ 1914 года, по постановленію судебнаго слѣдователя, заключенъ подъ стражу управляющій виннымъ складомъ братьевъ Фореръ на ст. Елисаветполь Адольфъ Фореръ, обвиняемый въ отпускѣ для нуждъ арміи винограднаго вина съ вредными для здоровья примѣсями.

Задачи германскихъ шпіоновъ не ограничивались этими размѣрами секретной дѣятельности. Въ ихъ кругъ обязанностей входило стремленіе нарушать ходъ нормальной заводской дѣятельности во время войны, первыми попытками къ чему были пожары, вспыхнувшіе безъ видимыхъ причинъ на заводахъ, исполняющихъ военные заказы, какъ-то на заводахъ: Леснера, Невскомъ, Сименса и Гальске, «Русскомъ для выдѣлки и продажи пороха», бывшемъ заводѣ Гужона, въ Москвѣ и др. [1]). Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить проволочки нѣмецкихъ заводовъ, чинимыя администраціей при выполненіи военныхъ заказовъ.

По этому поводу газеты сообщали рядъ интересныхъ свѣдѣній. Такъ, по словамъ «Веч. Времени» (14 декабря 1914 г.), на Выксунскихъ горныхъ заводахъ, владѣющихъ громадными лѣсными угодьями съ 30 тысячами населенія, «вырабатываются многіе предметы и матеріалы, нужные военному вѣдомству, а поэтому къ нимъ, въ началѣ еще войны, обратились съ усиленными заказами.

И что же? До сихъ поръ эти заводы, тормозя дѣло подъ разными предлогами, ни одного изъ этихъ заказовъ не только не исполнили, а даже и не приняли. Нарочно какъ будто время тянули. Дѣлалось это такъ нагло, что обратило на себя вниманіе мѣстной администраціи. Стали разслѣдовать, кому же эти заводы въ дѣйствительности принадлежатъ; заглянули въ списокъ акціонеровъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ общемъ собраніи 31 мая прошлаго года, и тутъ-то все выяснилось.

Разсмотрѣвъ этотъ списокъ, мѣстныя власти, гражданскія и военныя одинаково, пришли къ выводу, что при такомъ составѣ владѣльцевъ эти заводы будутъ и впредь «всячески тормозить дѣло поставки нужныхъ военному вѣдомству матеріаловъ», такъ какъ всѣ эти владѣльцы, отъ А. И. Лессинга до фонъ-Швенецаха, германскіе подданные, а трое русскихъ— просто служащіе, нанятые нѣмцами для маскировки».

[1]) О подобныхъ возможностяхъ мы говорили еще въ январѣ 1914 г. См. нашу статью: „Завоеванные заводы“ („Нов. Вр.“ 25 января).

Еще болѣе интересные факты всплыли наружу изъ закулисной дѣятельности акціонернаго общества «Б. Гантке», на заводахъ котораго изготовляются рельсы, лопаты, снаряды, колючая проволока и другіе предметы, необходимые въ обиходѣ арміи.

«Незадолго до войны всѣ акціи на сумму свыше 10 милліоновъ марокъ исчезли изъ портфеля общества и служащіе заводской конторы, поставленные нѣмецкимъ правленіемъ, не только отказались дать русскимъ акціонерамъ какія бы то ни было свѣдѣнія объ этомъ таинственномъ исчезновеніи, но прямо заявили, что всѣ торговыя книги увезены, отказали въ выдачѣ списка акціонеровъ, нужнаго для созыва общаго собранія, и только благодаря вмѣшательству варшавскаго оберъ-полицеймейстера списки эти русскими акціонерами были получены, но безъ адресовъ.

Русскіе акціонеры созвали общее собраніе, на которомъ выяснилось, что заводъ въ Ченстоховѣ работаетъ для нуждъ нѣмецкой арміи усиленнымъ образомъ, днемъ и ночью, что для большей успѣшности производства этого завода въ Ченстоховъ командированъ нѣмецкимъ правленіемъ общества «Б. Гантке» директоръ-распорядитель Робертъ Брандтъ, что заводы въ Саратовѣ и Екатеринославлѣ, изготовляющіе военные предметы, очень бы казалось необходимые для нашей арміи, умышленно сокращаютъ свое производство, что на варшавскомъ заводѣ, работающемъ въ непосредственномъ тылу арміи, число рабочихъ низведено до 1,000 человѣкъ, что юрисконсультъ общества, присвоившій себѣ распорядительную власть и болѣе крупные служащіе—нѣмецкіе ставленники—руководятся приказаніями, получаемыми отъ нѣмецкаго правленія изъ Берлина, кружнымъ путемъ черезъ Копенгагенъ, и туда же въ Берлинъ посылаютъ свои отчеты, русскимъ же акціонерамъ не сообщаютъ ничего. На этомъ собраніи русскихъ акціонеровъ было избрано новое правленіе, но служащіе общества не признаютъ его и никого изъ членовъ правленія не допускаютъ къ исполненію обязанностей» [1]).

[1]) См. „Нов. Вр.“ 6 января 1915 г. („Германскіе заводы въ Россіи“).

Приведенныя нами свѣдѣнія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на истинную подоплеку промышленнаго завоеванія нѣмцевъ, болѣе подробныя данныя о чемъ, вѣроятно, станутъ общимъ достояніемъ послѣ войны. Нѣмецкій шпіонажъ органически сросся съ нѣмецкою промышленностью, почему русскому народу въ будущемъ предстоитъ сдѣлать колоссальныя усилія, дабы оградить себя отъ предательскаго соглядатайства нѣмецкихъ торгашей. Какъ видно, вопросъ о нѣмецкомъ промышленномъ игѣ касается самыхъ жизненныхъ сторонъ государства, а потому, разрѣшая его, не должно останавливаться передъ принятіемъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ въ отношеніи нѣмецкаго капитала, тѣмъ болѣе, что, по ученію самихъ германцевъ, «война прекращаетъ существующіе между воюющими государствами договоры, имѣющіе характеръ юридическихъ сдѣлокъ, если эти договоры или въ отдѣльныхъ своихъ постановленіяхъ не заключены именно на случай войны» [1]). Нѣмецкія торговыя предпріятія заграницей пропитаны пангерманскими стремленіями, а потому при борьбѣ съ нѣмецкимъ торговымъ засиліемъ должно руководствоваться исключительно политическими видами, но отнюдь не гражданско-правовыми соображеніями [2]).

---

[1]) См. Листъ, „Международное право“. Русскій пер., стр. 226 и 388.

[2]) По затронутому въ настоящей главѣ вопросу см. также наши статьи въ „Нов. Врем.“: „Русскій патріотизмъ въ Польшѣ“ (№№ 12887, 12889, 12923, 12931 и 12938); „Нѣмецкій шпіонажъ и нѣмецкая промышленность“ (№№ 13423 и 13430); „Круппъ и военныя тайны Россіи“ (№ 13597); „Завоеванные заводы“ (№ 13604) и „Нѣмецкое иго“ (№№ 14023, 14030 и 14032).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмцы въ Россіи.

Пангерманизмъ въ Россіи.

Теперь уже не можетъ вызвать двухъ мнѣній вопросъ о томъ, что война съ Россіей официальной Германіей рѣшена была давно. Неизбѣжность этой войны обосновывалась пангерманистами, какъ долгъ передъ «тысячами братьевъ-нѣмцевъ, стонущихъ въ балтійскихъ губерніяхъ подъ игомъ славянъ». Идею рѣшительной борьбы съ «завистливой и хитрой имперіей Востока» сокровенно носилъ въ своей пылкой головѣ императоръ Вильгельмъ.

«Завѣты моихъ отцовъ», заявилъ онъ вскорѣ послѣ начала настоящей войны, «исполняются: настаетъ день, когда я долженъ перешагнуть во главѣ своихъ армій Вислу и Нѣманъ и присоединить къ своему царству коронныя земли Польши. Историческая ошибка прежнихъ властителей будетъ исправлена. И это сдѣлаемъ мы».

Бреславльская рѣчь германскаго императора является всего лишь заключительнымъ аккордомъ въ дикомъ воплѣ пангерманистовъ, рѣшившихъ, что миръ средней Европы можетъ быть обезпеченъ только въ томъ случаѣ, если русское государство «будетъ оттѣснено путемъ созданія буферныхъ государствъ или иными способами въ тѣ азіатскія степи, откуда оно собственно произошло» [1]); что нынѣшняя война должна «перенести гер-

[1]) Слова проф. Людвига Штейна.

Preis 20 Pf

Europa's Zukunftskarte.

(Rückseite)

Preis 20 Pf

Wie die deutsch-oesterreichischen Heere dieselben gestalten werden!

Eigentum & Entwurf von Alban Rumann Redakteur der „Saargrofsstadtbrille" in Saarbrücken

Alle Rechte vorbehalten
Unberechtigter Nachdruck wird gerichtlich verfolgt

Fritz Steidl's Verlag, Berlin W. 57.

манскій плугъ въ самое сердце русскихъ степей, во имя уваженія къ тѣмъ нѣмецкимъ героямъ, которые на протяженіи трехсотъ лѣтъ проливали свою кровь для того, чтобы превратить славянскія болота въ германскую культурную землю».[1]).

Чтобы судить до какихъ геркулесовыхъ столбовъ простираются аппетиты пангерманистовъ, достаточно посмотрѣть на приводимую нами карту, изданную въ Берлинѣ редакторомъ саарбрюкенской газеты «Saargrohs stadtbrille», Альбаномъ Руманомъ.

Разсчитывая перекроить до неузнаваемости карту Европы, Германія, конечно, нуждалась въ союзникахъ, въ числѣ которыхъ она учитывала многомилліонное нѣмецкое населеніе Россіи. Съ цѣлью предохранить нѣмцевъ, проживающихъ въ Россіи, отъ возможнаго обрусенія и, такимъ образомъ, отъ возможной потери ихъ для будущихъ побѣдоносныхъ войскъ германскаго императора, въ Россію ввозилось огромное количество агитаціонной литературы, ввидѣ брошюръ и газетъ, пропитанныхъ идеями пангерманизма. «Русскимъ» нѣмцамъ внушалась мысль о грядущемъ установленіи всемірнаго владычества германской имперіи и, въ частности, объ «естественной» принадлежности къ Германіи нашихъ земель не только до Нѣмана и Днѣстра, но даже до Волги и Урала, какъ о томъ писали Ретвишъ, Гартманъ, Рошеръ, Іенчъ, Францъ и друг.

Сотрудники германскаго правительства не ограничивались платонической проповѣдью въ Россіи идей пангерманизма, но, напротивъ, успѣшно выполняли практическую часть своей программы, насаждая различные verein'ы, эти многочисленные кадры нѣмецкаго шпіонажа. Представители русской власти не замѣчали истинныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ нѣмецкими ферейнами. Болѣе того, наше правительство, по словамъ бывшаго военнаго губернатора Лодзи, генерала Казнакова, «питало полное довѣріе къ нѣмцамъ» [2]). И, дѣйствительно, только

[1]) Слова Акселя Рипке, редактора одного ежемѣсячника.

[2]) См. С. Горскій „Передовые посты нѣмцевъ въ Царствѣ Польскомъ". Петр. 1908, стр. 27.

«полнымъ довѣріемъ къ нѣмцамъ» можно объяснить возможность существованія нѣмецкихъ союзовъ, явно преслѣдующихъ враждебныя въ отношеніи Россіи виды.

Такъ, напримѣръ, до самой войны, а частью даже и въ настоящее время, наше правительство терпѣло существованіе школъ, содержимыхъ на средства нѣмецкаго шульферейна. Между тѣмъ, изъ § 1-го устава всеобщаго нѣмецкаго шульферейна видно, что «цѣль союза сохранять Германіи ея сыновъ за-границей и всѣми силами помогать нѣмцамъ оставаться нѣмцами, или, если они уже отчасти утратили свой національный характеръ, помочь имъ его вернуть».

Дѣйствующіе у насъ Schulvereiп'ы являются или филіальными отдѣленіями могущественнаго «Allgemeiner Deutscher Schulverein zur Erhaltung des Deutschtums im Auslande» или же всецѣло находятся подъ его нравственнымъ вліяніемъ, поэтому неудивительно, что школы эти превратились въ ячейки враждебнаго намъ пангерманизма, гдѣ юноши и дѣти въ подробностяхъ изучали нѣмецкую литературу, исторію и географію германской имперіи, а изученію Россіи удѣлялось слишкомъ мало времени, гдѣ дѣтямъ внушалась мысль о духовной принадлежности ихъ къ «великой Германіи», гдѣ находились экземпляры, полагавшіе, что «unser Kaiser ist Wilhelm!». Достаточно сказать, что русскій языкъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ считался иностраннымъ.

Нѣмцы прекрасно оцѣниваютъ государственную роль школы, а потому всегда ревностно отстаивали ея самостоятельность и независимость отъ контроля русской школьной инспекціи. Напримѣръ, въ своемъ донесеніи о причинахъ броженія нѣмцевъ-колонистовъ въ 70-хъ годахъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ указалъ, какъ на одну изъ таковыхъ,—на боязнь колонистовъ введенія въ ихъ школахъ обязательнаго преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ [1]). Отдавая должное заслугамъ нѣмецкой школы въ Россіи, герман-

[1]) См. г. Велицынъ. „Нѣмецкое завоеваніе на югѣ Россіи“.

ское правительство охотно оказывало шульферейну денежную поддержку.

Изъ откровенныхъ разговоровъ въ рейхстагѣ, во время преній по бюджету министерства иностранныхъ дѣлъ, мы изъ года въ годъ слышали, что изъ суммъ этого министерства выдаются значительныя средства на поддержку нѣмецкихъ школъ въ Россіи. Мы съ удивленіемъ даже слыхали, что у насъ, подъ видомъ школъ мѣстныхъ Schulvereiп'овъ, существуютъ германскія правительственныя учебныя заведенія, даже въ такихъ крупныхъ русскихъ центрахъ, какъ въ Москвѣ и Одессѣ [1]).

Задачи, къ осуществленію которыхъ стремилась нѣмецкая школа въ Россіи, видны изъ одного воззванія лодзинскаго нѣмецкаго школьнаго союза (1907 г.), призывавшаго нѣмцевъ объединиться «въ трудахъ около усиленія нѣмецкой идеи». Школа, по словамъ этого воззванія, должна подготовлять дѣятелей, «проникнутыхъ нѣмецкимъ духомъ», чтобы они могли служить «основаніемъ процвѣтающей нѣмецкой культуры». Эта роль школы «принесетъ громадную пользу и промышленности въ германской имперіи, такъ какъ заведеніе наше, говорило воззваніе, ставитъ себѣ задачей служить исключительно нѣмецкой культурѣ и нѣмецкому хозяйственному прогрессу» [2]).

Приведенное воззваніе шульферейна было подписано: Э. Леонарди, Ф. Шиммелемъ, Л. Швейкертомъ, Л. Киндерманомъ и Р. Келлеромъ, т. е. лицами, въ отношеніи которыхъ «русское правительство питало полное довѣріе», что и проявилось, напримѣръ, въ фактѣ назначенія Ф. Шиммеля предсѣдателемъ комиссіи обывательскаго фонда (свыше 500.000 р.), предназначеннаго для содержанія дополнительнаго штата полиціи, охранявшей имущественную и личную безопасность лод-

[1]) Подробнѣе о школахъ шульферейна мы говорили съ статьяхъ: „Пангерманизмъ въ Россіи“ („Нов. Вв.“ № 13665) и „Шульферейнъ“ (Нов. Вр.“ № 13802).

[2]) См. Горскій, ук. соч., стр. 24.

зинскихъ фабрикантовъ, тѣхъ самыхъ фабрикантовъ, которые нынѣ старательно обслуживаютъ нужды германскихъ войскъ.

Въ настоящее время даже германскія газеты не скрываютъ того, что нѣмецкіе профессора, захватившіе каѳедры во многихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, работали по мѣрѣ силъ и умѣнья на пользу своего фатерлянда, насаждая любовь къ Германіи и кайзеру среди русскихъ студентовъ. Цѣлый рядъ профессоровъ, составившихъ свое благополучіе на русскія деньги, оказываются въ рядахъ наиболѣе непримиримыхъ враговъ Россіи. Напримѣръ, профессора Юрьевскаго университета фонъ-Эттингенъ и Карлъ Шмидтъ, богословъ и физіологъ, по словамъ «Фоссовой газеты», лѣтъ 35—40 тому назадъ выработали цѣлую систему заселенія пригородныхъ и особенно крѣпостныхъ раіоновъ Россіи нѣмецкимъ элементомъ, представивъ свой докладъ, озаглавленный «Наблюденія и освѣдомленія германской арміи въ Россіи», въ военное министерство. Проектъ состоялъ въ томъ, чтобы въ тѣ города, въ которыхъ находятся военные заводы, направить значительное количество германскихъ рабочихъ, подъ видомъ которыхъ скрывались бы инженеры и офицеры. Эти артели рабочихъ должны были состоять на полномъ содержаніи германскаго правительства, благодаря чему могли бы успѣшно конкурировать съ мѣстными рабочими.

Для наблюденія за крѣпостными раіонами, «русскіе» профессора, фонъ-Эттингенъ и Карлъ Шмидтъ, рекомендовали въ окрестныхъ деревняхъ устроить склады земледѣльческихъ орудій и во главѣ ихъ поставить офицеровъ генеральнаго штаба, безукоризненно говорящихъ по-русски и принявшихъ русское подданство.

Профессоръ Вильгельмъ Освальдъ, преподававшій химію въ рижскомъ политехникумѣ, прославился своими рѣзкими выступленіями противъ Россіи на Скиндинавскомъ полуостровѣ. Между прочимъ, въ лабораторіи Освальда и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, нѣмецкіе студенты выработали знаменитую смѣсь, которую нѣмецкіе солдаты примѣняютъ

для поджоговъ въ занятыхъ ими непріятельскихъ городахъ и селеніяхъ.

Профессоръ кіевскаго университета Ф. Кнауэръ, находясь на русской службѣ болѣе 30 лѣтъ, перевелъ въ германское подданство двухъ сыновей, которые теперь сражаются въ рядахъ противника. Профессоръ гельсингфорскаго техническаго института, Э. Туккерманъ, вступая въ германскія войска, просилъ о сохраненіи за нимъ каѳедры. Директоръ нѣжинскаго института Леціусъ вовсе не обучалъ своихъ дѣтей русскому языку. Двѣ его дочери, по газетнымъ свѣдѣніяхъ, выѣхали въ Германію, гдѣ вступили въ общину сестеръ милосердія. Профессоръ того же института Фр. Эрн. Видеманъ прославился тѣмъ, что на вокзалѣ въ Петроградѣ произносилъ оскорбительныя выраженія по адресу Россіи и ударилъ жандармскаго унтеръ-офицера, когда тотъ пытался успокоить расходившагося нѣмца.

Не ограничиваясь только идейной пропагандой пангерманизма въ Россіи, германскія военныя власти благополучно водворяли къ намъ своихъ резервистовъ, объединивъ ихъ въ различные ферейны, преслѣдующіе, якобы, самыя невинныя цѣли, культурныя либо спортивныя. Наиболѣе распространенными изъ ферейновъ были—пѣвческія общества, стрѣлковыя общества, вольно-пожарныя дружины, гимнастическіе клубы и т. д. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ vereiп'овъ имѣли совершенно воинскую организацію. Мы лично имѣли возможность познакомиться съ нѣмецкими обществами въ «столицѣ Новой Германіи», въ Лодзи. До 1912 года въ Лодзи было зарегистровано: 18 пѣвческихъ обществъ, насчитывавшихъ до 10.000 членовъ, причемъ только одинъ «союзъ поющихъ по-нѣмецки пѣвческихъ обществъ въ Царствѣ Польскомъ», зарегистрированный по Петроковской губерніи въ 1908 году, имѣлъ свыше 2500 человѣкъ, проживавшихъ въ различныхъ мѣстахъ Привислинскихъ губерній, 4 спортивныхъ общества, 5 гимнастическихъ обществъ, 7 отдѣленій пожарныхъ командъ, общее число членовъ которыхъ превышало 2000 человѣкъ, весьма

многочисленное общество стрѣлковъ—«нѣчто вродѣ охотничьей команды въ добровольческомъ полку»—какъ выразился о немъ г. Горскій и нѣсколько второстепенныхъ обществъ, а всего—около 40 vereiп'овъ въ одной лишь Лодзи [1]).

Стоило посмотрѣть на эти «пожарныя отдѣленія», «стрѣлковые» и иные «спортивные» кружки, когда они, правильными рядами со своими старшинами на офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ мѣстахъ, проходили по улицамъ города, чтобы понять, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дружинами запасныхъ, готовыхъ приступить къ исполненію военныхъ задачъ по первому сигналу изъ Берлина. Такъ оно въ дѣйствительности и случилось: нѣмецкіе спортсмены оказались германскими ландштурмистами, шпіонившими до войны по указкѣ проживавшихъ у насъ нѣмецкихъ офицеровъ. Подобная метаморфоза не должна поражать насъ своею неожиданностью: истинная подоплека нѣмецкихъ обществъ была извѣстна мѣстной администраціи, по крайней мѣрѣ, мы лично много откровенныхъ разсказовъ о нѣмецкихъ шпіонскихъ организаціяхъ, прикрытыхъ легализированными vereiп'ами, слыхали отъ лица, занимавшаго довольно отвѣтственную должность.

И не смотря на это, мы закрывали глаза на закулисную дѣятельность нѣмецкихъ обществъ; мы дѣлали видъ, что не замѣчаемъ шпіонской работы нѣмецкихъ выходцевъ, и только *наканунѣ* войны были приняты мѣры къ закрытію vereiп'овъ, по крайней мѣрѣ, такъ дѣло обстояло въ той же самой Лодзи. Какой матеріалъ обнаружили чины полиціи въ канцеляріяхъ обществъ, мы точно не знаемъ, но слыхали отъ безусловно компетентнаго лица, что подготовительную развѣдку для германской арміи эти лояльные спортсмены произвели въ широкихъ размѣрахъ и съ большимъ искусствомъ.

---

[1]) Лодзинскіе нѣмецкіе vereiп'ы были утверждены властями въ слѣдующіе года: въ 1886 году—2 общества; въ 1887 г.—одно; въ 1901 г.—два; въ 1902 г.—одно; въ 1904—одно; въ 1906—два; въ 1907—четырнадцать; въ 1908—семь; въ 1909—шесть; въ 1910—два и въ 1911 г.—три общества. Свѣдѣнія наши относятся къ апрѣлю 1912 года.

Съ какой откровенностью и безстѣнчивостью дѣйствовали у насъ пангерманисты, можно судить по программѣ устава, *утвержденнаго правительствомъ, «общества для поощренія нѣмецкой идеи въ русской Польшѣ»* (Verein zur Förderund des Deutschums in Rüssisch-Pollen), во главѣ котораго стоялъ *проповѣдникъ Варшавскаго военнаго округа, пасторъ Пальса.* Изъ воззванія, напечатаннаго пасторомъ Пальсой въ «Lodzer Zeitung», видно, что союзъ этотъ дѣйствовалъ во многихъ большихъ городахъ имперіи и находился подъ покровительствомъ лицъ, «чувствующихъ по-нѣмецки и любящихъ свою національность». Хотя, на основаніи устава, дѣйствительными членами въ этомъ обществѣ могли состоять только русскіе подданные нѣмецкаго происхожденія, однако, воззваніе горячо приглашаетъ подданныхъ и *другихъ государствъ,* т. е., очевидно, Германіи и Австріи, которые «сочувствуютъ» цѣлямъ союза, записываться въ число *членовъ соревнователей* [1]).

Прочтя воззваніе военнаго пастора, «чувствующаго понѣмецки и любящаго свою національность», невольно является вопросъ, какія идеи внушалъ онъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, *солдатамъ русской арміи нѣмецкаго происхожденія:* тѣ ли, которыя онъ исповѣдывалъ какъ иниціаторъ verein'a, или тѣ, которыя *должны исповѣдывать солдаты русской арміи,* какъ защитники русскаго царя и русскаго народа противъ разбойнаго нападенія германскаго повелителя.

Отклоняясь нѣсколько въ сторону, мы замѣтимъ, что типъ пастора пангерманиста не ограничивается однимъ лишь военнымъ проповѣдникомъ Пальсой. Слѣдя за прибалтійской хроникой, почти ежедневно узнаешь о тѣхъ, либо другихъ поступкахъ пасторовъ, не свойственныхъ занимаемой ими должности. Такъ, напримѣръ, пасторъ Титтельбахъ переставалъ произносить на богослуженіяхъ молитву о Царствующемъ Домѣ; пасторъ Гаубольдъ въ своихъ проповѣдяхъ явно симпатизировалъ нашему врагу, напутствуя уходящихъ на войну запасныхъ, вмѣсто

[1]) Подробно о нѣмецкимъ verein'ахъ въ Привислинскомъ краю см. у г. Горскаго, указ. соч.

словъ утѣшенія, увѣреніемъ, что имъ «больше не вернуться»; пасторъ фонъ-Фалькъ увѣренъ, что «незачѣмъ воодушевлять народъ русскимъ народнымъ гимномъ», такъ какъ Россія сейчасъ ведетъ войну не съ Японіей, а съ всесильной Германіей [1]) и т. д. Можно ли удивляться послѣ столь ревностной службы нѣмецкихъ пасторовъ во славу германскаго императора, что ратники изъ нѣмцевъ-колонистовъ «не знаютъ имени своего Государя» [2]). Да и откуда имъ знать, когда въ календарѣ «Дейчеръ Ферейна», при самомъ подробномъ перечисленіи безчисленныхъ нѣмецкихъ королей и принцевъ, *русскому царствующему дому отведена лишь строчка*, съ обозначеніемъ одного царствующаго императора [3]).

Изъ всѣхъ пангерманскихъ ферейновъ, подготовлявшихъ въ Россіи почву для нашествія дикихъ ордъ германскаго императора, получилъ оффиціальное освѣщеніе лишь одинъ Flotten-Verein—германское флотское общество. Благодаря добытому судебнымъ слѣдствіемъ матеріалу, физіономія этого verein'а вполнѣ прояснилась. Оказывается, что главное правленіе союза находится въ Германіи, причемъ протекторомъ его состоитъ великій герцогъ Мекленбургскій, а предсѣдателемъ управленія и правленія — адмиралъ Кестеръ, не числящійся на военной службѣ, но находящійся въ распоряженіи правительства для особыхъ порученій. Въ Россіи были открыты многочисленныя отдѣленія германскаго ферейна, какъ-то: въ Петроградѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ригѣ и т. д., даже въ такихъ уголкахъ, какъ Абастуманѣ и Никольскъ-Уссурійскѣ, однимъ словомъ—вездѣ, гдѣ проживалъ десятокъ—другой нѣмцевъ. Среди членовъ ve-

---

[1]) Объ этомъ почтенномъ пасторѣ см. „письмо“ въ редакцію „Нов. Вр.“ отъ 22 окт. 1914 года. Авторъ письма увѣрялъ, что, не смотря на цѣлый рядъ пангерманскихъ выходокъ фонъ-Фалька, онъ „продолжаетъ наставлять паству въ томъ же духѣ“.

[2]) „Нов. Вр.“ 16 декабря 1914 г.

[3]) См. снимокъ страницы календаря „Дейчеръ Ферейна“ въ газетѣ „Нов. Вр.“ отъ 21 января 1915 года, опровергающій безъ лишнихъ словъ *опроверженіе* предсѣдателей закрытаго „Дейчеръ Ферейна“: графа П. Палена; барона Э. Стакельберга и И. фонъ-Анрепа.

rein'а оказались какъ германско-подданные, *такъ и русско-подданные нѣмцы,* занимавшіе различное соціальное положеніе, не исключая даже должностей на общественной службѣ. § 2 устава ферейна опредѣляетъ: «Цѣль союза—содѣйствовать насажденію германизма и усиленію германскаго флота путемъ добровольныхъ ежегодныхъ денежныхъ взносовъ».

§ 3-й рекомендуетъ: «Обязательное созданіе зарубежныхъ германскихъ обществъ «Флота».

§ 3[1]-й предусматриваетъ: «Институтъ отдѣльныхъ заграничныхъ членовъ съ 10-марочнымъ годовымъ взносомъ, при чемъ желающіе жертвуютъ и больше».

Разъясненіе программы ферейна было дано въ его печатномъ органѣ «Die Flotte», который напоминалъ членамъ, что они обязаны преслѣдовать цѣли пангерманизма: проповѣдовать ученіе пангерманистовъ, заботиться о расширеніи дѣла, о привлеченіи новыхъ членовъ и т. д.

«Мы васъ просимъ, читатели», говоритъ журналъ, «сообщать намъ, какъ вы живете, какъ дѣйствуете, чѣмъ занимаетесь. Присылайте намъ снимки съ выдающихся сооруженій, съ портовыхъ построекъ, съ желѣзнодорожныхъ путей, вообще снимки со всего того, въ сооруженіи чего вы принимали участіе, или что вами пріобрѣтено.

Когда вы возвращаетесь на родину, старайтесь побывать у насъ въ бюро для личнаго обмѣна мнѣній».

У одного изъ членовъ, нѣкоего Эмиля Брейера, служащаго въ имѣніи Фальцъ-Фейна «Преображенка», былъ найденъ отчетъ «Центральнаго союза германскихъ обществъ флота заграницей» за 1912 г. «Hauptverband deutscher Flotten-Vereine im Auslande». Въ этомъ отчетѣ приводятся выдержки изъ устава касательно цѣлей, преслѣдуемыхъ союзомъ, которыя требуютъ отъ членовъ ферейна:

«I. Содѣйствовать тому, чтобы нѣмцы, проживающіе заграницей, объединялись въ союзы, дабы путемъ добровольныхъ ежегодныхъ взносовъ или иного сотрудничества способствовать интересамъ развитія германскаго флота.

II. Содѣствовать наиболѣе цѣлесообразному употребленію составленнаго фонда.

III. Создать центръ для объединенія всѣхъ дѣйствующихъ за границею союзовъ флота и, не касаясь партійной политики, но руководствуясь исключительно великимъ значеніемъ флота для націи, неуклонно стремиться къ тому, чтобы союзы эти являлись твердымъ оплотомъ пангерманизма за границею».

Одною изъ главныхъ цѣлей союза служитъ добываніе средствъ на увеличеніе германскаго флота, при чемъ всѣ суммы союза должны поступать въ полное распоряженіе германскаго императора.

И такъ, флотенферейнъ, являясь однимъ изъ органовъ пангерманизма, стремится къ укрѣпленію международнаго величія Германіи, почему понятно, что сообщество это «не партійное и чуждое политикѣ», понимая это слово въ узкомъ смыслѣ, такъ какъ политика флотенферейна — политика германскаго правительства.

Ближайшія цѣли, преслѣдуемыя флотенферейномъ, еще болѣе указываютъ на тѣсныя узы, связывающія его съ официальной Германіей, въ лицѣ службы развѣдки.

«Присылайте намъ,—обращается съ просьбой къ своимъ читателямъ «Die Flotte»,—снимки съ выдающихся сооруженій, съ портовыхъ построекъ, съ желѣзнодорожныхъ путей, вообще снимки со всего того, въ сооруженіи чего вы принимали участіе или что вами пріобрѣтено». Наивному русскому гражданину, быть можетъ, покажется страннымъ любопытство, проявленное ферейномъ,—взоры котораго, казалось бы, должны быть устремлены въ даль морей—о состояніи россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и иныхъ сооруженій, при возведеніи которыхъ участвовали члены ферейна.

Однако, объяснить эту странность весьма нетрудно. Программа флотенферейна, въ части, касающейся сбора свѣдѣній, знакома намъ по тѣмъ фактамъ, которые изложены нами выше и которые раскрываютъ тайны нѣмецкаго генеральнаго штаба. Говоря безъ обиняковъ, программа флотенферейна безусловно

вырабатывалась подъ узказкой германскихъ офицеровъ, вѣдающихъ шпіонской службой. И въ этомъ ферейнѣ, какъ и въ другихъ, сказалась обычная манера нѣмецкихъ руководителей шпіонства — внѣдрять своихъ агентовъ во всѣ сообщества и различныя предпріятія, раскинувшія свои отдѣленія за-границей, почему неудивительно, что у одного члена флотскаго общества, Эдуарда Бемера, нашли какую-то усовершенствованную бусоль для топографическихъ работъ; у другого, Бергау, оказалось холодное и огнестрѣльное оружіе, планшетки для маршрутной съемки и даже очень подробный планъ Одесскаго порта съ пояснительными къ нему замѣтками; у владѣльца кинематографа, Штремера, былъ найденъ аэропланъ и т. д. и т. д. Приведенные выше факты, всплывшіе наружу, только благодаря дѣятельности судебныхъ властей, съ неопровержимой силой доказываютъ истинныя цѣли, преслѣдуемыя флотенферейномъ, который, конечно, не является исключеніемъ среди прочихъ нѣмецкихъ ферейномъ, этихъ разсадниковъ нѣмецкаго шпіонства и нѣмецкой измѣны.

Къ сожалѣнію, по политическимъ соображеніямъ, наше правительство прекратило дѣла о членахъ ферейна, но было бы только актомъ справедливости въ отношеніи русскаго общества опубликовать имена этихъ нѣмцевъ, а числящихся въ россійскомъ подданствѣ, сверхъ того, и лишить правъ русскаго гражданства, такъ какъ измѣнники недостойны носить это высокое званіе. Содѣйствіе же усиленію военнаго могущества нашего противника безусловно является актомъ гнусной измѣны [1]).

Сильнѣйшимъ гнѣздомъ пангерманизма въ Россіи безспорно является нѣмецкій капиталъ, характеристику котораго мы приводили выше. Какъ на примѣръ нѣмецкаго вліянія въ этой области, мы укажемъ на судьбу «общества электрическаго

---

[1]) О „Flotten-Ferein'ѣ“ см. А. Ренниковъ „Кольцо Нибелунговъ“ „Нов. Вр.“ №№ 13947 и 13997 (гл. III и XVII), нашу статью „Flotten-Ferein'“ („Нов. Вр.“ 21 янв. 1915 г.); Судебный отчетъ рижской группы ферейна („Рус. Слово“ 20 и 21 янв. 1915 г.).

освѣщенія 1886 года». Не смотря на то, что большинство членовъ правительства признало желательнымъ скорѣйшую ликвидацію этого общества, оно и понынѣ остается «въ первобытномъ состояніи», скажемъ словами нашего закона.

Мы болѣе, чѣмъ увѣрены, что московское городское самоуправленіе, начиная борьбу съ обществомъ 1886 года, не подозрѣвало, какую массу темныхъ силъ оно поднимаетъ своимъ выступленіемъ, какая дьявольская свистопляска начнется вокругъ этого по существу совершенно простого вопроса, какое противоестественное единеніе выкажутъ различные представители капитала, долженствовавшіе, казалось бы, руководясь принципами патріотизма, содѣйствовать ослабленію нѣмецкаго ига въ Россіи. Но въ томъ-то и дѣло, что мы живемъ въ вѣкъ народившейся новой силы—капиталистическаго интернаціонала, представители котораго, по происхожденію, являясь людьми различной національности, вѣры, общественнаго положенія, объединились однимъ стремленіемъ—жажды наживы; породнились одной религіей—поклоненіемъ золотому тельцу. Всѣ идеи, понятія и стремленія, выходящія изъ круга непосредственныхъ ихъ запросовъ, имъ непонятны, чужды, а потому ожидать въ этой сферѣ подвиговъ патріотизма было бы, по меньшей мѣрѣ, наивно, тѣмъ болѣе, что, считая себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ независимыми людьми, они, эти алчные обладатели милліоновъ, являются жалкими маріонетками, танцующими по прихоти дирижерской палочки Берлина. Современный намъ капиталъ, усвоивъ марксистскую формулу—«въ единеніи сила», объединился во всей Европѣ въ одну могучую касту, какъ полагаютъ наши простаки, въ капиталистическій интернаціоналъ, не замѣчая, что ихъ интернаціонализмъ не простирается далѣе германскаго Reichsbank'а. Идея объ «интернаціонализмѣ капитала», по нашему глубокому убѣжденію, пущена изъ Германіи, какъ изъ Германіи же вышло пресловутое ученіе о международномъ братствѣ рабочихъ.

Чтобы читателю яснѣе была картина братанія русскаго капитала съ нѣмецкимъ, приводимъ списокъ акціонерныхъ

освѣтительныхъ и заводскихъ электрическихъ обществъ, дѣйствующихъ подъ русскимъ флагомъ, но принадлежащихъ въ дѣйствительности нѣмцамъ. Главнымъ руководителемъ этого своеобразнаго союза являлся «Deutsche Bank» въ Берлинѣ, дѣйствовавшій въ Россіи капиталами черезъ свое брюссельское отдѣленіе, и директоровъ нѣкоторыхъ петроградскихъ банковъ, находящихся подъ его вліяніемъ. Вотъ эти общества:

1) Петроградское общество электрическаго освѣщенія 1886 года. Члены правленія, въ числѣ большинства нѣмцевъ, германскихъ подданныхъ: В. И. Тимирязевъ (предсѣдатель совѣта русскаго для внѣшней торговли банка), Е. Г. Шайкевичъ (директоръ международнаго коммерческаго банка), А. А. Давидовъ (директоръ петроградскаго частнаго коммерческаго банка). Директоръ-распорядитель Э. Р. Ульманъ.

2) Русское акціонерное общество электрическихъ раіонныхъ станцій (по освѣщенію электричествомъ петроградскихъ уѣздовъ). Учредителями этого общества состоятъ: А. А. Давидовъ и Э. Р. Ульманъ, членами правленія, кромѣ нѣмцевъ, В. И. Тимирязевъ. Директорами-распорядителями Э. Р. Ульманъ и Я. М. Шапиро (директоръ бельгійскаго акціонернаго общества электрическаго освѣщенія Петрограда).

3) Московское акціонерное общество «Электропередача». Учредителемъ и членомъ правленія состоитъ А. А. Давидовъ. Директоромъ-распорядителемъ Э. Р. Ульманъ.

4) Электрическое общество «Форсъ», въ Финляндіи. Учредителемъ является «Дейче-Банкъ», при участіи синдиката электрическихъ освѣтительныхъ обществъ (противовѣсъ русскому петроградскому обществу электропередачи силы водопадовъ), директорами—Э. Р. Ульманъ и Я. М. Шапиро.

5) Русское акціонерное общество «Сименсъ Шуккертъ». Членами правленія, кромѣ нѣмцевъ, германскихъ подданныхъ— А. И. Путиловъ (предсѣдатель правленія Русско-Азіатскаго банка), Б. А. Каменка (предс. правленія Азовско-Донского коммерческаго банка), А. А. Шварцъ, К. К. Шпанъ.

6) Акціонерное общество русскихъ электротехническихъ

заводовъ «Сименсъ и Гальске», кромѣ нѣмцевъ—члены правленія Е. Г. Шайкевичъ, А. А. Давидовъ и А. А. Шварцъ (онъ же директоръ-распорядитель).

7) Акціонерное общество соединенныхъ кабельныхъ заводовъ. Вице-предсѣдатель правленія Е. Г. Шайкевичъ, А. А. Шварцъ, остальные нѣмцы.

8) Русская всеобщая компанія электричества, кромѣ нѣмцевъ—члены правленія Е. Г. Шайкевичъ (онъ же предсѣдатель правленія).

9) Акціонерное общество «Электрическая сила». Члены правленія А. И. Путиловъ, швейцарецъ Арно (представитель нѣмецкой группы банковъ), Брейль (главный сотрудникъ нѣмецкаго банка «Дейче-Банкъ») и пр. иностранцы.

Мы не имѣемъ возможности прослѣдить генеалогическое дерево всѣхъ перечисленныхъ обществъ, корни котораго находятся на территоріи нашихъ враговъ. Что касается общества 1886 года, то оно имѣетъ самыя аристократическія связи среди германскаго капитала. «Крупный пакетъ акцій» общества электрическаго освѣщенія 1886 года принадлежитъ цюрихскому кредитному учрежденію Bank für elektrische Unternehmungen, принимающему участіе въ нѣмецкомъ консорціумѣ для финансированія электрическихъ предпріятій въ Россіи [1]). Значительная часть основного капитала банка принадлежитъ могущественной нѣмецкой «Всеобщей компаніи электричества» (Allgemeine Elektricitäts-Gesellschaft), которая, такимъ образомъ, состоитъ, по крайней мѣрѣ, въ interessen-gemeinschaft съ русскимъ обществомъ 1886 года. Что касается указаннаго «банка для электрическихъ предпріятій въ Цюрихѣ», то въ основаніи его, кромѣ «Allg. Electr. Ges.», приняли участіе слѣдующія банковыя учрежденія: Deutsche Bank, Berliener Handelsgesellschaft, Nationalbank für Deutschland, Bankhaus Delbrück, Leo & C-ie, Jakob Landau in Berlin, Gebruder Sulzbach in Frankfurt a/M.,

[1]) См. книжку бывшаго коммерческаго агента нашего правительства въ Германіи, г. Левина „Германскіе капиталы въ Россіи“. Петр. 1914 г. Стр. 66 и 68.

Schweizerische Kredit-anstalt, Eidgenössische Bank, Bank in Zurich, Züricher Bankverein, Union Financière in Genef.

Въ самой Россіи общество 1886 года находится въ отношеніяхъ Muttergesellschaft къ московскому обществу «Электропередачи» (учредителемъ котораго числится А. А. Давидовъ, членъ правленія названнаго общества), и въ отношеніяхъ Schwestergesellschaft: къ «Всеобщей компаніи электричества», такъ какъ въ уставѣ этой компаніи сказано, что оно учреждено берлинской «Всеобщей компаніей электричества», къ акціонерному обществу «Соединенныхъ кабельныхъ заводовъ», въ дѣлахъ котораго участвуютъ общество русскихъ электротехническихъ заводовъ «Сименсъ и Гальске», русское общество «Всеобщая компанія электричества», русское общество «Шуккертъ и Комп.» и нѣмецкое акціонерное общество «Фельтенъ и Гильомъ-Лемейерверке» въ Мюльгеймѣ, на Рейнѣ [1]).

Мы могли бы привести еще многочисленныхъ родственниковъ изъ «русскихъ» и нѣмецкихъ Сименсовъ, Гальске, Шуккертовъ, «Озоновъ» и т. д., и т. д., но, не желая утруждать памяти читателя, остановимся и на этомъ.

Дабы закончить настоящій очеркъ, укажемъ на существующее банковое интернаціональное «товарищество». Такъ, учредителями Петроградскаго международнаго коммерческаго банка являются банкиры: Іоганнъ Беренбергъ, Гейслеръ и Комп. въ Гамбургѣ, братья Бетманъ во Франкфуртѣ, Эрлангеръ и С-вья, тамъ же. Deutsche Bank въ 1908 году участвовалъ въ выпускѣ акцій русскаго для внѣшней торговли банка и сибирскаго торговаго банка; Nationalbank für Deutschland, въ союзѣ съ французскимъ и англійскимъ капиталомъ, принималъ участіе въ судьбѣ петроградскаго частнаго коммерческаго банка и т. д. Однимъ словомъ, нѣмецкіе банкиры (Мейеры, Винекены, Розентали, Кроненберги и т. п.), по словамъ г. Левина, «повторяются въ спискахъ учредителей чуть ли не всѣхъ бан-

[1]) См. ук. соч. Левина, стр. 66 и сд. и г. Зака. Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. Петр. 1914 г. Стр. 25.

ковъ. Даже въ Москвѣ, этомъ центрѣ русскаго накопленія капиталовъ, нѣмецкій элементъ игралъ видную роль въ учрежденіи банковъ».

Приведенныя нами краткія справки могутъ показать, какіе могучіе корни въ Россіи пустилъ пангерманизмъ, мечтающій повелѣвать всѣмъ міромъ. Разгромъ прусскаго милитаризма не можетъ считаться полнымъ до тѣхъ поръ, пока Германія не будетъ разгромлена экономически. Русское общество должно объ этомъ помнить и прежде всего объединиться въ борьбѣ съ нѣмецкимъ капиталомъ.

Нѣмцы-колонисты.

Мы положительно утверждаемъ, что ни одна армія въ мірѣ еще не располагала такой массой шпіоновъ, которой пользуются наши враги, благодаря шпіонскимъ услугамъ нѣмцевъ-колонистовъ, разсѣлившихся у насъ въ Польшѣ, Литвѣ и на Волыни. Нѣмцы-колонисты пользовались поддержкой своего фатерлянда какъ дипломатической, такъ и матеріальной. Германія не жалѣла расходовъ, насаждая въ нашихъ предѣлахъ свои передовые посты, и теперь пожинаетъ плоды долголѣтнихъ трудовъ и денежнымъ жертвъ. Теперь уже не посмѣетъ никто изъ числа русскихъ германофиловъ по крайней мѣрѣ громко утверждать, что обвиненія нѣмцевъ-колонистовъ въ измѣнническихъ замыслахъ противъ Россіи—ложь. Война раскрыла глаза даже слѣпцамъ, но сколько напрасныхъ жизней мы загубили за бездѣйствіе административныхъ властей, явившееся слѣдствіемъ господствовавшей во внутренней нашей жизни нѣметчины.

Подавляющее количество фактовъ свидѣтельствуетъ о шпіонствѣ въ пользу нашего непріятеля «лояльнѣйшаго» изъ населеній россійской имперіи—нѣмцевъ-колонистовъ.

Въ одной изъ своихъ статей, г. Немировичъ-Данченко приводитъ любопытныя извлеченія изъ писемъ на родину, отобранныхъ у плѣнныхъ нѣмцевъ, восхвалявшихъ «нашихъ доблестныхъ колонистовъ».

«Благодаря пруссакамъ», писалъ одинъ германецъ, «мы всюду являемся навѣрняка. Наши доблестные колонисты не только разбогатѣли въ этой варварской странѣ, но и устроили здѣсь настоящія нѣмецкія крѣпости. Мы знаемъ все, что дѣлается у непріятеля. Каждое его движеніе у насъ какъ въ зеркалѣ. Я не знаю, что бы мы дѣлали безъ этихъ истинныхъ сыновъ Германіи, служащихъ ей самымъ губительнымъ изъ оружій—сыскомъ и развѣдкой. Русскіе безсильны предпринять какія-либо мѣры противъ этого. Они даже не позаботились поселить между нашими колонистами своихъ. Какъ же послѣ этого не повѣрить, что Господь съ нами (Gott mit uns). Они умѣютъ прятать отъ непріятеля запасы, а когда приходимъ мы,—находимъ у нихъ все: и хлѣбъ, и молоко, и чай, и сахаръ».

Въ другомъ письмѣ говорилось: «Сейчасъ, вступая въ города, мы черезъ нѣсколько минутъ знаемъ уже, у кого есть запасы, кто оказывалъ гостепріимство русскимъ и потому долженъ быть повѣшенъ, что и въ какихъ польскихъ лавкахъ спрятано, кто успѣлъ угнать своихъ лошадей и скотъ, сколько его было и куда его скрыли».

Въ приведенныхъ двухъ отрывкахъ изложена цѣлая программа шпіонства, возложенная на колонистовъ. И нужно имъ отдать справедливость: свои вѣрноподданническія обязанности передъ германскимъ императоромъ колонисты исполняютъ добросовѣстно, что будетъ видно изъ сообщаемыхъ ниже фактовъ, сдѣлавшихся достояніемъ гласности.

Напримѣръ, послѣ перваго изгнанія нѣмцевъ изъ подъ Лодзи и ея окрестностей, на улицахъ Побіаницъ было расклеено слѣдующее объявленіе начальника русскаго отряда, вступившаго вслѣдъ за изгнаннымъ противникомъ.

«Магистрату Пабіаницъ.

За черезчуръ предупредительное гостепріимство, оказанное нѣмецкой и еврейской частями населенія города германскому войску, за точное выполненіе незаконныхъ распоряженій нѣмецкой власти, за принятіе и обращеніе въ оборотъ нѣмец-

кихъ боновъ вмѣсто рускихъ денежныхъ знаковъ, за незаконное отбираніе оружія отъ населенія, приказываю магистрату взять въ заложники: Гершлика Фауста, Іосифа Адлера, Исаака Пинкуса Клечевскаго, Боруха Беля, Іосифа-Лейбу Адлера, Карла Кольбе, начальника добровольной пожарной команды Феликса Круше, ратмана города Людвига Шнейкера и Г. Прейса, которыхъ содержать подъ стражей впредь до послѣдующаго распоряженія со стороны русской власти. Сверхъ того, съ нѣмецкой и еврейской частей населенія города Пабіаницъ взыскать 50 тыс. рублей, которые внести подъ квитанцію въ варшавское казначейство».

Начальникъ отряда (слѣдуетъ подпись).

По сообщенію «Варш. Дн.», когда во время перваго наступленія нѣмцевъ германскій отрядъ появился въ уѣздномъ городкѣ Липно, Плоцкой губ., то мѣстные нѣмцы восторженно встрѣчали непріятеля. Они кормили и поили нѣмецкихъ солдатъ и при въѣздѣ ихъ въ городъ кричали «hoch». Зато, когда являлись казаки, нѣмцы прятались по домамъ и почти не выходили на улицу и все же пруссаки были великолѣпно освѣдомлены о приближеніи или уходѣ нашихъ отрядовъ.

Когда въ концѣ декабря 1914 года въ окрестностяхъ Вышеграда, Плоцкой губерніи, появились непріятельскіе разъѣзды, то они нѣсколько дней ускользали отъ нашихъ отрядовъ, опираясь на многочисленныя колоніи въ этихъ мѣстахъ нѣмцевъ, что, надо думать, и вызвало послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ распоряженіе военныхъ властей о выселеніи нѣмцевъ-колонистовъ изъ предѣловъ Плоцкой губерніи.

Въ томъ же духѣ повторилась исторія съ высадкой нѣмецко-турецкаго разъѣзда въ предѣлахъ Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи. Конечно, только доброжелательность колонистовъ, оказавшихъ содѣйствіе этимъ опереточнымъ воякамъ, помогла разъѣзду оставаться два-три дня неуловимымъ для русскихъ властей И хотя, по удостовѣренію бессарабскаго губернатора, «никакой парадный обѣдъ высадившимся туркамъ у нѣмца-колониста Августа Шульца не имѣлъ мѣста»,

но скромную пищу эти германо-турки у того или иного колониста все же получали [1]).

Однимъ словомъ, лишь только непріятельскій отрядъ попадаетъ въ поселокъ колонистовъ, онъ немедленно же ощущаетъ отеческую заботливость своихъ земляковъ: ему сообщатъ точныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи ближайшихъ русскихъ войскъ, ихъ численности, ему доставятъ провіантъ и фуражъ, отведутъ лучшія квартиры, ориентируютъ въ окружающей мѣстности и укажутъ, гдѣ укрыты пищевые продукты у мѣстнаго населенія.

О предательствѣ колонистовъ г. Петровъ пишетъ: «Шпіонство идетъ отчаянное. Каждый шагъ русскихъ войскъ, мѣстопребываніе каждой нашей части, гдѣ сколько войскъ,—нѣмецкимъ штабамъ все извѣстно съ изумительной точностью. У насъ свои не имѣли такихъ подробныхъ свѣдѣній о смежныхъ частяхъ, какъ нѣмецкіе штабы о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ.

— Настоящая справочная контора о передвиженіяхъ русскихъ войскъ, — со злою досадою говорилъ мнѣ въ началѣ войны одинъ крупный нашъ военный чинъ.

При проходѣ русскихъ войскъ черезъ колоніи, особенно для ночныхъ обходовъ, начались обычныя прусскія штуки: вспыхивали пожары, загорались то скирды хлѣба или стоги сѣна, то сараи, избы, конюшни. Не въ урочное время звонили колокола.

Что прикажете дѣлать среди такихъ «звонарей»? По всей боевой линіи вдовь Вислы протянулись гнѣзда явнаго шпіонства и самого подлаго предательства. Не проходитъ ночи, чтобы чуть не въ десяткѣ мѣстъ не перерѣзали телефонные провода. И это въ самую горячую пору, когда идутъ свои ночныя атаки, или отбиваются чужія. Руки можно кусать со злости. У себя дома, на своихъ боевыхъ линіяхъ,—и каждую минуту въ чужихъ, предательскихъ, неуловимыхъ рукахъ. Въ одномъ мѣстѣ кражи проводовъ повторялись подъ-рядъ нѣ-

[1]) По поводу этого инцидента см. „Нов. Вр.“ 28 и 30 дек. 1914 г. и 1 марта 1915 г.

сколько ночей. Назначили караульныхъ. Около полуночи слышатъ шорохъ: ползутъ. Кинулись,—трое неизвѣстныхъ вскочили и бѣжать. Наши—за ними. Въ концѣ поля гдѣ-то маячитъ огонекъ въ окнѣ. Трое туда, на огонекъ. Солдатамъ съ оружіемъ и мѣшками труднѣе было бѣжать. Пока добѣжали, огонекъ въ домѣ погасъ. Стучатъ,—не отворяютъ. Стали ломать дверь,—выползаетъ старуха-нѣмка; за нею—двое ребятъ. Говоритъ, боялась отворить ночью.

— Кто у тебя тутъ спрятался?

— Никого. Я одна съ дѣтьми; мужчины ушли на другую сторону Вислы.

Обшарили каждый уголъ, каждую щель дома и пристрокъ,—никакого намека на людей. Зажгли фонарь, вышли наружу дома: на свѣжемъ снѣгу ясные слѣды троихъ вплоть до самаго окна. Дальше—какъ въ воду канули. Несомнѣнно, предатели укрылись здѣсь, а въ домѣ старуха да двое ребятъ. Ихъ, что ли, вѣшать?» [1]).

Въ послѣднемъ засѣданіи Государственнной Думы, г. Пуришкевичъ «прежде всего» счелъ необходимымъ коснуться «нѣмецкой колонизаціи, которая, по мнѣнію депутата, наблюдавшаго на мѣстѣ гнѣзда нѣмецкой измѣны,—неразрывно связана со шпіонствомъ».

«Многія тысячи нашихъ солдатъ, утверждаетъ г. Пуришкевичъ, были бы спасены, если бы въ Привислинскомъ краѣ, по непонятному заблужденію органовъ правительственной власти, не находился бы до сихъ поръ рядъ нѣмецкихъ колоній и рядъ нѣмецкихъ поселеній. Развѣ мыслимо, чтобы въ промежуткѣ между русскими и нѣмецкими окопами находились нѣмцы, которые передаютъ обо всѣхъ передвиженіяхъ нашихъ войскъ? Бываютъ случаи, они не рѣдки, когда нѣмцы переодѣваются русскими солдатами, русскими офицерами, ходятъ, бѣгаютъ, шмыгаютъ по мѣсту расположенія русскихъ войскъ,—я знаю цѣлый рядъ такихъ случаевъ,—и затѣмъ отправляются обратно.

---

[1]) „Рус. Слово“ 25 января 1915 г.

И все, что намѣчается, должно пасть, потому что мы допускаемъ, чтобы на границѣ находились нѣмецкіе колонисты, которымъ мѣсто въ Туруханскомъ краѣ. На этотъ вопросъ должна обратить вниманіе правительственная власть, какъ бы ни были сильны противоборствующія теченія, которыя замѣчаются не тамъ, господа, а только въ петроградскихъ кругахъ».

Измѣна колонистовъ простиралась дальше шпіонства и пассивнаго содѣйствія непріятелю, такъ, напримѣръ, въ сраженіяхъ на Нѣманѣ, близъ Ковны, въ числѣ плѣнныхъ опознаны были колонисты Ковенской губерніи; въ Рыпинѣ оказалось, что тамошніе нѣмцы встрѣтили германскій отрядъ и водили германскихъ офицеровъ по административнымъ учрежденіямъ; въ Рыпинѣ же, въ Варшавѣ, въ Бѣлостокѣ и т. д. было арестовано нѣсколько нѣмцевъ-колонистовъ, оказавшихся шпіонами; во главѣ перваго нѣмецкаго отряда, прибывшаго въ Лодзь, скакалъ сынъ тамошняго фабриканта, превратившійся въ прусскаго лейтенанта; одинъ изъ ландштурмистовъ оказался лѣсничимъ изъ Курляндіи, а второй—мельникомъ изъ-подъ Вильны и т. д. и т. д.

Мы не знаемъ, что сталось съ этими предателями, но, полагаемъ, что наказанія, опредѣленнаго въ ст. 243 воин. уст. о нак. они не избѣгли.

Уберечь наши войска отъ шпіонства колонистовъ врядъ ли возможно, почему единственно подходящимъ средствомъ борьбы съ этимъ зломъ должно признать поголовное выселеніе нѣмецкихъ выходцевъ изъ зачумленныхъ гнѣздъ, къ чему нынѣ и прибѣгло военное начальство.

Опасность нѣмецкой колонизаціи и стратегическія цѣли, преслѣдуемыя ею, у насъ давно были сознаны. Объ этомъ говорили, писали, составляли доклады, но какая-то невѣдомая сила покровительствовала нѣмцамъ. Кромѣ германофильствующей администраціи изъ русскихъ нѣмцевъ, интересы колонистовъ ревностно защищало германское правительство черезъ своихъ дипломатическихъ представителей, ссориться съ кото-

рыми мы не хотѣли, не сознавая, что наши постояныя уступки германскимъ паскокамъ неизбѣжно ведутъ къ вооруженному столкновенію. Г. Ренниковъ, основываясь на архивныхъ данныхъ, приводитъ по этому поводу интересный фактъ. По его словамъ, «когда нѣсколько лѣтъ назадъ бывшій волынскій губернаторъ графъ Кутайсовъ, пожалѣвъ малороссовъ и поляковъ, сталъ класть подъ сукно проходившія черезъ его руки бумаги, по которымъ десятки тысячъ колонистовъ ежегодно становились собственниками русскихъ земель,— тогда въ Петроградѣ графъ Пурталесъ сдѣлалъ энергичное представленіе нашему министру иностранныхъ дѣлъ объ угнетеніи нѣмцевъ. И графъ Кутайсовъ былъ вызванъ къ своему непосредственному начальнику въ Кіевъ, и получилъ жестокій нагоняй. Канцеляріи губернатора былъ сдѣланъ выговоръ. А цѣлые тюки колонистскихъ дѣлъ сразу получили утвержденіе... И нѣмцы вступили въ Россію цѣлой дивизіей» [1]).

Затѣмъ, особое вниманіе заслуживаетъ выдающееся по своей дерзости выступленіе графа Пурталеса по поводу внесеннаго въ Госуд. Думу, въ концѣ 1910 года мин. вн. дѣлъ П. А. Столыпинымъ, проекта объ ограниченіи нѣмецкаго землевладѣнія въ пограничныхъ губерніяхъ.

Ссылаясь на якобы неправильное освѣщеніе вопроса о нѣмецкой колонизаціи, представитель Германіи въ нотѣ, обращенной къ русскому правительству, съ необычайной развязностью выразилъ протестъ противъ примѣненія къ германскимъ выходцамъ проектированныхъ ограничительныхъ правилъ. Помимо того, съ не меньшей дерзостью въ отношеніи правительства великой державы, къ которому онъ обращался, германскій посолъ выразилъ неудовольствіе самымъ содержаніемъ объясненій къ законопроекту, заявивъ, что германское правительство протестуетъ противъ «приписываемыхъ» ему стремленій къ заселенію русскихъ пограничныхъ губерній.

Къ сожалѣнію, вмѣсто достойнаго отпора зарвавшемуся

---

[1]) См. „Нов. Вр." 13 янв. 1915 г. („Кольцо Нибелунговъ", V).

Пуртàлесу, проектъ былъ остановленъ въ своемъ движеніи и сознанная правительствомъ опасность осталась неустраненной, а опасность была велика, такъ какъ свою предательскую работу колонисты выполняютъ въ теченіе многихъ лѣтъ, планомѣрно и настойчиво. Уже въ 1896 году генералъ Косичъ, бывшій помощникомъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, писалъ (Нов. Вр.» № 7130):

«Наплывъ нѣмецкихъ поселеній въ юго-западномъ краѣ далъ основаніе предполагать, что все идетъ систематически и поддерживается германскимъ правительствомъ, что у насъ организуется и обучается цѣлое германское воинство». Составленная штабомъ кіевскаго военнаго округа наглядная карта съ обозначеніемъ нѣмецкихъ колоній, по словамъ генерала, произвела большое впечатлѣніе, показавъ воочію, что нѣмецкіе колонисты, вопреки коммерческимъ интересамъ, скупаютъ земли, имѣющія совершенно иную цѣнность.

Въ постигшемъ насъ разочарованіи насчетъ лояльности колонистовъ даже нельзя особенно упрекать самихъ нѣмцевъ, такъ какъ они давали достаточно фактовъ, чтобы оцѣнить истинную цѣнность ихъ политическаго цѣломудрія. Напримѣръ, по словамъ позднѣйшаго изслѣдователя быта юго-западныхъ колонистовъ, г. А. Ренникова, «въ 1882 году въ Ровенскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Блохаи Рава, уличенъ былъ въ связи съ колонистами германскій полковникъ Лессингъ. Около Тучина всѣ наиболѣе вліятельные колонисты оказались тогда германскими унтеръ-офицерами. Въ 1883 году на сѣверѣ, въ Ухновѣ, былъ открытъ цѣлый арсеналъ германскаго оружія на случай войны Германіи съ какой-то сосѣдней державой; и колонисты, унтеръ-офицеры вмѣстѣ съ полковникомъ Лессингомъ, представляли около Тучина, безъ сомнѣнія, вполнѣ готовый къ открытію военныхъ дѣйствій полкъ.

Въ архивѣ генералъ-губернатора нерѣдко встрѣчаются бумаги, въ которыхъ лояльность колонистовъ Волыни освѣщалась въ достаточной степени и оффиціальными и частными лицами. Есть, напримѣръ, въ этомъ архивѣ документъ, въ ко-

торомъ говорится объ окопѣ, найденномъ какимъ-то обывателемъ въ нѣмецкой колоніи; есть другая бумага, въ которой велась переписка относительно слишкомъ толстыхъ стѣнъ колонистскихъ построекъ. Но изъ этихъ документовъ не возникало тогда крупныхъ дѣлъ. Окопы въ концѣ концовъ признавались простыми огражденіями отъ чужихъ коровъ, а толстыя стѣны находили объясненіе въ стремленіи владѣльцевъ къ устройству долговременнаго и теплаго зданія.

Лица, питающія къ нѣмецкимъ колонистамъ нѣжныя чувства, конечно, раздѣляютъ такое благожелательное отношеніе прежнихъ властей къ коровьимъ огражденіямъ и теплымъ постройкамъ. Но какъ они объяснятъ себѣ такой фактъ, который имѣлъ мѣсто въ началѣ войны и о которомъ я слышалъ въ Житомірѣ отъ лица, заслуживающаго полнаго довѣрія.

Передъ наступленіемъ австрійцевъ на Люблинскую губернію, волынскіе колонисты почему-то стали усиленно молоть зерно.

Въ прошлые годы ничего подобнаго не наблюдалось, такъ какъ зерно сохранялось обычно до зимы. Кромѣ того, и муку и овесъ колонисты никому изъ русскихъ не продавали, хотя запасы были сдѣланы спѣшно въ огромномъ количествѣ. Общимъ планомъ заготовки муки и фуража руководили кистеры; они созывали совѣщанія, дѣлали тѣ или иныя указанія... Но для кого готовилась мука, чьимъ лошадямъ предназначалось ѣсть заготовленный овесъ—Аллахъ вѣдаетъ» [1]).

Не скрывали нѣмцы и чувствъ, питаемыхъ ими къ «варварской» Россіи. По этому поводу находимъ весьма цѣнныя данныя въ объяснительной запискѣ къ проекту покойнаго министра вн. дѣлъ Столыпина «о мѣрахъ къ ограниченію нѣмецкаго землевладѣнія въ губерніяхъ юго-западнаго края и Бессарабской».

«Какъ уже доказали постоянныя наблюденія надъ водворившимися въ Россіи иностранными поселенцами, послѣдніе,

---

1) См. „Нов. Вр." 21 февр. 1915 г., „Кольцо Нибелунговъ", XV.

несмотря на многолѣтнее пребываніе въ русскихъ предѣлахъ, въ громадномъ большинствѣ не только не обнаруживаютъ стремленія къ сліянію съ окружающимъ населеніемъ, но упорно сохраняютъ свою обособленность и отчужденность отъ русскаго народа, къ которому, по удостовѣренію мѣстной власти, относятся свысока и почти враждебно. Долгій опытъ убѣждаетъ и въ томъ, что иностранные поселенцы могутъ считаться русскими подданными лишь формально, на самомъ же дѣлѣ, по политическимъ убѣжденіямъ, языку, обычаямъ и религіи, тяготѣютъ къ своимъ зарубежнымъ сородичамъ и къ центрамъ иноземной цивилизаціи. Сказанное относится въ равной мѣрѣ и къ потомкамъ ихъ, хотя бы даже черезъ нѣсколько поколѣній» [1]).

Не встрѣчая задержки на своемъ пути, нѣмецкая колонизація завоевывала все новыя и новыя позиціи въ Россіи, охватывая по преимуществу стратегическіе пункты западнаго фронта нашей Родины. Убѣдиться въ правотѣ нашихъ словъ не трудно,—для этого стоитъ лишь отмѣтить на картѣ мѣста наиболѣе упорныхъ боевъ, бывшихъ въ эту кампанію, и тогда окажется, что непріятельскія арміи пользовались нѣмецкими колоніями, какъ опорными пунктами.

Мало по малу наши крѣпости оказались въ блокадѣ нѣмцевъ колонистовъ. Намъ лично извѣстно, что у самого гласиса форта одной изъ важнѣйшихъ нашихъ западныхъ крѣпостей нѣмецкій колонистъ построилъ огромную мельницу, хотя окружающая мѣстность вовсе не соотвѣтствуетъ этого рода постройкамъ. У другого форта, также на землѣ нѣмецкаго колониста, водруженъ огромный крестъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла мельница, недавно сгорѣвшая отъ удара молніи. Одинъ изъ фортовъ другой крѣпости случайно расположился въ створѣ двухъ фабричныхъ трубъ, возведенныхъ на земляхъ нѣмцевъ-колонистовъ [2]).

---

[1]) См. представленіе мин. вн. дѣлъ въ Госуд. Думу 14 дек. 1912 г. за № 33732.

[2]) Относительно опасности нѣмецкаго сосѣдства съ нашими крѣпо-

Извѣстенъ также случай, когда у одного мельника, въ окрестностяхъ крѣпости на рѣкѣ Наревѣ, былъ найденъ полный комплектъ моста, содержавшійся въ разобранномъ видѣ.

Близъ Осовца, на стратегическомъ шоссе въ Бѣлостокъ, не такъ давно купилъ имѣніе русско-подданный нѣмецъ Гахсбахъ, который занялся усиленно осушкой болотъ, разводя «культуру».

Стараніями этого культуртрегера была совершенно высушена непроходимая гать на пути отъ Осовца къ Бѣлостоку. Затѣя Гахсбаха заслужила полное сочувствіе мѣстнаго предводителя дворянства, который всячески содѣйствовалъ Гахсбаху, заинтересовавъ его осушительными работами одного сановника изъ окружныхъ землевладѣльцевъ. Съ легкой руки предводителя дворянства, всѣ мѣстныя власти восхищались работою Гахсбаха, не подозрѣвая, конечно, что, нѣсколько позже, армія нѣмца Гинденбурга будетъ вязнуть именно въ тѣхъ болотахъ, осушить которыя до конца не успѣлъ бѣлостокскій нѣмецъ, избранный, въ воздаяніе за понесенные труды на пользу Россіи, почетнымъ мировымъ судьей, совмѣстно со своими двумя сородичами.

Вся нѣмецкая колонія въ Бѣлостокѣ ютилась вокругъ германскаго запаснаго офицера—Клейна, управляющаго нѣмецкой фабрикой Беккера и К°, успѣвшаго скрыться за двѣ недѣли до объявленія войны въ Германію. Господинъ Клейнъ тщательно изучалъ окружающую мѣстность, объясняя свои частыя поѣздки страстью къ верховой ѣздѣ и вообще любовью къ спорту. Эти качества открыли ему возможность завести тѣсныя знакомства среди офицеровъ бѣлостокскаго гарнизона, а вліятельные нѣмецкіе фабриканты ввели его въ кругъ мѣстной администраціи. И такъ, германскій офицеръ Клейнъ недурно обставилъ условія своей шпіонской дѣятельности, яв-

---

стями также подчеркивалось въ печати. Напр., см. статью г. Бѣломорцева. „Не пора-ли обратить вниманіе?“ („Петрогр. Вѣд.“ 1908 г. № 184); корреспонденцію въ „Нов. Вр.“ (1908 г. № 11482),—„Майораты въ Польшѣ“.

ляясь однимъ изъ типичныхъ «информаторовъ», понятіе о которыхъ даетъ г. Несторъ въ одной изъ своихъ статей [1]).

Разговорившись въ вагонѣ съ прусскимъ резервнымъ поручикомъ, г. Несторъ узналъ, что его собесѣдникъ «имперскій нѣмецъ aus Rüssisch-Polen: Шварцъ, русскій оберъ-лѣсничій, прусскій резервный поручикъ и королевскій информаторъ».

На вопросъ г. Нестора, въ чемъ заключается дѣятельность информатора и что это за должность, нѣмецъ объяснилъ:

«А это очень важная и почетная должность, lieber Freund. Информаторомъ называется каждый германскій подданный офицерскаго или унтеръ-офицерскаго званія, живущій въ сосѣднемъ государствѣ близъ германской границы, напримѣръ, въ Русской Польшѣ... Онъ обязанъ, какъ вѣрноподданный и военный, смотрѣть во всѣ глаза и подмѣчать, что кругомъ его находится и происходитъ. У каждаго информатора свой «Revier» (участокъ). Онъ долженъ присматриваться къ мѣстнымъ условіямъ, изучить дороги... Необходимо имѣть точныя свѣдѣнія, гдѣ найти надежныхъ людей, добрыхъ нѣмцевъ, которые укажутъ запасы, будутъ служить лазутчиками, проводниками и т. д.».

Какъ видно изъ приведеннаго разсказа г. Нестора, нѣмцы, чувствуя себя въ Россіи какъ дома, не находили даже нужнымъ надѣвать на себя шапку невидимку, и потому, казалось бы, борьба съ ихъ подпольною работой не превышала человѣческихъ силъ, еслибы у насъ своевременно заинтересовались провѣркой сообщеній печати, узнали бы характеръ нѣмецкаго шпіонства и научились бы раскрывать ихъ секреты, являющіеся, по существу, всего лишь секретами полишинеля. Напримѣръ, о томъ же Клейнѣ въ Бѣлостокѣ говорили вполнѣ опредѣленно, догадываясь, какіе интересы привлекли «управляющаго» Беккера въ этотъ городъ, а мы лично, въ одной изъ своихъ статей, недвусмысленно называли его шпіономъ, обозначивъ эту темную личность, по по-

[1]) См. „Нов. Вр.“ 1902 г. № 9339. („Современная Познань“).

нятнымъ причинамъ, буквою К. И тѣмъ не менѣе, Клейна не трогали, съ его развѣдками не боролись, благодаря чему, Клейнъ шпіонилъ до тѣхъ поръ, пока германскій консулъ не извѣстилъ его о томъ, что настало время вернуться на родину въ ряды мобилизующейся арміи.

Укажемъ еще на одну нѣмецкую колонію—въ Ковнѣ, прилѣпившуюся къ самому раіону крѣпости. Основатель этой колоніи, Тильмансъ, пришелъ къ намъ лѣтъ сорокъ тому назадъ въ деревянныхъ башмакахъ и съ котомкой за плечами изъ Восточной Пруссіи. Теперь это крупный фабрикантъ, обладатель многихъ милліоновъ. Съ легкой руки Тильманса, къ намъ изъ Восточной Пруссіи потянулись и другіе предпріимчивые нѣмцы: Шмидты, Леши и т. д. Нѣмецкая колонія расширялась и процвѣтала.

Порою къ ковенскимъ нѣмцамъ изъ Германіи пріѣзжали погостить друзья и родные. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ «родоначальнику династіи» Тильмансовъ пріѣхалъ въ гости племянникъ, офицеръ прусской службы, и до самой войны оставался въ нашемъ городѣ. Лейтенантъ Куртъ Тильмансъ подружился съ нѣмецкимъ консуломъ барономъ Лерхенфельдомъ, женатымъ на прибалтійской баронессѣ Штакельбергъ, шпіономъ par excellence.

Пріѣзжавшіе изъ Берлина родственники ковенскихъ нѣмцевъ безпрепятственно гуляли по раіону крѣпостныхъ сооруженій и, какъ добросовѣстные туристы, не забывали, конечно, захватить съ собой записныя книжки и кодаки.

Въ итогѣ этихъ прогулокъ оказалось, что два года тому назадъ зять Тильманса, д-ръ Г-торнъ, забылъ на палубѣ парахода, шедшаго по Нѣману, записную книжку и вложенный въ нее подробный и очень тщательно выполненный планъ крѣпостныхъ сооруженій города Ковны. Когда пассажиръ, нашедшій книжку, спросилъ д-ра Г-торна относительно вложеннаго въ нее плана, докторъ объяснилъ, что планъ ему необходимъ для частнаго пользованія, такъ какъ онъ, въ раіонѣ крѣпости, намѣренъ пріобрѣсти участокъ земли для постройки

дачи. Насколько намъ извѣстно, исторія съ планомъ на этомъ и кончилась.

Два года назадъ, въ Ковнѣ возникло общество по оборудованію городского водопровода и вліятельные нѣмцы настояли выписать изъ Германіи инженера, поручивъ ему производство работъ. По странной случайности, инженеръ этотъ, баронъ Рене, оказался прусскимъ офицеромъ запаса. А между тѣмъ, баронъ Рене безпрепятственно разгуливалъ по крѣпостному раіону, снималъ планы, изучалъ мѣстность, чему способствовали власти, озабочиваясь судьбой воздвигаемаго сооруженія.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, лейтенантъ Куртъ Тильмансъ за проявленное имъ мужество въ борьбѣ съ нами награжденъ желѣзнымъ крестомъ; многіе изъ бывшихъ рабочихъ ковенскихъ нѣмецкихъ фабрикъ забраны въ плѣнъ въ сраженіяхъ на Нѣманѣ, а что сталось съ барономъ Рене? Не предназначался ли онъ руководить осадными работами при наступленіи нѣмцевъ къ Ковнѣ?

По сообщенію «Варшавской Мысли», «колонизація въ Плоцкой губерніи шла по двумъ главнымъ направленіямъ: черезъ Плоцкъ и черезъ Млаву, осторожно нащупывая пути на Новогеоргіевскъ и на Згержъ... Колоніи жили и строились отдѣльно и рѣдко въ нихъ попадалась изба польскаго крестьянина. Скупая участки и двигаясь такимъ образомъ все впередъ, колоніи дошли до крѣпостного раіона и образовали вокругъ него цѣлую сѣть. Дабы не возбудить подозрѣній, нѣмецкіе колонисты были сверхъ-лояльны: исправно платили подати, избѣгали недоимокъ, несли подводную повинность и все хлопотали о пріемѣ ихъ въ подданство Россіи, такъ какъ это гарантировало отъ всякихъ официальныхъ придирокъ и безпокойства. Характеръ построекъ колонистовъ выработанъ германскимъ штабомъ. Основанія домовъ служили реперами для нивелировочной съемки. Высота ихъ надъ уровнемъ была точно извѣстна. Число пролетовъ въ заборѣ указывало число верстъ до ближайшаго города. Особый знакъ на дому — станцію почты и телеграфа. Нѣмецкія мельницы

занимали всегда самые возвышенные, господствующіе надъ мѣстностью пункты и давали возможность сразу опредѣлить приблизительный профиль мѣстности. Каждая колонія имѣла организатора-руководителя, у котораго сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о колонистахъ. Онъ ихъ распредѣлялъ, пополнялъ, возобновлялъ и регулярно передавалъ за границу. Колонисты интересовались телефономъ, телеграфомъ, зорко слѣдили за гарнизонами, расположенными въ городахъ, вели ихъ учетъ, до того мелочный, что наводили справки, сколько больныхъ солдатъ лежитъ въ околоткахъ. Гдѣ назначены были торги интендантства, на какіе предметы, кому сданы, на какой срокъ,—это тщательно записывалось колонистами и препровождалось въ фатерландъ,—срочно, почти ежедневно».

Успѣху нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, т. е., говоря иными словами, водворенію къ намъ германскихъ передовыхъ постовъ, скрывавшихъ многочисленные кадры шпіоновъ на случай войны, способствовалъ германскій имперскій законъ о двуподданствѣ, являющійся краснорѣчивымъ указателемъ двуличной и лживой души нѣмцевъ.

Возможность двуподданства германскихъ нѣмцевъ установлена закономъ 1-го іюня 1870 года, согласно которому «германскій подданный, выѣхавшій за предѣлы имперіи и пробывшій за границей безъ перерыва десять лѣтъ, утрачиваетъ подданство». Однако, «исчисленіе десятилѣтняго пребыванія за границею прерывается *занесеніемъ въ матрикулъ германскаго консульства*, и счетъ идетъ снова, начиная со дня, слѣдующаго за исключеніемъ изъ матрикула записи» (§ 21). Смыслъ этого закона не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, скажемъ словами проф. Листа, что «лицо можетъ сохранить подданство въ своемъ отечественномъ (нѣмецкомъ) государствѣ и одновременно пріобрѣсти таковое въ другомъ государствѣ,—быть, слѣдовательно, подданнымъ двухъ государствъ» [1]).

---

[1]) См. Листъ. Международное право. Рус. пер. проф. Грабаря. Юрьевъ, 1912 г., стр. 132.

Краткость приведеннаго законоположенія вызывала практическія недоразумѣнія, почему 22 іюля 1913 года въ Германіи былъ изданъ новый законъ о принадлежности къ Имперіи и къ государству, разъясняющій истинный смыслъ «нѣмецкой вѣрности».

Отнынѣ германецъ можетъ перейти въ другое подданство, присягнувъ на «вѣрность» любому государству, не боясь нарушить своей «нѣмецкой вѣрности» (Deutsche Freue), такъ какъ § 25 новаго закона гласитъ, что «гражданства (нѣмецкаго) не утрачиваетъ тотъ, кто, до пріобрѣтенія иностраннаго подданства, получилъ, по своему ходатайству, письменное разрѣшеніе подлежащаго установленія отечественнаго государства на сохраненіе своего подданства».

Хотя германское правительство сознавало, что «двойное подданство представляется мало желательнымъ, ибо тотъ, кто является одновременно гражданиномъ двухъ государствъ, часто не будетъ въ состояніи выполнять въ отношеніи одного изъ нихъ въ полномъ объемѣ свои обязанности, въ особенности воинскую», однако же, для преуспѣянія своего политическаго могущества, оно считало необходимымъ узаконить состояніе двуподданства. На замѣчанія нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, что проектируемый законъ противорѣчитъ «германской вѣрности», — представители союзныхъ государствъ заявили, что принципіально и германское правительство считаетъ множественность подданства нежелательнымъ, но практически проведеніе этого начала не осуществимо. Бываютъ случаи, когда германецъ принимаетъ иностранное подданство помимо воли, но и помимо двуподданства вслѣдствіе ius soli, могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя вынуждаютъ германца ходатайствовать въ другомъ государствѣ о его натурализаціи, *чтобы охранить существенные свои интересы*, причемъ тотъ нѣмецъ, однако, не отказывается отъ интересовъ своего Deutschtum'a. Въ особенности же надо имѣть въ виду, что законодательства нѣкоторыхъ государствъ, напримѣръ, Россіи, запрещаютъ иностранцамъ пріобрѣтеніе и владѣніе недвижи-

мостями. И вотъ, принятіе новаго закона необходимо для созданія германскимъ подданнымъ возможности стать собственниками иностранной недвижимости, когда это по мѣстнымъ законамъ не допускается. Представитель правительства иллюстрировалъ свое положеніе ссылкой на необходимость диспензаціи на случай наслѣдованія, полагая, что «въ такихъ случаяхъ справедливость требуетъ, чтобы германскому наслѣднику было дозволено сохранить имперское подданство».

Однимъ словомъ, по смыслу новаго закона, германцу разрѣшается нагло обманывать иностранное правительство принятіемъ новаго подданства, поскольку это полезно нѣмцу и поскольку онъ въ то же время можетъ служить съ пользой интересамъ своей прежней родины.

Имперскій канцлеръ можетъ воспретить сохраненіе германскаго подданства, если того требуетъ политическій интересъ имперіи. Подобный вопросъ, по мнѣнію проекта, можетъ возникнуть главнымъ образомъ въ отношеніи такихъ государствъ, которыя отъ вступающихъ въ ихъ гражданство требуютъ клятвеннаго отреченія отъ обязанностей по отношенію къ ихъ прежнему отечеству. Намъ думается, что въ настоящее время и на этотъ случай германское правительство не откажетъ въ выдачѣ индульгенціи подданному, торгующему своей политической честью [1]).

Юридическая сторона конфликта двухъ подданствъ, отвѣчающая запросамъ настоящей войны, разъяснена франкфуртскимъ доцентомъ Карломъ Штруппомъ, напечатавшимъ статью, озаглавленную «Юридическое положеніе нѣмцевъ, состоящихъ въ англійскомъ подданствѣ». Въ этой статьѣ ученый нѣмецкій международникъ выставляетъ слѣдующій тезисъ: «Если нѣмецъ имѣетъ одновременно и англійское подданство, то это обстоятельство не имѣетъ никакого вліянія на права и обязанности, лежащія на немъ именно какъ на германскомъ подданномъ». И дальше этотъ тезисъ разъясняется: «подобнаго

[1]) О законѣ 22 іюля 1913 г. См. комментаріи А. Ромэна, составленные на основаніи официальныхъ источниковъ.

рода англичанинъ (Штруппъ пишетъ это слово въ кавычкахъ, т. е. съ явной насмѣшкой) обязанъ нести германскую военную службу; затѣмъ, онъ не можетъ уклоняться отъ платежа военныхъ налоговъ, лежащихъ на однихъ только природныхъ германцахъ. Въ обмѣнъ за это онъ пользуется всею полнотою правъ, установленныхъ германскими законами; въ частности, онъ не подлежитъ интернированію въ концентраціонные лагери, не обязанъ являться въ полицію» и т. д. Особенно важнымъ является то обстоятельство, что, по мнѣнію Штруппа, пребываніе въ чужомъ подданствѣ не является для нѣмца даже смягчающимъ вину обстоятельствомъ: если онъ не вступитъ въ германское войско и не будетъ сражаться противъ гостепріимно принявшей его страны, то онъ подлежитъ уголовному наказанію, какъ измѣнникъ и дезертиръ. Говоря коротко: нѣмецкій законъ 1913 г. о двуподданствѣ, въ связи съ толкованіями нѣмецкихъ юристовъ, является санкціонированіемъ измѣны» [1]).

Такъ обстоитъ дѣло съ вѣрноподданническими обязанностями въ отношеніи Россіи нѣмецкихъ выходцевъ. Узаконенная отчужденность колонистовъ, ихъ исключительная сплоченность и непрерывныя сношенія съ фатерляндомъ дѣлали почти невозможнымъ, при обычныхъ условіяхъ мирнаго времени, борьбу со шпіонствомъ среди ихъ. Не только въ нашей личной практикѣ не встрѣчалось дѣлъ по обвиненію нѣмецкихъ колонистовъ въ шпіонствѣ, но мы вообще не знаемъ, чтобы дѣла такого рода служили предметомъ судебнаго разбирательства. Между тѣмъ, во многихъ случаяхъ нити шпіонской измѣны шли въ нѣмецкіе поселки, гдѣ терялась какая-либо возможность ихъ прослѣдить. Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ нижнихъ чиновъ Дударева и Кузмичева явно ощущалась рука мѣстныхъ нѣмцевъ, блокировавшихъ крѣпость, въ которой служили эти измѣнники, и тѣмъ не менѣе обнаружить никого не удалось. Точно также, было вполнѣ установлено,

[1]) Цитируемъ по „Нов. Вр." отъ 26 дек. 1914 г.

что капитанъ Штюнцнеръ, лейтенантъ Дамъ и комивояжеръ Штейнертъ навѣщали со шпіонскими цѣлями нѣмецкіе поселки въ Польшѣ, Литвѣ и на Волгѣ; но кого именно они посѣтили—для насъ осталось неизвѣстнымъ. Бороться съ соглядатайствомъ нѣмецкихъ выходцевъ, нужно было какими-либо исключительными мѣрами, а потому предпринятое военнымъ начальствомъ выселеніе ихъ изъ раіона военныхъ дѣйствій, быть можетъ, является единственнымъ средствомъ охранить нашу армію отъ шпіонства колонистовъ.

Наше правительство уже съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія предпринимало мѣры къ ограниченію нѣмецкаго землевладѣнія, съ каковою цѣлью въ 1885 году, по Высочайшему повелѣнію, была образована комиссія для разработки вопроса о мѣрахъ къ прекращенію наплыва нѣмецкихъ поселенцевъ въ западныхъ окраинахъ Имперіи. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, комиссія признала наплывъ иностранцевъ въ пограничныя губерніи опаснымъ и вреднымъ для интересовъ государства,—но въ то же время не сочла возможнымъ принять рѣшительныя мѣры противъ этого явленія, и ограничилась выработкой лишь такихъ мѣропріятій, которыя имѣли цѣлью по возможности ослабить вредный характеръ наплыва. Однако, цѣлый рядъ мѣропріятій (законы 14 марта 1887 г., 14 марта 1892 г. и 19 марта 1895 года) отнюдь не предотвратили опасности нѣмецкаго Drang nach Osten, во-первыхъ, потому, что являлись всего лишь палліативами, а, во-вторыхъ, потому, что германскій законъ о двуподданствѣ 1 іюня 1870 г. открывалъ нѣмцамъ широкій путь къ обходу стѣснительныхъ для нихъ правилъ.

На путь болѣе рѣшительной борьбы съ нѣмецкимъ засиліемъ наше правительство выступило лишь во время войны, съ изданіемъ законовъ 2 февраля 1915 года «о землевладѣніи и землепользованіи въ государствѣ Россійскомъ австрійскихъ, венгерскихъ, германскихъ или турецкихъ подданныхъ». Вновь изданные законы весьма обширны, а потому ограничимся въ отношеніи ихъ лишь нѣсколькими бѣглыми замѣ-

чаніями, отсылая желающихъ болѣе подробно ознакомиться къ небольшимъ комментаріямъ приватъ-доцента г. Гойхбарга.

Что касается подданныхъ воюющихъ съ нами державъ, то имъ воспрещается впредь пріобрѣтать на пространствѣ всей территоріи Россіи право собственности и иныя вотчинныя права на недвижимыя имущества, а такъ же право владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, отдѣльное отъ права собственности. Принадлежащія указаннымъ иностраннымъ подданнымъ недвижимости остаются въ ихъ собственности лишь пожизненно и, хоть недвижимыя имущества могутъ переходить по наслѣдованію лицамъ подобной же категоріи, но эти послѣдніе должны ихъ ликвидировать въ теченіе двухъ лѣтъ. Сверхъ того, подданнымъ воюющихъ съ нами державъ воспрещается впредь завѣдывать въ качествѣ повѣренныхъ или управляющихъ (распорядителей) недвижимыми имуществами, а также занимать какую-либо должность въ товариществахъ на паяхъ и акціонерныхъ компаніяхъ, учрежденныхъ на основаніи русскихъ общихъ или мѣстныхъ законовъ и получившихъ право пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ.

Состоящимъ въ русскомъ подданствѣ иностранцамъ *нѣмецкаго* происхожденія также воспрещается впредь пріобрѣтать какія-либо права на недвижимость на всей территоріи Россіи, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые доказали, однимъ изъ перечисленныхъ въ законѣ способовъ, свою преданность Россіи. Въ пограничныхъ же мѣстностяхъ, отмѣченныхъ въ законѣ, русскіе подданные изъ германскихъ, австрійскихъ или венгерскихъ выходцевъ, исключая лицъ, засвидѣтельствовавшихъ, указаннымъ въ законѣ способомъ, свою преданность къ Россіи, должны въ сроки отъ 6 мѣсяцевъ и одного года и четырехъ мѣсяцевъ отчудить принадлежащія имъ недвижимости *внѣ городскихъ поселеній.*

Изложенныя правила на первый взглядъ кажутся весьма рѣшительными мѣрами, направленными противъ нѣмецкаго Drang nach Osten, но при болѣе внимательномъ чтеніи текста законовъ сила ихъ значительно ослабѣваетъ и намъ думается,

что законы 2 февраля имѣютъ безусловно огромное нравственное значеніе, но значительно меньшую практическую цѣнность.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что начальный моментъ ихъ дѣйствія во многихъ случаяхъ отдѣленъ слишкомъ продолжительнымъ срокомъ отъ дня опубликованія—годъ, годъ и четыре мѣсяца, а если принять во вниманіе судебную и административную волокиту, неизбѣжную при такой крупной реформѣ, то сроки достигнутъ двухъ и болѣе лѣтъ. За этотъ промежутокъ времени настоящая война будетъ безусловно окончена, слѣдовательно, весьма вѣроятно, что изданныя нашимъ правительствомъ правила послужатъ предметомъ переговоровъ при выработкѣ условій мирнаго трактата съ Австро-Венгріей и Германіей. Не подлежитъ сомнѣнію, что Германія и Австрія должны быть слишкомъ обезсилены, чтобы примириться съ лишеніемъ завоеванныхъ правъ ихъ фактическихъ и юридическихъ подданныхъ въ Россіи, примириться съ крушеніемъ работы, на которую ушло не одно десятилѣтіе и потрачено не мало милліоновъ марокъ.

Затѣмъ, установленныя закономъ ограниченія касаются только выходцевъ нѣмецкаго происхожденія изъ бывшихъ до 1 января 1880 года въ австрійскомъ, венгерскомъ или германскомъ подданствѣ. Такимъ образомъ, законъ 2 февраля вовсе не распространяется на нѣмецкихъ выходцевъ, являющихся подданными нейтральной или дружественной намъ державы. Между тѣмъ, при нѣмецкой изворотливости и при дѣйствіи германскаго закона 22 іюля 1913 года отнюдь не исключается возможность «международнаго множественнаго гражданства», каковое обстоятельство учитывало германское правительство, что видно изъ бывшихъ сужденій по проекту въ парламентской комиссіи. Слѣдовательно, направляя ударъ противъ нѣмцевъ, состоявшихъ до принятія русскаго гражданства, либо до прибытія въ Россію, въ подданствѣ Австро-Венгріи или Германіи, мы оставляемъ безъ вниманія тѣхъ нѣмцевъ, которые озаботились предварительно исполнить фор-

мальность перечисленія въ подданство какой-либо иной державы, какъ, напримѣръ, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ или даже, въ нѣкоторомъ случаѣ, Турціи. Логично ли это? Международныя соображенія не могутъ имѣть серьезнаго значенія, хотя бы потому, что воспрещенъ же американскимъ евреямъ въѣздъ въ Россію.

Наконецъ, всѣ ограниченія въ землепользованіи и землевладѣніи, вводимыя новыми законами, не распространяются на прибалтійскихъ нѣмцевъ, а, слѣдовательно, балты сохраняютъ за собою полную возможность пріобрѣтать тѣ недвижимыя имущества, которыя нынѣ состоятъ во владѣніи австрійскихъ и германскихъ нѣмцевъ. Эту привилегію балтійскихъ нѣмцевъ бывшее при министерствѣ юстиціи совѣщаніе, обсуждавшее мѣры къ сокращенію нѣмецкаго землевладѣнія и землепользованія (6, 17, 20 окт. и 10 ноября 1914 года), оправдывало тѣми соображеніями, что «коренное дворянство остзейскихъ губерній никогда не состояло въ подданствѣ Австріи, Венгріи или Германіи, а поступило въ русское подданство частью изъ шведскаго, частью изъ польскаго подданства». Намъ кажется, что приведенныя «совѣщаніемъ» основанія не убѣдительны, по тѣмъ соображеніямъ, что мы имѣемъ факты, краснорѣчиво говорящіе объ истинной лояльности привелигированнаго отзейскаго рыцарства. Мы знаемъ, что ближайшіе родственники балтійскихъ барономъ сражаются въ нѣмецкихъ войскахъ противъ Россіи; мы знаемъ, что представители тѣхъ же барономъ изобличены въ двойномъ подданствѣ; мы знаемъ, что баронскія имѣнія кишмя-кишѣли офицерами нѣмецкой службы, однимъ словомъ, мы узнали, что Прибалтійскій край является плацдармомъ нѣмецкаго шпіонства, оборудованнымъ по послѣднимъ требованіямъ техники.

Законъ 2 февраля предусматриваетъ высылку за границу австрійскихъ, венгерскихъ или турецкихъ подданныхъ, изобличенныхъ въ нарушеніи изданныхъ въ отношеніи ихъ ограничительныхъ правилъ. Но что же дѣлать съ нѣмцами коло-

нистами и прибалтійскими цѣмцами, заявившими себя врагами Россіи и ярыми пангерманистами? Не будетъ ли справедливымъ дополнить законъ предоставленіемъ надлежащей правительственной власти права лишать этихъ субъектовъ имени русскаго гражданства и высылать ихъ за предѣлы Россіи [1]).

Балты.

Съ первыми раскатами пушечныхъ выстрѣловъ среди нѣкоторой части нѣмецкаго населенія Прибалтійскихъ губерній произошла перемѣна въ политическомъ смыслѣ. Мы, русскіе, услыхали о цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ фактовъ, которые показали намъ какъ глубоко пустилъ корни среди нѣкоторой части балтійскихъ нѣмцевъ пангерманизмъ, какъ плотно переплелись они родственными узами съ германскими; какъ силенъ здѣсь германскій духъ, германское вліяніе, создавшее изъ бывшихъ ливонскихъ рыцарей передовую позицію Drang nach Osten—«Wacht im Ost»!

Мы не будемъ подробно останавливаться на всѣхъ прискорбныхъ явленіяхъ. По этому вопросу существуетъ уже цѣлая литература [2]), мы же воспользуемся лишь случаемъ еще разъ иллюстрировать на примѣрахъ степень развитія нѣмецкаго шпіонства въ Россіи.

---

[1]) О нѣмецкой колонизаціи см.: *Велицынъ*. Нѣмецкія завоеванія на югѣ Россіи („Русск. Вѣстн.“ 1890 г. № 1 и сл.). *В. Д. Бѣловъ*. Лодзь, Петр. 1892 г. *Д. Н. Вергунъ*. Нѣмецкій Drang nach Osten въ цифрахъ и фактахъ. Вѣна 1905 (готовится новое изданіе). *С. Горскій*. Передовые посты нѣмцевъ въ Царствѣ Польскомъ. Петр. 1908 г. *А. П. Липранди*. Германія въ Россіи. Харьковъ 1911 г. *С. Шелуховъ*. Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи. Одесса 1915 г. *А. Ренниковъ*. Кольцо Нибелунговъ. Статьи въ „Нов. Вр.“, начиная съ января 1915 г. (Выйдутъ отдѣльной книгой) и др.

[2]) См. *А. Ренниковъ*. Въ странѣ чудесъ. Петр. 1915 г., изд. 2-е. *А. П. Тупинъ*. Прибалтійскій край и война. Петр. 1915 г. Кн. *С. П. Мансыревъ*. Прибалтійское помѣстное дворянство и его отношеніе къ текущимъ событіямъ („Истор. Вѣстн.“ 1915 г. №№ 1 и 2). Извлеченіе изъ составленной имъ же „записки о лояльности“ балтовъ. „Петр. К.“ 11 ноября 1914 г.

Мы уже знаемъ, какія задачи въ мирное время преслѣдовали агенты германскаго генеральнаго штаба и именно здѣсь, среди балтовъ, наиболѣе удачна была ихъ работа, вѣроятно потому, что зерна измѣны упали въ плодородную почву. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ германскимъ эмиссарамъ была предоставлена самая широкая возможность работы; здѣсь они сформировали обширные кадры шпіоновъ, включая измѣнниковъ, вступившихъ въ ряды непріятеля; здѣсь велась самая наглая соціальная и политическая пропаганда и, наконецъ, здѣсь же были сдѣланы попытки помѣшать блестящему ходу мобилизаціи русской арміи, попытки, кончившіяся цѣлымъ рядомъ скандальныхъ и позорныхъ процессовъ. Подкрѣпимъ фактами сказанное нами объ успѣхахъ германскаго шпіонства въ Балтійскихъ губерніяхъ.

Военно-статистическая и топографическая развѣдка края производилась значительнымъ числомъ германскихъ офицеровъ, техниковъ, чертежниковъ и т. п. спеціалистовъ, находившихся на службѣ у мѣстныхъ помѣщиковъ. По словамъ кн. Мансырева, за послѣднее десятилѣтіе Прибалтійскій край наполнился «германскими и австрійскими подданными нѣмецкаго происхожденія, очень часто запасныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, считающихся на учетѣ въ своемъ отечествѣ, на должности лѣсничихъ, лѣсниковъ, винокуровъ, пивоваровъ, управляющихъ имѣніями, наконецъ—въ качествѣ домашней прислуги». Напримѣръ, «у владѣльца им. Элей, Митавскаго уѣзда, графа Медема, состояли въ должностяхъ лѣсничаго, его помощника и пивовара германскіе подданные, управляющимъ имѣніемъ состоялъ офицеръ запаса германской арміи. Наканунѣ объявленія войны они всѣ внезапно исчезли изъ имѣнія.

Въ имѣніи Кауцемюнде графа Палена подъ видомъ управляющаго проживалъ офицеръ запаса германской арміи, графъ Зигмундъ фонъ-Спретти. Сельскимъ хозяйствомъ онъ не занимался, да и никакого понятія о немъ не имѣлъ. По цѣлымъ днямъ окрестные жители его видѣли бродящимъ по лѣсамъ

и полямъ съ записной книжкой въ рукахъ; онъ всегда въ ней что-то чертилъ и записывалъ. Очень часто лично являлся на почту и самъ получалъ и отправлялъ обширную корреспонденцію.

Наканунѣ объявленія войны графъ Спретти внезапно исчезъ изъ имѣнія неизвѣстно куда.

У владѣльца имѣнія Графенталь, барона Клопмана, состояло на службѣ много германскихъ подданныхъ, а управляющимъ былъ офицеръ запаса германской арміи. Наканунѣ объявленія мобилизаціи ночью къ барону Клопману съѣхалось до 60 владѣльцевъ сосѣднихъ имѣній и ихъ служащихъ, послѣ чего многіе изъ пріѣхавшихъ неизвѣстно куда исчезли.

Владѣлецъ имѣнія Нурмисъ, Рижскаго уѣзда, графъ Дунтенъ, постоянно проживалъ въ Германіи; управляющимъ его имѣніемъ былъ офицеръ запаса германской арміи, совершенно не занимавшійся хозяйствомъ и исчезнувшій передъ объявленіемъ войны, такъ же какъ и прочіе служащіе въ имѣніи, германскіе подданные.

Владѣлецъ имѣнія Виршпаленъ, Гробинскаго уѣзда, баронъ Гродгусъ, уже въ концѣ августа благополучно доставилъ изъ города Гольдингена черезъ германскую границу двухъ иностранцевъ, о чемъ самъ разсказывалъ оставленному на жительствѣ въ городѣ Либавѣ германскому же подданному, директору электрической станціи г. Матту».

Г. Ренниковъ приводитъ «провѣренный фактъ относительно Вицемскаго лѣсничества Валкскаго уѣзда. Лѣсничество это принадлежитъ лифляндскому дворянству, и лѣсникомъ въ немъ состоитъ германскій подданный Бергеръ. У этого Бергера, кстати сказать, въ самомъ началѣ войны былъ задержанъ заподозрѣнный въ шпіонствѣ германскій подданный Фаберъ. И вотъ, послѣднее время мѣстные крестьяне наблюдаютъ по ночамъ усиленное движеніе автомобилей между близъ находящейся усадьбой Дреймонитъ и охотничьимъ замкомъ, гдѣ живетъ Бергеръ. Тутъ же рядомъ въ Трикатентской волости находится кирка и, по увѣренію крестьянъ, на ней по ночамъ

многіе видятъ огни... Что это за огни? Что за автомобильное сообщеніе съ германскимъ подданнымъ?

А вотъ сообщенія изъ Курляндіи. Крестьяне имѣнія Эллей, принадлежащаго графу Медему, не такъ давно задержали германскихъ топографовъ въ русскихъ форменныхъ фуражкахъ, снимавшихъ планы волостей Грюнгофъ, Якобсгофъ и Платтонъ. Топографы особенно интересовались крутыми берегами рѣкъ Шведъ и Тервета».

Сверхъ приведенныхъ примѣровъ, говоритъ цитируемый нами авторъ, можно указать «еще хотя бы на имѣнія: Платтернъ—барона Тизенгаузена, Ремерсгофъ — графа Сиверса, Салзенъ — Керковіуса... Вѣдь и здѣсь управляющими были офицеры германской службы. А гости... Гости—родственники и свойственники изъ Германіи! Сколько ихъ перебывало здѣсь, сколько ихъ ѣздило взадъ и впередъ черезъ прусскую границу! Въ Маріенбургѣ, въ имѣніи Фитингофа, проживалъ офицеръ Раутенбергъ, обучавшійся земледѣлію; въ имѣніи Лайценъ служилъ австрійскій офицеръ лѣсничій, то же самое наблюдалось въ имѣніяхъ Кальнемойзе и Кюльсдорфъ Валкскаго уѣзда... Въ курляндскомъ помѣстьѣ князя Ливена «Фокенгофъ» гостилъ близкій родственникъ, германскій офицеръ. И въ день объявленія войны принужденъ былъ сѣсть въ автомобиль и спѣшно отправиться въ дѣйствующую противъ Россіи прусскую армію».

Стараніями германскаго подданнаго Георга Іонка, издателя знаменитаго календаря Deutscher Verein'a, были составлены и отпечатаны карты Лифляндіи и Курляндіи, исправленныя и дополненныя ко дню автомобильной гонки кенигсбергскихъ любителей автомобильнаго спорта, устроенной года два назадъ при содѣйствіи лифляндскаго вице-губернатора князя Крапоткина.

О другого сорта картахъ намъ сообщилъ бывшій служащій въ бюро земельныхъ улучшеній при Императорскомъ экономическомъ и общеполезномъ обществѣ, въ Юрьевѣ, слѣдующее: «Въ концѣ 1911 г. имѣлись (а можетъ быть и нынѣ

имѣются) послѣдняго выпуска топографическія карты Прибалтійскаго края и Рижскаго и Финскаго заливовъ, изданныя главнымъ (или генеральнымъ) штабомъ и отмѣченныя краснымъ печатнымъ шрифтомъ «секретныя». Въ началѣ 1912 г. въ бюро съ этихъ картъ были сдѣланы подробныя копіи, но уже простыя, не условныя, при чемъ при расшифрованіи картъ пользовались имѣющимся въ бюро старымъ ключемъ Варшавскаго военнаго округа. Заправилы бюро всѣ являлись дѣятельными членами Юрьевскаго отдѣла дейчеръ-ферейна».

Распоряжаясь фактически судьбами цѣлаго края, прибалтійскіе нѣмцы испытывали нѣкоторое стѣсненіе своимъ пангерманскимъ стремленіямъ, благодаря тому, что низшій классъ населенія этихъ губерній состоитъ изъ латышей и эстовъ, относящихся къ тому же враждебно къ нѣмцамъ. И вотъ, для устраненія этого зла, балтійскіе помѣщики, подражая кайзеру Вильгельму, основали здѣсь свой адельсфербандъ, «общество для скупки земель», назначенный для поддержки территоріальныхъ владѣній въ нѣмецкихъ рукахъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Здѣшніе помѣщики не смѣютъ продавать своихъ латифундій лицамъ иной національности и, если кто изъ нихъ находится въ такой нуждѣ, что не можетъ держать своего имѣнія въ виду задолженности такового, то долженъ искать покупщиковъ изъ нѣмцевъ или въ худшемъ случаѣ продать имѣніе адельсферванду.

Продаваемыя балтійскими помѣщиками земли передаются за баснословно низкія цѣны въ руки нѣмецкихъ колонистовъ, привлекаемыхъ изъ Германіи, Польши, Волыни и съ Волги. Переселеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ прибалтійскій край началось приблизительно съ 1906 года и велось ускореннымъ темпомъ, достигнувъ въ настоящее время значительныхъ размѣровъ. Противоборствовать общему дворянскому движенію значило подвергнуться сословной анаѳемѣ. «Сейчасъ, пишетъ по этому поводу г. Купринъ, я назову три имени: барона Сиверса, Фелькерзама и Меркеля. Эти великодушные люди имѣли

смѣлость преобороть личный шовинизмъ и сказать, что надо, наконецъ, обратить вниманіе на положеніе латышей.

Изъ нихъ Сиверсъ былъ объявленъ измѣнникомъ, Фелькерзамъ былъ утѣсненъ и разоренъ, какъ помѣщикъ, а Меркель проведъ остатокъ своихъ дней въ Америкѣ, какъ изгнанникъ» [1]).

Зная какую роль въ имѣніяхъ нашихъ бароновъ играли германскіе офицеры, зная политическую цѣнность нѣмецкихъ колонистовъ, можемъ ли мы удивляться тѣмъ явленіямъ, которыя наблюдались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края, какъ-то: появленію таинственныхъ аэропланов, сигнальныхъ ракетъ и огней, по побережью моря, нахожденію лѣсныхъ вышекъ, по образцу сигнальныхъ вышекъ Восточной Пруссіи и т. д. Изъ массы сообщенныхъ въ печати фактовъ этого рода напомнимъ лишь слѣдующіе, приводимые кн. Мансыревымъ [2]).

«Въ имѣніи Кауцемюнде былъ замѣченъ спускъ какого-то аэроплана. Мѣстный полицейскій урядникъ Яцилевичъ приступилъ къ производству дознанія по этому поводу, но младшій помощникъ митаво-баусскаго уѣзднаго начальника фонъ-Браше распорядился производство дознанія прекратить.

Въ окрестностяхъ имѣнія Лестенъ, принадлежащаго барону Фирксу, мѣстные жители часто видѣли непріятельскіе аэропланы; они утверждали, что для аэропланов имѣется и база на болотѣ, находящемся среди лѣса. Слухи эти дошли до командира расположеннаго въ городѣ Тукумѣ полка и полковому адъютанту было поручено произвести дознаніе. При дознаніи спрошенные мѣстные жители вполнѣ подтвердили слухи, нашедшіе подкрѣпленіе и въ произведенномъ осмотрѣ

---

[1]) См. „Рус. Слово“ 29 окт. 1914 г.

[2]) Хотя у насъ лично имѣется обширный матеріалъ, присланный намъ за время войны изъ Прибалтійскаго края по поводу указанныхъ явленій, но мы останавливаемся на сообщеніяхъ кн. Мансырева, какъ болѣе провѣренныхъ; впрочемъ, свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ вполнѣ совпадаютъ.

мѣстности. А кромѣ того выяснены были нѣкоторыя подробности о прикосновенности къ дѣлу самого владѣльца имѣнія. Обо всемъ обнаруженномъ полковой адъютантъ донесъ рапортомъ отъ 19 августа за № 3. По удостовѣренію начальника Тукумскаго уѣзда Левингка, личность барона Фиркса является внѣ всякихъ подозрѣній. Доказательствомъ къ чему, между прочимъ, является и близкое его знакомство съ губернаторомъ Набоковымъ, зачастую бесѣдующимъ съ нимъ по телефону.

Такъ былъ замолчанъ случай въ имѣніи Плененъ, Гробинскаго уѣзда, близъ города Либавы, гдѣ въ концѣ августа мѣстные жители видѣли спустившійся аэропланъ съ 3 лицами, изъ которыхъ одинъ сошелъ съ аппарата и скрылся въ лѣсу, а двое поднялись и улетѣли.

Упомянутый уже помощникъ уѣзднаго начальника фонъ-Бреше, получая сообщенія мѣстныхъ жителей о полетахъ аэроплановъ, бранилъ ихъ и такъ застращалъ, что они заявили производившимъ развѣдку воинскимъ чинамъ, что впредь не рѣшатся сообщать, если что-либо замѣтятъ.

Полеты аэроплановъ замѣчались въ Лифляндской губерніи. Такъ, мѣстные жители заявляли, что въ августѣ они неоднократно видѣли ихъ по направленію подъѣздного желѣзнодорожнаго пути отъ станціи Штокмансгофъ до имѣнія Альтъ Шванебургъ, принадлежащаго баронессѣ Вольфъ, вышедшей замужъ за графа Цеппелина. Около того же времени на станцію Штокмансгофъ были изъ Риги получены два вагона бензина неизвѣстно для какой цѣли, такъ какъ въ этой мѣстности какихъ-либо промышленныхъ предпріятій, потребляющихъ бензинъ, нѣтъ.

Спустя приблизительно недѣлю, мѣстные жители нашли аэропланъ на землѣ имѣнія Хинценбергъ, принадлежащаго барону Вольфу, къ которому перешло и имѣніе Альтшванебургъ. Летчиковъ на аэропланѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ не оказалось, и аппаратъ былъ жителями доставленъ въ г. Ригу. Другой аэропланъ, приблизительно въ то же время, былъ за-

мѣченъ въ предѣлахъ имѣнія Царникау, Рижскаго уѣзда, и подстрѣленъ мѣстными жителями, которые захватили летчика, по ихъ словамъ, германскаго инженера, и доставили его съ аппаратомъ также въ Ригу».

Однако, приведенные до сихъ поръ факты меркнутъ передъ случаями измѣны, посѣянной германскими эмиссарами, измѣны, въ которую вовлечены многіе члены громкихъ дворянскихъ фамилій прибалтійскаго края. Основываясь на справочной книгѣ, изданной въ 1907 году въ Дармштадтѣ подъ заглавіемъ «Adressbuch fur die ausserhalb ihrer Heimat lebenden Balten. Herausgegeben vom Verbande deutscher Balten in Darmstadt» г. Ренниковъ перечисляетъ слѣдующихъ балтовъ, перешедшихъ въ нѣмецкое подданство и состоящихъ нынѣ въ рядахъ нашего противника. Вотъ эти гнусные и подлые измѣнники, память о которыхъ должна перейти къ нашимъ потомкамъ:

Адольфи Вильгельмъ, лейтенантъ.
Баронъ фонъ-Ашенбергъ, лейтенантъ.
Бергенгрюнъ, Максъ, лейтенантъ.
Бейзе, Пауль, лейтенантъ.
Бурси, Отто, лейтенантъ и адъютантъ 32 пѣхотнаго полка.
Брутцеръ, Фридрихъ, оберъ-лейтенантъ.
Брутцеръ, Густавъ, лейтенантъ.
Фонъ-де-Декенъ, Куртъ, лейтенантъ.
Баронъ Дершау, лейтенантъ.
Баронъ фонъ-Фиркъ, лейтенантъ.
Гетгенсъ, Артуръ, лейтенантъ.
Баронъ Фрейтагъ, лейтенантъ.
Баронъ Фрейтагъ, оберъ-лейтенантъ.
Баронъ фонъ-Вигандъ, лейтенантъ.
Фонъ-Голандеръ, лейтенантъ.
Баронъ Гойнигенъ-Гюне, лейтенантъ.
Графъ Ламсдорфъ, флигель-адъютантъ.

Баронъ Мершайдъ, личный адъютантъ принца Фридриха-Вильгельма.

Пантенніусъ, лейтенантъ.

Фонъ-Петтерсонъ, лейтенантъ.

Шитманнъ, лейтенантъ.

Серафимъ, Викторъ, лейтенантъ.

Графъ Стенбокъ, лейтенантъ.

Баронъ Тизенгаузенъ, лейтенантъ.

Фонъ-Тилинъ, оберъ-лейтенантъ.

Баронъ Врангель, Ф., лейтенантъ.

И кромѣ этихъ многочисленныхъ лейтенантовъ еще множество женъ германскихъ офицеровъ, вродѣ госпожъ: Батчъ, Боденштейнъ, Бонинъ, Биненштамъ, Бюссе, Брутцеръ, Девицъ, Габеленцъ, Грегори, Горнъ, Кнобельсдорфъ, Крузенштернъ, Ламсдорфъ, Матиссенъ, Мюльбаумъ, Засъ, Шиманкъ, Тизенгаузенъ, Икскюль фонъ-Гильдебрандъ, Врангель, баронесы Вольфъ, нынѣ графини Цеппелинъ...

Насколько намъ извѣстно, по поводу приведеннаго г. Ренниковымъ перечня было сдѣлано лишь одно опроверженіе, разъясняющее происшедшее недоразумѣніе. Мы съ особымъ удовольствіемъ вычеркнули изъ этого проскрипціоннаго списка соотвѣтствующую фамилію [1]).

Связи нашихъ балтовъ съ Германіей и Австріей на этомъ однако не кончаются. Основываясь все на томъ же источникѣ, г. Ренниковъ утверждаетъ, что въ 1907 году проживало осѣвшихъ въ Германіи 1,746 человѣкъ нашихъ балтовъ, поддерживавшихъ непосредственную связь съ оставшимися въ Россіи родственниками; въ Австріи такихъ выходцевъ было всего лишь 51 человѣкъ [2]).

Удивительно ли, что благодаря процвѣтающей среди балтійскаго дворянства «моды» переводить дѣтей въ нѣмецкое

[1]) Въ 1911 году вышло новое изданіе дармштадтской адресной книги, согласно которой число измѣнниковъ достигаетъ уже 70 человѣкъ.

[2]) См. А. Ренниковъ. Въ странѣ чудесъ, Петр. 1915 и стр. 114 и сл.

подданство, наши враги прекрасно освѣдомлялись о всемъ, что заслуживало вниманія нѣмецкихъ военныхъ властей.

«Посмотрите же на то, что дѣлается въ «лояльномъ» Прибалтійскомъ краѣ, пишетъ г. Н. Демчинскій.

«Дней десять назадъ (1—2 ноября 1914 г.) мнѣ разсказывалъ одинъ ревельскій морякъ, что ни въ Ригѣ, ни въ Ревелѣ нельзя сдѣлать шагу, чтобы объ этомъ тотчасъ не знали въ Германіи. Всякія малѣйшія передвиженія флота совершаются въ чрезвычайной тайнѣ; распоряженія отдаются чуть ли не самимъ командующимъ «на ухо» командиру судна. Но только корабль поднялъ якоря и машина сдѣлала нѣсколько оборотовъ, какъ получается нѣмецкая безпроволочная телеграмма:

«Куда вы идете, «Рюрикъ»?

Или:

«Счастливаго пути, «Олегъ»!

Если бы это былъ шпіонажъ отдѣльныхъ лицъ, то онъ давно былъ бы открытъ, но такъ-какъ эти лица очевидно патронируются «одноклассниками», а пожалуй даже и представляются къ «очередной» наградѣ, то найти такого шпіона чрезвычайно трудно, а этотъ «единичный» проступокъ приходится распространить на всѣхъ укрывателей и, volens-nolens, нужно признать, что правы тѣ, кто говоритъ: «выпплите *всѣхъ* нѣмцевъ, и только тогда не будетъ шпіоновъ».

Вотъ до чего доигрались съ потомками «рыцарей» [1]).

Или еще «образчикъ нѣмецкой лояльности», сообщенный «Рижскимъ Вѣстникомъ». «Намъ передаютъ о слѣдующемъ фактѣ, лишній разъ подтверждающемъ «лояльность» балтійскихъ бароновъ, пишетъ газета. На-дняхъ на станціи Рига-Главная въ поѣздѣ изъ Муравьева (чр. Митаву) были найдены разныя забытыя вещи. При осмотрѣ вещей, съ цѣлью установить ихъ владѣльца, былъ найденъ, между прочимъ, чистый конвертъ съ письмами, адресованными баронессѣ Фирксъ, про-

---

[1]) См. „Нов. Вр." 11 ноября 1914 г.

живающей въ Митавѣ. Письма были отъ ея сына, прусскаго лейтенанта, сражающагося въ германской арміи противъ Россіи. Какимъ образомъ адресатка получала помимо цензуры эти письма, остается ея тайной и тайной ея сына. Изъ писемъ только видно, что и лейтенантъ получалъ письма отъ матери, такъ какъ въ одномъ письмѣ упомянуто: «твое послѣднее письмо я получилъ»... Лейтенантъ разсказываетъ матери, что получилъ за храбрость повышеніе, въ бою палъ ея племянникъ, баронъ Врангель, и вмѣстѣ съ нимъ, Фирксомъ, сражается также и баронъ Зассъ, племянникъ уѣзднаго начальника въ Курляндіи. Въ концѣ одного письма сынъ совѣтуетъ матери выѣхать въ Швецію и поселиться тамъ, выждавъ окончанія войны. Въ «фатерландъ» Фирксъ не совѣтуетъ ѣхать» [1]).

Мы не знаемъ, какія мѣры будутъ предприняты нашимъ правительствомъ для искорененія этой странной «моды», но полагаемъ, что, законы 2 февраля отнюдь не проиграютъ въ своемъ значеніи, если будутъ пополнены ограничительными правами въ отношеніи измѣнниковъ и ихъ ближайшихъ родственниковъ. Совѣщаніе при министерствѣ юстиціи, обсуждавшее мѣры къ сокращенію нѣмецкаго землевладѣнія и землепользованія въ Россіи, не нашло нужнымъ вводить какія-либо изъ проектировавшихся мѣръ въ отношеніи балтовъ только потому, что «лица, принадлежащія къ коренному дворянству отзейскихъ губерній, никогда не состояли въ подданствѣ Австріи, Венгріи или Германіи». Исторически эта справка вѣрна, но она не соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли только что, теперешнему положенію дѣлъ. Хотя наши балты никогда, до самаго послѣдняго времени, не состояли въ нѣмецкомъ подданствѣ, но многіе изъ нихъ *теперь состоятъ*, среди ихъ представителей замѣтно сильное стремленіе войти въ германское подданство вмѣстѣ со своими латифундіями. Законъ 2 февраля освобождаетъ отъ дѣйствія изданныхъ правилъ,—чѣмъ, есте-

[1]) См. „Р. В.“, декабря 1914 г. № 282.

ственно, создаетъ широкій путь къ его обходу,—выходцевъ нѣмецкаго происхожденія, между прочимъ тѣхъ, которые «удостовѣрили свое участіе или участіе одного изъ своихъ восходящихъ или нисходящихъ по мужской линіи въ боевыхъ дѣйствіяхъ русской арміи или русскаго флота противъ непріятеля въ званіи офицеровъ или въ качествѣ добровольцевъ, или принадлежность свою или кого-либо изъ означенныхъ лицъ къ числу получившихъ награды за боевыя отличія въ военныхъ дѣйствіяхъ сихъ армій или флота, или смерть одного изъ своихъ восходящихъ или нисходящихъ на полѣ брани». Эта же льгота распространяется на вдовъ перечисленныхъ лицъ.

Противъ подобнаго исключенія, по существу его, врядъ ли кто-либо подыметъ свой голосъ, но что сказать про тѣхъ балтійскихъ нѣмцевъ, соотвѣтствующіе родственники которыхъ совершили всѣ исчисляемые закономъ подвиги на полѣ брани въ рядахъ германскихъ или австрійскихъ войскъ противъ россійскаго воинства [1]).

Наконецъ, какъ быть въ томъ случаѣ, когда представители даннаго рода оказали бранные подвиги, сражаясь другъ противъ друга? Вѣдь такіе факты не только мыслимы, но *они уже имѣли мѣсто*... Вотъ какіе сложные вопросы возникаютъ благодаря тому, что германскіе подстрекатели завлекли въ свои сѣти неустойчивыхъ въ политическомъ смыслѣ лицъ, забывшихъ всѣ благодѣянія, которыми они пользовались въ Россіи и, которыми, конечно, не будутъ награждены въ Германіи или Австріи.

Мы знаемъ, что въ планъ германскаго шпіонства входитъ стремленіе вызывать внутреннюю смуту въ странѣ своихъ противниковъ. Слѣды германской работы и въ этомъ направленіи также видны въ Балтійскомъ краѣ. Скажемъ больше, можемъ ли мы быть вполнѣ увѣрены, что въ смутѣ 1905—1906 г.г.

---

[1]) О юридическихъ послѣдствіяхъ для балтовъ, перешедшихъ въ нѣмецкое подданство, см. нашу статью въ „Нов. Вр.“ 14 ноября 1914 г. (№ 13893).

балтійское дворянство неповинно? По крайней мѣрѣ уже есть безусловно достовѣрные факты, говорящіе, что авторами революціонныхъ воззваній, возбуждавшихъ эстонцевъ и латышей къ революціи, были сами балтійскіе дворяне, какъ напр., баронъ Гойнингенъ-Гюне и др. [1]).

Но то было давно. Для подтвержденія же нашихъ словъ не зачѣмъ ходить такъ далеко, когда мы знаемъ, что баронъ Менгденъ осужденъ за разсбрасываніе среди латышей прокламацій въ соціалъ-демократическомъ духѣ, призывавшихъ къ протесту противъ войны; когда по обыску у барона Фиркса, брата сражающагося въ германской арміи, у его горничной нашли прокламаціи, противъ настоящей войны, разную нелегальную литературу и переписку съ членами соціалъ-демократической партіи («Dumtenes Wehstnesis»); когда въ Ригѣ, въ Венденскомъ уѣздѣ, въ Смильтенской волости и т. д., разбрасываются прокламаціи, призывающія населеніе къ возстанію и протесту противъ войны, издающіяся отъ имени мѣстной соціалъ-демократіи; когда цѣлая серія пасторовъ выслана изъ края за противо-правительственныя рѣчи (напр., пасторы: фонъ-Денъ, Брифлингъ, Шиллингъ, Брунсъ, Артуръ фонъ-Базеръ, Гершельманъ, Рамсъ и др.); когда за учителями церкви послѣдовала плеяда дворянъ: баронъ фонъ-Оргисъ-Рутенбергъ, баронъ фонъ-Майдель; баронъ Бистромъ съ женою, урожденной баронессой Ганъ, баронесса Эльгерфельдъ, графиня Геннигъ, баронъ Фитингофъ, баронъ Мантейфель, баронъ Вольфъ и т. д. и т. д.

Принимая во вниманіе всю совокупность фактовъ, наблюдаемыхъ въ Балтійскомъ краю, невольно задумаешься надъ вопросами: одними ли чисто хозяйственными интересами руководились балтійскіе дворяне, уклоняясь отъ гражданской обязанности поставить лошадей по мобилизаціи, и если указанные интересы преобладали, то у всѣхъ ли? Такъ или иначе, но скандальные процессы показали, что въ лучшемъ случаѣ

---

[1]) См. А. Реннинов. Ук. соч., стр. 148, 287 и др.

виновнымъ балтамъ военные успѣхи Россіи болѣе чѣмъ неинтересны.

Судя по свѣдѣніямъ печати, лошади и коровы были скрыты въ имѣніяхъ князя Ливена, барона Рекке, графа Палена, барона Делингсгаузена, барона Гойнингенъ-Гюне, барона Медема, барона Майделя, барона Таубе, барона Вольфа, барона Іоноффенберга, барона фонъ-Энгельгарда и т. д.

Мы изложили положеніе въ прибалтійскомъ краѣ, вызванное войною, не уклоняясь отъ фактовъ, достовѣрность которыхъ нынѣ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, несмотря на многочисленныя выступленія съ опроверженіями прибалтійскихъ дворянъ. Да и что говорятъ эти опроверженія?[1])

Всякій человѣкъ можетъ ручаться только за себя, а развѣ найдется кто-либо, кто станетъ утверждать, что *всѣ* балтійскіе нѣмцы выбились изъ русла русской жизни, что *всѣ* они почитаютъ Вильгельма за своего кайзера, что *всѣ* они ждутъ какъ зорю освобожденія армію германскаго императора, что *всѣ* они нарушили долгъ вѣрности и долгъ присяги? Конечно, этого сказать нельзя, но также нельзя отрицать достовѣрность свѣдѣній, изобличающихъ многихъ представителей этой окрайны въ активномъ тяготѣніи къ Германіи. Намъ думается, что лучше всякихъ словъ на истинное положеніе въ краѣ указываютъ тѣ исключительныя мѣры предосторожности, которыя предпринимались военнымъ начальствомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: реквизиція телефонной сѣти въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ; назначеніе преміи въ 5.000 руб. за поимку или задержаніе непріятельскаго летательнаго аппарата; обязательное затемненіе всѣхъ источниковъ свѣта, обра-

[1]) Характернымъ явленіемъ можетъ служить таинственная брошюра, направленная въ защиту балтовъ противъ обличеній русской печати, печатавшаяся въ курляндской губернской типографіи съ вѣдома, если даже не съ одобренія, губернатора. Доводы этой анонимной брошюры крайне неубѣдительны и маловѣсны, къ сожалѣнію, мы сейчасъ ее не имѣемъ подъ рукой и не можемъ поэтому дать о ней понятіе читателю.

щенныхъ въ сторону моря; воспрещеніе всѣмъ безъ изъятія жителямъ Эстляндской, Лифлянской и Курляндской губ. сноситься съ подданными воюющихъ съ нами державъ письменно или инымъ путемъ; воспрещеніе телефонныхъ разговоровъ въ Перновѣ и его окрестностяхъ на 50-верстномъ разстояніи; воспрещеніе отправлять всѣмъ безъ исключенія закрытыя письма изъ Либавы и Гробинскаго уѣзда.

Не будь даже изложенныхъ выше фактовъ, то все же только однѣ приведенныя распоряженія правительственныхъ властей намъ говорятъ о томъ, сколь глубокія корни успѣлъ пустить нѣмецкій шпіонажъ «въ балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ германскіе братья стонутъ подъ игомъ славянъ!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ дневника шпіона.

Ниже мы приводимъ выдержки изъ дневника изобличеннаго шпіона, котораго назовемъ буквою Z. По происхожденію русскій полякъ, Z эмигрировалъ въ Пруссію, гдѣ затѣмъ былъ завербованъ въ бюро шпіонажа, работалъ въ этомъ смыслѣ нѣкоторое время, но во время одной поѣздки подвергся въ Россіи аресту, былъ судимъ и приговоренъ къ заключенію въ арестантскія отдѣленія. Желая хоть нѣсколько оправдать себя въ глазахъ родныхъ, Z, отбывая наказаніе, занесъ въ дневникъ свою одиссею. Родители Z умерли, не дождавшись его свободы, самъ же Z, выйдя изъ арестантскихъ отдѣленій и уѣхавъ въ Пруссію, вскорѣ застрѣлился. Записки Z достались одному его родственнику, отъ котораго мы получили ихъ съ правомъ полнаго распоряженія. Дневникъ Z, какъ бывшаго шпіона, представляетъ большой интересъ, и мы рѣшили его опубликовать, исключивъ лишь страницы, не относящіяся къ больному вопросу нашего времени. Мы сохранили изложеніе подлинника, сдѣлавъ лишь необходимыя исправленія, такъ какъ слогъ Z пестритъ полонизмами [1]).

* * *

« ... Въ январѣ или февралѣ 189... года одинъ голштинскій пріятель писалъ мнѣ: «Недавно, я ходилъ въ военный контроль (Militär-Controle). Офицеръ, производившій повѣрку,

[1]) Подлинность записокъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ на оригиналѣ, бывшемъ у насъ въ рукахъ, имѣлась отмѣтка тюремной инспекціи.

просилъ собравшихся заявить, кто изъ нихъ владѣетъ иностранными языками. Вѣроятно, такихъ людей ищутъ. До сихъ поръ ты дѣлалъ хорошіе успѣхи; но мнѣ кажется, что можешь сдѣлать еще лучшіе. Ты владѣешь русскимъ и польскимъ языками, что у насъ, въ Германіи, рѣдкость. Поэтому совѣтую тебѣ предложить свои услуги военному министру, и я увѣренъ, что вскорѣ получишь хорошую должность въ его канцеляріи».

Слова эти заставили меня задуматься. Возможность получить мѣсто въ канцеляріи военнаго министра была заманчива, но все же я рѣшилъ ранѣе еще усовершенствоваться въ знаніи русскаго языка.

Такъ я учился цѣлый годъ. Наконецъ, чувствуя себя уже достаточно подготовленнымъ, я рѣшился подать прошеніе военному министру фонъ-Кантенборнъ-Штахау, предлагая ему мои услуги по русскому и польскому языкамъ...

Прошло нѣсколько недѣль безъ отвѣта, какъ вдругъ полицейскій секретарь (Amst-Sécretair), съ которымъ я былъ знакомъ,—сообщилъ мнѣ, что кто-то изъ Берлина наводитъ въ полиціи справки о моемъ поведеніи. Я догадался, что это значитъ, и разсказалъ полицейскому чиновнику о моемъ поступкѣ. Наконецъ, я получилъ письмо, въ которомъ меня извѣщали, что согласно моему прошенію на имя военнаго министра господинъ X будетъ имѣть удовольствіе навѣстить меня. Посѣтителемъ оказался капитанъ X. Въ теченіе разговора онъ объявилъ мнѣ, что военный министръ передалъ полученное имъ прошеніе на усмотрѣніе главнаго генеральнаго штаба, гдѣ въ должной мѣрѣ заинтересовались моимъ прошеніемъ.

— Я имѣю порученіе,—сказалъ капитанъ X,—объявить вамъ, что генеральный штабъ васъ принимаетъ. Для васъ будетъ хорошее занятіе по части чтенія русскихъ и польскихъ газетъ (Zeitungsleser), но, такъ какъ этимъ у насъ занимаются офицеры, то вамъ придется дожидаться вакансіи. До того же времени для васъ найдется другое занятіе.

Послѣ этого капитанъ X разспрашивалъ меня про Польшу

и польскій народъ: какія главнѣйшій свойства нравовъ и черты національнаго характера поляковъ, а также, ѣздилъ ли я когда-нибудь по этому краю и знакомъ ли онъ мнѣ?

Изъ моего прошенія онъ зналъ, что мои родные живутъ въ Варшавѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что было бы хорошо не писать имъ о перепективѣ новой должности, пока не буду въ Берлинѣ, съ чѣмъ я и согласился; а потомъ, потомъ также было воспрещено мнѣ объ этомъ извѣщать ихъ.

Вмѣстѣ съ капитаномъ X была дама, которая во время нашего разговора отлучилась...

При прощаніи капитанъ X сказалъ, пожимая мнѣ руку: «До свиданья!—какъ только представлю начальству докладъ, вы получите ближайшія указанія».

О, если бъ я ихъ никогда не получалъ!

Спустя нѣсколько дней, я получилъ приглашеніе въ Берлинъ, въ ресторанъ «Zum Franciskener». Тамъ встрѣтилъ капитана X, который представилъ меня тайному совѣтнику X, назвавъ его какъ своего и моего будущаго шефа.

Результатомъ свиданія было опредѣленіе меня на 200 марокъ въ мѣсяцъ.

Каждый пойметъ, что, не предчувствуя скрытой засады, я торопился скорѣе быть въ Берлинѣ, тѣмъ болѣе, что они сами желали имѣть меня на службѣ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ и нанявъ себѣ квартиру, я увѣдомилъ объ этомъ капитана X. На слѣдующій день онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что сейчасъ для меня нѣтъ занятій, но что шефъ желаетъ, чтобы я въ лѣтніе мѣсяцы сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи. Онъ сталъ мнѣ объяснять, что такія поѣздки на свѣжемъ воздухѣ очень пріятны и полезны для здоровья; только надо быть немножко осторожнымъ въ отношеніи полиціи. Я отвѣчалъ ему, что не желалъ бы имѣть дѣло съ полиціей, но, разъ вступивъ на службу, я принужденъ исполнять то, что требуется и потому всякое желаніе шефа—для меня приказъ.

Тутъ я долженъ замѣтить, что положительно никакихъ со-

вѣтовъ, никакихъ наставленій для моихъ новыхъ поѣздокъ я не получилъ. Всѣ наставленія заключались въ слѣдующемъ: капитанъ X принесъ мнѣ для ознакомленія 2 книги, касающіяся русскихъ военныхъ, т.-е. офицеровъ, солдатъ и т. д., маршрутъ, одну большую и 3 спеціальныя, 3-верстныя карты русскаго главнаго штаба, по которымъ я долженъ былъ изучить свой маршрутъ, инструкцію и схему съ 7 вопросами, касающимися состоянія дороги, по которой мнѣ придется ѣхать, и ея обочинъ.

Въ инструкціи, которую я немедленно просмотрѣлъ, говорилось, чтобы не имѣть при себѣ никакихъ записокъ. Я спросилъ капитана X, возможно ли сдѣлать описаніе дорогъ, по которымъ буду ѣздить, если не заносить своевременно никакихъ замѣтокъ? Онъ отвѣчалъ, что сперва это дѣйствительно трудно, но затѣмъ можно достигнуть большого искусства, если все видѣнное на пройденномъ пространствѣ повторять на память. Однако я усомнился въ такой возможности и сказалъ ему, что не вѣрю, чтобы человѣкъ, проѣхавъ безъ записокъ значительное разстояніе, могъ съ чистою совѣстью сказать, что описанное имъ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Въ отвѣтъ онъ мнѣ поддакнулъ и посовѣтовалъ описывать мои поѣздки въ частныхъ письмахъ въ своимъ роднымъ, въ Варшаву; потомъ собрать ихъ и сдѣлать по нимъ докладъ. Что касается расходовъ, то капитанъ X сказалъ мнѣ, что при поѣздкахъ за границу жалованье мое повышается до 10 марокъ въ день, ѣзда по желѣзной дорогѣ будетъ мнѣ вознаграждена по II классу, пароходомъ по I классу, а при наймѣ подводъ—50 пфениговъ за каждый километръ. Въ концѣ разговора онъ добавилъ, что когда окончу изученіе маршрута, то долженъ буду извѣстить объ этомъ. Послѣ этого мы разстались.

Таково было фактическое наставленіе, которое я получилъ для моихъ первыхъ поѣздокъ по Россіи.

Послѣ ухода капитана X, я взялся за чтеніе принесенныхъ мнѣ книгъ. Однако, долженъ сознаться, что не понималъ чи-

таемаго. На слѣдующій день бросилъ книги, не найдя въ нихъ ничего полезнаго, и взялся за 3-верстныя карты; но и тутъ было почти то же самое. Теперь я отлично знаю, какъ надо изучать маршрутъ; но тогда вся эта работа была дѣйствительно безполезна. Я не зналъ, чему учиться на картахъ, а спрашивать не хотѣлъ, чтобы меня не высмѣяли. Интересно бы знать: почему капитанъ X поступилъ со мною такъ, какъ будто я уже все зналъ? Что онъ думалъ? Насколько я сегодня знаю, для такихъ вещей есть офицеры—топографы, получившіе по этой части спеціальное образованіе.

Я поступилъ очень просто: первый и послѣдній пункты нумерованныхъ линій маршрута списалъ себѣ, а о другихъ не заботился...

Такимъ образомъ, сдѣлавъ себѣ свой собственный маршрутъ, я выучилъ его наизусть; полученныя же карты бросилъ въ уголъ. Замѣчу здѣсь, что свой маршрутъ во все время своихъ поѣздокъ въ томъ году я имѣлъ при себѣ, хотя дѣлать это мнѣ было воспрещено.

Капитанъ X совѣтывалъ раздѣлить этотъ маршрутъ на три части, т. е. на три поѣздки, что я и сдѣлалъ. Черезъ 5—6 дней я написалъ капитану X, что готовъ и ожидаю дальнѣйшихъ инструкцій.

Посѣтивъ меня, онъ сказалъ, что надо бы придать моимъ поѣздкамъ какой-нибудь коммерческій характеръ. Для этого надо бы заручиться агентствомъ. Мнимое агентство имѣло смыслъ: не занимало много времени да притомъ ничего не стоило. Мнѣ пришло въ голову ѣздить подъ видомъ скупщика древностей. Капитанъ X одобрилъ мою мысль и приказалъ мнѣ постараться получить рекомендацію какого-нибудь берлинскаго купца. Однако, это мнѣ не удалось. Я вернулся на свою квартиру доложить капитану X о моей неудачѣ. Явившись ко мнѣ, онъ передалъ листъ бумаги со словами: «вотъ, имѣется рекомендація безъ всякихъ трудовъ». Рекомендація эта была на французскомъ языкѣ, писана шапирографомъ (Schreibmaschine), съ подписью «Charles Dubois», въ Ліонѣ.

Это было по крайней мѣрѣ правдоподобно для предъявленія полиціи.

Маршрутъ мой былъ раздѣленъ на три поѣздки; послѣ каждой поѣздки надо было сдѣлать докладъ. Гдѣ его составить и какимъ образомъ доставить въ генеральный штабъ? Отвѣтъ капитана X былъ слѣдующій: въ Варшавѣ, посредствомъ англійскаго консульства. Онъ разсказалъ мнѣ, что имѣетъ въ Лондонѣ знакомаго офицера, который однажды обѣщалъ ему свое содѣйствіе, если бы въ этомъ оказалась нужда. Онъ хотѣлъ упомянутаго знакомаго извѣстить, а тѣмъ временемъ далъ мнѣ его адресъ. Итакъ, я долженъ былъ сдѣлать докладъ въ Варшавѣ, запечатать его въ конвертъ съ надписью «für Berlin», вложить все это въ другой конвертъ съ англійскимъ адресомъ и отнести въ англійское консульство, которое до того времени получитъ приказъ принять всѣ письма для упомянутаго адресата. Я спросилъ капитана X, почему это не можетъ сдѣлать нѣмецкій консулъ, съ которымъ не было бы столько затрудненій, но получилъ отвѣтъ, что нѣмецкій консулъ не принимаетъ вещей, содержанія которыхъ онъ не знаетъ, такъ какъ изъ этого можетъ произойти политическій инцидентъ [1]).

Наконецъ, я выѣхалъ изъ Берлина 11 или 12 іюля въ Кѣлецкую губернію. На станціи Мѣховъ я остановился; оттуда дальше поѣхалъ подводами. Проѣхалъ я въ то время по линіямъ: Мѣховъ—Скальбмержъ—Стопница—Пацановъ—Поланецъ—Сташовъ—Осѣкъ—Конржывица—Сандоміръ—Завихостъ—Якубице—Сандоміръ.

Ѣзда была сначала пріятная: солнечная погода, холмистая мѣстность, лѣса и т. д. Только одно было не хорошо: «полиція»!—Это слово звучало у меня безпрестанно въ ушахъ. Ѣздить такимъ образомъ мучительно: человѣкъ и днемъ и ночью

[1]) Въ концѣ года, въ Варшавѣ произошла перемѣна германскихъ консуловъ: должность занялъ баронъ Брюкъ, который принималъ дѣятельное участіе въ нѣмецкомъ шпіонствѣ, не боясь никакихъ инцидентовъ. *(Прим. наше).*

не имѣетъ спокойствія, находясь все время въ нервномъ напряженіи. Извозчики, которыхъ я имѣлъ, были по преимуществу евреи. Они опасны своимъ любопытствомъ: имъ непремѣнно нужно знать кто ихъ нанялъ, откуда онъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ. Чтобы не возбуждать подозрѣній, приходилось любопытство ихъ удовлетворять ложью.

Какъ уже выше было сказано, капитанъ X совѣтовалъ мнѣ описывать дорогу въ письмахъ къ своимъ роднымъ, въ Варшаву. Пріѣхавъ въ гор. Сташовъ, я описалъ проѣханное и отослалъ почтой.

Окончивъ первый отдѣлъ маршрута, я, со станціи Островецъ, отправился въ Варшаву... Какъ докладъ писать,—капитанъ X ничего мнѣ не говорилъ, а я со своей стороны вовсе не понималъ «тогда» его дѣловой серьезности (Sachlichkeit).

Инструкція требовала отъ меня лишь отвѣтовъ на 7 вопросовъ, что составляло мою главную задачу. Я взялся за работу, сдѣлалъ ее по своимъ понятіямъ и отправился въ англійское консульство. Англійскій консулъ не принялъ у меня письмо, объяснивъ, что для этого ему нужно особое разрѣшеніе англійскаго правительства.

— Я вамъ совѣтую,—сказалъ консулъ,—купить марки, наклеить ихъ и бросить письмо въ почтовый ящикъ.

Совѣтъ этотъ я самъ хорошо зналъ; но такъ какъ мнѣ этого нельзя было сдѣлать, то я уѣхалъ въ Торнъ, откуда послалъ письмо въ Берлинъ, вмѣстѣ съ объясненіемъ причины нарушенія инструкціи.

Въ полученномъ мною отвѣтѣ изъ Берлина говорилось, что докладъ мой очень хорошъ, только мнѣ указывали, чтобы нѣкоторыя вещи впредь писать иначе. Тогда же меня извѣщали, что въ слѣдующій разъ англійское консульство уже приметъ письмо.

Вернувшись черезъ Млаву въ Варшаву, я сдѣлалъ вторую поѣздку по линіямъ: Заверце—Подзамче—Пилица—Жарновецъ — Пржелай — Водзиславъ — Пинчовъ — Буксъ — Стоп-

ница— Шидловъ—Раковъ—Иваниска—Опатовъ—Островецъ—Броды—Вонхоцкъ.

Окончивъ вторую поѣздку, я возвратился въ Варшаву, сдѣлалъ докладъ и пошелъ опять въ англійское консульство. Но консулъ и теперь не принялъ пакета, объяснивъ, что предварительно ему нужно спросить объ этомъ свое правительство. Впослѣдствіи я узналъ, что таинственный лондовскій господинъ прилагалъ для этого старанія, которыя, однако, оказались тщетными.

Что же оставалось дѣлать?—Я подалъ телеграмму въ Берлинъ: «Bullejahn nimmt mich an; was anfangen»?

Отвѣтъ гласилъ:

«Geschäft beendigen, dann über Benthen oder Thor».

Но что же дѣлать съ готовымъ докладомъ? Возить его съ собою было опасно, а потому я отнесъ конвертъ къ матери (въ Варшавѣ), попросивъ ее спрятать мой конвертъ на нѣкоторое время.

Тѣмъ временемъ я сдѣлалъ третью и послѣднюю поѣздку моего маршрута, по линіямъ: Бзинъ—Шидловецъ—Ястржомбъ—Илжа—Липско—Солецка Воля—Яновецъ—Гура Пулавска.

Окончивъ все, я опять вернулся въ Варшаву, взялъ поскорѣе находившійся у матери пакетъ, важность котораго она не подозрѣвала, и уѣхалъ черезъ Бреславль въ Берлинъ, куда я пріѣхалъ, если не ошибаюся, 2 октября н. ст. Окончивъ третій докладъ, я увѣдомилъ капитана X о моемъ пріѣздѣ, и на слѣдующій же день онъ ко мнѣ зашелъ.

Капитану X не понравилось, что я въ такое короткое время очень похудѣлъ. Однако, тутъ нечему удивляться: долго работать при такихъ поѣздкахъ невозможно. Продолжительное нервное настроеніе изъ опасенія быть накрытымъ полиціей; тревожныя ночи; жизнь, полная лишеній за недостаткомъ какой-нибудь порядочной пищи въ польско-жидовскихъ гнѣздахъ; утомленіе отъ ежедневной тряски на проклятыхъ жидовскихъ возахъ,—вотъ какой поэзіей должны наслаждаться вояжеры прусскаго главнаго генеральнаго штаба.

Капитанъ X сказалъ, что мои доклады правильны, что́ меня, разумѣется, обрадовало. Далѣе совѣтовалъ мнѣ употребить свободное время, которое теперь буду имѣть, на отдыхъ.

Здѣсь долженъ замѣтить, что всѣ три доклада были сдѣланы безъ помощи спеціальныхъ картъ, единственно по моимъ стенографическимъ записямъ.

Отдохнувъ около двухъ недѣль, я получилъ приказаніе приготовиться къ поѣздкѣ въ окрестности Берлина съ поручикомъ N. Поручикъ N не хотѣлъ открыть мнѣ тотчасъ же цѣль поѣздки, но такъ какъ я его распрашивалъ, то все же узналъ, что мои доклады оставляютъ желать многаго. Съ одной стороны, мнѣ сдѣлалось стыдно, но, съ другой стороны, являлся вопросъ: зачѣмъ они меня не учили? Развѣ моя вина, что доклады должны быть лучше? Можетъ ли дать что-нибудь хорошаго человѣкъ, не имѣющій понятія о стратегіи или топографіи?

Поѣхали мы восточной желѣзной дорогой до станціи Dahmsdorf-Müncheberg; отсюда наняли лошадей и ѣздили цѣлый день до вечера, причемъ N меня училъ, а я дѣлалъ свои замѣтки.

Пріѣхавъ назадъ, въ Берлинъ, поручикъ N пригласилъ меня на слѣдующій день къ себѣ на квартиру, откуда пошли вмѣстѣ въ генеральный штабъ. Тамъ мы обработали нашу поѣздку при помощи картъ. Съ этого времени я ходилъ въ генеральный штабъ и такимъ образомъ научился топографіи.

Погода въ Берлинѣ была еще прекрасная и поэтому рѣшили меня послать еще разъ въ Россію. Маршрутъ для этой поѣздки былъ короткій, такъ какъ скоро могли наступить холода. Въ случаѣ снѣга, велѣли мнѣ прекратить поѣздку, такъ какъ нельзя видѣть окружающую мѣстность.

Въ то время происходила въ Россіи транслокація войскъ. Мнѣ поручили узнать про это все, что возможно. Выѣхалъ я изъ Берлина 1 ноября (н. ст.) и остановился въ Петроковѣ. Въ день моего пріѣзда прибылъ изъ N-ска полкъ солдатъ, далѣе узналъ, что полкъ, стоявшій до сихъ поръ въ C., переведенъ въ Z., а въ C. прибыли стрѣлки.

Послѣ этого я вернулся въ Берлинъ, такъ какъ, къ моей большой радости, уже выпалъ снѣгъ.

Сдѣланный мною докладъ по русскимъ картамъ въ генеральномъ штабѣ былъ дѣйствительно хорошъ.

Черезъ двѣ недѣли приказали мнѣ ѣхать въ Шпандау, гдѣ поручикъ Q получилъ порученіе ознакомить меня съ фортификаціей. Я поѣхалъ въ Шпандау, взявъ съ собою для предстоящихъ уроковъ спеціальныя книги съ чертежами.

Сперва мы поѣхали въ одно мѣсто, но куда именно, не знаю. Мѣсто это было открытое, небольшое; при входѣ ворота, за ними пороховой магазинъ, а кругомъ—пусто. Вокругъ былъ ровъ съ водою, а передъ рвомъ валъ. Осмотрѣвъ все, мы поѣхали на фортъ. Поручикъ Q показалъ мнѣ какъ внутреннее, такъ и наружное его устройство.

Стоя на валу и смотря внизъ, во рвы, я спросилъ моего наставника:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, по вашему мнѣнію, можетъ ли посторонній человѣкъ хотя бы малѣйшую часть добросовѣстно измѣрить и зачертить изъ всего, что мы здѣсь видимъ, не попавшись при этомъ въ плѣнъ?

Поручикъ Q помолчалъ съ минуту, потомъ отвѣтилъ:

— Я вамъ этого сказать не могу.

— Я такъ и зналъ, что вы мнѣ этого сказать не можете,— замѣтилъ я,—но я прошу васъ сказать мнѣ,—что вы сами объ этомъ думаете?

— Что я думаю?..—я думаю, что работа очень опасная.

Для меня этого было довольно. Пообѣдавъ съ нимъ, я уѣхалъ въ Берлинъ, сказавъ ему, чтобы меня онъ болѣе не ждалъ. Осматриваніе фортовъ заняло у насъ 4 часа времени.

Прибывши на свою квартиру, я въ раздраженіи составилъ письменный рапортъ, который на слѣдующій день представилъ шефу. Въ рапортѣ я прямо указалъ, что зачерчиваніе фортовъ равносильно самоубійству, что предоставляю совершать такія поѣздки спеціалистамъ-офицерамъ, не имѣя къ тому никакой охоты, и что при моемъ зачисленіи на должность объ этомъ

мнѣ ничего не было сказано. Если подобная работа требуется непремѣнно, то я буду принужденъ оставить службу.

По поводу моего рапорта, шефъ замѣтилъ только, что съ одной стороны я правъ, съ другой—нѣтъ. Правда, что опасно быть фортификаторомъ, но безъ трудовъ это не дается. Въ виду моей настойчивости, шефъ обѣщалъ на будущее время подобной работы отъ меня не требовать и добавилъ, что условленное мѣсто я займу, какъ только откроется вакансія, до того же времени я долженъ былъ провести зиму въ Россіи.

Не знаю, было ли это слѣдствіемъ рѣзкости моего рапорта, или чего-нибудь другого, но уже въ этотъ самый день со мной заключили контрактъ, въ которомъ я названъ былъ какъ чиновникъ-діэтаръ (Diätar-Beamter) и по которому договоръ службы обѣими сторонами долженъ возобновляться за 3 мѣсяца передъ концомъ каждой половины года. Контрактъ этотъ, подписанный шефомъ и мною, остался въ генеральномъ штабѣ.

Теперь надо было обдумать планъ моего предстоящаго пребыванія въ Россіи. Такъ какъ мнѣ не давалось никакихъ спеціальныхъ порученій, то было рѣшено, что я буду ѣздить изъ одного города въ другой, подъ видомъ нумизмата, увѣдомляя при этомъ генеральный штабъ о каждой перемѣнѣ мѣстопребыванія. Маршрутъ для этой цѣли былъ таковъ: Варшава—Сѣдлецъ—Брестъ-Литовскъ—Минскъ—Смоленскъ—Двинскъ—Рига—Либава—Вильна—Гродна—Бѣлостокъ—Варшава.

На время предположеннаго пребыванія въ Варшавѣ надо было заручиться фактическимъ заступничествомъ нѣсколькихъ домовъ. Посредствомъ газетныхъ объявленій и т. д. я получилъ заступничество трехъ фирмъ. Съ кое-какими товарами, безъ всякихъ порученій генеральнаго штаба, 23 декабря я отправился въ Варшаву.

Что касается порученій генеральнаго штаба, то въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ (январь и февраль н. ст.), прожитыхъ мною въ Варшавѣ, я получилъ три. Во-первыхъ, требовалось узнать, когда будетъ окончено шоссе отъ N до M. чтобы узнать это, я поѣхалъ въ Ново-Минскъ. Тамъ была

канцелярія шоссейной комиссіи, въ которой я, какъ «предприниматель постройки шоссе», узналъ, что шоссе должно быть построено, если не ошибаюсь, къ концу 189... года. Во-вторыхъ, нужно было узнать, сколько военныхъ пароходовъ содержится на рѣкѣ Вислѣ. Я не исполнилъ этого порученія, не зная, у кого получить свѣдѣнія. Третье порученіе касалось какой-то книжки, въ которой должны были быть обозначены всѣ мѣстности Привислинскаго края, въ которыхъ находятся лекаря, аптеки, госпитали и т. д.

Замѣтку объ этомъ помѣстилъ или «Kurjer Poranny», или «Kurjer Codzienny». Главный лекарь варшавскаго медицинскаго округа, фимилію не помню, сказалъ, что такой книжки вовсе не существуетъ, а полученныя мною свѣдѣнія,—газетная утка.

Состоя сравнительно короткое время на службѣ, я не могъ разсчитывать на отпускъ, но такъ какъ здоровье мнѣ было дороже всего, то я замѣтилъ въ прошеніи, что «добровольно отказываюсь отъ жалованья за все время отпуска». Въ отвѣтъ на прошеніе, шефъ написалъ мнѣ, что жалованье будетъ сохранено, но передъ возвращеніемъ въ Берлинъ я долженъ буду совершить поѣздку по Россіи, согласно маршруту, по линіи: Варшава—Прушковъ—Мщоновъ—Бѣлобржеги.

Въ Бѣлобржеги я пошелъ на ярмарку. Около рѣки встрѣтилъ извозчика изъ Мщонова, который задержалъ меня и сообщилъ, что его товарищи-евреи, узнавши направленіе, по которому я хочу ѣхать, собрались и стали разсуждать, зачѣмъ я ѣду въ Варку черезъ Лясечно, дѣлая такимъ образомъ кругъ въ 70 верстъ, когда изъ Мщонова въ Варку всего 16 верстъ по прямой линіи. Тутъ что-то неясно, рѣшили они, надо позвать полицію, чтобы самимъ не быть въ отвѣтѣ.

Я притворился, будто это извѣстіе для меня смѣшно, однако, поблагодарилъ извозчика за его любезность и пошелъ въ номеръ спрятать записки. Цѣлую ночь я не спалъ, ожидая полицію; но, вѣроятно, на ярмаркѣ лилась водка, благодаря чему ко мнѣ никто не явился.

Въ Варкѣ, въ трактирѣ, задержала меня полиція. Передъ обыскомъ полицейскіе вышли въ сосѣднюю камнату посовѣтоваться. Этимъ временемъ я воспользовался для скрытія записокъ. Полицейскіе, обыскивавшіе меня, были очень вѣжливы: они всего лишь осмотрѣли мой чемоданъ, и, взявъ съ собою одну медицинскую книгу, счеты изъ гостиницы въ Сумахъ, одну ландкарту, купленную мною въ Варшавѣ въ типографіи Gebethner et Wolff'a за 50 копѣекъ, одну карту со всѣми желѣзными дорогами Россійской имперіи, вырванную мною изъ желѣзнодорожнаго путеводителя за 189... годъ и паспортъ,— ушли, сказавъ, что на слѣдующее утро, въ 6 часовъ, получу свои вещи обратно. Какъ я потомъ узналъ, они думали, что я офицеръ. Утромъ я вложилъ свои замѣтки въ конвертъ, затѣмъ въ чулокъ, подъ подошву ноги, ожидая, что будетъ дальше. Нанятый извозчикъ не явился, онъ думалъ, что меня уже задержатъ; изъ магистрата тоже никого не было видно. Набравшись немного смѣлости, я самъ пошелъ къ бургомистру, который выслушалъ меня и, не найдя въ моихъ бумагахъ ничего подозрительнаго, отпустилъ на свободу.

Я нанялъ другого извозчика и отправился въ путь. Однако надо было соблюдать осторожность. Сколько я замѣтилъ, нанятый мною извозчикъ имѣлъ порученіе наблюдать за мною. Поэтому, проѣхавъ съ нимъ около 85 верстъ, я ничего не записывалъ въ моей книжкѣ. Пріѣхавъ въ Радомъ, замѣтилъ, что могъ припомнить изъ послѣдней поѣздки и списавъ все, что имѣлъ при себѣ, отнесъ на почту. Письмо это было отправлено къ молодому архитектору, одному изъ пріятелей, подъ адресомъ: Bernhard, Berlin, S. O., Skalitzer Str. 118,— но съ передачей лично мнѣ.

Тутъ я и былъ арестованъ.

Вспоминаю еще, что въ Конскѣ, гдѣ меня держали два дня, я нашелъ достаточно времени, чтобы написать письмо въ Берлинъ съ извѣщеніемъ о моемъ несчастьи. Пріѣхавъ въ Варшаву, далъ это письмо носильщику на дворѣ и, заплативъ ему хорошо, попросилъ бросить письмо въ почтовый ящикъ.

Разумѣется, что сопровождавшій меня полицейскій ничего не видалъ.

Такимъ образомъ, въ Берлинѣ узнали, что со мной случилось.

Во время моихъ скитаній много нужныхъ фактовъ я слыхалъ отъ офицеровъ. Особое удовольствіе доставляли себѣ нѣкоторые изъ нихъ, приглашая меня на стаканъ пива, причемъ шутили надо мной за то, что просиживаю цѣлый вечеръ за однимъ стаканомъ, въ виду чего, дескать, кельнеръ долженъ съ меня брать за входъ въ ресторанъ и за потребленіе освѣщенія. Но все-таки я былъ очень радъ этимъ приглашеніямъ, такъ какъ разговоры иногда бывали для меня очень важны.

Теперь мнѣ не могутъ отказать въ обѣщанной должности, такъ какъ я уже буду «инвалидомъ» на государственной службѣ»...

Оправдались ли ожиданія Z, мы не знаемъ, но фактъ самоубійства подсказываетъ мысль, что не вполнѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шпіонскіе процессы въ Германіи.

Факты, изложенные нами на страницахъ настоящаго изслѣдованія, наглядно показываютъ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигъ нѣмецкій шпіонажъ. Политика, администрація, промышленность и наука, однимъ словомъ, всѣ стороны жизни многомилліоннаго народа были просочены шпіонствомъ, все было приспособлено въ интересахъ этого «стараго нѣмецкаго бога». Было бы страннымъ диссонансомъ, еслибы кучка вершителей судебъ Германской имперіи оставила безъ вниманія судъ, если бы она допустила судьямъ руководствоваться въ своей дѣятельности принципами, не только идущими въ разрѣзъ съ интересами шпіонства, но даже только не гармонирующими съ ними. И, дѣйствительно, на основаніи многихъ документовъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ,—о фактахъ, оглашенныхъ въ печати, уже не говоримъ,—мы утверждаемъ, что германскій судъ, во всѣхъ своихъ инстанціяхъ, въ процессахъ о шпіонахъ руководствуется инструкціями, данными свыше—изъ военнаго кабинета Вильгельма 2-го.

Въ дѣлахъ объ иностранцахъ, обвинявшихся въ покушеніи на военныя тайны Германіи, пускались въ ходъ и подложные документы, и лжесвидѣтели, и, наконецъ, вовсе не считались съ постановленіемъ закона. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда раскрытіе преступленія грозило изобличить передъ глазами Европы и нѣмецкой оппозиціи продажность германскихъ офицеровъ или чиновниковъ,—какъ, напримѣръ, въ процессахъ Круппа или въ дѣлѣ о похищеніи секретныхъ артилле-

рійскихъ чертежей въ Шпандау,—тогда судъ покрывалъ своимъ приговоромъ подмоченную репутацію слугъ германскаго императора. Приводимые нами въ настоящей главѣ факты раскроютъ русскому обществу закулисную сторону германскаго правосудія, сорвавъ лживую маску и съ этой священной для каждаго уважающаго себя народа дѣятельности органовъ правительственной власти.

Арестъ въ Эйдкуненѣ г. Фалька.

23 февраля 1912 года, по дѣламъ службы, выѣхалъ въ Эйдкуненъ начальникъ вержболовскаго желѣзнодорожнаго почтоваго отдѣленія, г. Фалькъ.

Какъ только г. Фалькъ очутился на германской землѣ, къ нему подошелъ прусскій жандармъ, *знавшій въ лицо русскаго чиновника,* обыскалъ всѣ карманы и, не предъявляя письменнаго ордера, заявилъ, что онъ арестовываетъ г. Фалька. Протесты не привели ни къ чему и пришлось покориться силѣ. Подвергшись вторичному обыску на вокзалѣ, г. Фалькъ былъ отправленъ въ Столупянинъ, гдѣ его посадили въ тюрьму, надѣвъ, взамѣнъ форменнаго платья, арестантскій халатъ. Послѣ краткаго допроса судебнаго слѣдователя, г. Фалькъ въ томъ же арестантскомъ халатѣ былъ отправленъ въ Инстербургъ, въ тамошнюю тюрьму.

«Встрѣчные, разсказываетъ г. Фалькъ [1]), съ удивленіемъ меня оглядывали, а на станціи я видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ.

Въ сопровожденіи сыщика и тюремнаго надзирателя, меня повезли въ Инстербургъ, по прибытіи куда повели въ тюрьму. Когда опрашивали: кого ведете? отвѣтъ слѣдовалъ—«шпіона».

Въ тюрьмѣ я просилъ дать поѣсть. Мнѣ прислали кусокъ чернаго хлѣба въ одиночную камеру, куда меня втолкнули.

Я просилъ позволить мнѣ что-нибудь купить на свои деньги, которыхъ у меня было 55 руб., но мнѣ отказали.

[1]) Бесѣды съ г. Фалькомъ были помѣщены въ „Новомъ Времени“ (№ 12979) и въ „Петроградской газетѣ“ (№ 80).

Съ четверга до субботы мнѣ давали тюремную пищу. Около двери одиночной камеры, на полу, ставилась желѣзная посуда, въ которую изъ ушата дежурными арестантами наливалось кушанье (похлебка) и кусокъ хлѣба; два раза въ недѣлю давали селедку, которая тутъ же лежала на голомъ полу, а по утрамъ—кофе съ чѣмъ-то мѣшаннымъ, видъ котораго и вкусъ былъ крайне омерзителенъ.

До субботы я питался однимъ чернымъ хлѣбомъ съ солью.

Въ субботу зашелъ ко мнѣ первый прокуроръ; я заявилъ ему о незаконныхъ дѣйствіяхъ прусскихъ властей и о тѣхъ лишеніяхъ, которыя терплю.

— Вы не въ гостинницѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь я не осужденный,—возразилъ я.

— Хорошо, я вамъ разрѣшу, что можно, пообѣщалъ прокуроръ.

Въ субботу мнѣ разрѣшено было получать обѣды».

Отсидѣвъ 7 дней безъ допроса, г. Фалькъ дважды писалъ министру юстиціи, прося его прекратить беззаконія, чинимыя прусскими властями, и предъявить обвиненіе, которое вызвало арестъ. По истеченіи 16-ти дней заключенія, г. Фалькъ получилъ, наконецъ, извѣщеніе изъ Лейпцига отъ верховнаго имперскаго суда о предстоящемъ его допросѣ. Прошла еще недѣля; наконецъ, 15 марта, для допроса явился судебный слѣдователь, который объяснилъ, что г. Фалькъ обвиняется въ томъ, что, въ ноябрѣ 1911 г., находился въ сношеніяхъ съ германскимъ подданнымъ Пруссейтомъ, уже арестованнымъ по обвиненію въ шпіонствѣ.

«Личность Пруссейта», говоритъ г. Фалькъ, «оказалась мнѣ незнакомой, ничего подобнаго никогда не было, и явно видно было, что Пруссейтъ хотѣлъ меня оговорить, такъ какъ онъ все время странно улыбался. Видно было, что это былъ одинъ изъ обыденныхъ пріемовъ слѣдствія, дабы такимъ маневромъ запутать мои показанія.

Но это не удалось: Пруссейтъ не былъ настолько уменъ, какъ слѣдователь и я его разбилъ на всѣхъ пунктахъ.

Слѣдователь говорилъ со мной рѣзко, не хотѣлъ выслушивать и велъ себя вызывающе.

Три дня спустя послѣ посѣщенія слѣдователя, ко мнѣ въ камеру явилось тюремное начальство и заявило, что я свободенъ и могу уѣхать въ Вержболово.

Я попробовалъ узнать, за что я подвергся такому тяжелому испытанію, но нѣмецкія власти упорно молчали.

Такъ кончилось мое пребываніе въ германскихъ тюрьмахъ. Оно въ общемъ длилось двадцать четыре дня, а когда я сталъ протестовать, то германскія власти мнѣ отвѣтили, что я былъ задержанъ на основаніи распоряженій административной власти».

Дѣло капитана Костевича.

Еще болѣе возмутительно дѣло капитана Костевича[1]). Этотъ офицеръ былъ командированъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ для изученія постановки нѣкоторыхъ отраслей снарядnаго дѣла на германскихъ заводахъ. По пріѣздѣ въ Берлинъ, онъ явился въ русское посольство, къ нашему военному агенту полк. Базарову, а также въ берлинское комендантское управленіе, гдѣ и росписался въ книгѣ для пріѣзжающихъ иностранныхъ офицеровъ. Жилъ г. Костевичъ подъ своей настоящей фамиліей и вообще ни одной минуты онъ не держалъ себя конспиративно.

Когда на просьбу нашего военнаго агента допустить капитана Костевича на казенные артиллерійскіе заводы былъ полученъ отъ нѣмецкихъ военныхъ властей отказъ, кап. Костевичу пришлось обратиться на частные заводы.

Такъ такъ въ Германіи была извѣстна оффиціальная цѣль командировки кап. Костевича, то германская печать, вѣроятно,

---

[1]) По дѣлу капитана Костевича была написана такая масса статей какъ въ русской, такъ и нѣмецкой печати, что перечислить ихъ нѣтъ возможности. Изъ австро-германской прессы особое вниманіе этому дѣлу удѣляли: „Local Anzeiger“, „Berl. Tageb.“, „Neue Freie Presse“, „Fremden. Blatt“ и др.

съ вѣдома и благословенія заинтересованныхъ лицъ, увѣряла, что порученіе главнаго артиллерійскаго управленія для г. Костевича служитъ лишь предлогомъ, оболочкой («eine Mantel»), на самомъ же дѣлѣ онъ имѣетъ другое, секретное порученіе, относящееся къ области шпіонажа.

Мы полагаемъ, что германское бюро тайной развѣдки обратило особое вниманіе на г. Костевича только потому, что въ «Артиллерійскомъ журналѣ» было напечатано «извлеченіе изъ журнала Артиллерійскаго Комитета», касающееся именно командировки кап. Костевича. Это извлеченіе возбудило недовѣріе ко всѣмъ шагамъ нашего офицера со стороны германской контръ-шпіонской полиціи и повлекло за собою арестъ лица, имѣвшаго оффиціальное порученіе.

«Въ послѣднее время, говорится въ «извлеченіи изъ журнала Артиллерійскаго Комитета» [1]), въ виду признанныхъ Артиллерійскимъ Комитетомъ необходимыхъ измѣненій въ устройствѣ трубокъ, ракетъ, въ принятіи свѣтящихъ снарядовъ и пр., является настоятельно желательнымъ ознакомленіе съ усовершенствованіями по указаннымъ вопросамъ за границей. Свѣдѣній, имѣющихся въ распоряженіи V-го отдѣла изъ иностранной литературы и изъ донесеній, поступающихъ отъ военныхъ агентовъ,—недостаточно, желательно непосредственное ознакомленіе съ постановкой дѣла на заграничныхъ заводахъ, особенно по вопросамъ трубочнаго дѣла.

Замѣченные Комитетомъ недостатки въ разныхъ сортахъ трубокъ, изготовляемыхъ на нашемъ трубочномъ заводѣ, желательныя усовершенствованія въ конструкціи этихъ трубокъ и проектированіе новыхъ образцовъ заставляютъ обратить вниманіе на новые принципы въ постановкѣ трубочнаго дѣла заграницей, на ознакомленіе съ новыми предложеніями въ этой области (механическаго дѣйствія трубки, медленно горящіе составы и пр.) и изученіе постановки дѣла въ смыслѣ обезпеченія неизмѣняемости и сохранности трубокъ въ неблаго-

[1]) См. „Артиллерійскій Журналъ", 1912 г., № 4, стр. 886—887.

пріятныхъ условіяхъ ихъ храненія (принятіемъ новыхъ сплавовъ для деталей и другими мѣрами). Собранныя свѣдѣнія по указаннымъ вопросамъ, при непосредственномъ ознакомленіи съ разнообразно установленной и разработанной техникой заграницей, облегчатъ скорѣйшее рѣшеніе задачъ, поставленныхъ V-му отдѣлу, безъ потери времени въ продолжительныхъ опытахъ и изысканіяхъ при посредствѣ нашихъ казенныхъ заводовъ» и т. д.

Высказанное нами предположеніе кажется намъ основательнымъ, въ виду того, что обвинительный актъ, какъ увидимъ ниже, оперируетъ именно надъ тѣми вопросами, которые затронуты въ приведенномъ «извлеченіи».

Самый арестъ произошелъ при слѣдующихъ условіяхъ:

8/21 іюня 1912 года, около 8 часовъ утра, въ отель «Kaiserkrone», гдѣ проживалъ русскій капитанъ, явилась полиція.

Вошедшій камиссаръ политической полиціи Мерсье потребовалъ прежде всего паспортъ капитана и заявилъ:

— Вы арестованы.

Капитанъ Костевичъ сообщилъ представителю полиціи, что онъ командированъ русскимъ правительствомъ и что его задержаніе ничѣмъ не можетъ быть оправдываемо, причемъ дважды просилъ немедленно вызвать по телефону нашего военнаго агента и сообщить объ арестѣ послу.

На это германскій комиссаръ замѣтилъ, что въ берлинской политической полиціи имѣются точныя указанія о принадлежности капитана къ русскому развѣдочному бюро и что пріѣздъ его въ Берлинъ связанъ съ дѣломъ организаціи русскаго шпіонажа, а также съ цѣлью узнать устройство трубокъ и пороховую смѣсь германской артиллеріи.

Сообщить же объ арестѣ русскому послу и военному агенту Мерсье категорически отказался.

Послѣ самаго тщательнаго обыска, г. Костевичъ былъ отвезенъ въ городской полицейскій домъ, на Александръплацъ, гдѣ кап. Костевича заключили въ тюрьму, при поли-

лейскомъ домѣ, произведя самый тщательный обыскъ, до раздѣванія включительно.

Обращеніе со стороны тюремной администраціи было прямо вызывающе: говорили ему «ты», воспретили курить табакъ и отдыхать лежа въ то время, когда захочется заключенному, угрожая, въ случаѣ неисполненія требованій, оставить его на цѣлый день безъ пищи, которая, къ слову сказать, была отвратительна, такъ какъ тюремное начальство не разрѣшило столоваться за свой счетъ.

Былъ даже случай, когда дежурный служитель позволилъ себѣ схватить капитана за руку и толкнуть его въ дверь камеры [1]).

9/22 іюня кап. Костевичъ былъ вновь допрошенъ комиссаромъ Мерсье и переведенъ въ одиночную камеру Моабитской тюрьмы, а затѣмъ его водворили въ Лейпцигскую тюрьму.

Только 11/24 іюня впервые былъ допущенъ къ г. Костевичу военный агентъ полковникъ Базаровъ, ознакомившійся съ обстоятельствами дѣла, такъ какъ письменно кап. Костевичъ не могъ ни съ кѣмъ сноситься, не исключая русскаго посольства.

Слѣдственное производство было начато спеціальнымъ слѣдователемъ при Лейпцигскомъ Имперскомъ Судѣ Гроссомъ 23 іюля (по нов. ст.) и закончено 1 августа.

До этого времени велось энергичное полицейское дознаніе. Въ отвѣтъ на требованіе нашего посольства ознакомить его съ уликами противъ кап. Костевича, берлинскія судебныя власти уклончиво заявили, что кап. Костевичъ арестованъ на основаніи поступившаго въ полицію донесенія, подтвержденнаго, якобы, установленнымъ за нимъ наблюденіемъ.

Другихъ обвиненій противъ капитана Костевича нѣмецкія власти, при всемъ ихъ стараніи, не были въ состояніи выдвинуть.

---

[1]) „Нов. Вр.“ въ слѣдующихъ словахъ рисуетъ пребываніе кап. Костевича въ этой тюрьмѣ: „Берлинская полиція при арестѣ обходилась съ нимъ какъ съ *каторжникомъ, оставивъ* его на полсутокъ безъ пищи, обращаясь къ „ты“ и грубо толкая при заключеніи въ камеру.

Германская печать усиленно муссировала свѣдѣнія о виновности кап. Костевича, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать, или, по крайней мѣрѣ, отдалить моментъ выступленія русской дипломатіи. Эта цѣль видна, напримѣръ, изъ того, что «Berliner Tageblatt» выражала удовлетвореніе по поводу тактичнаго поведенія генерала Татищева, воздержавшагося отъ вмѣшательства въ дѣло Костевича.

Германскіе представители въ подобныхъ случаяхъ, напротивъ, придерживались иной тактики. Здѣсь умѣстно вспомнить, что въ судьбѣ Дресслера, по словамъ «Нов. Вр.» (№ 12997), «принималъ участіе одинъ германскій военный, имѣющій у насъ большое служебное положеніе», благодаря чему, якобы, и послѣдовало освобожденіе Дрессера, не смотря на имѣвшіяся неоспоримыя доказательства его виновности. Въ дѣлѣ капитана германскаго генеральнаго штаба Вернера фонъ-Штюнцнера графъ Пурталесъ былъ особенно назойливъ, получивъ отъ своего правительства требованіе добиться освобожденія Штюнцнера до суда. Хотя это домогательство германской дипломатіи было отклонено, но все же Штюнцнеръ получилъ освобожденіе отъ наказанія немедленно по объявленіи ему приговора. Интересно замѣтить, что въ залъ суда, на разбирательство дѣла Штюнцнера, явился германскій консулъ баронъ Брюкъ, въ сопровожденіи вице-консула, заручившись разрѣшеніемъ варшавскаго генералъ-губернатора. Ввиду того, что дѣло разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ, мы, будучи обвинителемъ Штюнцнера, заявили по этому поводу протестъ и потребовали удаленія обоихъ нѣмцевъ изъ зала суда. Такъ какъ со стороны суда была попытка обосновать право Брюка на слушаніе дѣла, какъ «лица административнаго», то мы вновь подтвердили свой протестъ, указывая при этомъ, что законъ, говоря о «должностныхъ лицахъ административнаго вѣдомства, служебныя обязанности коихъ представляютъ надлежащее основаніе» къ допущенію ихъ въ судебныя засѣданія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, конечно, имѣетъ въ виду исключительно русскихъ чиновниковъ, но

никакъ уже не нѣмецкихъ консуловъ. Послѣ этого заявленія, протестъ нашъ былъ уваженъ и Брюку, съ вице-консуломъ, пришлось покинуть залъ суда, чѣмъ они остались крайне недовольны, да и не только они...

Вернемся къ дѣлу кап. Костевича.

12 сентября (н. ст.) 1912 года оберъ-прокуроръ Имперскаго Верховнаго суда (Oberreichsanwalt) предложилъ королевскому ландгерихту, въ Берлинѣ, обвинительный актъ по дѣлу г. Костевича [1]).

Согласно письменному приказу начальства отъ 9 января 1912 года, говоритъ германскій обвинитель, г. Костевичу было поручено «подробно ознакомиться съ принятыми въ настоящее время за границею усовершенствованіями въ устройствѣ различнаго рода трубокъ, ракетъ и свѣтящихъ снарядовъ». По прибытіи кап. Костевича въ Берлинъ, русское посольство возбудило ходатайство передъ военнымъ министерствомъ о разрѣшеніи обвиняемому посѣтить государственную фабрику орудій и боевыхъ припасовъ въ Шпандау. Это ходатайство было отклонено, какъ равно и аналогичныя ходатайства о посѣщеніи королевскихъ баварскаго и саксонскаго заводовъ. Благодаря отказу въ осмотрѣ государственныхъ германскихъ фабрикъ, разсуждаетъ прокуроръ, обвиняемому была отрѣзана

[1]) При изложеніи сущности процесса, мы руководствовались копіей обвинительнаго акта и многими копіями слѣдственныхъ протоколовъ. Замѣтимъ къ слову, что кап. Костевичъ, уѣзжая въ Лейпцигъ за полученіемъ обвинительнаго акта, просилъ насъ помочь ему своими совѣтами, для чего обѣщалъ немедленно-же выслать этотъ документъ. Зная нѣмецкую привычку къ шпіонству, мы высказали кап. Костевичу опасеніе, что получимъ обвинительный актъ въ день разбирательства его дѣла. Не смотря на то, что пакетъ намъ былъ своевременно посланъ черезъ русское посольство въ Лейпцигѣ (о чемъ мы судимъ какъ по почтовымъ отмѣткамъ на немъ, такъ и по телеграфнымъ запросамъ графа Мусина-Пушкина), наше предположеніе все же оправдалось: нужный документъ мы получили *наканунѣ* судебнаго засѣданія по дѣлу кап. Костевича, при чемъ, пакетъ былъ грубо вскрытъ, доказательствомъ чему служили надрывы бумаги и слѣды грязныхъ пальцевъ. Благодаря нашей предусмотрительности, другая копія обвинительнаго акта намъ была выслана изъ Лондона.

возможность выполнить данное ему порученіе относительно трубокъ. Передъ нимъ, такимъ образомъ, открывалась альтернатива: либо отказаться отъ выполненія предписанія начальства, либо ознакомиться съ трубками незаконнымъ путемъ. Онъ рѣшился на послѣднее».

Далѣе прокуроръ пытается фактически обосновать свои предположенія, но, какъ будетъ видно, весьма неудачно.

На заводѣ Эргардта, въ Дюссельдорфѣ, служилъ отставной поручикъ русской артиллеріи г. Никольскій. Этотъ землякъ, говорится въ обвинительномъ актѣ, показался подходящимъ лицомъ, черезъ которое обвиняемый рѣшилъ ознакомиться съ трубками.

Однако, ничего подозрительнаго въ фактѣ знакомства г. Костевича съ Никольскимъ усмотрѣть нельзя. Самъ обвинитель признаетъ, во-первыхъ, что кап. Костевичъ получилъ предписаніе посѣтить въ числѣ прочихъ *частныхъ* заводовъ и заводъ Эргардта, а, во-вторыхъ, что г. Костевичъ еще въ Петроградѣ отъ представителя названнаго завода зналъ о существованіи г. Никольскаго. Вполнѣ понятно, что, прибывъ въ Германію, кап. Костевичъ обратился къ *русскому* человѣку съ просьбой быть посредникомъ между нимъ и администраціей фабрики.

Германскій прокуроръ разсуждаетъ иначе. По его словамъ, кап. Костевичъ, зная, что г. Никольскій «освѣдомленный человѣкъ» въ трубочномъ дѣлѣ, рѣшилъ использовать его въ своихъ видахъ. Съ цѣлью опорочить объясненія кап. Костевича, прокуроръ, забывая свои слова, сказанныя объ «освѣдомленности» г. Никольскаго, увѣряетъ, что тотъ же самый г. Никольскій «не спеціалистъ въ трубочномъ дѣлѣ», «никакими свѣдѣніями о трубкахъ, принятыхъ въ Германской арміи, не обладаетъ» и «ничего не предпринялъ, чтобы получить эти свѣдѣнія и такимъ образомъ исполнить желаніе обвиняемаго». Наконецъ, когда кап. Костевичъ объясняетъ, что г. Никольскій былъ ему нуженъ въ качествѣ посредника въ сношеніяхъ съ фабричной администраціей, то прокуроръ замѣчаетъ: «само по себѣ не

понятно, какъ обвиняемый могъ устроить свое посѣщеніе фабрики путемъ переписки *съ низшимъ служащимъ*».

И въ этомъ пунктѣ обвинительный актъ также не логиченъ, ибо самъ говоритъ, что «по порученію директора Мюллера, онъ (г. Никольскій) запросилъ обвиняемаго, когда можно ожидать посѣщенія имъ фабрики и сообщилъ ему (кап. Костевичу), что будетъ по распоряженію дирекціи служить переводчикомъ при осмотрѣ фабрики».

Изъ этихъ справокъ видно, что выводить какія либо предосудительныя предположенія изъ факта знакомства кап. Костевича съ г. Никольскимъ нельзя, какъ нельзя видѣть преступный умыселъ кап. Костевича въ его перепискѣ, все съ тѣмъ же г. Никольскимъ.

Прокуроръ увѣряетъ, что кап. Костевичъ хотѣлъ собрать свѣдѣнія о «всѣхъ трубкахъ германской арміи», но самъ неосторожно цитируетъ различныя мѣста переписки кап. Костевича съ г. Никольскимъ, изъ которыхъ ясно, что кап. Костевичъ интересовался лишь *трубками завода Эргардта*, прося показать коллекцію этихъ трубокъ, конечно, съ разрѣшенія дирекціи фабрики, такъ какъ г. Никольскій, по словамъ прокурора, «доступа къ коллекціи (трубокъ) не имѣлъ».

Изъ документовъ видно, что кап. Костевичъ спрашивалъ г. Никольскаго: «полученъ ли уже *вашей* фабрикой заказъ на бризантныя гранаты?» «Какія трубки *вы* теперь выдѣлываете?» «...Относительно трубокъ,—если онѣ у *васъ* есть въ коллекціи, я могу ихъ разобрать и начертить». «Имѣетъ-ли *ваша* фабрика коллекцію *всѣхъ своихъ* трубокъ?» и т. д.

Приведенныя цитаты изъ писемъ кап. Костевича не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ о трубкахъ, изготовляемыхъ *частнымъ* заводомъ, а потому говорить о покушеніи кап. Костевича на тайну германской государственной обороны, не приходится.

И все же прокуроръ утверждаетъ, что кап. Костевичъ хотѣлъ узнать «тайныя свойства германскихъ трубокъ», такъ

какъ въ вооруженіи германской артиллеріи находятся трубки, изготовленныя Эргардтской фабрикой.

Замѣтимъ по этому поводу, что секретъ устройства трубокъ, о которыхъ шла рѣчь, являлся секретомъ Полишинеля какъ потому, что коллекція трубокъ находилась въ музеѣ Эргардтской фабрики, такъ и потому, что описанія трубокъ встрѣчались въ книгахъ, какъ напримѣръ, въ книжкѣ «Handbuch der Waffenlehre» помѣщены чертежи (277, 280, 281, 282, 283, 288, 289, 291, 292 и т. д.), изображающіе устройство этихъ трубокъ, съ такими подробностями, что даже совершенно не образованный технически человѣкъ пойметъ германскую тайну, столь ревностно оберегаемую главнымъ имперскимъ прокуроромъ.

Таковы фактическія данныя, на основаніи которыхъ главный имперскій прокуроръ обвинялъ г. Костевича въ томъ, что онъ, проживая въ 1912 г. въ Германіи, *подстрекалъ* (anstiftigte) одного изъ служащихъ Рейнской фабрики къ совершенію преступленія противъ имперскаго закона 3 іюля 1893 г. о выдачѣ военныхъ тайнъ, или къ участію въ этомъ преступленіи (т. е. шпіонствѣ). Дѣйствіе г. Костевича, по мнѣнію германской прокуратуры, предусматривается § 49a уголовнаго уложенія, такъ какъ въ совершенномъ г. Костевичемъ не усмотрѣно даже покушенія на преступленіе противъ закона 1893 года. Въ виду этихъ соображеній, главный имперскій прокуроръ внесъ въ имперскій судъ предложеніе открыть главное производство (судебное) не въ лейпцигскомъ рейхсгерихтѣ, гдѣ разсматриваются всѣ дѣла о шпіонствѣ, а въ уголовномъ королевскомъ ландсгерихтѣ, въ Берлинѣ.

Измѣненіе подсудности при обвиненіи г. Костевича въ подстрекательствѣ на шпіонство явно указываетъ, что германскія власти сознали свою ошибку и если настаивали на осужденіи нашего офицера, то, вѣроятно, потому, что не желали всенародно расписаться въ своей некорректности. Быть можетъ, на это рѣшеніе оказали извѣстное вліяніе бывшіе незадолго передъ тѣмъ аресты капитана Штюнцнера, лейтенанта Дамма и прогремѣвшаго у насъ Дресслера.

Остановимся теперь на юридической сторонѣ дѣла. Обвиняя капитана Костевича въ какомъ-либо прикосновеніи къ шпіонству, уже нельзя подводить его дѣйствія подъ § 49а уголовнаго уложенія. Хотя бы г. Костевичъ не совершилъ покушенія на шпіонство, какъ полагаетъ германскій прокуроръ, но тѣмъ не менѣе онъ находился въ служебной командировкѣ, т. е. дѣйствовалъ, съ точки зрѣнія того же прокурора, *въ соучастіи съ другими лицами*. А разъ это признается, то прокуратура *должна была квалифицировать его проступокъ по § 5 закона 5 іюля 1893 года о шпіонствѣ*, который предусматриваетъ *одно лишь соглашеніе* нѣсколькихъ лицъ на шпіонство.

Къ подобному же выводу необходимо прійти и потому, что § 49а уголовнаго уложенія примѣняется въ томъ лишь случаѣ, когда спеціальный законъ за то же самое преступленіе *не опредѣляетъ болѣе тяжкаго наказанія*. Между тѣмъ, въ § 49а какъ высшее наказаніе, опредѣлено лишеніе свободы (тюрьма, крѣпость) *на два года*, а въ § 5 закона 3 іюля—*на три года*. Итакъ, даже соглашаясь съ фактическими данными обвиненія, должно прійти къ заключенію, что квалификація проступка сдѣлана неправильно. Это же потребовалось, очевидно, для того, чтобы измѣнить направленіе подсудности и устранить специфическую окраску, приданную нѣмецкими усердными комиссарами всему дѣлу. Однако, главный имперскій прокуроръ, уступая явной необходимости, все же желалъ пристегнуть, хотя бы платонически, кап. Костевича къ шпіонству. Какъ видно, обвиненіе предъявлено въ подстрекательствѣ (Anstiftung) къ совершенію преступленія, предусмотрѣннаго закономъ 1893 года (шпіонство), между тѣмъ, § 49а угол. улож., или, какъ его называютъ германскіе юристы, § Дюшена, предусматриваетъ, какъ delictum sui generis, *предложеніе* (Ausforderung). По ученію же лучшихъ германскихъ криминалистовъ (Листъ, Биндингъ, Баръ) между этими понятіями существенная разница, что будетъ видно изъ короткой исторической справки.

Параграфъ 49а внесенъ въ германское уголовное уложеніе въ 1876 году по слѣдующему поводу. Въ 1873 году бельгійскій кузнецъ Дюшенъ письменно предложилъ парижскому епископу Аффру за 40.000 франковъ убить Бисмарка. Епископъ огласилъ это предложеніе и оказалось, что проступокъ Дюшена не наказуемъ ни по французскимъ, ни по нѣмецкимъ законамъ. Параграфъ 49а восполнилъ и, по мнѣнію Листа, совершенно неудачно, этотъ пробѣлъ.

Изъ произведеннаго нами анализа видно, что германскими властями сознано *отсутствіе признаковъ шпіонства* въ дѣйствіяхъ капитана Костевича и лишь для того, чтобы оправдать чрезмѣрное усердіе агентовъ своей спеціальной полиціи, былъ найденъ компромиссъ, несмотря на то, что этотъ выходъ является юридическимъ абсурдомъ.

Самое судебное засѣданіе также краснорѣчиво рисуетъ судебные нравы Германіи.

Капитанъ Костевичъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Нов. Вр». (№ 13171) даетъ подробныя свѣдѣнія по этому вопросу, а потому мы, съ нѣкоторыми пропусками, приводимъ его живой разсказъ:

«Я пріѣхалъ въ Берлинъ за четыре дня до засѣданія суда, разсказывалъ кап. Костевичъ.

Въ Берлинѣ мнѣ говорили, что мое дѣло находится въ непосредственной связи съ дѣломъ германскаго лейтенанта Дама, арестованнаго на пограничномъ пунктѣ Александрово и уличеннаго въ шпіонажѣ въ пользу Германіи.

Когда пришла въ Берлинъ вѣсть о томъ, что лейтенантъ Дамъ приговоренъ нашимъ судомъ къ пяти годамъ каторги, то освѣдомленныя лица открыто говорили, что я долженъ въ свою очередь ожидать строгаго приговора.

Мнѣ было объявлено, что судъ вызываетъ свидѣтелей и экспертовъ. На судѣ присутствовалъ представитель германскаго правительства генеральнаго штаба полковникъ Гайе.

Обстановка суда была торжественная.

Началось чтеніе обвинительнаго акта. Признавъ себя невиновнымъ, я сослался на мои возраженія и еще разъ повто-

рилъ, что дѣйствовалъ въ предѣлахъ даннаго мнѣ порученія, Предсѣдатель суда объявилъ мнѣ, что переводъ моихъ возраженій запоздалъ и что судъ не принимаетъ ихъ во вниманіе. Началось слушаніе дѣла, были прочитаны всѣ мои письма къ Никольскому, которыя въ достаточной степени освѣщали наши отношенія.

Затѣмъ были выслушаны показанія свидѣтеля Никольскаго, который въ рѣшительной формѣ далъ объясненія суду, клонившіяся въ мою пользу.

Тутъ произошелъ интересный инцидентъ.

Слѣдователь д-ръ Гроссъ (спеціалистъ по дѣламъ шпіонажа) вдругъ вскочилъ со своего мѣста и, подойдя къ Никольскому, сталъ его допрашивать. Онъ нѣсколько разъ повторилъ, съ крайнимъ раздраженіемъ, топая ногой, «вспомните... на предварительномъ слѣдствіи вы показывали другое...» Поведеніе доктора Гросса представлялось въ такой мѣрѣ грубымъ, что я просилъ адвоката, г. Тиктина, оградить г. Никольскаго отъ явнаго давленія бывшаго нашего судебнаго слѣдователя. По-видимому, судъ замѣтилъ также нѣкоторую нервность на лицѣ д. с. с. Дыновскаго, лихорадочно записывавшаго все происходившее на судѣ. Д-ру Гроссу предложено было удалиться и занять мѣсто свидѣтеля.

Вслѣдъ за Никольскимъ былъ допрошенъ свидѣтель директоръ дюсельдорфскаго завода Миллеръ, показанія котораго отличались крайней неопредѣленностью, причемъ, прежде отвѣта на предлагаемые вопросы, взоры Миллера были обращаемы въ сторону экспертовъ.

Экспертъ, майоръ генеральнаго штаба Гассе, опираясь лѣвой рукой на объемистый томъ, на обложкѣ котораго отчетливо замѣчалась надпись: «Дѣло Костевича»-«Дамма», какъ по моему мнѣнію, такъ и по мнѣнію г. Дыновскаго,—не далъ рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя могли бы служить подтвержденіемъ обвиненія.

Я предложилъ, какъ Гассе, такъ и другому эксперту, рядъ вопросовъ; большинство этихъ вопросовъ остались въ сущности

безъ отвѣта, такъ какъ эксперты ограничивались заявленіемъ: «мы не имѣетъ права отвѣчать на этотъ вопросъ».

Въ мотивахъ своего приговора, судъ также ограничился глухой фразой: «совокупность отношеній Костевича къ Никольскому убѣждаетъ судъ въ томъ, что Костевичъ склонялъ г. Никольскаго къ добыванію какой-то тайны».

Въ своей рѣчи прокуроръ старался доказать, что мой пріѣздъ въ Берлинъ имѣлъ цѣлью организовать шпіонажъ, и просилъ судъ приговорить меня къ 2-лѣтнему тюремному заключенію съ ограниченіемъ правъ и отдачѣ меня затѣмъ подъ надзоръ полиціи.

Рѣчь моего адвоката доктора Тиктина, по мнѣнію д. с. с. Дыновскаго, была проведана очень искусно и убѣдительно. Затѣмъ мнѣ было предоставлено послѣднее слово, которое я произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ приблизительно, что я сказалъ: «Судебное слѣдствіе убѣждаетъ меня въ томъ, что судъ не желаетъ считаться съ тѣмъ, что я находился въ офиціальной командировкѣ, дѣйствовалъ открыто и хотѣлъ воспользоваться не тайной, а результатами нѣмецкой артиллерійской науки. Центромъ тяжести обвиненія является обвиненіе меня въ шпіонствѣ, а формальная формулировка, по которой я будто бы склонялъ другихъ къ шпіонской дѣятельности, является на мой взглядъ юридическимъ пріемомъ для изъятія изъ подсудности надлежащаго высшаго суда и для передачи дѣла въ судъ низшій, которому подсудны мелкія преступленія и который поэтому для меня, какъ офицера, представляетъ меньше гарантій. На меня смотрятъ не какъ на лицо, стремившееся добыть военную тайну, а какъ на мелкаго преступника, не брезгующаго даже подкупомъ путемъ кружки пива. Я надѣюсь, что ваша преданность закону, ваше безпристрастіе, наконецъ, вашъ житейскій опытъ не позволятъ вамъ назвать меня шпіономъ, пріѣхавшимъ офиціально добывать свѣдѣнія, угрожающія безопасности Германской имперіи».

Судъ совѣщался отъ 10 часовъ вечера до 12 час. ночи».

Во время судебнаго засѣданія присутствовалъ старшій

предсѣдатель судебной палаты, отъ котораго зависитъ движеніе по службѣ судей Landsgericht'а, оказавшій несомнѣнно давленіе на судей, что видно изъ словъ г. Дыновскаго [1]):

«Присутствіе въ залѣ суда старшаго предсѣдателя судебной палаты свидѣтельствуетъ, что дѣло представляло особенности, выходившія изъ рамокъ обычной компетенціи суда первой степени. Насколько мнѣ извѣстно, означенный судъ впервые въ дѣлѣ М. Костевича примѣнилъ въ Германіи такъ называемый «дюшеновскій» параграфъ къ обвиненію, касавшемуся добыванія тайныхъ свѣдѣній, огласка которыхъ угрожаетъ безопасности Германской имперіи.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что единственнымъ судомъ законнымъ по такимъ преступленіямъ какъ то, въ которомъ обвинялся кап. М. Костевичъ, является высшій имперскій судъ въ Лейпцигѣ.

Я сообщаю вамъ факты и освѣщаю ихъ юридически, но пока воздерживаюсь отъ окончательнаго вывода, ибо такой выводъ въ сущности представлялся бы прямымъ обвиненіемъ»...

Дѣло Богатскаго.

Возмутительныя дѣйствія чиновъ германской сыскной полиціи встрѣчаютъ поддержку въ лицѣ главнаго имперскаго прокурора и главнаго имперскаго суда, покрывающихъ подлоги и насилія германскихъ административно-слѣдственныхъ властей [2]).

---

[1]) См. „Бесѣда съ К. К. Дыновскимъ". („Веч. Вр." 1912, № 295).

[2]) По сообщенію „Milit. Zeit". (23—V—912 г., № 12) въ Германіи въ 1908 году обвинялось въ шпіонажѣ 8 лицъ (3 эльзасца и 5 нѣмцевъ), изъ нихъ 3 человѣка были по суду оправданы; въ 1909 году обвинялось 8 человѣкъ (4 эльзасца, 3 германца и 1 французъ), оправданныхъ не было; въ 1910 году—13 человѣкъ (3 эльзасца, 6 герман., 1 фран., 2 англич. и 2 лотарингца), оправданныхъ не было; въ 1911 г.—13 человѣкъ (5 герман., 1 француженка, 2 англич., 2 русскихъ, 1 люксембуржецъ, 1 итальянецъ и 1 венгерецъ), оправданныхъ не было. Эти данныя совпадаютъ со свѣдѣніями о шпіонскихъ процессахъ въ Германіи, приведенными въ „Прикарп. Руси" (2—VII—912 г.). Послѣдняя газета упоминаетъ еще о 7 процессахъ, бывшихъ въ 1907 году, о 12 шпіон-

Въ подтвержденіе правильности сдѣланнаго замѣчанія, изложимъ сущность процесса одного «русскаго шпіона». Въ концѣ 1910 года къ намъ явился молодой человѣкъ, назвавшійся Богатскимъ, только что отбывшій тогда въ Германіи срокъ тюремнаго заключенія (3 года) по приговору Имперскаго суда, въ Лейпцигѣ. Богатскій былъ обвиненъ въ шпіонствѣ въ пользу Россіи, не смотря на отсутствіе какихъ-либо изобличающихъ его фактовъ, какъ будетъ показано нами ниже.

Въ потвержденіе своихъ словъ, Богатскій предоставилъ въ полное наше распоряженіе обвинительный актъ, судебный приговоръ по своему дѣлу и нѣкоторые другіе документы, прося насъ опубликовать ихъ, чтобы вся Россія узнала о лейпцигскомъ правосудіи.

Виновность Антона Богатскаго по обвинительному акту главнаго имперскаго прокурора отъ 17 августа 1907 года рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

Знаніе обвиняемымъ языковъ, знаніе свѣта и людей, которыя онъ пріобрѣлъ въ теченіе многочисленныхъ своихъ путешествій по самымъ разнообразнымъ странамъ, по мнѣнію прокурора, явились тѣми качествами, благодаря которымъ онъ *вѣроятно* оказался подходящимъ для дѣятельности шпіона.

Этимъ разсужденіемъ открывается цѣпь другихъ доказательствъ, не болѣе убѣдительныхъ и не менѣе голословныхъ. Главнымъ свидѣтелемъ прокурорская власть выставила нѣкоего Недведа, (Hedwed), агента германской контршпіонской полиціи, который показалъ, что совмѣстно съ Богатскимъ былъ на службѣ у русскаго генеральнаго штаба. Конечно, этого свидѣтельства было бы достаточно, чтобы осудить обвиняемаго,

---

скихъ „аферахъ“, разбиравшихся въ Лейпцигѣ до начала іюля 1912 г. и въ 1910 году считаетъ не 13 шпіонскихъ процессовъ, а 14. Если принять во вниманіе, что въ первой половинѣ 1912 года въ Лейпцигѣ было оправдано всего лишь одно лицо, то, слѣдовательно, изъ 62 лицъ, обвинявшихся въ шпіонствѣ за указанный промежутокъ времени въ Верховномъ Имперскомъ Судѣ, признано невиновными только 4 человѣка. Эта статистика говоритъ сама за себя.

если бы Недведъ не лгалъ и не говорилъ завѣдомо нелѣпыя вещи, что чувствовалъ даже самъ прокуроръ. Во-первыхъ, Недведъ, несмотря на то, что, по его словамъ, долго состоялъ въ числѣ агентовъ русской развѣдывательной службы, не знаетъ русскихъ офицерскихъ чиновъ; во-вторыхъ, совершенно невозможно, чтобы секретныя порученія новому агенту, Богатскому, давались въ присутствіи другого агента, Недведа, которому затѣмъ якобы поручено было слѣдить за Богатскимъ въ Германіи, дабы провѣрить, не является ли онъ двойнымъ шпіономъ. Бѣдный прокуроръ, г. Рихтеръ, если онъ повѣрилъ подобной глупости, но онъ, кажется, не совсѣмъ довѣрялъ Недведу, такъ какъ приводитъ другихъ свидѣтелей, «въ извѣстной степени», подтверждающихъ виновность Богатскаго.

Такъ напримѣръ, барышникъ Senkbeil однажды, осенью 1905 года, въ вагонѣ восточно-прусскихъ желѣзныхъ дорогъ встрѣтилъ молодого человѣка, который «показался» ему «русскимъ шпіономъ». Въ разговорѣ незнакомецъ «призналъ предположеніе Зенкбейля правильнымъ и сообщилъ на дальнѣйшіе вопросы, что онъ такимъ образомъ зарабатываетъ много денегъ». Затѣмъ онъ откровенно разсказалъ суть поставленной ему задачи. Дѣйствительно, заявляетъ отъ себя прокуроръ, такія порученія даются шпіонамъ, чтобы провѣрить ихъ надежность!

Въ Познани Богатскій нѣкоторое время проживалъ у портного Изентовскаго, женѣ котораго онъ «казался подозрительнымъ».

Для германскаго главнаго имперскаго прокурора этого достаточно, чтобы категорически заявлять: «онъ безусловно русскій шпіонъ». По словамъ Изентовской, Богатскій дѣлалъ «довольно значительныя издержки», изъ чего, говоритъ обвинительный актъ, «вытекаетъ, что у него долженъ быть какой-нибудь денежный источникъ: онъ навѣрное получалъ средства отъ русскаго развѣдывательнаго отдѣленія»!

Объясненія же самого Богатскаго неправдоподобны—онъ шпіонъ.

Въ маѣ 1907 года жена желѣзнодорожнаго сторожа Миръ, близъ Познани, увидала въ разстояніи отъ себя 150—200 метровъ молодого человѣка, который, стоя на шоссе, осматривалъ мѣстность и что-то записывалъ на бумажкѣ или въ записной книжкѣ. «Поведеніе этого молодого человѣка, говоритъ обвинительный актъ, женѣ сторожа показалось столь подозрительнымъ, что она сказала своему 12-лѣтнему сыну: «мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ шпіонъ». Интересно знать, зачѣмъ понадобилось германскому прокурору это показаніе такъ какъ въ обвинительномъ актѣ говорится, что свидѣтельница Миръ въ Богатскомъ даже «не узнаетъ видѣннаго ею незнакомца, но полагаетъ, по его фигурѣ, что можетъ быть онъ это и былъ».

Прокурору хочется, чтобы Богатскаго побольше лицъ видѣло въ окрестностяхъ Познани и онъ выписываетъ показаніе стрѣлочника Бока, которому «обвиняемый *кажется* знакомымъ. Ему даже *кажется*, что онъ его видалъ внѣ Познани, хотя не можетъ припомнить, гдѣ и когда это было». Зато «съ большею увѣренностью» военный инвалидъ Цимецкій узнаетъ въ Богатскомъ одного человѣка, спрашивавшаго его въ маѣ 1907 года о фортѣ № 3, а когда инвалидъ разсказалъ объ этомъ случаѣ своему сосѣду Влодарчаку, то послѣдній *полагалъ*, что тотъ же самый человѣкъ говорилъ и съ нимъ и спрашивалъ о фортѣ «А». Однако, Влодарчакъ «не можетъ положительно утверждать, что это былъ обвиняемый, но судя по фигурѣ допускаетъ, что это былъ онъ».

Таковы свидѣтели прокурора. Цѣнность ихъ показаній достаточно видна. И однакоже, по словамъ обвинительнаго акта, «если уже приведенныя данныя едвали оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что обвиняемый находился въ Познани *исключительно* въ цѣляхъ шпіонства, то всякое сомнѣніе въ этомъ должно устраниться въ виду дальнѣйшихъ подозрѣній».

Дальнѣйшія доказательства слѣдующія:

6 іюня 1907 года въ отсутствіи Богатскаго въ той комнатѣ, въ которой онъ проживалъ въ Познани, комисаръ

сыскной полиціи Фростъ[1]) и полицейскій той же полиціи Кленнеръ сдѣлали обыскъ. За печкой ими былъ обнаруженъ кусокъ бумаги, на которую съ карты генеральнаго штаба была переведена ближайшая окрестность крѣпости Познань, съ обозначеніемъ нѣкоторыхъ укрѣпленій. «Чертежъ этотъ, по умозаключенію прокурора, *по всей вѣроятности* изготовленъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи русскаго генеральнаго штаба, чтобы освѣтить мѣстность, въ которой шпіону предстоитъ дѣйствовать».

Логическій выводъ изъ этой посылки тотъ, что кусокъ бумаги «могъ быть оставленъ тамъ только обвиняемымъ». Хотя въ той же комнатѣ жила «нѣкая барышня Дейке», затѣмъ семья генеральнаго агента и ремесленникъ, «но никто изъ этихъ лицъ не знаетъ этого кусочка бумаги, никто изъ нихъ не видалъ его лежащимъ за печкой, а тѣмъ болѣе кто-либо туда его бросилъ,—значитъ ни кому иному, какъ обвиняемому, принадлежать эта бумага не могла». Свѣжесть бумаги показываетъ, что она была принесена туда недавно. Вѣроятно, этотъ фактъ лучше всѣхъ могъ бы разъяснить нѣмецкій Пинкертонъ—Фростъ.

У обвиняемаго было обнаружено письмо отъ дамы, русской польки, съ которой онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ Прокуроръ не вѣритъ: «ясно, что это ложно». По характеру письма «можно предположить, что оно написано русскимъ, плохо владѣющимъ польскимъ языкомъ. Обстоятельство это и содержаніе письма оправдываютъ предположеніе, что оно исходитъ изъ русскаго развѣдывательнаго отдѣленія!» Смыслъ письма самый шаблонный, польскаго его текста мы не имѣемъ, а потому не можемъ судить, насколько оно грѣшитъ противъ грамматики, но мы удивляемся, почему г. Рихтеръ увѣренъ, что русскія власти, въ случаѣ надобности, не могутъ располагать услугами лицъ, владѣющихъ въ совершенствѣ польскимъ языкомъ?

---

[1]) Одинъ изъ дѣятелей по шпіонству въ Россіи.

У обвиняемаго къ тому же была обнаружена почтовая расписка, изъ которой видно, что онъ отправлялъ письмо въ Россію. Объясненія Богатскаго—выдумка. «Мы не ошибемся, если *предположимъ*, что это заказное письмо, говоритъ обвинительный актъ, было отправлено по фиктивному адресу русскаго развѣдывательнаго отдѣленія, и что оно оповѣстило послѣднее обо всемъ, что обвиняемому удалось раздобыть до 10 мая».

Для того, чтобы не портить всей прелести лейпцигской комедіи, въ число дѣйствующихъ лицъ ея были приглашены офицеры генеральнаго штаба. Казалось бы, что задача военныхъ экспертовъ заключается въ томъ, чтобы отвѣтить на вопросы: касаются ли военной обороны Германіи отобранные у обвиняемаго документы, и если касаются, то должны ли они храниться въ тайнѣ отъ иностраннаго государства. Оказывается, въ лейпцигскомъ имперскомъ судѣ эксперты рѣшаютъ совсѣмъ иныя задачи и при томъ такого рода, которыя подъ силу лишь сомнамбуламъ и лицамъ, занимающимся гаданіемъ на кофейной гущѣ.

Въ данномъ случаѣ «военные эксперты пришли къ заключенію, что обвиняемый безъ сомнѣнія находился въ Познани въ цѣляхъ шпіонства по порученію русскаго развѣдывательнаго отдѣленія... и ежедневно сообщалъ результаты своихъ развѣдокъ русскимъ заказчикамъ».

Итакъ, прокуроръ и военные эксперты безапелляціонно рѣшили, что Богатскій русскій шпіонъ. Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ рѣшеніи суда? Разсужденія его не менѣе любопытны, чѣмъ разсужденія прокурора.

Отсутствіе какихъ-либо положительныхъ фактовъ, изобличавшихъ Богатскаго въ шпіонствѣ, не помѣшало прокурору обвинять его *въ собираніи и сообщеніи русскимъ военнымъ властямъ* свѣдѣній, которыя въ интересахъ государственной обороны Германіи необходимо было держать въ тайнѣ отъ русскаго правительства, съ знаніемъ того, что своими дѣйствіями онъ подрываетъ безопасность германской имперіи, т.-е.

въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ параграфами 1 и 2 закона 1893 года противъ выдачи военныхъ секретовъ.

Но не только русскіе юристы и русская читающая публика, какъ мы полагаемъ, а даже *германскіе судьи*, при всей своей терпимости къ измышленіямъ обвинительнаго акта, не могли согласиться съ прокурорской логикой. Однако же будучи подъ давленіемъ полицейскаго совѣтчика Цахера и его сподвижниковъ, какъ намъ говорилъ Богатскій, судъ не рѣшилъ вынести оправдательнаго приговора и призналъ лишь наличіе покушенія на собираніе секретныхъ свѣдѣній, съ цѣлью передачи ихъ русскимъ военнымъ властямъ.

Мотивировка приговора весьма любопытна.

Оказывается, что президентъ познанской полиціи кѣмъ-то былъ предупрежденъ относительно личности Богатскаго.

Дѣло въ томъ, что прошлое Богатскаго не безупречно. Въ Россіи онъ примкнулъ къ п. п. эсамъ (польской партіи соціалистовъ), въ Австріи онъ подозрѣвался въ шпіонствѣ въ пользу Россіи, но *былъ освобожденъ до привлеченія къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго*. Подобное освобожденіе *въ Австріи*, гдѣ въ практикѣ бросать въ тюрьмы за шпіонство въ пользу Россіи даже завѣдомо невиновныхъ людей, явно показываетъ вздорность возникшаго подозрѣнія.

Однако, какъ видно, для лейпцигскаго суда и этого довольно, чтобы обвинить человѣка въ шпіонствѣ противъ Германіи.

Понимая нелѣпость показаній главнаго прокуроскаго свидѣтеля, Недведя, судъ утѣшается тѣмъ, что «не вѣрить свидѣтелю Недведу нѣтъ причины; неизвѣство, по какимъ мотивамъ онъ пожелалъ бы обвинить обвиняемаго». Но по какимъ мотивамъ, спросимъ мы, прокурорская власть и всѣ эти Цахеры, Фросты и т. п. господа пинкертоны оставили на свободѣ *бывшаго русскаго шпіона*, какъ говоритъ о себѣ Недведь, *когда сознаніе по п. 5 закона 1893 года не избавляетъ его отъ каторжной тюрьмы?*

Надъ этимъ вопросомъ судъ не задумался, а между тѣмъ,

въ виду важности показанія Недведа, рѣшилъ «*не обсуждать* наблюденій, сдѣланныхъ другими свидѣтелями».

Чтобы установить виновность Богатскаго, необходимо было доказать наличность его соглашенія съ русскими военными. властями. Но на это не было никакихъ данныхъ, а такъ какъ Богатскій переписывался съ соотечественниками, то судъ рѣшилъ, что онъ *навѣрное* находился въ преступной перепискѣ.

Какъ образчикъ голоса судейской совѣсти, мы остановимся лишь на соображеніяхъ лейпцигскаго суда по вопросу о пресловутыхъ чертежахъ, найденныхъ въ комнатѣ, которую занималъ Богатскій. Логика прокурора въ этомъ пунктѣ восторжествовала. «Слѣдствіе, говорится въ приговорѣ, не установило возможности владѣнія этимъ рисункомъ другого лица»; лица же, жившія до Богатскаго въ той же комнатѣ, не признаютъ этотъ рисунокъ за свой,—значитъ онъ принадлежитъ Богатскому. «Не подлежитъ сомнѣнію, заключаютъ судьи, что владѣніе такимъ наброскомъ въ высшей степени изобличаетъ обвиняемаго. Или *онъ самъ разспросами и справками* на мѣстѣ точно *установилъ* расположеніе фортовъ, или, наоборотъ, *какъ склонны предполагать эксперты, планъ ему былъ данъ* для оріентировки русскими военными властями».

Насъ интересуетъ вопросъ—неужели же судъ *серьезно не замѣтилъ* недопустимость такой диллемы? Если Богатскій *самъ составилъ* чертежи, съ цѣлью передачи русскимъ властямъ, то въ дѣйствіяхъ его полный составъ преступленія, предусмотрѣннаго § 3 закона 1893 года. Если же планъ окрестностей Познани «*былъ ему данъ* для оріентировки *русскими военными властями*», то *о наказуемости Богатскаго по § 3 не можетъ* быть рѣчи, доколѣ не будетъ доказано, что, руководствуясь этимъ планомъ, *онъ собиралъ точно опредѣленныя* секретныя свѣдѣнія о военной оборонѣ Германіи.

Мы увѣрены, что со стороны такихъ опытныхъ судей, какъ судьи имперскаго суда, подобной ошибки быть не можетъ. И выбранная ими середина является лучшимъ доказательствомъ судейской недобросовѣстности.

Для сокращенія длинноть изложенія перейдемъ къ наиболѣе интересной части приговора—къ заключительнымъ разсужденіямъ.

«Такимъ образомъ, значится въ приговорѣ, *противъ обвиняемаго имѣются двѣ улики*»—во-первыхъ, что онъ состоялъ агентомъ на службѣ русскихъ военныхъ властей и, во-вторыхъ, что въ маѣ 1907 года онъ прибылъ въ гор. Познань, для военныхъ развѣдокъ».

Не трудно видѣть, что лейпцигскій судъ вновь впалъ въ удивительную ошибку; только что приведенныя, по мнѣнію суда, *улики, на самомъ дѣлѣ, являются существомъ того обвиненія, которое хотѣли навязать Богатскому, а не уликами, служащими къ его доказательству.*

«Не подлежитъ сомнѣнію, читаемъ далѣе, что прогулка вокругъ Познани и болѣе обширныя путешествія дѣлались обвиняемымъ *исключительно въ цѣляхъ шпіонства*. Обвиняемый на этихъ прогулкахъ *хотѣлъ пріобрѣсти секретныя свѣдѣнія* объ оборонѣ страны, причемъ *имѣлъ* дальнѣйшее намѣреніе сообщить результаты своихъ развѣдокъ русскому правительству».

«Что обвиняемый, говоритъ приговоръ, собралъ вполнѣ или отчасти свѣдѣнія объ окрестностяхъ крѣпости Познани, какъ это *полагаютъ эксперты*, т.-е. совершилъ уже оконченное преступленіе, предусмотрѣнное § 3 закона противъ выдачи военныхъ секретовъ,—*это не удалось установить съ достовѣрностью*». Казалось бы, послѣ этихъ словъ не должно оставаться сомнѣнія въ недоказанности предъявленнаго обвиненія, но лейпцигскіе судьи *оправдать не могутъ*. «Кое-что, рѣшили судьи, говоритъ за то, что обвиняемый могъ собрать кое-какія свѣдѣнія; *даже не невѣроятно,* что одно или другое пріобрѣтенное имъ свѣдѣніе уже было передано русскому правительству. *Но для этого нѣтъ достаточныхъ доказательствъ. Приходится считаться лишь съ предположеніями*». Такъ какъ, значится далѣе, при обвиняемомъ не нашли письменныхъ замѣтокъ, по крайней мѣрѣ такихъ,

которыя бы *дѣйствительно были имъ составлены*, то нѣтъ даже полной достовѣрности относительно того, *на какіе именно предметы обвиняемый при производствѣ своихъ шпіонскихъ прогулокъ обращалъ вниманіе*. Предположеніе военныхъ экспертовъ, что дѣло заключалось въ развѣдкѣ окружающей мѣстности во всѣхъ направленіяхъ, существенныхъ для непріятельскихъ атакъ, тоже не что иное, какъ предположеніе.

Съ достовѣрностью можно сказать лишь одно, говорится въ обвинительномъ приговорѣ, а именно, «такъ какъ обвиняемый отъ русской военной власти получилъ порученіе сдѣлать развѣдку въ окружающей крѣпость Познань мѣстности и для разрѣшенія этой задачи онъ по цѣлымъ недѣлямъ бродилъ въ окрестностяхъ, *то надо предположить*, что его вниманіе привлекли предметы, предназначенные для военной обороны страны. А этого достаточно для предположенія попытки на преступленіе, предусмотрѣнное § 3 закона 1893 г. Слѣдовательно, вполнѣ доказано, что Богатскій въ маѣ и іюлѣ 1907 г. *рѣшилъ* преднамѣренно добывать свѣдѣнія о предметахъ, сохраненіе въ секретѣ которыхъ необходимо въ интересахъ защиты страны, и при этомъ *намѣревался* сообщить ихъ русскому правительству. Въ этихъ дѣйствіяхъ—наличность покушенія на собираніе секретныхъ свѣдѣній (§ 3)».

Если бы мы даже согласились съ приговоромъ, что Богатскій *рѣшилъ* собирать секретныя свѣдѣнія *съ намѣреніемъ* сообщать ихъ русскимъ властямъ, то мы вновь должны были бы поправить лейпцигскихъ судей въ томъ смыслѣ, *что никогда намѣреніе совершить преступленіе не можетъ считаться началомъ его исполненія*. Въ данномъ же случаѣ у судей не было права говорить даже *о намѣреніяхъ* подсудимаго, разъ они хотѣли считаться съ истиной, а не измышлять ее по собственному вдохновенію.

Изъ этого примѣра видно, какъ судили въ Лейпцигѣ «шпіоновъ» и что могъ ожидать человѣкъ, навлекшій на себя почему-либо подозрѣнія нѣмецкаго сыска.

ГЛАВА ОДИННАДЦАЯ.

Шпіонскіе процессы въ Австріи.

Подобно Германіи и австрійскіе судьи въ шпіонскихъ процессахъ, забывая свое званіе, превращались въ соучастниковъ темныхъ дѣятелей сыска, видѣвшихъ въ каждомъ русскомъ лицѣ шпіона «россійскаго генеральнаго штаба». Та же ложь, тотъ же произволъ, что и въ Германіи, царили въ австрійскихъ судахъ въ ближайшіе годы передъ войной. Боясь русскаго могущества, австрійскій генеральный штабъ наводнилъ всѣ пограничныя съ нами области своими сыщиками, которые, для оправданія своего существованія, должны были поневолѣ кого-нибудь подозрѣвать въ сношеніяхъ съ Россіей, ловить русскихъ шпіоновъ и изобличать ихъ на судѣ. Русскимъ гражданамъ, наконецъ, стало положительно небезопасно посѣщать Австрію, что повлекло даже уменьшеніе ежегодно пріѣзжавшихъ туда русскихъ путешественниковъ. Цѣлый рядъ нашихъ соотечественниковъ поплатился болѣе или менѣе длительнымъ лишеніемъ свободы за удовольствіе повидать лоскутную имперію. Тайная агентура развратила австрійскихъ властей и развратила судей, что особенно ярко сказалось на процессѣ священниковъ Сандовича и Гудимы и др. и на процессѣ угроруссовъ. Удивленная Европа воочію убѣдилась, въ какой мѣрѣ австрійскій судъ далекъ отъ суда цивилизованнаго государства. Слѣдя за ходомъ процессовъ, при которыхъ австромадьярскія власти не остановились даже передъ пытками, невольно вспоминались темныя времена испанской инквизиціи. Но то, что намъ представлялось прискорбнымъ явленіемъ на

свѣтломъ фонѣ культурнаго государства, въ дѣйствительности было, какъ мы знаемъ, выраженіемъ сокровенныхъ правовъ Австро-Венгерской монархіи. Жестокость, доходящая до садизма,—вотъ отличительныя черты нашего противника. Можно ли послѣ этого удивляться, что основы судебной этики для слугъ австрійскаго императора были непонятны [1])?

Арестъ инженера путей сообщенія г. Алехина.

Насъ, русскихъ, судебные нравы Австро-Венгріи интересовали постолько, посколько они задѣвали народное самолюбіе; а между тѣмъ они заслуживаютъ того, чтобы ознакомиться съ существовавшими порядками болѣе основательно. Русское общество, обычно, возмущалось дерзкими, чтобы не сказать болѣе, выходками австро-венгерскихъ властей, но съ теченіемъ времени страсти улегались и мы забывали о полученномъ вызовѣ. Такъ было, напримѣръ, съ арестомъ г. Алехина. Эта возмутительная исторія заслуживаетъ того, чтобы ее вспомнить, такъ какъ случай съ г. Алехинымъ оказался весьма поучительнымъ въ смыслѣ обнаруженія закулисной дѣятельности австрійской администраціи и организаціи контръ-шпіонской службы.

По пріѣздѣ г. Алехина въ Вѣну на вокзалъ сѣверной желѣзной дороги, къ нему подошелъ какой-то господинъ, сказавъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, что онъ можетъ оказать содѣйствіе въ таможнѣ и помочь устроиться въ гостинницѣ. Онъ назвался Вейсманомъ и заявилъ, что организовалъ въ столицѣ Австріи спеціальное справочное бюро для пріѣзжихъ русскихъ. Послѣдующія событія показали, что это справочное бюро, существовавшее на Сѣверномъ вокзалѣ въ Вѣнѣ, являлось отдѣленіемъ австрійскаго тайнаго бюро, наблюдавшаго за шпіонами. Переводчикомъ справочнаго бюро на вокзалѣ

[1]) О процессахъ угроруссовъ, св. Сандовича и др., см. наши статьи: „Виновность угроруссовъ по даннымъ обвинительнаго акта“ („Нов. Вр.“ №№ 13577 и 13579) и „Австрійская инквизиція“ („Нов. Вр.“ №№ 13637. 13639 и 13642).

состоялъ тотъ же еврей Вейсманъ. Вейсманъ предложилъ г. Алехину поселиться въ гостинницѣ «Венеція» и рекомендовалъ другого переводчика, также еврея, который оказался полицейскимъ провокаторомъ и лжедоносчикомъ.

Дня черезъ два по пріѣздѣ въ Вѣну, г. Алехинъ въ сопровожденіи упомянутаго переводчика, поѣхалъ осматривать окрестности города. Чтобы бросить тѣнь подозрѣнія на русскаго туриста, проводникъ, въ 6 часовъ вечера, повезъ г. Алехина къ арсеналу. Согласно оффиціальному расписанію, историческій военный музей, находящійся въ одномъ изъ зданій арсенала, можно осматривать ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ дня, кромѣ понедѣльниковъ. Проводникъ г. Алехина повезъ его именно въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ вечера, когда уже стемнѣло и ничего не было видно. На одной изъ станцій кружной желѣзной дороги переводчикъ предложилъ г. Алехину слѣзть, сказавъ, что онъ увидитъ нѣчто весьма интересное. «Тутъ по близости арсеналъ,— скалъ онъ громко. Можетъ быть вы хотите его осмотрѣть?» Возлѣ арсенала, въ присутствіи полицейскихъ сыщиковъ, вызванныхъ этимъ самымъ проводникомъ, онъ завелъ разговоръ о какомъ-то выдуманномъ имъ офицерѣ русскаго генеральнаго штаба. Протестъ г. Алехина прекратилъ этотъ провокаторскій разсказъ, который, однако, впослѣдствіи былъ занесенъ въ протоколъ и поставленъ въ вину г. Алехину.

На другой день, около 8 часъ утра, въ комнату г. Алехина вошелъ переводчикъ, Бѣлинкевичъ, въ сопровожденіи двухъ лицъ, одинъ изъ которыхъ оказался полицейскимъ инспекторомъ, другой — агентомъ тайной полиціи. Инспекторъ полиціи пригласилъ г. Алехина слѣдовать за нимъ къ комиссару, гдѣ г. Алехина обыскали и отобрали все, что было при немъ.

По подписаніи протокола, Бѣлинкевичъ заявилъ, что на основаніи имѣющихся въ распоряженіи властей свѣдѣній, г. Алехинъ подвергается аресту по обвиненію по важному политическому дѣлу. Просьба г. Алехина немедленно снестись

съ нашимъ консуломъ была отклонена. Въ камеру явился фотографъ, который сдѣлалъ снимокъ; затѣмъ было произведено антропометрическое изслѣдованіе. «Вы арестованы»,—заявили г. Алехину и, по его словамъ, насильно поволокли въ почти темную камеру.

На другой день ареста, г. Алехина перевели въ Landsgericht, гдѣ онъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Директоръ тюрьмы встрѣтилъ меня, разсказываетъ г. Алехинъ, криками и топалъ на меня ногами. «Шпіонъ!»—кричалъ онъ.

Тутъ снова арестованнаго обыскали и когда онъ попробовалъ протестовать, то его жестоко избили.

Черезъ нѣсколько дней, г. Алехина посѣтили спеціальный слѣдователь по шпіонскимъ дѣламъ докторъ Шаупъ и Бѣлинкевичъ. Слѣдователь заявилъ г. Алехину, что надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе въ шпіонствѣ, и что въ рукахъ австрійскихъ властей имѣются неопровержимыя данныя, подтверждающія его принадлежность къ русскому развѣдочному бюро. Между прочимъ, Шаупъ сказалъ, что г. Алехинъ добивался осматривать арсеналъ и что по этому поводу у него имѣются донесенія агентовъ.

Всѣ возраженія арестованнаго не принимались въ разсчетъ. Это, по справедливому замѣчанію г. Алехина, была настоящая пытка, которая усугублялась незнаніемъ нѣмецкаго языка. По окончаніи перваго допроса, Шаупъ объявилъ, что съ этого дня началось слѣдствіе по дѣлу.

Просьбы г. Алехина снестись съ посольствомъ, консульствомъ и министерствомъ путей сообщенія въ Петроградѣ не были уважены. Обвиняемый просилъ дать адвоката, но и эта просьба была отклонена. Въ концѣ концовъ, Шаупъ, при содѣйствіи Бѣлинкевича, закончилъ слѣдствіе, причемъ слѣдственный матеріалъ занялъ 400 страницъ. Тутъ была разсказана вся жизнь г. Алехина. Собранныя Шаупомъ біографическія данныя касались не только обвиняемаго, но и всей его родни, т. е. родителей, жены, дѣдушки и бабушки со

стороны г. Алехина и его супруги, а также всѣхъ другихъ близкихъ родственниковъ. Такъ какъ судебный слѣдователь Шаупъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ найти никакихъ доказательствъ виновности г. Алехина, то, наконецъ, русскому инженеру было объявлено, что онъ освобождается изъ тюремнаго заключенія, однако, безъ права выѣзда изъ Вѣны, въ чемъ г. Алехинъ далъ подписку.

Всего г. Алехинъ пробылъ въ тюрьмѣ съ 6 ноября 1912 г. по 5 января 1913 г. по ст. стилю, когда, наконецъ, г. Алехина освободили, обязавъ при этомъ по нѣсколько разъ въ сутки являться въ полицейское управленіе и воспретивъ посѣщеніе русскаго консула. Однако, почувствовавъ себя на свободѣ, г. Алехинъ, опасаясь новаго ареста по прихоти австрійскихъ властей, немедленно отправился въ россійское консульство, гдѣ оставался до 20 января, дня отъѣзда въ Россію.

Посольство поручило г. Алехина покровительству штабсъ-капитана фельдъ-егерскаго корпуса, съ которымъ онъ и пріѣхалъ въ Петроградъ.

Въ сосѣднемъ купе до самой русской границы ихъ сопровождали агенты австрійскаго правительства.

Хотя наше правительство заявило энергичный протестъ и предъявило рядъ требованій, но, какъ извѣстно, Австро-Венгерское правительство отказалось выполнить требованія о денежномъ вознагражденіи г. Алехина и наказаніи лицъ, ложныя донесенія которыхъ послужили основаніемъ къ аресту г. Алехина.

Дѣло штабсъ-капитана Мурмана.

Вспомнимъ тоже процессъ отставного штабсъ-капитана русской службы Александра Мурмана фонъ-Мархфельда, по обвиненію его въ шпіонствѣ въ пользу Россіи. Дѣло это слушалось въ Вѣнѣ, 6—8 ноября (н. ст.) 1912 года.

Вѣнскій окружный судъ призналъ Мурмана виновнымъ по выводу обвинительнаго акта и приговорилъ къ четыремъ

годамъ тяжелаго тюремнаго заключенія, усиленнаго однимъ постнымъ днемъ каждую четверть года.

Мы имѣли возможность ознакомиться съ обвинительнымъ актомъ и приговоромъ по этому дѣлу, но для сокращенія мѣста, изложимъ ихъ совмѣстно съ обширнымъ (въ 6 нумерахъ) стенографическимъ отчетомъ газеты «Fremden-Blatt».

Обвинительный актъ приписываетъ Мурману склоненіе къ шпіонству лейтенанта Альфреда Леопольда, обученіе шпіонству нѣкоего Лангнера и самостоятельное шпіонство въ 1910 г. Въ качествѣ изобличающаго матеріала прокурорская власть ссылалась на показаніе *агента берлинской тайной полиціи* (детектива) Висневскаго, *на наблюденія и акты берлинской тайной полиціи*, на показанія помянутаго Лангнера, на показанія матери лейтенанта, Анжелики Леопольдъ, и на заключенія военныхъ экспертовъ.

Прежде всего непонятнымъ является обвиненіе Мурмана въ шпіонствѣ въ 1910 году, когда, по свѣдѣніямъ обвинительнаго акта, онъ по этому поводу вмѣстѣ съ матерью былъ арестованъ 16 апрѣля 1910 года, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и все же дѣло пришлось прекратить за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ. Не было данныхъ у прокурора Урбанчича и въ настоящее время.

Агентъ *тайной берлинской* полиціи Висневскій, какъ значится въ обвинительномъ актѣ, въ ночь на 24 марта 1910 года подслушалъ разговоръ между матерью (г-жей Мурманъ) и сыномъ, «*касавшійся главнымъ образомъ шпіонскихъ дѣлъ*». Дальнѣйшими наблюденіями Висневскій установилъ, что Мурманъ получалъ отъ русскаго генеральнаго штаба «письма съ задачами шпіонскаго характера»,—которыя свидѣтель читалъ самъ, — дважды получилъ оттуда же значительныя суммы денегъ, «покупалъ книги военнаго содержанія, одинъ разъ былъ у русскаго военнаго агента и нѣсколько разъ у русскаго генеральнаго консула».

Такова сущность свидѣтельскихъ показаній Висневскаго, данныхъ у слѣдователя. Вотъ что выяснилось на судебномъ слѣдствіи.

Когда вопросъ коснулся письма отъ русскаго генеральнаго штаба, *написаннаго на русскомъ языкѣ, которое читалъ свидѣтель* и которое, по его словамъ, ставило шпіонскую задачу г. Мурману, то подсудимый изобличилъ Висневскаго во лжи, доказавъ, что *послѣдній вовсе не умѣетъ читать по-русски.* По требованію подсудимаго, Висневскому предложили прочесть письмо, написанное на русскомъ языкѣ, но онъ, «краснѣя отъ напряженія», какъ говоритъ отчетъ «Fr. Bl.», заявилъ, что переводилъ письмо со словаремъ, а затѣмъ, послѣ явной нелѣпости такого объясненія, сказалъ: «мнѣ нѣкто помогалъ».

Итакъ, «письма русскаго генеральнаго штаба со шпіонскими задачами» являются миѳомъ. Подобной же выдумкой оказался и подслушанный Висневскимъ разговоръ въ ночь на 24 марта 1910 года между г-жей Мурманъ и ея сыномъ. Изъ оглашеннаго на судѣ показанія Августы Кюль, квартирной хозяйки, у которой въ Берлинѣ проживалъ Мурманъ, видно, что г-жа Мурманъ къ сыну пріѣзжала одинъ лишь разъ и *вела съ нимъ разговоръ на русскомъ языкѣ.* Это обстоятельство нѣсколько смутило Висневскаго, и онъ на вопросъ предсѣдателя, о чемъ шелъ разговоръ, отвѣтилъ, что онъ лишь «немного понялъ, а именно, онъ понялъ, какъ мать говорила— это должно тебѣ здѣсь также сойти. Видѣли, какъ ты передалъ письмо на улицѣ. Потомъ она говорила что-то о «выбрасываніи» и объ «арестѣ». Также былъ разговоръ и объ одномъ чиновникѣ изъ Сосновицъ и мать сказала, что «заплатила бы сто марокъ, если бы ея сынъ подписалъ документъ».

Мы нарочно дословно выписали стенографическій отчетъ изъ «Fr. Bl.», которую въ руссофильствѣ упрекнуть нельзя, чтобы насъ не заподозрили въ искаженіи истины. Въ чемъ же, спрашивается, эта глупая болтовня агента-провокатора можетъ изобличить г. Мурмана?

По поводу денегъ, полученныхъ якобы г. Мурманомъ отъ русскаго генеральнаго штаба, Висневскій сперва показалъ,

что «третье лицо наблюдало, какъ въ Катовицахъ русскимъ офицеромъ было сдано на почту письмо». По полученіи Мурманомъ письма уже самъ Висневскій видѣлъ, какъ подсудимый въ мѣняльной конторѣ размѣнивалъ «русскія деньги». Однако и это обстоятельство разъяснилось весьма просто. На судѣ было установлено, что г. Мурманъ состоялъ корреспондентомъ двухъ русскихъ газетъ, а изъ оглашеннаго показанія извѣстной уже Августы Кюль видно, что Мурману въ Берлинъ присылали деньги и даже неоднократно, отъ какихъ-то русскихъ газетъ, но какихъ именно, свидѣтельница не помнитъ.

Подъ давленіемъ этихъ свѣдѣній, Висневскому пришлось видоизмѣнить свое показаніе. Оказывается, что онъ «дѣйствительно видѣлъ деньги, присланныя одной иностранной державой подсудимому, но онъ не можетъ открыть, при какихъ обстоятельствахъ видалъ эти деньги, и даже не знаетъ, получилъ ли эти деньги Мурманъ» («Fr. Bl.»).

Не менѣе любопытны показанія другого прокурорскаго свидѣтеля, Николая Лангнера.

На всѣ вопросы предсѣдателя и прокурора Лангнеръ отвѣчалъ: «этого я не знаю; этого я не помню», или же вовсе не давалъ никакихъ отвѣтовъ. Напрасно предсѣдатель *предупреждаетъ* свидѣтеля, что «*неправильныя* показанія считаются преступленіемъ»; напрасно прокуроръ грозитъ наказаніемъ и «проситъ возбудить дѣло о ложныхъ показаніяхъ свидѣтеля Лангнера», — послѣдній стоитъ на своемъ, увѣряя, что онъ «говоритъ лишь то, что знаетъ».

Будучи спрошенъ предсѣдателемъ, знакомъ ли свидѣтелю подсудимый, Лангнеръ «долго, испытующе смотритъ на Мурмана, который при этомъ приподнимается, и затѣмъ говоритъ: «я не могу его вспомнить». (Отчетъ «Fr. Bl.»).

Между тѣмъ, какъ значится въ обвинительномъ актѣ, Лангнеръ хорошо зналъ подсудимаго. Съ Мурманомъ онъ познакомился въ Варшавѣ, «у начальника иностраннаго развѣдывательнаго бюро». Подсудимый въ бюро игралъ важную роль

занимался съ новыми шпіонами и онъ же подготовилъ къ шпіонской дѣятельности самого свидѣтеля. Отправляя Лангнера шпіонить въ Австрію, Мурманъ далъ ему фотографическій аппаратъ, который затѣмъ былъ конфискованъ австрійскими властями. Чтобы напомнить Лангнеру всѣ эти факты, оглашаются протоколы предварительнаго слѣдствія, которые еще болѣе раскрываютъ всю закулисную грязь австрійскаго правосудія.

Изъ оглашенныхъ документовъ мы узнаемъ, что въ 1910 году Лангнеръ былъ арестованъ въ Австріи по обвиненію въ шпіонствѣ въ пользу Россіи. Въ это же время содержались въ австрійскихъ тюрьмахъ подсудимый Мурманъ со своею матерью. Естественно, что вѣнскій слѣдователь сталъ допытывать Лангнера по поводу шпіонства Мурмана. Первоначально, передаетъ «Fr. Bl.» содержаніе оглашеннаго слѣдственнаго акта, Лангнеръ ничего не могъ вспомнить о Мурманѣ. *Затѣмъ, когда судебный слѣдователь объщалъ ему, что если онъ выдастъ русскаго шпіона, то слѣдуемое ему наказаніе будетъ значительно понижено,—Лангнеръ рѣшилъ говорить откровенно.*

Не трудно догадаться, что могло выйти изъ таковаго рѣшенія Лангнера. «Въ то время («Fr. Bl.»), какъ Лангнеръ показывалъ въ одномъ протоколѣ, что онъ самъ поступилъ въ шпіоны и не проходилъ никакого курса, въ другомъ онъ увѣряетъ, что его обучалъ Мурманъ и даже снабдилъ фотографическимъ аппаратомъ». Въ третьемъ мѣстѣ «Лангнеръ говорилъ про Мурмана, что онъ помощникъ иностраннаго (читай—русскаго) начальника генеральнаго штаба». Это—штабсъ-капитанъ-то въ отставкѣ! Конечно, прокуроръ не обратилъ на такой пустякъ своего вниманія; не обратилъ онъ своего вниманія и на то, что Лангнеръ «страдалъ слабостью памяти и головными болями», и не выяснилъ, что это за «пустячный проступокъ», совершенный Лангнеромъ въ Россіи, послѣ котораго онъ долженъ былъ бѣжать изъ нашего отечества.

Два врача, знающіе въ настоящее время Лангнера, удо-

стовѣрили передъ судомъ, что Лангнеръ страдаетъ «ослабленіемъ памяти, сильными нервными головными болями, перебоями сердца и упадкомъ силъ». Защитникъ Мурмана, Моргенштернъ, просилъ судъ о производствѣ психіатрической экспертизы, но вѣнскіе авгуры рѣшили, что «свидѣтель намѣренно уклоняется отъ показаній и ведетъ себя такъ же, какъ на предварительномъ слѣдствіи въ Краковѣ и Перемышлѣ».

Мы охотно согласимся съ мнѣніемъ суда, но является вопросъ: что стоятъ измышленія такого свидѣтеля и можно ли, основываясь на нихъ, бросать человѣка въ тюрьму на четыре года?

Разсмотримъ теперь обвиненіе штабсъ-капитана Мурмана въ подстрекательствѣ лейтенанта австрійской службы Альфреда Леопольда къ шпіонству въ пользу Россіи.

Въ этомъ пунктѣ данныя обвинительнаго акта подтвердились на судебномъ слѣдствіи. Дѣйствительно, мать лейтенанта Леопольда, Анжелика, удостовѣрила, что въ началѣ марта 1910 года баронесса Мурманъ говорила ей, что лейтенантъ «Альфредъ можетъ много заработать, если бы онъ могъ что-нибудь сообщать Россіи. Каждая новость будетъ хорошо оплачена» («Fr. Bl.»).

Допустимъ, что подобное предложеніе г-жа Мурманъ дѣлала г-жѣ Леопольдъ. Но вѣдь прокуроръ не можетъ же, наконецъ, не знать, что въ описанномъ разговорѣ еще нѣтъ состава подстрекательства на шпіонство лейтенанта Леопольда.

Даже допустивъ виновность баронессы Мурманъ, необходимо доказать, *что она дѣйствовала по уполномочію своего сына.* Австрійскому прокурору достаточно голословнаго предположенія г-жи Леопольдъ о томъ, что «баронесса сдѣлала это предложеніе, вѣроятно, побуждаемая Александромъ Мурманомъ». Между тѣмъ, по свидѣтельству Августы Кюль, обвиняемый «*на мать свою былъ золъ и даже не принималъ ея писемъ*». Баронесса Мурманъ проживала въ Вѣнѣ, а ея сынъ—въ Берлинѣ, куда г-жа Мурманъ пріѣзжала только

одинъ разъ, *22 марта 1910 года, то-есть, уже послѣ разговора* съ г-жей Леопольдъ, а потому имѣть порученіе отъ сына склонять на шпіонство лейтенанта Леопольда она не могла.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ мартѣ 1910 года, по заключенію психіатровъ, баронесса Мурманъ была ненормальна и душевно-больна. «Они констатировали, что баронесса уже ребенкомъ была истерична, капризна, лжива, странна, нервна и экзальтирована» («Fr. Bl.»).

Обратимся къ разсмотрѣнію послѣднихъ доказательствъ виновности штабсъ-капитана Мурмана.

Обвинительный актъ, ссылаясь на наблюденія берлинской полиціи, утверждаетъ, что Мурманъ «шпіонилъ для иностранной державы уже въ началѣ 1910 года». Это утвержденіе прокурорской власти совершенно не отвѣчаетъ истинѣ, такъ какъ изъ оглашенныхъ на судѣ актовъ берлинской полиціи явствуетъ, что «подсудимый во время пребыванія въ Германіи не пытался сблизиться съ военными чинами, ничего не зачерчивалъ, не имѣлъ фотографическаго аппарата и въ шпіонской дѣятельности замѣченъ не былъ» («Fr. Bl.»).

По указанію же вахмистра уголовной берлинской полиціи Синтари, «наблюденіе за Мурманомъ велось *вслѣдствіе сообщенія изъ Вѣны*».

Итакъ, сообщенія берлинской полиціи, за исключеніемъ упоминавшагося выше пресловутаго «детектива» Висневскаго, всѣ говорятъ въ пользу Мурмана. Однако, вѣнскій судъ придалъ вѣру показаніямъ только послѣдняго лица.

Наконецъ военная экспертиза... Но что могли сказать военные эксперты, если бы они не хотѣли на судѣ играть жалкой комедіи, по дѣлу, *по которому нѣтъ ни одного документа, подлежащаго ихъ разсмотрѣнію?* Защитникъ совершенно правильно требовалъ устраненія изъ дѣла экспертовъ. Роль военныхъ экспертовъ по шпіонскимъ дѣламъ заключается въ томъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: касаются ли государственной обороны переданныя или собранныя шпіономъ свѣдѣнія,

и если касаются, то подлежатъ ли они сохраненію въ тайнѣ. Но, повторяемъ, въ дѣлѣ Мурмана не было ни собранныхъ, ни переданныхъ «иностранному» государству ни документовъ, ни какихъ-либо иныхъ свѣдѣній, касающихся обороны государства. Поэтому не удивительно, что офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, майоръ Ронге и капитанъ Ульманскій, предвосхитили роль суда и занимались рѣшеніями вопроса: можно ли на основаніи собраннаго матеріала назвать Мурмана шпіономъ?

«Разобравъ, главнымъ образомъ, вопросы о техникѣ и практическихъ пріемахъ шпіонажа *иностраннаго* государства»... «эксперты пришли къ выводу, что Мурманъ — опасный шпіонъ» («Fr. Bl.»).

Послѣ всего изложеннаго мотивировка приговора уже не представляетъ интереса.

Изъ процесса Мурмана видно, какую дѣятельную помощь оказывала берлинская полиція австрійскимъ властямъ—включительно до снабженія лжесвидѣтелемъ. Подобное содѣйствіе не исключительное свойство мурманскаго процесса. Есть факты, дающіе намъ право утверждать, что между обѣими нѣмецкими имперіями въ этихъ дѣлахъ существуетъ тѣсная взаимность. Напримѣръ, въ процессѣ Богатскаго, о которомъ мы говорили выше, наоборотъ, въ распоряженіе лейпцигскаго спеціальнаго слѣдователя были доставлены акты полицейскаго управленія въ Краковѣ, свѣдѣнія о Богатскомъ австрійскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ, протоколы судебнаго слѣдователя въ Краковѣ и производство краковскаго окружнаго суда. Наконецъ, къ судебному разбирательству въ Лейпцигъ былъ доставленъ лжесвидѣтель, австрійскій тайный агентъ Недведь. Очевидно, что въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ судебныя власти Германіи и Австріи, не заботясь объ истинѣ, *преслѣдовали исключительно политическія цѣли.*

Дѣло Дырча и Міодроговича.

Съ не меньшимъ цинизмомъ, чѣмъ въ дѣлѣ Мурмана, австрійскими властями была сфабрикована провокація въ дѣлѣ Бронислава Дырча, приговореннаго въ іюлѣ 1909 года вѣнскимъ уголовнымъ судомъ на три года каторжныхъ работъ за шпіонство въ пользу Россіи. Главнымъ свидѣтелемъ въ этомъ процессѣ прокурорская власть выставила нѣкоего серба Святослава Міодроговича, обвинявшагося въ то же время въ соучастіи съ Дырчемъ.

Истинная роль Міодроговича въ разбираемомъ дѣлѣ вырисовывается довольно ясно.

Въ секретномъ заключеніи «императорскаго и королевскаго военнаго министерства» отъ 17 мая 1909 года говорится, что Міодроговичъ является «профессіональнымъ шпіономъ», почему «представляетъ неописуемую опасность для нашего (австро-венгерскаго) государства».

Однако, несмотря на столь категорическое мнѣніе военнаго министерства; не смотря на то, что, по словамъ обвинительнаго акта, Міодроговичъ существенно помогалъ Брониславу Дырчу въ совершенномъ имъ преступленіи шпіонажа, безъ чего Дырчъ «не могъ бы возвратиться въ Австрію и продолжать свою дѣятельность,» — вѣнскій уголовный судъ, вопреки установившейся практикѣ, важнаго шпіона приговорилъ всего лишь къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Очевидно, что въ данномъ случаѣ судъ руководился какими-то соображеніями, разгадать которыя не представляетъ никакой трудности, тѣмъ болѣе, что заключеніе военнаго министерства называетъ Міодроговича «типомъ двойного шпіона», такъ какъ онъ былъ германскимъ агентомъ и агентомъ еще одного государства, которое генералъ отъ инфантеріи Маттъ, подписавшій заключеніе «за военнаго министра», не называетъ.

На основаніи показаній по преимуществу этого свидѣтеля, судъ приговорилъ Дырча въ каторгу на три года, по § 67 уголовнаго закона.

Дырчъ обвинялся и признанъ виновнымъ въ томъ, что въ 1907 и 1908 годахъ, съ цѣлью сообщенія другой державѣ, вывѣдывалъ въ Галиціи мѣропріятія и предметы, относящіеся къ военной оборонѣ государства и долженствовавшіе, въ виду внѣшней безопасности имперіи, храниться въ тайнѣ. Важнымъ матеріаломъ для обвиненія Дырча, согласно обвинительному акту, является дѣятельность его во время пребыванія въ Поронинѣ въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1907 года. Въ Поронинѣ Дырчъ проживалъ у мѣстнаго ресторатора и хозяина гостинницы Матвѣя Малацины, которому обязался провести электричество, а Малацина, въ свою очередь, на извѣстныхъ условіяхъ, далъ Дырчу средства осуществить изобрѣтенный послѣднимъ особой системы аккумуляторъ. По мнѣнію прокурора Евгенія Шустера, указанныя работы Дырча служили ему лишь предлогомъ для шпіонства. Въ доказательство этого вывода, обвинительный актъ приводитъ рядъ свидѣтельскихъ показаній.

Такъ, напримѣръ, жена упомянутаго Малацины Агнеса,— «видѣла, какъ онъ снималъ мѣстность *вблизи ея дома* и какъ стоя на желѣзнодорожномъ мосту въ Поронинѣ *дѣлалъ замѣтки*. Такія же наблюденія произвела и Софья Малацина, часто видѣвшая Бронислава Дырча около воды на мосту или у полотна желѣзной дороги, *что-то записывающимъ*. Шуринъ Матвѣя Малацины, Іоганъ Кроличакъ, также далъ важныя показанія о дѣятельности Бронислава Дырча въ Поронинѣ. Онъ показалъ, что Дырчъ одолжалъ фотографическій аппаратъ, которымъ и пользовался для фотографированія окрестностей Поронина. Самъ Кроличакъ видалъ, что Дырчъ изготовлялъ чертежи, которые изображали мѣстность; въ этихъ чертежахъ разстоянія были отмѣчены красными чернилами».

Уклонившись нѣсколько въ сторону, замѣтимъ, что послѣдняя часть показанія Кроличака извращена прокуроромъ, такъ какъ, согласно приговора, Кроличакъ показывалъ лишь, «что онъ видѣлъ у подсудимаго рисунокъ, состоящій изъ трехъ группъ разноцвѣтныхъ круговъ, причемъ, между отдѣльными

кругами были проведены линіи красными чернилами, отмѣченныя четырехзначными цифрами».

Изъ сказаннаго ясно, что свидѣтель вовсе не видалъ у Дырча «чертежей, изображающихъ мѣстность, гдѣ разстоянія были отмѣчены красными чернилами». Это военный экспертъ полагалъ, что «работы, о которыхъ говорилъ свидѣтель Кроличакъ, имѣютъ всѣ *характерные признаки маршрутныхъ съемокъ*, т. е. чертежи путей сообщенія, содержащіе, кромѣ полотна дороги, еще важныя въ военномъ отношеніи детали, какъ-то: подъемы и скаты; мѣста для отдыха и бивака; разъѣзды; колодцы; свѣдѣнія о продовольственныхъ запасахъ и т. д.».

Однако, мнѣніе генерала отъ инфантеріи Матта о «характерныхъ признакахъ» чертежей, упомянутыхъ Кроличакомъ, оказалось далеко не убѣдительнымъ, такъ какъ на судебномъ слѣдствіи военный экспертъ, капитанъ Ронге, выслушавъ показаніе свидѣтеля о тѣхъ же «характерныхъ чертежахъ», пришелъ къ заключенію, «что они изображали схему наблюдательныхъ пунктовъ съ обозначеніемъ дистанцій».

Возвращаемся къ повѣствованію обвинительнаго акта.

«Лѣсникъ Твордовскій наблюдалъ Дырча часто гуляющимъ у желѣзнодорожнаго моста и на шоссе. Въ его квартирѣ Твордовскій видѣлъ много книгъ, бумаги и чертежныя принадлежности. Самуилъ Блюмъ также видѣлъ чертежныя принадлежности; какъ-то: готовальню, разноцвѣтные карандаши, линейки, треугольники. По всей вѣроятности, умозаключаетъ австрійскій прокуроръ, съ этою же цѣлью Бронислав Дырчъ совершалъ частыя поѣздки во Львовъ и Краковъ».

Какъ явствуетъ изъ предыдущихъ строкъ, всѣ прокурорскіе свидѣтели говорятъ о какихъ-то замѣткахъ, чертежахъ, фотографіяхъ и т. д., не сообщая содержанія ихъ. Но для осужденія по § 67 австрійскаго уголовнаго закона подобной пустой болтовни недостаточно. Указанный § караетъ за собираніе не какихъ-то неопредѣленныхъ свѣдѣній, а «за собираніе относящихся до военныхъ силъ государства или его военной обороны приготовленій и предметовъ, кои не почитаются

и не разсматриваются государствомъ, какъ публичные». Быть можетъ свидѣтельницѣ Агнесѣ Малацинѣ мѣстность вблизи ея дома представляется наиважнѣйшимъ пунктомъ Австрійской имперіи, но, тѣмъ не менѣе, съемка этой мѣстности не можетъ быть воспрещена закономъ. Къ тому же, Агнеса Малацина и не видала самаго плана, начерченнаго Дырчемъ, поэтому показанія этой свидѣтельницы никакого значенія для дѣла имѣть не могутъ. Не лучше разъясняютъ дѣло и другіе свидѣтели, къ тому же, въ большинствѣ эти свидѣтели, Малацины или ихъ родственники, настроены не въ пользу подсудимаго. Даже обвинительный актъ признаетъ, что супруги «Малацины понесли значительный матеріальный вредъ» благодаря Дырчу, такъ какъ, «произведенныя имъ инсталаціонныя работы оказались никуда негодными, а изобрѣтенный аккумуляторъ—безцѣннымъ». Затѣмъ, относительно достовѣрности показаній свидѣтеля Ивана Кроличака, судъ нашелъ нужнымъ пояснить, что хотя онъ только что былъ «осужденъ за преступленіе, предусмотрѣнное ст. 199-а уголовнаго закона, но онъ давалъ показанія такъ точно, спокойно и ясно и съ такими деталями, что они производятъ впечатлѣніе правды». Чтобы по достоинству оцѣнить безпристрастіе австрійскихъ судей, слѣдуетъ припомнить, что § 199-а австрійскаго уголовнаго уложенія караетъ за ложное показаніе подъ присягой.

Послѣ этихъ словъ не удивительно убѣжденіе суда въ томъ, «что Брониславъ Дырчъ является профессіональнымъ шпіономъ, состоящимъ на службѣ русскаго генеральнаго штаба, и агентомъ охраннаго отдѣленія».

Однимъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ, приводимыхъ судомъ въ обоснованіе своего убѣжденія, является тотъ фактъ, что Дырчъ «говоритъ по-русски, по-польски, по-нѣмецки и знаетъ французскій и англійскій языки. Онъ изучалъ технику, знаетъ ее практически, хорошій чертежникъ, служилъ въ арміи унтеръ-офицеромъ, обладаетъ хорошей памятью, а потому имѣетъ всѣ данныя, необходимыя шпіону».

Согласно установившейся практикѣ въ австрійскихъ судахъ

по шпіонскимъ процессамъ, и въ данномъ дѣлѣ отсутствіе изобличающихъ подсудимаго объективныхъ фактовъ было восполнено фантазіями военныхъ экспертовъ и умозаключеніями прокурора и судей.

Между судомъ и экспертами установилось полное взаимное пониманіе. Въ дѣлѣ не было рѣшительно никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о характерѣ чертежей и замѣтокъ Дырча, о которыхъ говорили свидѣтели, такъ какъ ни самихъ чертежей, ни самихъ замѣтокъ никто не видалъ и передать ихъ содержаніе никто не могъ. Чувствуя свое безсиліе, судебныя власти обращались за помощью къ военной экспертизѣ.

«Свидѣтельскими показаніями установлено, говорилъ генералъ Маттъ въ своемъ заключеніи, данномъ на основаніи актовъ предварительнаго слѣдствія, что Дырчъ въ Поронинѣ и его окрестностяхъ занимался съемкой дорогъ, шоссе, желѣзныхъ дорогъ, водяныхъ путей сообщенія, различныхъ искусственныхъ сооруженій, мостовъ при шоссе и желѣзныхъ дорогахъ, и что онъ дома изготовлялъ много чертежей, обрабатывая ихъ по преимуществу цвѣтными карандашами и красками. Онъ также производилъ фотографическіе съемки одолженнымъ для этой цѣли аппаратомъ. Работы, про которыя говорилъ свидѣтель Кроличакъ, имѣютъ всѣ характерные признаки маршрутныхъ съемокъ, т. е. чертежей путей сообщенія, которые содержатъ, кромѣ полотна дороги, еще важныя въ военномъ отношеніи детали... Что Дырчъ занимался изготовленіемъ такихъ чертежей—*не подлежитъ сомнѣнію.* Поронинъ, какъ исходная точка нѣсколькихъ очень важныхъ дорогъ черезъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ центральный Карпатскій хребетъ, имѣетъ большое военное аначеніе. Не менѣе важенъ и находящійся вблизи Неймаркъ, какъ узловой пунктъ круго-карпатскихъ желѣзныхъ дорогъ. Состояніе дорогъ, идущихъ отъ Поронина, ихъ пропускная способность для различнаго рода войскъ и обозовъ, что *по всей вѣроятности* Дырчъ обозначилъ на своихъ чертежахъ и маршрутахъ,—не

подлежать оглашенію. Развѣдка и выдача этихъ свѣдѣній иностранному правительству нанесла бы нашему государству (Австріи) величайшій вредъ и, конечно, подобная дѣятельность предусмотрѣна § 67 имперскихъ законовъ. Къ тому же *не подлежитъ сомнѣнію*, что Дырчъ приложилъ къ своимъ работамъ и свѣдѣнія военнаго характера о Краковѣ и Львовѣ, такъ какъ въ названныхъ пунктахъ онъ часто останавливался».

Путемъ очень длинныхъ разсужденій, генералъ Маттъ приходитъ къ конечному выводу, что «вредъ, нанесенный этимъ субъектомъ (Дырчемъ) вооруженной силѣ Австро-Венгріи, нужно опредѣлить какъ чрезвычайно большой».

Эту безпочвенную экспертизу австрійскій прокуроръ положилъ въ основу обвиненія съ тѣми лишь измѣненіями, что всѣмъ сомнѣніямъ и предположеніямъ генерала Матта придалъ категорическую форму.

Напримѣръ, по словамъ обвинительнаго акта, «на своихъ чертежахъ и снимкахъ Дырчъ *безусловно* помѣстилъ данныя, которыя относятся къ оборонѣ государства и которыя не публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Къ этимъ работамъ Дырчъ *безусловно* присоединилъ и данныя военнаго характера о Краковѣ и Львовѣ, ввиду того, что онъ въ этихъ мѣстностяхъ часто жилъ и изъ Поронина туда предпринималъ путешествія» и т. д.

Вѣнскому суду оставалось лишь повторить остроумную догадку прокурора, смѣшавшаго понятіе и значеніе свидѣтельскихъ показаній съ заключеніемъ свѣдущихъ лицъ. Дабы представить русскимъ читателямъ болѣе полную картину австрійскаго правосудія, мы вкратцѣ приведемъ мотивировку приговора въ отношеніе той дѣятельности Дырча, которая дала главный матеріалъ къ его обвиненію.

«По заключенію эксперта, читаемъ мы въ приговорѣ, окрестности Поронина имѣютъ большое военное значеніе», но «изъ обыкновенныхъ картъ и путешествій нельзя усмотрѣть важныя въ стратегическомъ смыслѣ детали, какъ-то: ширину и глубину рѣки, свойства дна, матеріалъ и конструк-

пію моста, окрестности, свойства, прилегающей мѣстности и т. п. А между тѣмъ, именно эти предметы нужно признать весьма подходящими объектами для военной развѣдки, а потому *безспорно* они развѣдывались подсудимымъ».

«Во Львовѣ, говорится дальше въ приговорѣ, подсудимый разсказывалъ свидѣтелю Стамировскому объ изобрѣтенномъ имъ метателѣ картечи и интересовался ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, каковыя данныя, по заключенію эксперта, являются вещами не подлежащими оглашенію и относящимися къ военной оборонѣ государства. Ввиду сказаннаго, приведенныя свѣдѣнія особенно интересны шпіону, почему Дырчъ именно эти свѣдѣнія избралъ объектомъ для своего шпіонажа».

Прибавивъ къ сказанному, что «деньги Дырчу пересылались посредствомъ банкирской конторы Ландау, черезъ которую, по словамъ эксперта, русскій генеральный штабъ переводитъ деньги своимъ заграничнымъ агентамъ»; «что, по словамъ эксперта, Дырчъ особенно широко *могъ* развить свою дѣятельность во Львовѣ, ввиду возводимымъ тамъ новыхъ укрѣпленій и реорганизаціи артиллеріи»; что «во время пребыванія во Львовѣ подсудимый писалъ *поразительно* большое количество писемъ», о чемъ, замѣтимъ отъ себя, нигдѣ не говорится; что Дырчъ проживалъ нѣкоторое время за-границей, а потому безспорно въ Россіи,—принявъ всѣ эти обстоятельства во вниманіе, вѣнскій судъ пришелъ къ твердому убѣжденію, «что подсудимый имѣлъ намѣреніе развѣдать въ Пороninѣ мѣропріятія и факты, относящіеся до военной обороны государства» и «что подсудимый Дырчъ развѣдывалъ для русскаго генеральнаго штаба и въ бытность свою во Львовѣ». Для установленія шпіонскихъ сношеній Дырча, австрійскій слѣдователь отыскалъ свидѣтеля Міодрговича, который и восполнилъ досадный пробѣлъ, показавъ, безъ боязни познакомиться съ прелестями австрійской каторги, что онъ, Міодрговичъ, въ одномъ изъ пограничныхъ русскихъ округовъ игралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ развѣдки, и пользовался

полнымъ довѣріемъ одного важнаго военнаго лица. Онъ, Міодрговичъ, якобы, получалъ на свое имя всѣ донесенія агентовъ изъ-за-границы и въ томъ числѣ, конечно, отъ Дырча; онъ на своей квартирѣ давалъ пріютъ прибывающимъ въ городъ детективамъ, заботился объ ихъ нуждахъ; повѣрялъ ихъ дѣятельность; вручалъ имъ паспорта и т. д. Онъ-де зналъ большое количество людей, въ особенности агентовъ, работающихъ противъ Австріи, въ числѣ которыхъ особой энергіей выдѣлялся Дырчъ.

Нужды нѣтъ, что Міодрговичъ не могъ признать почерка Дырча, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ часто получалъ отъ подсудимаго донесенія; нужды нѣтъ, что въ то время, когда онъ, якобы, въ Россіи имѣлъ сношенія съ Дырчемъ, послѣдній, какъ оказалось, былъ совершенно въ другомъ мѣстѣ; нужды нѣтъ, что разсказъ Міодрговича о своей роли въ Россіи явно нелѣпъ,—судьи повѣрили ему и искомая связь Дырча съ иностранными властями была установлена.

Такова дѣйствительная цѣнность австрійскаго правосудія

Достаточно было агенту-провокатору сдѣлать ложный доносъ, какъ находились очевидцы и соучастники этого преступленія, и никакіе доводы, приводимые въ оправданіе, не въ силахъ были разорвать цѣпей лжи, обмана, подкуповъ и угрозъ, каковыми средствами пользовались австрійскія власти для искорененія призрака русскаго шпіонажа [1]). Будемъ надѣяться, что разгромъ Австріи исключитъ въ будущемъ возможность глумленія надъ русскими людьми въ ея учрежденіяхъ и тюрьмахъ.

---

[1]) Австрійская мнительность въ этомъ смыслѣ не имѣла границъ. Въ видѣ курьеза можемъ напомнить, что въ мартѣ 1911 г. во Львовѣ, по словамъ „Русс. Слова“, была арестована цѣлая семья китайцевъ-жонглеровъ по подозрѣнію въ томъ, что они состоятъ на русской службѣ и занимаются военнымъ шпіонствомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Наша безпечность.

Послѣ всего сказаннаго выше должна быть понятна та погоня за военными секретами, которой были заняты и занимаются сейчасъ нѣмецкіе шпіоны. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость осторожнаго отношенія ко всякаго рода подозрительнымъ лицамъ и болѣе тщательнаго храненія ввѣренныхъ по службѣ тайнъ, избѣгая по возможности публичнаго обсужденія предполагаемыхъ или уже проводимыхъ военныхъ мѣропріятій, въ особенности въ періодъ дипломатическихъ осложненій, а тѣмъ болѣе во время войны.

Между тѣмъ, вся наша личная судебная практика свидѣтельствуетъ о томъ, какъ грѣшили мы противъ изложенныхъ только что принциповъ. Добродушіе русскаго человѣка, его довѣрчивость и готовность выложить свою душу передъ первыми встрѣчными,—всегда будутъ служить угрозой военнойны тайнѣ. Къ тому же, у насъ замѣчалось значительное теченіе среди военныхъ круговъ общества, недовѣрчиво относившихся къ возможности столь широкаго и столь искусно организованнаго шпіонажа. Будемъ надѣяться, что война заставитъ прозрѣть даже слѣпыхъ.

Хотя въ послѣдніе годы военное начальство прилагало большія старанія къ охранѣ военныхъ тайнъ, но промахи были очень часты, и это понятно: послѣ цѣлаго ряда лѣтъ распущенности въ этой области, требовался извѣстный промежутокъ времени, чтобы привить воинскимъ чинамъ привычку

вдумчиваго отношенія къ понятію военнаго секрета и военной скрытности.

Мы можемъ указать цѣлый рядъ разглашенія тайнъ, исключительно благодаря служебной небрежности и непониманія военной цѣнности тѣхъ или иныхъ свѣдѣній. Такъ напримѣръ, изъ дѣла предателя Поваже выяснилось, что въ типографіи Главнаго Морского Штаба самыя секретныя работы не только хранились въ шкафу, свободный доступъ къ которому имѣли всѣ рабочіе, но даже эти работы по нѣскольку дней сряду оставались на рукахъ у подмастерьевъ, которые могли уносить съ собой все что угодно. (См. «Рѣчь» 1911. № 80).

Въ другой военной типографіи «максимальные воинскіе графики движенія поѣздовъ въ военное время» одного изъ узловъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ хранились въ шкафу, доступъ къ которому имѣли всѣ служащіе въ конторѣ, а старые графики, имѣющіе однако же, по заключенію эксперта, всегда извѣстное значеніе, бросались въ числѣ «прочаго хлама» въ сорный ящикъ.

Адъютантъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, уходя со службы, закрывалъ секретный ключъ отъ шкафа съ мобилизаціонными документами въ свой столъ, замокъ котораго не представлялъ никакого затрудненія для дѣйствія отмычки.

Г. Мартыновъ въ брошюрѣ «Манчжурскіе порядки» сообщаетъ весьма прискорбный фактъ передачи китайскимъ властямъ всѣхъ плановъ желѣзнодорожныхъ мостовъ восточно-китайской желѣзной дороги. Хотя названнымъ генераломъ было возбуждено слѣдствіе по этому поводу, но его не удалось довести до конца.

Въ одной изъ западныхъ крѣпостей, при производствѣ работъ, инженеры-строители, выдавая десятникамъ рабочіе чертежи, изъ коихъ нѣкоторые отличались большой детальностью, не отбирали этихъ чертежей обратно. Одинъ изъ десятниковъ, извѣстный любовью къ своему дѣлу, собралъ три большихъ альбома подобныхъ чертежей, многіе изъ которыхъ, по заключенію военныхъ экспертовъ, относились къ числу безу-

словно секретныхъ. Хотя самъ десятникъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній въ отношеніи своей личности, но среди его друзей, по странной случайности, оказался шпіонъ, осужденный за свое злодѣяніе на каторгу, арестъ котораго и послужилъ поводомъ къ обыску у десятника. Между тѣмъ, крѣпостные инженеры, съ непонятной для насъ лично наивностью, были увѣрены, что указанные чертежи никакого военнаго значенія имѣть не могутъ, потому что подобные же чертежи можно встрѣтить въ учебникахъ фортификаціи, упуская изъ виду, что и чертежи изъ учебниковъ, еслибы они были осуществлены на практикѣ, конечно, получили бы иное освѣщеніе и врядъ-ли уже могли бы служить учебнымъ цѣлямъ. Выставлялось еще соображеніе въ томъ смыслѣ, что собранные десятникомъ чертежи могли бы имѣть значеніе лишь въ случаѣ, если интересующееся ими лицо будетъ имѣть общій планъ крѣпости. Какъ нарочно, другъ десятника при своемъ задержаніи имѣлъ общій планъ, хоть и не всей крѣпости, но ея центральнаго форта.

Одному шпіону удалось втереться въ довѣріе командира воинской части и благопріятно разрѣшить поставленную ему германскимъ генеральнымъ штабомъ задачу только благодаря тому, что онъ, узнавъ объ увлеченіи командира хоромъ балалаечниковъ, прикинулся любителемъ подобнаго рода музыки.

Большими врагами военнаго секрета необходимо признать различнаго рода войсковыхъ поставщиковъ, въ особенности, евреевъ, которые умудряются узнавать новости, касающіяся данной части, раньше, чѣмъ объ этомъ будутъ поставлены въ извѣстность офицеры части. Сенсаціонныя вѣсти сейчасъ же передаются по ихъ «пантофлевой почтѣ», а почта эта, по словамъ одного автора, работаетъ всегда исправно и при томъ иногда на удивленіе вѣрно [1]).

Кромѣ войсковыхъ подрядчиковъ, въ воинскія части довольно свободно допускается различнаго рода бродячій эле-

---

[1]) П. Изместневъ. Военные секреты. „Развѣд.“ № 1088.

ментъ, какъ-то: комивояжеры, книгоноши, мелкіе торговцы, фотографы и т. п. Намъ извѣстенъ случай разрѣшенія одному фотографу, не то нѣмцу, не то еврею, пріѣхавшему изъ Австріи, производить снимки какъ съ отдѣльныхъ воинскихъ частей, такъ и группъ, съ соотвѣтствующими постройками въ поселкѣ, населенномъ исключительно военнымъ гарнизономъ. Не смотря на то, что вырабатываемая фотографомъ сумма, ввиду дешевизны цѣнъ, была слишкомъ незначительна для тѣхъ работъ, которыя онъ исполнялъ, этому обстоятельству не придали никакого значенія, и только по истеченіи времени, когда выяснилось, что этотъ фотографъ разспрашивалъ нижнихъ чиновъ о числѣ офицеровъ и рядовыхъ въ частяхъ гарнизона, о назначеніи различныхъ командъ и зданій и т. п., ему были запрещены дальнѣйшія работы.

Профессія фотографовъ вообще охотно выбирается нѣмецкими шпіонами, какъ средство замаскировать свое истинное ремесло. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что продѣлывали это шпіоны порою не совсѣмъ тайно. Примѣръ удивительной безцеремонности шпіона имѣлъ мѣсто въ одномъ городѣ. Какъ только вокругъ этого города было приступлено къ возведенію крѣпостныхъ сооруженій, появился фотографъ, избравшій своею спеціальностью изготовленіе портретовъ нижнихъ чиновъ.

Наглость этого спеціалиста видна изъ слѣдующаго объявленія, разсклееннаго имъ во всѣхъ людныхъ мѣстахъ города:

„Извѣщаю нижнихъ чиновъ N-скаго гарнизона, что мною открыто роскошно обставленное

Фотографическое заведеніе,

гдѣ принимаются всевозможные заказы на фотографическіе снимки и на увеличительные портреты всѣхъ размѣровъ до натуральной величины, которые выполняются скоро и аккуратно

по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Надѣюсь, что нижніе чины отнесутся къ моему новому предпріятію съ должнымъ вниманіемъ и удостоятъ своими благосклонными заказами

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

Л. К. Краузе».

Мы не знаемъ, что сталось съ этимъ спеціалистомъ солдатскихъ фотографій, но одна возможность столь откровенныхъ выступленій въ губернскомъ городѣ уже знаменательна, какъ показатель шпіонской наглости нѣмцевъ.

Вспомнимъ также исключительный по своей неосмотрительности фактъ передачи предпріятій экономическаго общества офицеровъ Варшавскаго военнаго округа въ аренду еврейско-нѣмецкаго блока, подъ фирмою Леонъ Круше и К°. Основываясь на имѣвшихся у насъ свѣдѣніяхъ, мы выступили печатно противъ замышлявшейся тогда сдѣлки, утверждая, что затѣя аренды идетъ изъ Берлина, и повлечетъ неминуемое водвореніе шпіоновъ въ предпріятіяхъ общества [1]). Нашъ слабый голосъ всеже былъ услышанъ высшимъ военнымъ начальствомъ округа; статьи произвели эфектъ даже въ неожиданной для насъ степени и повлекли большія непріятности, но только не для Леона Круше и его приспѣшниковъ.

Отмѣченные выше промахи нашихъ офицеровъ были неизбѣжны при томъ странномъ отношеніи къ нѣмецкому шпіонству, которое почему-то установилось у насъ. Писать, разъяснять публично нѣмецкое соглядатайство считалось недопустимымъ и армія жила неясными слухами, не будучи въ курсѣ истиннаго положенія дѣлъ. Не знаемъ, благодаря какимъ причинамъ, но среди высшаго военнаго начальства установился твердо проводимый взглядъ, что раскрытіе цѣлей и достигнутыхъ успѣховъ нѣмецкаго шпіонства можетъ принести ущербъ, не самому шпіонству, что, казалось бы, должно имѣть мѣсто, а интересамъ военной обороны Россіи. До какихъ курьезовъ доводилась у насъ охрана тайнъ нѣмецкаго шпіонства, можетъ служить слѣдующій фактъ изъ нашей жизни. Если память намъ не измѣняетъ, въ концѣ 1911 года намъ было предложено сдѣлать сообщеніе въ собраніи офицеровъ генеральнаго штаба Варшавскаго военнаго округа о нѣмецкомъ шпіонствѣ. Программа выработанная нами была одобрена, но,

[1]) См. наши статьи „Русскій патріотизмъ въ Польшѣ“ („Нов. Вр.“ №№ 12887, 12889, 12923, 12931 и 12938).

по какимъ-то непонятнымъ для насъ соображеніямъ, присутствовать на лекціи разрѣшено было лишь офицерамъ, начиная съ командировъ отдѣльными частями. Между тѣмъ, судя по составу аудиторіи и ходу бесѣды, сообщеніе наше вызвало большой интересъ, а знаніе фактовъ, сообщенныхъ нами, было признано полезнымъ для офицерскихъ чиновъ. Однако, напечатать замѣтку о сообщеніи въ военномъ журналѣ не было разрѣшено.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ обѣихъ нѣмецкихъ имперіяхъ. Въ Германіи не удовлетворялись тѣмъ, что офицерскимъ чинамъ для руководства были преподаны *оффиціальныя изданія*, но и къ издающимся въ Берлинѣ учебникамъ для нижнихъ чиновъ также прилагается «инструкція нижнимъ чинамъ противъ иноземнаго шпіонажа». Въ этихъ инструкціяхъ указывается, какъ работаютъ шпіоны, какія цѣли они преслѣдуютъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ для исполненія задачъ. Что же долженъ дѣлать солдатъ, чтобы воспрепятствовать этимъ иноземнымъ шпіонамъ заниматься ихъ ремесломъ? спрашиваетъ одна инструкція и даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ:

1) Первымъ дѣломъ мы всѣ должны соблюдать наибольшую осторожность при разговорахъ въ публичныхъ мѣстахъ относительно военнаго дѣла, особенно же въ трактирахъ, трамваяхъ и на желѣзной дорогѣ. Нельзя знать, кого имѣемъ слушателемъ.

2) Съ посторонними людьми мы не должны быть ни довѣрчивы, ни откровенны. Солдатъ обязанъ соблюдать относительно военнаго дѣла необходимую скрытность.

3) Какъ долженъ поступать солдатъ, имѣющій, какъ ему кажется, дѣло со шпіономъ? Онъ отправляется къ своему ротному (батарейному) командиру и докладываетъ о своемъ предположеніи, дабы тотъ могъ принять дальнѣйшія мѣры къ обезвреженію шпіона. Къ тому же солдатъ долженъ точно замѣтить подозрительную личность и, если это возможно, слѣдить за ней. Немедленно задерживать, если солдатъ за-

станетъ кого-либо за совершеніемъ дѣла, по которому онъ долженъ заключить, что передъ нимъ шпіонъ. Признаки для подобныхъ случаевъ: фотографированіе крѣпостныхъ сооруженій, вторженіе въ депо, похищеніе оружія, подозрительное приближеніе къ огороженнымъ военнымъ мѣстамъ безъ пропускного билета и т. д.

4) Каждый солдатъ долженъ считать своимъ долгомъ способствовать всѣми средствами задержанію шпіона, въ случаяхъ, подобныхъ вышеупомянутымъ. Задержанный долженъ быть немедленно переданъ ближайшему караулу съ изложеніемъ причины задержанія. Если бы солдатъ при этомъ переусердствовалъ, и подозрѣніе оказалось впослѣдствіи неосновательнымъ, начальники не должны подвергать его за это отвѣтственности. Его добрая воля и его энергичный поступокъ всегда будутъ оцѣнены. Кто отличился въ вышеупомянутомъ случаѣ, можетъ, сообразно съ обстоятельствами, разсчитывать на особую награду.

Имѣются особыя указанія и для резервистовъ. Надо держать себя, говорится резервистамъ, такъ, какъ объ этомъ уже сказано, только мѣсто начальства заступаетъ полиція. Кто же будетъ настолько безчестенъ, что поддастся искушенію, тому напоминается и здѣсь, что государство располагаетъ такимъ большимъ числомъ средствъ и путей, что измѣнникъ отечеству будетъ почти всегда обличенъ, какъ бы остороженъ онъ ни былъ. Какъ послѣдствіе поступка — многолѣтнее заключеніе въ смирительномъ домѣ, по отбытіи котораго виновные въ измѣнѣ, презираемые и избѣгаемые всѣми порядочными людьми, не найдутъ больше мѣста на родинѣ. («Der Gesselige» 1911 г. 3 марта).

Въ Австріи въ 1912 году военное министерство также разослало по войскамъ инструкціи на соотвѣтствующемъ родномъ языкѣ частей войскъ для руководства нижнимъ чинамъ, съ поясненіями о значеніи шпіонства, о томъ, какъ распознать шпіона и какъ держать себя съ подобными лицами.

Слѣдовало бы и нашимъ войскамъ разъяснять характеръ

и значеніе шпіонажа и пріучать ихъ къ надлежащей осмотрительности. Но этого не было своевременно сдѣлано и мы получили въ настоящую войну уроки, безъ которыхъ можно было бы обойтись.

Имѣя лишь смутное представленіе о томъ, что такое военная тайна и что такое нѣмецкое шпіонство, наши воинскіе чины невольно грѣшили противъ военнаго секрета и военной скрытности, на что обращалось вниманіе въ приказѣ Верховнаго Главнокомандующаго 31 октября 1914 года, № 133.

«Изъ донесеній военно-цензурныхъ установленій усматривается, читаемъ въ приказѣ, что въ письмахъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ продолжаютъ обнаруживаться свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій, расположеніи частей и другія данныя, кои, по закону и по существу, не могутъ подлежать оглашенію во время войны.

Хотя уже неоднократно указывалось на недопустимость подобнаго явленія, тѣмъ не менѣе я еще разъ обращаюсь къ чувству патріотизма всѣхъ чиновъ Высочайше ввѣренныхъ мнѣ армій и флота, въ увѣренности, что въ сознаніи важности переживаемаго времени они сами воздержатся отъ сообщенія въ своихъ письмахъ неподлежащихъ оглашенію свѣдѣній.

Начальникамъ всѣхъ степеней повелѣваю разъяснить подвѣдомственнымъ имъ чинамъ, какія именно свѣдѣнія не подлежатъ оглашенію, а также указать, что отправка писемъ съ такими свѣдѣніями, помимо нарушенія служебнаго и внутренняго долга каждаго военнообязаннаго, является сверхъ того и безцѣльной, такъ какъ на основаніи закона о военной цензурѣ письма просматриваются ею, причемъ тѣ изъ нихъ, кои содержатъ свѣдѣнія, не подлежащія оглашенію, конфискуются и не доставляются по назначенію».

Война убѣдила, наконецъ, и въ той простой истинѣ, что нѣмецкое шпіонство не ограничивается развѣдкой одной лишь арміи, что, напротивъ, и широкіе слои русскаго общества могутъ быть объектомъ нѣмецкаго шпіонства, а слѣдовательно

нарушеніе военной тайны можетъ произойти не только по винѣ чиновъ арміи, но и по винѣ широкой публики. Именно эта простая истина разъясняется главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба въ обращеніи къ русскому обществу 8-го марта 1915 года.

«Съ начала войны, говоритъ генеральный штабъ, принятъ рядъ мѣръ для сохраненія въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Но для того, чтобы эти мѣры были возможно болѣе дѣйствительны, необходимо, чтобы само общество шло на встрѣчу предъявляемымъ къ арміи и народу требованіямъ о сохраненіи военной тайны. Весьма возможно, что много свѣдѣній съ театра военныхъ дѣйствій, оглашеніе которыхъ нежелательно, несмотря на всѣ цензурныя и другія мѣры, все же дѣлается достояніемъ семьи и общества изъ писемъ, разсказовъ раненыхъ и пріѣзжающихъ, а равно другими путями, и при неосторожномъ и неосмотрительномъ отношеніи свѣдѣнія эти затѣмъ легко могутъ распространяться во всеобщее свѣдѣніе. Всѣмъ чинамъ дѣйствующей арміи строжайше предписано быть сдержанными и осторожными въ своихъ письмахъ и разговорахъ, теперь же представляется необходимымъ обратиться съ просьбой о томъ же и къ обществу, ибо только благожелательное отношеніе самого общества можетъ содѣйствовать сохраненію военной тайны въ полной мѣрѣ.

Жены, сестры, матери, отцы, братья, родные и знакомые нашихъ доблестныхъ воиновъ приглашаются избѣгать всякихъ письменныхъ сообщеній, разговоровъ по телефону, въ трамваяхъ и общественныхъ мѣстахъ о расположеніи нашихъ войскъ, нашихъ боевыхъ дѣйствіяхъ и вообще о тѣхъ свѣдѣніяхъ изъ дѣйствующей арміи, которыми они располагаютъ помимо печати, памятуя, что всякая неосторожность въ этомъ отношеніи грозитъ лишними жертвами и тормозитъ ту великую работу, которую въ сознаніи своего долга исполняетъ наша армія. Надо слѣдить не только за собой, но и другъ за другомъ, удерживая легкомысленныхъ отъ излишней от-

кровенности, которая, переходя извѣстныя границы, является уже преступленіемъ противъ государства, подлежащимъ отвѣтственности по закону».

Малое знакомство съ нѣмецкимъ шпіонствомъ кладетъ свой отпечатокъ на мѣропріятія властей касательно правъ непріятельскихъ подданныхъ проживать въ той или иной мѣстности.

Сколько разъ отдавались распоряженія, напоминанія, повторенія и подтвержденія о высылкѣ непріятельскихъ подданныхъ, хотя бы, изъ Петрограда, а нѣмцы все же остаются въ запретныхъ для нихъ мѣстахъ, не боясь угрозы штрафомъ или тюрьмою. Неужели же ни у кого не возникаетъ вопроса, почему это такъ? Разгадать же шараду не трудно, даже на основаніи лишь тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаетъ печать.

Нѣмцы многократно были изобличаемы въ собираніи свѣдѣній, касающихся дѣйствій нашихъ армій, т. е. свѣдѣній, представляющихъ большую цѣнность для непріятеля. Замѣчались сердобольныя нѣмки, чуть ли не ежедневно ко времени прибытія поѣздовъ являвшіяся на станцію, разспрашивая раненыхъ о его части, о понесенныхъ полкомъ потеряхъ, о дѣлѣ, въ которомъ разспрашиваемый пострадалъ и т. д. Разспрашивали и записывали, такъ себѣ, на память.

Еще болѣе нѣмцевъ было задержано за распространеніе ложныхъ слуховъ, возбуждающихъ общественное спокойствіе, или за публичное восхваленіе непріятельскаго оружія.

Подъ давленіемъ всей совокупности фактовъ, невольно напрашивается вопросъ: что это—случайное стеченіе обстоятельствъ, или проявленіе одной воли, одной цѣли, т. е. одной системы?

Пусть насъ обвиняютъ вновь, какъ обвиняли нѣкогда, въ шпіономаніи, но мы считаемъ упорное нежеланіе нѣмцевъ выѣхать изъ мѣстъ арміей занимаемыхъ, собираніе свѣдѣній военнаго характера, распусканіе тревожныхъ слуховъ, пропаганду въ пользу скорѣйшаго заключенія мира, все это считаемъ типичнымъ нѣмецкимъ шпіонствомъ, а лицъ, изобличенныхъ въ указанныхъ дѣйствіяхъ — непріятельскими

шпіонами, подлежащими наказанію по ст. 271 воинск. уст. о нак.

Мы отказываемся считать систематически повторяющіяся однообразныя дѣйствія нѣмцевъ простымъ случайнымъ совпаденіемъ. Нѣтъ, это не случай, это—система; это—плоды той работы мирнаго времени, на которую нѣмецкіе штабы тратили много денегъ и труда; это заговорили «потенціальные» шпіоны; это введены въ дѣйствіе скрытые шпіонскіе кадры, о существованіи которыхъ мы писали какъ въ общей, такъ и въ военной прессѣ.

Раціонально ли при такихъ условіяхъ карать шпіоновъ штрафами или кратковременными тюремными заключеніями? По нашему глубому убѣжденію—не раціонально и мы ни минуты не сомнѣваемся, что въ Германіи, при подобныхъ же попыткахъ со стороны русскихъ, были бы примѣнены наказанія по всей строгости законовъ военнаго времени. Въ Германіи съ русскими поступали проще: вывѣшивалось приказаніе военныхъ властей всѣмъ русскимъ выѣхать изъ даннаго пункта къ опредѣленному часу, а кто не выѣдетъ—«wird als Spion behandelt»[1]).

Та же точка зрѣнія на упорствующихъ нѣмцевъ, которую изложили мы выше, проводится комендантомъ кронштадтской крѣпости въ приказѣ 12 сентября 1914 г. за № 70. По словамъ коменданта, германскіе и австрійскіе подданные, заручившись какою-либо «протекціей», стараются остаться на мѣстахъ не только изъ разсчета, а «иногда прямо въ цѣляхъ шпіонства».

Мы, русскіе, не склонны къ жестокости, быть можетъ, поэтому-то многіе законы военнаго времени остаются мертворожденными, но для борьбы съ отмѣченными нами проявленіями нѣмецкаго шпіонства военныя власти имѣютъ сильное оружіе, въ видѣ ст. 90 воинск. уст. о нак., дающей возможность обложить тяжелымъ наказаніемъ тѣ поступки нѣмцевъ, на которые штрафы и тюрьма не оказываютъ дѣйствія.

[1]) См. г. Карабчевскій, „Курортный плѣнъ“. („Нов. Вр.“ 16 дек. 1914 года).

Излагая нашъ трудъ, мы руководились желаніемъ оказать хотя бы маленькую пользу нашей доблестной арміи и русскому обществу

Знакомство съ задачами и пріемами нѣмецкаго шпіонажа дастъ возможность сознательнаго отношенія къ подпольной работѣ эмиссаровъ германскаго императора, послѣдствіемъ чего неминуемо будетъ сокращеніе случаевъ эксплоатаціи русской доброты и русской довѣрчивости.

Обстоятельства войны обязываютъ каждаго остерегаться возможности невольнаго нарушенія военнаго секрета и скрытности, а со стороны чиновъ арміи подобная неосторожность граничитъ съ преступленіемъ. Вступая въ борьбу съ врагомъ, мы должны знать его качества, знать, что шпіонство является національной чертой нѣмцевъ.

Тильзитская ярмарка 30 августа 1914 года, казалось бы, должна научить насъ обращенію съ «мирнымъ» германскимъ населеніемъ. Однако и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ голосъ сердца у насъ беретъ верхъ надъ голосомъ разсудка, за что неминуемо приходится платить напрасными жертвами.

Вотъ, напримѣръ, по словамъ г. Петрова, какъ шпіонили германцы передъ постигшей 10-ю армію неудачей въ Пруссіи.

«Тревожные штришки стали замѣчаться и въ Лыкѣ. Какъ ни начисто въ началѣ занятія нами Лыка было выметено мѣстное населеніе,—къ половинѣ января, пользуясь нашимъ россійскимъ добродушіемъ, въ Лыкъ начали просачиваться подозрительные нѣмцы: здоровеннѣйшіе паралитики съ волочащеюся ногою, дряхлыя старухи съ больными дѣтьми, просившія у русскихъ докторовъ помощи. «Паралитикъ» съ волочившеюся ногою и съ видомъ хорошаго нѣмецкаго фельдфебеля дня три стоялъ съ утра до вечера на углу Главной и Вокзальной улицъ. Наконецъ, его «стояніе» замѣтили и забрали. Но онъ за время «стоянія»-то высмотрѣлъ довольно. А тутъ по ночамъ въ пустыхъ домахъ «заиграли» духи. Три сестры поздно, за полночь, шли съ работы съ вокзала и во тьмѣ въ пустомъ домѣ замѣтили яркое миганіе огней. Перешли на другую сторону улицы,—видятъ: въ окнѣ вспыхиваютъ,

потухаютъ и вновь загораются три яркія цвѣтныя точки. Несомнѣнные сигналы куда-то за городъ. Сами сестры, понятно, не рѣшились войти въ таинственный домъ, а когда дошли до своихъ и разсказали, то пришедшіе сюда уже ничего не нашли въ домѣ. Всѣ квартиры были пусты.

Въ четырехъ верстахъ позади Лыка, въ нашемъ тылу, — селеніе Кляузенъ. Здѣсь стоялъ нашъ штабъ, и по обыкновенію, — какъ это было, къ сожалѣнію, и при второмъ нашемъ вторженіи въ Пруссію, — сельское населеніе Кляузена было оставлено на мѣстѣ. Поэтому вся боевая жизнь, питаніе и слѣды ея проходили у кляузенцевъ на виду. Какія проходили войска, и сколько ихъ; число орудій и зарядныхъ ящиковъ; лазаретныя повозки съ ранеными. Все это проходило на глазахъ кляузенцевъ и, конечно, становилось извѣстнымъ нѣмецкому штабу. Невѣдомыми намъ путями, но мѣстное прусское населеніе имѣло точныя свѣдѣнія даже о планахъ нѣмецкихъ войскъ» [1]).

Мы закончили нашъ трудъ, изложивъ съ возможной объективностью, что знали, о чемъ думали и противъ чего боролись въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ въ качествѣ лица военнаго прокурорскаго надзора. Собранные нами факты, будемъ надѣяться, послужатъ на пользу всѣмъ лицамъ, считавшимъ разсказы о нѣмецкихъ шпіонахъ опасными легендами. Это изслѣдованіе, быть можетъ, принесетъ и практическую пользу, научивъ доблестныхъ представителей нашей геройской арміи осторожности и осмотрительности, если, конечно, нашъ голосъ будетъ услышанъ. Надо привыкать къ мысли, что мы не знали психологіи нѣмецкаго народа, оцѣнивая ее съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, тогда какъ современный нѣмецъ—нравственный дикарь, прикрывающій свою душевную наготу всего лишь блескомъ крупповской цивилизаціи.

Пусть помнитъ русское общество, что отъ нѣмца всего можно ожидать, кромѣ искренности, честности и благородства.

---

[1]) См. „Русс. Слово“ 18 февраля 1905 г.

БИБЛІОТЕКА ИМЭЛ при ЦК КПСС

Книги А. С. Резанова:

Нѣмецкія звѣрства. Изд. 2-е, дополненное. Составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по официальнымъ документамъ. Ц. 1 р. 50 к.

Нѣмецкія звѣрства. Дополненія, вошедшія во второе изданіе, отдѣльной книгой. Ц. 1 р.

Солдатская памятка о нѣмецкихъ звѣрствахъ. Изд. 5-е. Ц. 25 к.

Армія и толпа. Опытъ военной психологіи въ связи съ психологіей толпы. Сообщеніе, сдѣланное въ собраніи офицеровъ генеральнаго штаба Варшавскаго военнаго округа, 1910 г. Ц. 75 к.

Законъ 5 іюля 1912 года о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства. Съ постатейными разъясненіями, вступительной статьей и приложеніемъ иностранныхъ законовъ о шпіонствѣ. Ц. 85 к.

Печатается и скоро поступитъ въ продажу:

A. S. Rézanoff. Les Atrocités allemandes du côté russe. Traduit par René Marchand. Prix 3 francs. (Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу жителей областей, пострадавшихъ отъ нѣмецкихъ звѣрствъ).

Продаются во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ. Складъ всѣхъ изданій у автора (Широкая, 7).